

63.52(2Рос-6X)

Б-93

В.Я. Бутанаев

Бурханиза тюркөв Саяно-Алтая

Алматы, 2003

Алматы, 2003

Абакан

2003

В.Я. БУТАНАЕВ

БУРХАНИЗМ ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ

ГУК РХ "Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова"

**АБАКАН
2003**

ББК 63.5
Б 93

Эта книга издана на средства первой международной премии Тюркской, присвоенной профессору В.Я. Бутанасеву в 2002 году за значительный вклад в дело изучения историко-культурного наследия Тюркского мира.

Ответственный редактор: И.Н. Гемуев, доктор исторических наук.

Рецензенты: Ю.С. Худяков, доктор исторических наук, профессор;
В.Ф. Буров, кандидат философских наук, доцент.

Бутанасев, Виктор Яковлевич

Б 93 Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2003. – 260 с. Илл.

Работа посвящена изучению основ национальной формы религии тюрков Саяно-Алтая – бурханизма, начиная от его истоков и заканчивая описанием главных культов. Данный труд создан на основе полевых материалов, собранных автором в течение тридцати пяти лет. В книге впервые вводятся в научный оборот оригинальные тексты бурханистских молитв. Основное внимание уделяется Хакасско-Минусинскому краю, носившему до присоединения к России историческое имя «Хонгорай». Книга рассчитана на тюркологов, этнографов, религиоведов, а также на широкий круг читателей.

ISBN 5-7810-0226-X

©Бутанасев В.Я., автор, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛ. 1. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ БУРХАНИЗМА	9
1.1. Бурханизм и древние религии Центральной Азии	9
1.2. История христианизации Хонгорая	15
1.3. Особенности Белой веры	23
ГЛ. 2. ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В МИФОЛОГИИ БУРХАНИЗМА	29
2.1. Земля и вода	29
2.2. Астральный мир и атмосферные явления	44
2.3. Живой мир	55
2.4. Представления о человеке и его душе	77
2.5. Мир невидимой нечисти, окружающей человека	92
ГЛ.3. ОСНОВЫ БУРХАНИСТСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ	101
3.1. Мироздание и пантеон божеств	101
3.2. Сотворение земли и человека	109
3.3. «Конец света» и мессианские чаяния	114
3.4. Хонгорский фетишизм	118
3.5. Священный скот – «ызых»	136
ГЛ.4. СЛУЖИТЕЛИ БУРХАНИЗМА И ИХ ФУНКЦИИ	149
4.1. Алгысчылы и их атрибуты	149
4.2. Культовые сооружения	154
4.3. Бурханистские заповеди	156
ГЛ.5. БУРХАНИСТСКИЕ КУЛЬТЫ	161
5.1. Небесное жертвоприношение	161
5.2. Культ огня	170
5.3. Культ богини Умай	178
5.4. Жертвоприношение водной стихии	187
5.5. Культ каменных изваяний	192
5.6. Почитание березы и фаллический культ	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	205
ПРИЛОЖЕНИЯ	207
I. ТЕКСТЫ МОЛИТВ	207
II. ПРИМЕЧАНИЯ	248

Черноголовому народу Хонгорая посвящая

ВВЕДЕНИЕ

Саяно-Алтайский регион представляет особую историко-культурную область, связанную на протяжении тысячелетий с Центрально-Азиатским очагом кочевой цивилизации. В настоящее время сюда входят три республики: Тува, Алтай и Хакасия, а также Кемеровская область с Шорией и юг Красноярского края. До присоединения к России в 1727 г. Минусинская котловина (частью которой является территория Хакасии) в русских документах называлась «Кыргызской землей», а на языках коренных жителей носила историческое имя «Хонгорай» (Хоорай).

Народы, проживающие в долинах Верхнего Енисея и Оби, начиная с гуннской эпохи и заканчивая Российским временем, находились в центре исторических событий, порожденных кочевыми империями Евразии. В IX-XII вв. н.э. вся территория Саяно-Алтая входила в состав Кыргызского государства, сыгравшего заметную роль в канонизации некоторых общих культов и даже пантеона божеств (например, Кыргыз-хан), вошедших в систему верований бурханизма.

Наше исследование в основном посвящено духовному миру Хонгорая – исторической родине енисейских кыргызов, внесших значительный вклад в историко-культурное наследие тюрков Саяно-Алтая. Прямыми наследниками кыргызской культуры стали современные хакасы (историческое самоназвание «хоорай»), завершение формирования которых произошло в XIX в. В 1911 г. известный исследователь А.В. Адрианов отметил: «В один народ связывают их и общие черты быта, костюм и, наконец, старая шаманская вера, уживающаяся наряду с навязанной им православной верой».¹

Бурханистская вера возникла в 1903-1904 гг. среди алтайцев и хакасов в связи с развитием у них национально-освободительного движения. «Бурханизм, – как отмечал Л.П. Мамет (Ойротия. Горно-Алтайск, 1994), – представляет собой сплетение различных идеологических влияний – ламаизма, христианства, шаманизма и национального эпоса алтайцев и политически был направлен против колониаторской политики царизма». Бурханизм явился протестом против русификаторской политики православия, стоявшего на стороне царского режима, и против разорительных культов шаманизма, державших общество на уровне родового строя. Основная идея бурханистских проповедей заключалась в мессианских чаяниях пришествия легендарного Ойрот-хана (Хоорай-хана), который должен возродить политическую независимость Саяно-Алтая.

Впервые наличие особой национальной формы религии у хакасов сумел отметить в 1903 г. исследователь обычного права юрист Д.Е. Лаппо. Он писал: «Всматриваясь ближе в жизнь степняков, нетрудно заметить, наряду с христианством и идолопоклонством шаманизма, существование у них третьего культа: единому Богу, Худаю: Ему приносятся ежегодные жертвы, Ему возносятся безмолвные моления». ² Былой авторитет шаманов пал и их стали считать за несчастное отродье. «В старину шаманичкам хорошо жилось, — говорили хакасы Д.Е. Лаппо, — ... Они были сильны, а нынешние шаманы слабы, и им не верят». Далее автор в недоумении рассуждал: «Трудно, конечно, сказать, откуда позаимствована качинцами [т.е. хакасами — В.Б.] вера в личного Бога, Худая: навейна ли она одной из религий, вытеснивших шаманизм, или же она явилась дальнейшей стадией эволюции шаманизма, развившись из поклонения Небу и духу Неба, Хан-Худаю». ³

Исследователи этнографии тюрков Саяно-Алтая и, в том числе, православные священники, в XVIII-XIX вв. не отличали шаманизм от новой нарождающейся религии. Например, князь Н. Костров относил поклонение Худаю к религии «камларского толка». Интересно отметить, что сами хакасы во время наших полевых сборов и шаманов, и служителей бурханизма называли иногда общим именем «хамлар» — т.е. шаманы, камы.

Впервые термин «бурханизм» появился в отчетах православных миссионеров в 1905 г., после известных событий в долине Теренг на Алтае. Наименование новой религии в русском языке произошло из названия «бурхан», которым алтайцы стали величать главное божество, и хакасы священников служителей своей веры. Термин «бурхан» в мифологиях тюрко-монгольских народов служил обозначением бога вообще, а также Будды. Сами же бурханисты называли свое учение «ак дьянз» (алтайцы) или «Ах-Чаян» (хакасы), что значило «Белая вера».

Данная книга создана на основе полевых материалов, собранных автором среди тюрков Саяно-Алтая в течение более тридцати лет. Наши записи были сделаны со слов людей, лично участвовавших в бурханистских молениях, которые, благодаря своей феноменальной памяти, сохраняли для потомков тексты молитв.

Кроме того, мы широко использовали тексты хакасских и тувинских памятников фольклора, изданных в 1907 г. известным тюркологом Н.Ф. Катановым⁴. Сын сагайских степей Хонгорая — Н.Ф. Катанов, рожденный во второй половине XIX в., сумел на поприще тюркологической науки подняться на пьедестал почета наряду с самыми выдающимися востоковедами России. Он стал первым профессором среди сибирских народов, а также первым нерусским преподавателем в Казанском университете. «Образцы литературы тюркских племен» Н.Ф. Катанова являются по существу единственным научно обработанным и переведенным на русский язык

собранием шаманских и бурханистских текстов, которому до сих пор нет равных среди книг собирателей национального фольклора. Впервые ученый мир узнал о языке и культуре «загадочных сойотов». Появились реальные сведения о потомках некогда суровых енисейских кыргызов. К большому сожалению, Н.Ф. Катанов мало уделил внимания своему родному этносу (25 статей из 181 печатной работы). Вполне возможно, что он поднял бы на щит незаслуженно забытое историческое имя «Хонгорай» (Хоорай). Например, во время своего путешествия по Туве и Монголии он «рекомендовался татаринном из Хоорая, т.е. города Минусинска, изучающим сойотский язык». ⁶ Надо отметить, что как это ни странно, но народная молва приписывает Н.Ф. Катанову факт переименования этнонима «хоорай» на имя «тадар», т.е. татар в связи с тем, что он работал в Татарстане.

Долгое время для нас оставался загадкой вопрос: почему Н.Ф. Катанов не посвятил свою жизнь исследованию языка и культуры родного Хонгорая, и основной труд связал с «Опытом исследования урянхайского языка». Ключ к разгадке принесли малоизвестная рукопись «Очерки Урянхайского края», где Н.Ф. Катанов пишет, что «сойоты — единоплеменники Минусинских татар, пришедшие на территорию Тувы со стороны Минусинска» ⁷. Отсюда становится ясной позиция исследователя, считавшего и Хонгорай, и Урянхай подразделениями единого Саяно-Алтайского региона.

Первый хакасский этнограф С.Д. Мойнагашев в «Отчете по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 г. уделил особое внимание Небесным жертвоприношениям (Тигір тайи) хонгорцев. «Шаманы на этих жертвоприношениях не участвуют, — писал С.Д. Мойнагашев, — и по своему смыслу «Тигір тайи» мало согласуется с обычными шаманистическими представлениями». Далее он отмечал: «Тигір тайи» из разряда шаманских жертвоприношений. На наблюдаемом мною «Тигір тайи» качинец, который за всех присутствующих возносил молитвы, говорил, что он шаманов не уважает, и это они молятся «Худая» (Богу) и ему приносят жертву».

Историография вопроса насчитывает незначительное число литературы, которое не выходит за пределы рамок Горного Алтая, где в начале XX в. ярко проявилось национально-религиозное движение бурханизма. Хонгорай был обойден вниманием. В научных публикациях А.В. Анохина «Материалы по шаманству алтайцев» и «Бурханизм в Западном Алтае» ⁸ раскрываются причины, вызвавшие бурханизм, показаны отличия, возникшие в мировоззрении шаманистов и бурханистов.

Следует особо отметить работу А.Г. Данилина «Бурханизм», которая в качестве кандидатской диссертации была им защищена в 1940 г. в Ленинграде. К сожалению, его книга увидела свет только в 1993 г. ⁹ Значительное место в своем исследовании автор отводит национально-освободительному движению, возникшему под влиянием бурханизма.

Для нас в большей степени представляют интерес основы вероисповеданий новой религии, выделенные А.Г. Данилиным в отдельную главу. Автор верно отметил, что в расчете «на массовое распространение, в «белую веру» были включены многие элементы шаманизма, т.к. сила шаманских представлений среди алтайцев была еще весьма велика. В бурханизм из «черной» веры перешли некоторые шаманские духи (добрый Улген, духи-посредники, дух огня и др.), были целиком пересажены некоторые ритуалы, а в текстах молений причудливо сочетались элементы старой и новой веры». В качестве дополнения к работе А.Г. Данилина и прекрасными новыми источниками являются два сборника «Бурханизм. Документы и материалы», изданные в Горно-Алтайске в 1994 г.¹⁰

Считаю нелишним назвать книгу патриарха саяно-алтайской этнографии проф. Л.П. Потапова «Алтайский шаманизм», где он выделил особую роль культа Неба в Хонгорае. «В наиболее ярком и непосредственном виде культ Неба сохранился у качинцев, бельтыров и некоторых других групп, именуемых ныне обобщенно хакасами, – констатирует Л.П. Потапов. Моление проходило без участия шамана... Его вел выбранный старик, знающий алгыс, т.е. слова молитвенных обращений к Небу, именуемый алгысчан кизи. Он был в суконной одежде и высокой женской шапке»¹¹. Как видим, шаманских следов в Небесном молении хакасов не наблюдалось. Вместе с тем вряд ли соответствует действительности его утверждение, что ближайшие «предки современных хакасов ламаизма вообще не знали, а христианство начало насаждаться здесь еще позднее, чем у алтайцев (со второй половины XIX в.)». В своей книге Л.П. Потапов затрагивает вопрос о «белом шаманизме», не отделяя его от религии родового строя. Известный исследователь Д.К. Зеленин полагал, что «белое шаманство» появилось в феодальном обществе в связи с попыткой правящего класса создать собственную религию. В последнее время этнографы вынуждены признать, что функции «белого шамана» у тюрко-монгольских народов сливаются с культовыми действиями буддийских лам. На наш взгляд «белый шаманизм», как и «тенгрианство», по существу можно отождествить с Белой верой.

Среди новых работ, посвященных проблемам бурханизма, особенно необходимо выделить исследования безвременно ушедшего из жизни талантливого этнографа А.М. Сагалаева.¹² Одним из первых он определил единое этноконфессиональное поле тюрков Саяно-Алтая. «Их предки «варились» в одном гигантском котле, – писал А.М. Сагалаев, – на стыке степей и пустынь Центральной Азии и пояса гор Южной Сибири. Одни и те же роды вошли позднее (много позднее!) в состав хакасов, алтайцев, тувинцев. Быть может, родственник компонент составляет у этих народов до одной трети». Заслуга указанного ученого заключается еще и в том, что он ввел в научный оборот малоизвестные источники XVIII-XIX вв., касающиеся религиозных верований тюрков Саяно-Алтая.

Скромную лепту в дело изучения бурханизма Хонгорая внес и автор данного труда.¹³ Нами было издано несколько статей, а также разработаны основы вероучения религиозного общества «Ах-Чаян», что позволило российским религиоведам сделать следующее заключение о бурханизме в Хакасии: «Это движение одного харизматического лидера – общественного деятеля, этнографа, профессора Абаканского университета Виктора Батанаева. Батанаев и его пока что немногочисленные последователи отрицательно относятся к шаманизму, считают его низкой, примитивной формой религиозной жизни. Батанаев утверждает, что шаманизм в религиозных представлениях хакасов накладывается на более развитую национальную монотеистическую религию, больше всего имеющую общего с алтайским бурханизмом и древнетюркским тенгрианством. Батанаев называет эту религию «хакасским бурханизмом».¹⁴

Несмотря на наше отрицательное отношение к шаманизму, в силу его тысячелетнего существования он заслуживает особого внимания, и одно из следующих наших исследований будет посвящено хакасскому шаманизму. В неравной борьбе наступает на бурханизм русское православие. В качестве примера можно привести похороны моего друга детства В. Дорина, произошедшие 18 августа 2001 года. Родители решили отпеть сына по-христиански в Абаканской церкви. Интересно отметить, что хакасский термин «умзут» – отпевать покойника, имеет монгольское происхождение, где слово «унзад» обозначает запевалу при буддийском богослужении. По всей видимости, хакасы не сделали различий между пением буддийских монахов и службой православных священников.

После обряда отпевания, когда была заколочена крышка гроба, молодой священник, совершавший службу, вдруг заявил пребывающим в печали хакасам: «Я знаю, что вы при захоронении открываете гроб и сжигаете пищу. Не вздумайте на кладбище совершать свои языческие обряды!» Однако оскорбленный народ наперекор всему совершил свои ритуалы, хотя крышку гроба не отважились трогать. Среди православных священников, как видим, наблюдаются отдельные рецидивы насильственного насаждения христианства тюркам Саяно-Алтая.

В завершающей части хочу выразить благодарность всем, кто принял участие в подготовке к изданию данной книги. В первую очередь необходимо назвать моих прекрасных информаторов – Обдо Кулагашеву, Харатая Толстухина, Майру Тугужекову, Када Казичинову, Пилен Чебодаева и других. Отдельно приношу свои теплые слова Хакасскому республиканскому краеведческому музею, предоставившему нам материалы фондов (см. иллюстрации), и фотографу республиканской газеты «Хакас чирі», заслуженному работнику культуры Республики Хакасия – М. Тутаркову.

Гл. 1. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ БУРХАНИЗМА

1.1. Бурханизм и древние религии Центральной Азии

До начала XX в. наличие среди хакасов и алтайцев особой формы религии, помимо шаманизма, ни один из исследователей не сумел зафиксировать. Все путешественники, чиновники и даже православные священники были уверены, что коренные жители Хонгорая являлись «шаманствующими идолопоклонниками».

В 1743 г. участник академической экспедиции в Сибирь И. Гмелин отмечал: «Они не знакомы с какой-либо религией и, таким образом, они [т.е. тюрки Саяно-Алтая – В.Б.] являются самыми настоящими язычниками, каких только можно найти. Ни одному мусульманину не удалось обратиться в свою веру хотя бы одного из них, ни один монгол не смог заставить полюбить изображение Будды. К сожалению, и христианство не нашло к ним подхода...»¹. Вместе с тем, несмотря на столь категоричное заявление, И. Гмелин косвенно отметил у хонгорцев наличие какой-то особой веры: «Татары же, указывая на могилы предков, говорят, что благодаря раскопкам погребений все знают, какими благочестивыми людьми были их пращурсы, и что они достигли этого благодаря той вере, которую привили им с древних времен. Теперь они придерживаются старых традиций и обычаев не так строго, что и повлекло за собой их упадок, и приведет к еще большему упадку, если они примут другую веру»². По всей видимости, хонгорцы имели в виду истоки своей национальной формы религии «Ах-Чаян».

В XIX в. чиновники Минусинского округа докладывали правительству: «Лам среди здешних инородцев не имеется. А есть... шаманы и шаманки, которые в приличной для сего одежде и с бубном в руках (но только, разумеется, не без своих выгод), при природных гимнастических движениях, давая заметить, что они имеют связь с невидимыми силами, лечат больных и сопровождают похороны, передавая инородцам будущность, что они по необразованности своей и не отвергают».³

Впервые, как уже упоминалось, наличие своей веры в единого бога – Ах-Худая у хакасов зафиксировал Д. Лаппо. В своей работе «Троеверы», изданной в 1905 г., он отмечал, что хонгорцы «строго различают веру и культ Худая – Единому Богу, от шаманского культа. Кам, шаман не может даже присутствовать при жертвоприношении Худая».⁴ Сами хакасы утверждали, что они «никогда не смешивают этого служения высшему Богу, Худая, с камланиями; все они в один голос говорят, что

это моление – не шаманство; эта жертва не имеет ничего общего с шаманством, что это есть их старая вера, когда они еще не знали Христа»⁵. Алтайские бурханисты также утверждали, «что вера, которую они теперь исповедуют, не новая, а прежняя старая вера, которая была когда-то при царствовании Ойрот-хана».⁶

Исходя из этих данных, можно предположить о более раннем зарождении бурханизма на Саяно-Алтае, истоки коего, несомненно, восходят ко временам Кыргызского государства. Енисейские кыргызы были самым северным народом Азии, входившим в зону средневековой культурной ойкумены. Согласно представлениям арабских географов, за пределами страны кыргызов находились земли мифических народов Гог и Магог. Иногда в арабо-персидской средневековой литературе область «хирхиз» являлась синонимом крайне удаленных пределов земли. Например, в мифической географии поэмы Низами Гянджеви «Искандер-наме» страна Хирхиз лежит за пределами культурного мира. И подвиг Искандера, устремившегося на Север, как считает востоковед А. Юрченко, заключается в раздвижении недоступных горизонтов. Попытка Л.Р.Кызласова увидеть в описании пути Искандера указание на реальный маршрут из Китая на Енисей не выдерживает никакой критики и вызывает недоумение. Относительно «страны справедливых» в поэме подчеркивается, что она недоступна, и путь туда неизвестен. К кыргызам она не имеет никакого отношения.

Вместе с тем в арабо-персидских источниках имеются интересные данные о кыргызах и об их религиозных верованиях. Арабский писатель XIII в. Закарийа ал-Казвини излагал в своем труде следующие сведения: «Страна Хирхизов. ...Они пользуются соразмерной речью в своих молитвах, а молятся, повернувшись лицом на юг. В году у них три праздника, во время которых они развешивают хоругви зеленого цвета. Хирхизы поклоняются Сатурну и Венере, а появление Марса считают дурным предзнаменованием. ...У них есть религиозные храмы и они знают письменность. Во всех делах поступают сообразно своим представлениям. Никогда не гасят светильники, и они горят до тех пор, пока сами не погаснут»⁷.

Согласно приведенным сведениям, религию кыргызов можно отождествить с зороастризмом, вероятно, заимствованным через культурное общение с Ираном. Общими культами являются поклонение огню и божественным планетам Сатурну, Венере, Марсу; почитание Солнца и солнечной стороны (юг); обожествление хоругви зеленого цвета – эзотерического цвета Ахура-Мазды, как символа военной организации зороастрийцев и кыргызов. Также можно учесть наличие общего наименования для Небесного Творца – «Ормазд» и «Хормусту» (Жормес хан).⁸ Надо отметить, что в кыргызских памятниках письменности, например, на стеле

с Алтын-кёля, воздается хвала божеству Зервану, т.е. Сатурну. Кроме того, в языках тюрков Саяно-Алтая применяется термин «азар» для обозначения небожителей, класса демонических существ, отдаленно напоминающих имя Зерван, произносимое по-древнетюркски «Азруа». Почитаемая в Хонгорас великая гора Борус (Пургус) совпадает по своему звучанию с именем мировой горы Харбурз (Эльбурс) у зороастрийцев. Имеются и другие примеры религиозной общности зороастризма с бурханизмом.

Согласно учению Заратустры, в природе господствует дуализм двух основ – доброй и злой, борьба которых и составляет содержание существования мира. Эти два начала бытуют от века. Силы Правды и Добра возглавляет Ахура-Мазда (Ормазд), силы Зла и Лжи – Ахриман. Основную силу в войске Ахримана составляют дэвы или дайва, кровожадные приверженцы Лжи. Неспроста ложь по-хакасски до сих пор носит название «тайма». Исходя из смысла и близкого звучания слов (дайва – тайма), можно догадаться о зороастрийских истоках морали в хакасской культуре. Ахриман создал на земле горы, сотворил холод, сделал хищных животных. К дэвам Ахримана относятся пэри, которые вредят воде, земле, огню, скоту и растениям, заколдовывают звезды, отчего прекращаются дожди, и сами в виде падающих звезд нарушают порядок в небе. Заратустра загнал под землю всех дэвов, включая Ахримана. Область жизни людей находится в среднем мире между темным царством дэвов и царством Ормазда, в месте смещения света и тьмы, Добра и Зла. Согласно зороастрийскому учению, главной целью рождения и жизни человека является помощь Ахура – Мазде в его борьбе с Ахриманом. Безбрачие считается тяжелым грехом, ибо человек обязан пополнять войско Ахура-Мазды. Почетное место в зороастризме занимает собака, охраняющая человека и его скот. Необходимой культовой принадлежностью жрецов являлся барсман – жезл в виде пучка ветвей (в строго определенном количестве). Сведения, приведенные нами из учения Заратустры, полностью совпадают с канонами бурханизма, где в вечной борьбе пребывают силы Добра – Ах-Худай и силы Зла – Ирлик-хан, с его армией нечисти.

Большую роль в становлении бурханизма Саяно-Алтая сыграл также буддизм, проникновение которого в Хонгорай началось задолго до монгольской эпохи. Распространению буддизма могли способствовать представители кыргызской знати, обучавшиеся в Китае или в Тибете. На стенах Золотого озера из долины Абакана имеются упоминания о кыргызском посольстве VIII в. в Тибет (Түпүт кан). В страну енисейских кыргызов экспортировалась буддийская атрибутика. Замечательная алтарная группа, отлитая из бронзы и покрытая позолотой, была найдена около с. Батени на территории Республики Хакасия. «Ее составляют пять фи-

гур, установленных на подставке: Будда, бодисатвы и лев. По качеству исполнения алтарь из Батеней представляет собой образцовое произведение буддийского искусства IV–VI вв. В нем еще сохранились высокие мотивы Гандхары, хотя сделан он в Китае, о чем свидетельствует китайская надпись: «Генерал Ши сделал это для своего усопшего брата». Однако, прежде, чем попасть на Енисей, алтарная группа достаточно пропутешествовала. На это указывает наличие на подставке вырезанной позднее уйгурской строки. Нужно думать, что на Енисей алтарная группа попала в качестве трофея после одного из походов кыргызов на уйгур в IX в.»⁹ В окрестностях с. Листвягово (по-хакасски Минзее), стоявшего на устье реки Туба, был найден железный портативный алтарь с четырьмя чашечками – светильниками по углам. Этот буддийский алтарь ныне хранится в Минусинском музее.¹⁰

В тюрвентике кыргызского искусства IX–X вв., как считает исследователь Н. Леонтьев, достаточно явственно выявляются сюжеты буддийского происхождения, многие из которых подверглись местной переработке. Одним из самых распространенных сюжетов буддийской иконографии, заимствованных кыргызами, являлось изображение драгоценного камня «чандмань», лежащего на цветке лотоса в ореоле пламени. «Лотос в буддийском искусстве знаменует чистоту, святость и божественное происхождение помещенных на него существ и атрибутов».¹¹

В орнаменте хакасов, особенно на вышивке спинок национальных шуб, распространены аппликации «пыраат» в виде трехрогих корон, над которыми вышивались пять лепестков, напоминающих изображение лотоса, т.е. буддийского символа. Вероятно, под словом «пыраат» подразумевали лотос или буддийский символ.

После образования Монгольской империи Юань, где енисейские кыргызы составили отдельный тумен, велением Хубилай хана буддизм был провозглашен государственной религией. В дальнейшем среди тюрков Саяно-Алтая буддизм получил статус официальной религии только в Туве.

В XVII в., когда Хонгорай составлял политический союз то с Алгын-ханами, то с Джунгарией, сюда неоднократно навевывались тибетские ламы. Например, в 1633 г. «тангутской земли лама» по имени Даин Мерген Ланза, выполняя задание Алтын-хана, прибыл в Хонгорай. В дальнейшем он настоятельно просил Алтын-хана пожаловать его, «богомольца своего», Кыргызскую землю.¹² Во времена правления князя Еренака и его преемника Шорло Мергена в Хонгорай зачастили «калмыцкие ламы», приезжавшие из урги Джунгарского хана. На Шалоболинской писанице в долине реки Туба имеется текст договора на монгольском языке, заключенный буддийским ламой и кыргызским князем по поруче-

нию знаменитого Галдан Бошохту-хана.¹³ По всей видимости, хонгорские князья взяли ориентацию на принятие буддизма в Хонгорае. Один из князей даже носил имя «Номчы», т.е. знаток священного писания. В Монголии титул «номчы» присваивался правителям за их религиозную деятельность. Кроме того, проповедь, называемая по-хакасски «нымыл», восходит к монгольскому слову «ном» – религиозное учение.

К XVII в., вероятно, относятся постройки первых буддийских храмов, кумирен и субурганов. Один из субурганов находился в верховьях р. Уйбат по р. Кискач. В 1980 г. при расчистке территории дойного гурта в Медвежьем логу по р. Кискач бульдозером был срезан небольшой холм, где были обнаружены две статуэтки с маленькими чашечками.¹⁴

В 150 м. к северу от фундамента этого субургана обнаружена скала-молешня с вырубленной нишей, где были нанесены буддийские знаки-символы. До сих пор окружающая местность у хакасов носит название «суурган», т.е. субурган.

Несколько статуэток Будды найдено у с. Городок по реке Туба, где в середине XVII в. Лоузан Алтын-хан построил свой городок. Вероятно, здесь также находилась буддийская кумирня.

На территории Минусинской котловины найдено более 30 буддийских статуэток, большинство из которых хранится в Минусинском краеведческом музее.¹⁵ Они отлиты из бронзы или вырезаны из мрамора. Большая часть буддийских статуэток изготовлена ранее XVIII в. и происходит из Тибета. Все эти факты свидетельствуют о проникновении буддизма в Хакасию в монгольскую эпоху. Буддизм, несомненно, сыграл свою роль в формировании бурханизма среди хакасов.

После присоединения Хонгорая к России на дальнейшее развитие национальной религии Ах-Чаян повлияло христианство с его идеей о едином боге. Хакасы единодушно утверждали, что они «в старину не знали Христа и кресту не молились».¹⁶ Однако единобожие не могло сформироваться под влиянием буддизма и, тем более, шаманизма с их многочисленным пантеоном божеств. Как ни парадоксально, но именно христианизация хакасов в XVIII-XIX вв. и, возможно, идеология древнего зороастризма сыграли свою роль при сложении вероучения Ах-Чаян, где стала господствовать мысль о едином боге – Ах-Худас.

К началу XX в. сложилась общая система бурханистских культов с их служителями-алгысчылами. Вместе с тем, шаманизм, несмотря на гонение со стороны как православной церкви, так и сторонников Ах-Чаяна, не сдал своих позиций в хакасском обществе. В этом заключалась особенность бурханизма Хакасии, по сравнению с воинствующим антишаманским движением в Горном Алтае.

Шаманы считались избранниками духов, называемых «тёс» (букв. основа, сущность). Тёси представлялись невидимыми вечными существами, которые передаются по наследству. Первоначально тёсей вручает мифический патриарх всех шаманов Адам-хан, живущий во дворце, расположенном, якобы, на горе Борус в Саянах. Шаманом может стать только тот претендент, который обладает «лишней костью» (артых соёк). Тёси сами выбирают шамана и проверяют его данные. Они, избрав себе хозяина, становятся его послушными солдатами. Шаман называет их своей царской армией, а сам представляется полководцем. Чем больше «армия духов», тем сильнее шаман. Тёси составляли основу шаманской силы, благодаря которой осуществлялась деятельность кама.

Шаманизм, зародившись во времена родового строя, продолжал существовать в Кыргызском государстве и дожил до наших дней. Например, в китайских летописях династии Тан сообщалось, что в стране «Хягас»: «Шаманов называют гань (кам)». До сих пор тюрки Саяно-Алтая пользуются данным словом для обозначения шамана. Со временем бурханизм, отвергая деятельность шамана, вобрал в себя большую часть бывших шаманских культов. В начале XX в. из общественных молений в ведении камов остались только горные жертвоприношения.

Камы составляли незначительную социальную группу населения. Например, в 1885 г. в Сагайской думе насчитывалось 26 шаманов (из них две женщины), что составляло 0,2 % всех жителей этого ведомства. Бурханизм, утверждаясь в сознании хонгорцев, вел открытую пропаганду против шаманов и скрытую борьбу против деятельности христианских священников. В народе можно было встретить выражение: «абыстан хамның чолы пір» – у священника и у шамана дорога одна. «Теперешние шаманы – обманщики», – говорили Е. Яковлеву хакасы, потерявшие веру в могущественных духов. Над злыми шаманами бурханистские общины совершали своеобразный суд. Их «закольцовывали», пропуская сквозь обруч железного тагана, и чертили до крови кремнем круг на лбу. После такого обряда камы теряли силу. Среди бурханистов существовала установка: «хамның чаргызы отых тас, абыстын чаргызы түге» – суд над шаманами – камень, суд над попами – дуга (которую надевали на плечи).

Про шаманов бурханисты сложили нелестные выражения: «айна тапса – хам, чон тапса – пиг» – т.е. если выберет черт, то будет шаман, если выберет народ, то будет бег; «паказы чох адай, чүрегі чох хам» – т.е. собака не имеет свояка, шаман не имеет сердца; «хам өлімі – хартыга өлімі» – т.е. смерть шамана, что смерть коршуна, ибо шаман никогда не умирает своей смертью и т.д. Если во сне увидеть шамана или христианского священника, то ничего хорошего не ожидали. Верили, что дом навестил черт.

Итак, вера в Белого творца – Ах-Худая сформировалась на базе древних шаманских культов, под влиянием идей великого пророка Заратустры, раннего буддизма и позднего христианства.

В 1905 г. в Хакасии наметилось национально-религиозное движение, возникшее под влиянием бурханизма. Во главе его встали хакасские баи и башлыки. Руководители двух национальных ведомств Сатик Окунев (Усть-Абаканская управа) и Хара-Билек Чебодаев (Аскизская управа), бывшие лидерами первой политической организации «Союз сибирских инородцев», выступили против распространения «русской религии» (хазах худаиы) среди коренных жителей Хакасии. Они выдвинули лозунг за широкое внедрение «Белой веры». Из юрт стали убираться христианские иконы, перестали почитаться шаманы и православные священники. Хакасские баи распространяли слухи о том, что не станет власти русского хана, не будет русского бога, а вернется господство Хоорай-хана. Однако эти подстрекательства не привели к широкому национальному движению народных масс. В результате репрессий со стороны царского правительства «Союз сибирских инородцев» был разогнан, а С. Окунев и Х. Чебодаев вынуждены были скрыться за границей.¹⁷

В начале XX в. религиозная ситуация в Хакасии в какой-то степени напоминала ситуацию в Горном Алтае. Известный исследователь алтайской этнографии А.М. Сагалаев отмечал: «Фактом общественного сознания стало троеверие: шаманизм, бурханизм и православие. Период утверждения бурханизма в качестве новой веры завершился в 1910-е гг.»¹⁸

После установления Советской власти, в результате активной борьбы против религиозных культов были уничтожены основные устои сложившейся «Белой веры». Душевно сломленные люди боялись чтить свои обычаи.

1.2. История христианизации Хонгорая

Население Саяно-Алтая, как считают ученые, познакомилось с христианским учением еще в древнетюркскую эпоху, когда енисейские кыргызы в борьбе против Уйгурского каганата вступили в военно-политический союз с карлуками. Карлуки, жившие на территории Семиречья (Аргу, Тараз), стали не только союзниками кыргызов, но и наставниками новой веры – христианства – несторианства. В начале IX в., как пишет известный тюрколог С.Г. Кляшторный, «среди кыргызской аристократии, а затем и среди более широких слоев получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил местных шаманских культов. Христианство кыргызской аристократии

было в достаточной мере поверхностным; его восприятию содействовали не столько идеологические сдвиги в древнекыргызском обществе, сколько особенности политической ситуации».¹⁹ В знаменитой Суджинской надписи, воздвигнутой после победы над яглакарскими ханами Уйгурского государства, сын кыргызский Бойла Кутлуг Ярган с почтением произносит: «Своему наставнику в (вере) я дал сто гнедых коней... Сыновья мои! Будьте среди людей подобно моему наставнику!».²⁰ Наставник в вере назван в надписи арамейским словом «мар» – господин, учитель. В тюркских языках Центральной Азии IX–XIII вв. слово «мар» получило специфическое значение как христианского, так и манихейского наставника в вере.²¹ Употребление данного термина в двух значениях послужило поводом для некоторых исследователей избрать выборочный принцип и утверждать о принятии манихейства кыргызами. Так, например, археолог Л.Р. Кызласов пишет, что в тексте эпитафии IX в. из Суджи «исповедующий манихейство вельможа, судья Бойла («сын кыргыза»), упоминает своего вероучителя, называя его по-сирийски «мар». Именно так называли своих священников манихеи».²² Исходя из данного факта, а также раскопанных им на территории Хонгорая дворцовых комплексов, делаются неосновательные выводы о государственной религии «Древнехакасского феодального каганата», которая просуществовала в долине Среднего Енисея в течение пяти столетий.

Тюрколог С.Г. Кляшторный, внимательно изучив историко-культурную ситуацию в Центральной Азии VIII–IX вв., пришел к выводу о том, что кыргызы, после победы над Уйгурским каганатом, где манихейство действительно являлось государственной религией, не могли принять веру побежденных врагов. Изображение на енисейских скалах людей с высокими носами и густыми бородами, в широких и длинных одеяниях и высоких митрообразных шапках он относит к рисункам, изображающим христианских священнослужителей. Кроме того, на кыргызских эпитафиях встречаются символы креста.

В связи с трактовкой С.Г. Кляшторного для нас представляет большой интерес руническая надпись на стене Тогзасской пещеры по реке Белый Июс. В переводах В.В. Радлова текст памятника гласит следующее: «Придя из Алту-шан, мое государство, мой хан, народ терс...».²³ Слово «терс» В.В. Радлов принял за этноним. Однако, если мы обратимся к историко-этнографической лексике тюркских языков, то встретим близкое по звучанию слово «терсе» или «тарса» (тарча), обозначающее христиан-несториан. В хакасском языке термин «терсе» употреблялся и для обозначения христианской религии.²⁴ Исходя из данного смысла слова «терсе» (тарса), становится ясным ранее непонятное название народа,

зафиксированное рунами на стене Тогзасской пещеры. Вероятно пещера, находящаяся в одном из самых живописных уголков Хонгорая, служила обителью христианских священников. В таком случае надпись понимается как: «Придя из Алту-шан, мой правящий род и мой хан (представляют) христианский народ». Возможно местность «Алту-шан», откуда пришли несториане, относится к территории Семиречья (Аргу), где одна из областей носила название «Алты чуб Согдак». В VIII в.н.э. христианство там завоевывает сильные позиции, поддерживаемые царем карлуков. «Тесный союз с карлуками и борьба с уйгурами – манихеями явились, таким образом, теми политическими факторами, которые побудили кыргызскую аристократию поощрительно отнестись к миссионерской деятельности несторианских наставников»²⁵.

Недалеко от Тогзасской пещеры протекает речка Тарча, названная в честь богатырской девушки Тарча-хыс (т.е. девушка-христианка), поднявшей народ, по данным исторического фольклора, на борьбу против монгольских полчищ.

Ниже по течению Белого Июса на горе «Хызыл хас» находится горное сооружение, известное под названием «Тарча хыс сивессзи» – крепость несторианской девушки.²⁶ Вполне возможно допустить, что на горе «Хызыл хас» совершали служение богу христианские священники.

Современные тюркские языки не знают слова «мар» в значении наставника веры. Для обозначения христианского священника (попа) тюрки Саяно-Алтая используют термин «абыс» (в казахском языке – «абыз»). Данный термин происходит от арабского «хафиз» – чтец корана, ученый мулла и, вероятно, был заимствован во времена культурно-торговых связей с христианами из мусульманского Туркестана, т.е. возможно из Семиречья. В дополнение можно сказать, что даже христианский бог у тюрков Саяно-Алтая носит название «худай», представляющее слово иранского происхождения.²⁷

Вторая волна христианского учения докатилось до берегов Енисея вместе с христианами-несторианами в лице представителей монгольского племени керитов. В 1007 г. несторианский митрополит г. Мерва Эбедиенпу обратил в христианство хана керитов, а за ним большую часть его подданных, отправив к ним священников.²⁸ Чингис-хан, победив керитов, частично переселил их на Саяно-Алтай. Вплоть до присоединения Хонгорая к России среди енисейских кыргызов находилось племя керитов. Они оставили свой след в духовной жизни тюрков Саяно-Алтая. В составе пантеона подземных божеств присутствует свирепый «Кирей-хан» (у северных алтайцев – Керей-хан), т.е. керентский хан, один из помощников Ирлик-хана. Если учесть, что

гис-хан» (Чингес-хан), то вполне уместно присутствие рядом керейтского хана, бывшего соперника основателя Монгольской державы.²⁹

Широкое распространение христианства в Хонгорае началось после присоединения этого края к России. Уже в 1719-20 гг. большая часть кызыльцев Июсских степей была крещена митрополитом Филофеем.³⁰ Новокрещенные приписывались к церквям, которые располагались в русских селах, далеко за пределами их проживания. Первая церковь в долине р. Абакан была воздвигнута только в 1772 г. в с. Аскиз. Инициатором постройки аскизской церкви выступил сагайский бег Амзор Наиров, сын чайзана Наира Тулбечекова, одного из первых башлыков, принявших подданство России. В 1770 г. депутат Г. Ульчугачев от имени кызыльцев ходатайствует перед епископом Варлаамом о том, чтобы «построить из собственного своего кочту посреди своего жительствова, то есть в деревне, коя прозывается Ужур, церковь во имя Петра и Павла...».³¹ Она была построена в 1773 г. Всего к 1770 г. усилиями христианских проповедников было окрещено до 9 тыс. хакасов, т.е. около 50 % всего населения Хонгорая.³²

Упорнее всех сопротивлялись крещению качинцы. До сих пор кызыльцы некрещеных ребятишек называют «хаачах», т.е. качинское дитя. В 1766 г. красноярский проповедник А. Михайловский доносил Тобольскому и Сибирскому митрополиту: «1. Качинской землицы иноверцы, в прошедшие годы воспринявшие святое крещение, с некрещеными татарами единокупное улусами жительство имеют, и никакой отмены против прежней своей замерзлости к содержанию благочестия не имеют, и как прежняя своя ядения и пития употребляли, тако и ныне с теми в обществе будучи, всегда с некрещеными татарами оскверняются. 2. В тех улусах у татар как в юртах, так и около юрт и вблизи их жительствова на дорогах, речках и озерах поставляются по вере их нечестивые шайтаны (т.е. тэси – В.Б.), которые жертву по своему богомерзкому обычаю приносят и веруют в них, а крещенные малолетние отроки, живучи в единых улусах и видя, что делают купнородные, тем же и они охотно навькают идолослужениям. 3. Шаманшики, т.е. дьявольские служители, которые веруют в беса и ему, отдавши себя вечно, служат, пребывают в обществе с воспринявшими святое крещение, и к шаманству своему как несведущих бога, так и просвятившихся святым крещением лестно привлекают, и тем своим бесовским шаманством величие божье и отдалают от милосердия его...».³³ На основании указа от 23 июля 1763 г. ясачные, принявшие святое крещение, освобождались на трехлетний срок от платежа податей. Несмотря на предлагаемые льготы, хакасы продолжали придерживаться своих древних верований, которые именовались в официальных документах «ша-

манская вера» или «камларский толк». В 1823 г. среди хакасов Минусинского округа насчитывалось 6632 христианина и 9819 иноверцев. Причем, в Сагайской думе было 3493 христианина и 5645 идолопоклонников, в Качинской соответственно – 2088 и 4058, а в Койбальской думе – 1051 христианин и 116 шаманистов. В Кызыльской думе уже все были крещены.³⁴

В течение XIX в. официально хакасы переходят в лоно христианской церкви. Завершающее крещение их произошло 15 июля 1876 г. в селе Аскиз. Всего было крещено 3003 человека. Среди них стали православными 12 шаманов и 662 души идолопоклонников, «которые не были просвещены таинством святого крещения, долгое время не присоединялись к христианской вере сами, не давали крестить и детей своих».³⁵ Согласно церковным данным, большая часть сагайцев – 2391 человек, находились «в заблуждении», т.е., вероятно, придерживались бурханистских канонов.

В сфере религии тюрки Саяно-Алтая переживали большую ломку. «На миросозерцание инородца, – писал Е Яковлев в 1900 г., – наслаивается чуждое и плохо усваиваемое – с одной стороны буддистское или скорее ламаистское миросозерцание, с другой христианское. И то и другое, ..., воспринимается с чисто внешней, обрядовой стороны».³⁶

Организатором массового крещения хакасов выступил письмоводитель думы Е. Катанов. Он на свои средства (потратил 300 руб.) купил 3 тысячи крестиков и свечей, кормил в течение недели людей, собранных на берегу р. Аскиз. Обряд крещения совершили по приезду епископа Енисейской губернии Антония. Сам Антоний сначала даже не предполагал в своей поездке последующих результатов и объяснял себе будущую встречу «одним простым любопытством азиатцев взглянуть на православного Архиерея, которого они считают Бурханом, т.е. малым богом или полубогом».³⁷ Однако, увидев громадные скопления людей, осознал свою историческую миссию.

Происходило крещение следующим образом: «Быстрая и светлая река Аскиз запрудилась голыми телами. После того, как окупавшийся в воду, т.е. принявший крещение, выходил на берег, ему давали рубаху, а на шею вешали на шнурке, называвшемся гайтаном, медный крестик». Почти все мужчины получили русское имя Владимир, а женщины – Мария, в честь жены Александра II. Крестными отцами сагайцев выступили беги А. Асочаков и А. Кызласов, которые получили в награду за крещение царские кафтаны. Письмоводитель Е. Катанов в 1879 г. был премирован орденом Св. Анны третьей степени.³⁸

Массовое крещение хакасов в Аскизе было формальным обращением людей в православную веру, в основном через внешнюю его сторону. В

1908 г. аскизский священник Кузьмин в журнале «Православный благовестник» писал: «Массовое крещение было самой серьезной ошибкой в деле христианского просвещения минусинских инородцев, губительно повлиявшей на дальнейший ход миссионерского дела. Инородцы до сих пор по внешнему образу жизни своей, так и по духу более язычники, чем христиане».³⁹ Любопытно отметить, что даже в религиозной терминологии, заимствованной из русского языка, хакасы не стали делать различий между христианскими и шаманскими понятиями. Например, словом «чачок» обозначался как «дьячок, помощник дьякона», так и помощник шамана при языческих обрядах. Древнетюркское божество Умай (Ымай) стало восприниматься праматерью человечества – Евою. С другой стороны святая дева Мария получила название «чаячы хызы Чарых Пурхан Майра» – дочь творца Светлый Бурхан Мария и была отнесена к бурханистскому пантеону божеств. Исследователь народов Саяно-Алтая Ф.Я. Кон в начале XX в. отмечал: «Я встречал шаманов православных и буддийцев... Недалеко от Минусинска у качинцев, я, узнав, что шаман – православный, спросил его, постится ли он, на что получил гордый ответ: «Конечно! Мало-мало я Христа понимаю».⁴⁰

В начале XX в. Хонгорай уже был опутан сетью церковных приходов. На территории проживания хакасов в 1917 г. насчитывалось 15 церквей в следующих селах: Божье Озеро, Чебаки, Батени, Ужур, Усть-Фыркал, Усть-Абакан, Аскиз, Усть-Есь, Синявино, Сон, курорт Шира, Таштып, Большая Сея, Бся, Табат.

Христианская церковь в хакасском языке обозначается термином «тигириб» – букв. небесный дом. Нет сомнения в том, что в Хонгорае так назывались небесные храмы бурханистов, остатки которых и ныне величественно возвышаются на многих горных вершинах.

Крещение (креске түзүргені – букв. погружение в крест) не прошло бесследно. В каждой юрте, наряду с тёсями, стали ставить иконы. На кладбище стали водружать кресты. Хакасами были восприняты основные христианские праздники, правда, адаптированные к своим условиям жизни, смешанные порой с бурханистскими обрядами. Хакасские названия им были даны по внешнему признаку и не несли нагрузку христианской духовности.

Праздник Рождества получил название в кызыльской части Хонгорая «Арғымах», а в долине Абакана «Көледе» (от «коляды») или «Киик итчен үлүкүн» – праздник изготовления хлебных фигурок в виде животных. Накануне вечером из ржаного теста скотоводы лепили изображения лошадей, быков с рогами и тестикулами, коров с рогами и выменем, куриц на насесте, а охотники, кроме того – диких коз и оленей. Запрещалось делать людей и собак. Затем лепные фигурки обжигались в печи и стави-

лись в количестве семи штук перед образом. Это печенье носило общее название «аргымах» или «киик». Во время колядования (аргымахтирга) детям раздавали печенье «аргымах», предварительно обрезав головы фигуркам. Обычай изготовления изображений жертвенных животных был перенесен в христианский праздник из более ранних верований тюрков. Например, у чувашей и удмуртов «аргамаками» назывались изображения лошадей, коров, быков и птиц, сделанные из теста, и приносимые в жертву божествам.⁴¹ У монгольских буддистов подобные фигурки из теста, на которые должны пасть все несчастья, носили название «золиг» – т.е. откуп, выкуп от наказания.

Крещение по-хакасски именовалось «Хысхы мылтых» – праздник Зимнего Ружья, ибо во время обряда производили залпы из огнестрельного оружия. Накануне праздника вечером на дверях и окнах домов чертили углем крестики, дабы вовнутрь не проникла нечистая сила, получившая название «сүзетке» (от русского «соседка» – домовой). Даже на поверхность воды в ведре клали деревянные крестики. Ночью запрещалось выходить на улицу, ибо в это время свирепствует «сүзетке», невидимая глазу человека. До тех пор, пока не поднимется солнце, скот в поле не выпускали. Если конь хозяина стоял в поту, а волосы его гривы оказывались спутанными, то в данном случае отмечали проделки нечистой силы «сүзетке». Чтобы оградить лошадь от «сүзетке», на ее спину набрасывали шкуру козла (ёски хучазы), служившую своеобразным оберегом. На Крещение запрещалось расчесывать волосы. Хакасы стали верить, что колтун в волосах сплетает «сүзетке». Делает это она на счастье человека, и колтун нельзя срезать.

Утром на Крещение жители хакасских селений отправлялись к реке, где во главе со священником (абыс) погружали образ или крест в большую прорубь «иордан». При погружении иконы в воду три оруженосца делали три залпа из ружей. Окружающие стояли без головных уборов. После этого брали священную воду домой.⁴²

На Масленицу – «Сарыг Хаях» (букв. праздник Топленого Масла) хакасы устраивали пиршество из сырцов «пичирё», заправленных растопленным маслом. Праздник длился семь дней. Первое воскресенье Масленицы называлось «Тадар сарыг хаягы» – Хакасское топленое масло, а завершающее – «Хазах сарыг хаягы» – Русское топленое масло. Во время праздника специально делали катки (чылгаях) и саночки (чазаг соорах). Каждому человеку обязательно надо было три раза проехать на саночках и покататься на катках для «облегчения костей» (сёок пинзин). В последний день Масленицы каток и санки разбивались.

После Масленицы и до Пасхи держали Пост, называемый по-хакасски «чагбан» или «ораза». Последний термин, персидский по происхож-

дению, проник в хакасскую среду через мусульман. Во время Поста запрещалось пить спиртное.

Самым крупным христианским праздником считалась Пасха – «Хызыл Нымырха» (букв. праздник Красного Яйца). Накануне красили яйца в красный цвет кожурой лука или корой лиственницы. Крашеные яйца выставлялись перед иконой. К празднику покупали новый материал и справляли новую одежду. Обязательно всем надо было выкупаться. За юртой в большом казане кипятили воду, куда высыпали мешок богородской травы «ирбен». Мылись в юрте, обливая свое исстрадавшееся за зиму тело горячим отваром богородской травы.

Празднование Пасхи продолжалось в течение семи дней. В первый день, нарядившись в праздничные одежды, выходили до рассвета на ближайшую гору и молились на восходящее солнце, не крестясь, со словами: «Освещай нас так же, как ты освещаешь землю!» Если солнце играло и полыхало, а тем более шумело, то говорили: «күн ойнапча» – солнце играет! В таком случае существовал обычай кропить в его сторону вином и стучать в медные тазы. После этого возвращались домой и молились, крестясь на образ. Во время Пасхи при встрече на улице все кланялись и целовались. Если встречались свекор с невесткой, то невестка целовала кого-нибудь встречного, а тот переводил поцелуй свекру. Последний передавал такой же ответ.

В первый день Пасхи в каждом аале устанавливали качели (чиленмес). Делали две стойки (алачих) с поперечиной, куда привязывался аркан с сидением. В течение праздника вся молодежь качалась на качелях. В последний день Пасхи они разбирались.

Скорлупу разбитых яиц не выбрасывали. Во время пахотных работ скорлупу смешивали с зерном и, таким образом «оплодотворяя», засеивали землю со словами: «Тамах чаксы ёссин!» – Пусть вырастет хороший урожай!

Родительский день, называемый «Хара Нымырха» – букв. праздник Черного Яйца, стал неотъемлемой частью духовной жизни Хонгорая. На Родительский день яйца красили в черный цвет и приносили их на могилы предков. Сначала яйца три раза, крест накрест, катали по поверхности могилы. Разбившиеся забирали, а целые оставляли в изголовье погребения со словами «утып алдын» (ты победил). Любой пришедший на кладбище человек мог биться своими пасхальными яйцами с лежащими целыми на могилах. Нищим и убогим раздавали милостыню – «чидимек».

Христианские праздники в хакасском языке получили общее название «сас күн» – букв. страшные дни. В это время запрещалось работать, иначе небо «разъярится» и накажет плохой погодой.

Белая вера Хонгорая отрицательно относилась к почитанию Христа и его служителей, так же, как и шаманов. Согласно хакасским веровани-

ям, общения с христианскими священниками или с камами несли несчастья бурханистам. Поэтому при встрече с попом ему сначала кланялись, но затем вслед через левое плечо три раза плевали. Если священник заходил в юрту, то после его выхода помещение подметали, окуривали богородской травой и мусор выбрасывали за пределы скотного двора. Вслед попу надо было три раза плюнуть. Хозяин, не выполнивший подобных действий, подвергался суровому осуждению. Подобная установка существовала и у алтайских бурханистов, которые считали жилище оскверненным, если там побывал иноверец. Место, где побывал небурханист, мылось, окуривалось можжевельником и окроплялось молоком.

Итак, первые шаги христианского учения, проникшие в Хонгорай в древнетюркскую эпоху, слились в дальнейшем с шаманскими культурами и бурханистскими воззрениями. В течение XVIII-XIX вв. в результате процесса христианизации, проводимого Российским государством, хакасы официально принимают православную веру. В жизнь коренных обитателей Хонгорая вторглись и укрепились христианские праздники зимне-весеннего цикла (Рождество, Крещение, Масленица, Пасха, Родительский день). Они получили в хакасском языке свои названия и были приспособлены к местным условиям существования. Однако формальное принятие христианства не разрушило основ бурханизма и даже сыграло определенную роль в его идеологии. «Так культ Худаю, – отмечал Д.Е. Лаппо, – ныне уживается, с одной стороны, с шаманством, а с другой, – с православием; все три веры как бы стоят рядом».⁴³

1.3. Особенности «Белой веры»

Свою религию тюрки Саяно-Алтая называют Белой верой (Ах-Чаян или Ак-Дьян), главной идеей которой являлось почитание единого бога «Ах-Худая» – Белого Бога или «Ак-Бурхана» – Белого Бурхана. В бурханистских молитвах провозглашались: Один закон, Одна мысль, Одно начало, Один Ак-Бурхан!⁴⁴ Единый бог Ах-Худай имеет различные величальные эпитеты: «Чалгыс Чаячы» – Единственный Создатель, «Ах Чаячы» – Белый Творец, «Өөркі Чаячы» – Верховный Творец, «Ирiктiг» – Наделенный Волей и др. Он всемогущ, вездесущ, справедлив! Он беспрестанно ведет борьбу с темными силами Ирлик-хана. Ему не нужны посредники в роли шаманов. Он имеет единый язык с другими божествами. Например, богиня огня «От-Ине» и богиня Умай общаются с ним одними словами и одним языком («Чоғархы турған Ах Худайнан пір сөстiглер, Өөркі турған Ах Чаячынан пір тілліглер» – Имеющие единое слово с всевышним Белым богом, имеющие единый язык с верховным Белым твор-

цом). Человек в борьбе против Ирлик-хана должен содействовать светлому началу и следовать закону Ах-Худая.

Закон Божий, которому надо следовать верующим бурханистам, носит название «чарлых» – букв. повеление. Поэтому в качестве символа веры в Хонгореае применялось выражение: «Ах Чаян чарлии ползын!» – Пусть правит закон Белой веры! В героических сказаниях своих суженых богатыри называют «чарлиим пүдүргени» – моим божественным законом сотворенная. На Алтае служители бурханизма получили название «ярлыкчы» – проповедники закона божьего, глашатаи.

Молитвы, обращенные к Белому Творцу «Ах-Худая», носили название «алгыс» – т.е. благословение. Любые благодеяния у хонгорских бурханистов сопровождались пожеланиями: «Ах Худайдан алгыс ползын!» – Пусть будет благословение от Белого Бога» или «Ах Чаянның алгызы ползын! – Пусть будет благословение Белого Творца!» Постоянное почтение к Великому Создателю закреплялось в сознании хонгорцев словами: «Ах Худай – кізі алгызынан төреен – Ах Худай родился от человеческого благословения».

Хакасы верили в счастливую судьбу, которую дает людям Ах-Худай. Под влиянием буддизма и христианства в сознании бурханистов Хонгорая появились представления о рае – «пурхан чирі» – букв. земля бурханов, и аде – «Ирлік хан чирі» – букв. земля Ирлик-хана. Согласно сведениям Н.Ф. Катанова, душа «умершего хорошего человека отправляется после разлучения с телом на небо в землю Бурхан – Худая и там, по определению его, вновь перерождается или умирает навсегда. А душа худого человека идет в землю Ерлика». ⁴³ На самом нижнем слое подземного мира (түгенчі там) находится место мучений для отъявленных грешников, где слуги Ирлик-хана истязают виновников в котлах с горячей смолой или в железных кожемялках, приводимых в движение водою.

Наш солнечный мир бурханисты считают «землей иллюзий» (арган чир – букв. искусственное место⁴⁴), а потусторонний свет – истинным миром (сын чир – букв. настоящая земля). Человек, якобы, только гостит на земле, а потом навсегда уходит в загробный мир. Его душа – «чула» (особенно это касается умерших безгрешных детей), заново воплощается среди новорожденных родственников. Перевоплощение души, согласно хакасскому представлению, носит обозначение «хубулгат», которое имеет одинаковое значение с монгольским термином «хувилган» – перерожденец, и возникло под буддийским влиянием.

Бурханисты отличались от христиан своим способом поклонения (пазырыг). Сначала при молении они, стоя на ногах, три раза наклоняли голову (икіп), подавая вперед плечи и держа руки за спиной. Затем припадали на одно из колен (мужчины – на правое) и три раза склоняли чело к

земле. Мужчины во время моления должны находиться без головных уборов. Женщины поклонялись в платках и стояли с левой (северной) стороны от мужчин. Им запрещалось совершать моления с непокрытыми головами (простоволосыми), босиком и с правой (южной) стороны от сильного пола.

Бурханисты молились два раза в день. Утром – при восхождении солнца, и вечером – на новую Луну (от рождения до полнолуния).

При встрече общались следующим образом. Старший говорил младшему «изен-хазых» (т.е. доброе здоровье), а младший отвечал – «амыр-хазых» (т.е. спокойного здоровья). Младший по возрасту или нижний по рангу прикладывал протянутую руку старшего к своему лбу, потом к своей печени, а затем, обнявшись, они прижимались щеками. Старший обязан был сказать младшему благопожелание.⁴⁶ Подобные обычаи при встрече бытовали и в Туве. Соблюдать бурханистские нормы поведения необходимо было как при встрече с людьми на улице, так и при входе в любой дом. Мужчины называли друг друга «абыя» – брат, а женщины «абыга» – сестра.

Главное ритуальное действие бурханистов заключалось в кроплении айраном и молочными продуктами Белому Творцу – «Ах-Худая». Ежедневно в юрте совершали брызгание – «нааныг» (іліг, чачыг) следующим образом. Хозяин или хозяйка, обязательно надев головной убор, взяв в правую руку чашку с айраном, сначала три раза брызгали в очаг богине огня. Затем три раза плескали айран в сторону порога – фетишу «абатёсю». Завершали кропление троекратным возлиянием айрана в сторону дымового отверстия для Ах-Худая. В отличие от шаманистов, бурханисты (ах худайлыг) при кроплении не использовали араку и спиртные напитки. «Обряд брызгания молоком для бурханизма, пожалуй, самый важный, определяющий признак», – констатировал в свое время А.Г. Данилин.⁴⁷

При каждом обряде бурханисты совершали ритуальное очищение огнем – «алас». Каждый верующий хонгорец должен был иметь у себя дома богородскую траву «ирбен» или можжевельник «арчын». Их специально заготавливали в начале июля во время праздника «ирбен чулцаң ұлұқұн» – праздника срывания ирбена. При очищении «алас» на специальную подставку клали девять угольков и возжигали ароматические травы. Окуривание начинали с ног и заканчивали трехразовым движением дымящегося «ирбена» вокруг головы. Перед молением окуривали богородской травой культовые места, алгари и фетиши.

В бурханизме Саяно-Алтая использовались священные флажки – «чалама», которые являлись частью необходимой культовой атрибутики, применяемой в честь Ах-Худая. Термин «чалама» или «чалаа» восходит к общетюркскому корню со значением «флаг, знамя, стяг» (в казахском –

жалау). Через татарский язык (йалау – знамя, привязанное к верхушке копыа) он проник в военную лексику русских ратников, где слово «яловец» стало обозначать гребень из конских волос на шлеме. Ритуальные флажки «чалама» известны всем тюрко-монгольским народам Центральной Азии и были заимствованы из шаманизма. Изменение произошло в цветовой символике, где значительную роль стал играть белый цвет. Интересно отметить употребление бурханистами зеленых «чалама» (ноган чалама), которые, возможно, связаны с бывшим цветом хоругвей енисейских кыргызов.

Основным религиозным молением бурханистов являлось ежегодное жертвоприношение Небу (Тигір тайии), называемое также жертвоприношением Белому Богу (Ах Худай тайии). Ах-Худай любит только белый цвет, поэтому жертвы, приносимые ему, должны быть из белых ягнят и белого молока. В основе идеи преподношения жертвы, называемой «толыг» – букв. выкуп, лежит мысль о получении обратного дара или возмещения счастья скотоводам. Жертвенный ягненок носил название «пулаг» – т.е. животное, забиваемое для священного пара. Закадывалось животное способом «өзеп», т.е. осторожно разрезалось небольшое отверстие в верхней части живота (чтобы рука пролезла), пробивалась диафрагма и разрывалась аорта (холга), проходящая вдоль станового хребта. Для этого рот жертвы закручивали веревочной петлей (пурғустап). Туша свеживалась на земле так, «чтобы ни одна кровинка не пролилась на землю, вся вытекшая кровь должна остаться на шкурке и вместе с другими внутренностями тотчас же бросается в огонь, а вся тушка без головы и концов ног (последний сустав), разрезанная на части [обязательно по суставам – В.Б.], и из внутренностей легкое кладутся в большой котел». ⁴⁸ В некоторых местах Хонгорая, например, в долине р.Аскиз, нож для заклания животного не употребляли, а пробивали шкуру и диафрагму отращенным ногтем большого пальца. Голову и конечности оставляли в шкуре. Однако нижнюю челюсть вместе с горловиной отрезали. Хонгорцы были уверены, что если жертву не забивать способом «өзеп», то скот переведется. Указанный обычай восходит от времен Монгольской империи, когда император Хубилай-хан, на основе Великой Ясы Чингис-хана, повелел всем своим подданным впредь не резать горло, а рассекать грудь и «всякого, кто зарежет барана (перерезав горло), приказал убивать таким же способом». ⁴⁹

В обрядовых молитвах Белой веры развивается идея почитания священной Родины «Толы Хоорай», т.е. Хонгорая. И Хонгорай, и Хан-Алтай поэтически воспеваются как прекрасный девятиугольный край, находящийся в центре земли, окруженный божественными хребтами. У бурханистов возник образ единого духа-хозяина всего Хонгорая – «Ал

Хоорайның эззи», покровителя и защитника любого его жителя, независимо от родовой принадлежности.

В бурханистских верованиях хакасов развит культ мифических героев – спасителей Хонгорая. Кроме основной фигуры будущей мессии – «Хоорай-хана», упоминается ряд не менее важных титанов. В блистательной когорте присутствует Кокетей, который превратился в звезду Сириус и сойдет на землю в последний день мира. Ир-Тохчын беспробудно спит на горе Ирт-таг и проснется от шума и грохота – вестников наступающей катастрофы и др.

Каждое общественное моление, каждый обряд и ритуал заканчивались гаданием под названием «төрiк» (теерiк) – букв. предсказание судьбы, предопределение Неба, воля Неба. Специальные чашка и ложка, употреблявшиеся во время ритуала для кропления молоком Небу, бросались с плеча три раза на землю. Если чашка с ложкой падали вниз дном, то значит было счастливое предзнаменование, и все радостно восклицали «ах төрiк» – белая судьба или «алтын төрiк» – золотая судьба! Значит жертва была принята Верховным Творцом и всех молящихся ждала удача. Бурханисты поздравляли друг друга, говоря: «Ах чайнынң ырызы ползын! Ах Худайнынң ұлұзі ползын» – Пусть будет счастье от Белого Творца! Пусть будет судьба Белого Бога! Если брошенные предметы падали вверх дном, то удачи не будет, и присутствующие без энтузиазма восклицали «хара төрiк» – черная судьба. Примета «черной судьбы», выпавшая три раза подряд, свидетельствовала о непринятии богом жертвы. Если же чашка и ложка падали разными сторонами на землю, то это считали за нормальное предзнаменование и говорили «олбы-солбы», т.е. ни влево, ни вправо. Руководитель обряда перед гаданием произносил: «Арығ тузам чидер полза, ах төрiк түссiн! Арығ тузам читпес полза, хара төрiк түссiн!» – Если достигнет моя чистая польза (цели), то пусть выпадет белая судьба! Если не достигнет моя святая польза (цели), то пусть выпадет черная судьба!

Слово «төрiк» известно во всех тюрко-монгольских языках народов Центральной Азии. Согласно нашему мнению, этот древний термин исторически связан с этнонимом «тюрк». По всей видимости, древнетюркское выражение «көк түрк будун» обозначало – «народ небесной судьбы; народ, избранный небом». Подтверждением нашей мысли служит всеобщий клич «төөр» (тёёр), т.е. небесная судьба (сокращенное от «төрiк»), употребляемый хонгорцами во время Небесного моления.

При клятве «сирт» – т.е. шерть бурханисты откусывали хлеб с лезвия ножа и произносили следующие сакральные слова: «Хызыл иирде хызыл тыным хыйылзын!» – Пусть моя красная душа красным вечером обрежет-

ся! Такую клятву давали только в страшное время суток – на «красный вечер», т.е. на закат солнца, когда злые силы могли сразу наказать ослушника.

Другой формой шерти являлось целование меча или ствола заряженного ружья, положенного на сошки во время утреннего восхода солнца. При восхождении дневного светила обвиняемого ставили лицом на восток и заставляли произносить: «Если я говорю неправду, то пусть Ах-Худай не даст мне увидеть заката солнца!» Подобный обычай существовал у тьянь-шаньских кыргызов, которые при клятве верности закусывали свинцовую пулю (ок тиштеген) со словами: «Если один изменит, то пуля убьет!». Соседние тувинцы во время шерти лизали стрелы или острие ножа. Самой страшной считалась клятва на ноже. Вложив клинок в уста, допрашиваемый клялся: «Если я лгу, пусть этот нож войдет в меня и порежет все внутренности».⁵⁰

Согласно обычному праву бурханистов, за каждое благое дело требовалось отблагодарить «белым» подарком – «ахтаг» (букв. обеливание). За благополучную кастрацию скота, за разрешение бремени здоровым ребенком, за обмывание тела усопшего, за доставку покойника на кладбище и т.д., требовалось вознаграждение «ахтаг». Первоначально подобный подарок связывался с белой пищей (молоком), но затем вместо этого стали преподносить вещи, например, одежду умершего и шкуры забитого на поминки скота.

Кропление белым молоком Великому Белому Творцу служило символом почитания Неба. Хонгорцы никогда и никому не продавали молоко и молочные продукты за пределы аала (за исключением масла и сметаны). Согласно законам Белой веры, не будет счастья у того, кто будет торговать молоком и айраном, ибо Ах-Худай преподнес указанные продукты людям даром.

Несмотря на новые законы Ах-Чаяна, грань между бурханизмом и шаманизмом была во многом условной, что сумели зафиксировать исследователи Алтая. Некоторые элементы обрядности и часть культов были включены в систему бурханизма из «черной веры» без изменения, а в некоторых ритуалах сочетались черты старой и новой веры. Томский этнограф Шерстова Л.И. отмечала, что алтайский бурханизм не успел сложиться в нечто цельное и законченное.⁵¹

Итак, по канонам Белой веры миром правит Единый Бог, которому не нужен посредник в лице шамана. Под влиянием мировых религий возникло представление о рае и аде, о перерождении душ человека. Вместе с тем, бурханизм выработал свои формы молений, приветствий, клятв и других атрибутов.

Гл. 2. ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В МИФОЛОГИИ БУРХАНИЗМА

2.1. Земля и вода

Земля и вода (по-хакасски – «чир-суғ») отождествлялись у хонгорцев с понятием родины. Например, выражение «ада чир-суу» обозначает отечество (букв. отцовская земля и вода), а слово «чир-суғчы» – земляк. Фольклорные герои, стремясь вернуться на свою родину, говорили чужеземным ханам, подчеркивая значимость в их жизни родовых гор и рек: «Чабыс таа полза – таам пар, тайыс таа полза – суум пар»! – Даже если низкая, но у меня есть своя гора, даже если и мелкая, но у меня есть моя река!

Несмотря на почитание своих родных земель, хакасы не вкладывали в словосочетание «чир-суғ» – т.е. земля и вода значения отдельного божества, наряду с Ульгеном или Ирликом, как пишет об алтайцах Л.П. Потапов.¹

Горно-степная страна Хонгорай (Тағ Хоорай полган чурт) находится в центре Саяно-Алтая и окружена со всех сторон горно-таежными хребтами, называемыми «Ўлгенниг сын» – Божественный хребет (Кузнецкий Алатау) и «Хан Тигір сын» – Поднебесный хребет (Саяны). В поэтической речи хакасского фольклора незабвенная родина высокопарно именуется: «Тоғыс пулуң Толы Хоорай» – «Десятиугольная страна Хонгорай».² Согласно традиционному мировоззрению народов Центральной и Восточной Азии, идеальным административно-территориальным устройством Родины предусматривалось подразделение ее на девять округов. Отсюда, вероятно, происходит название для Горного Алтая – «Десятиугольный Хан-Алтай», а для Поднебесного Китая – «Земля девяти округов».³

По данным хакасской мифологии горно-степные просторы Среднего Енисея представляют собой тело покоящейся Великой девы «Алып-хыс». Ее одна грудь – гора «Ўлгү тигей», находится в Июсских степях, другая – гора «Имчек тағ», – в долине р. Таштып в предгорьях Кузнецкого Алатау. Ее передний подол одежды омывает р. Абакан, ее задний подол пересекает р. Енисей. Ее детьми является хонгорский народ (хоорай чон), приютившийся на теле Великой девы. В последний год мира Богатырская дева «Алып-хыс» встанет и поможет своим потомкам. «Такая очеловеченность ландшафта, – отмечал А.М. Сагалаев, – делала окружающий мир не просто ярким и узнаваемым – это еще и смутное «воспоминание» о земле как едином теле, о Земле-Матери».⁴

Великие горные вершины Хонгорая – Хан-Пургус (Борус), Хан-Прадай, Коль-Тайга, Хан-Чалбарт и другие были когда-то могучими богатырями, окаменевшими впоследствии. Главой и хозяином Саянских гор являлся великий богатырь Борус (Хан Пургус тасхыл). У него было три сына. Старшего звали Хылай-Тасхыл, среднего – Копен-Тасхыл и младшего, но самого сильного – Стан-Тасхыл. Однажды Борус захотел перекрыть путь Енисею, пробивающемуся сквозь Саянские хребты. Он вместе с сыновьями встал грудью навстречу мощному потоку, но Енисея сдержать не сумел. Стан-Тасхыл сделал отчаянную попытку придавить проходящую реку, но был разбит. Осколки его в виде каменных сундуков до сих пор находятся в устье р. Джой. Сгорая со стыда, Стан-Тасхыл и Копен-Тасхыл поднялись в верховья р. Хан-Тегир и застыли в виде двух величественных вершин. Борус и Хылай-Тасхыл остались стоять по обе стороны Енисея.⁵

Во времена сотворения земли, когда творец Ылгенниг-хан мешалкой делил горы и ковшом черпал реки (халгахпынаң таглар пöлерде, хамыспынаң суғлар сузарда), в долине Мрассу находился злобный богатырь Мустаг (Пус-Тайга). Он предложил рядом стоящему Хара-тагу перегородить реку Мрассу. Хара-таг в ответ стал упрекать его за неразумность, ибо обитатели долины Мрассу почитают их и кормят кроплением вина. Оставшись без воды, люди будут стеснены в своей жизни и перестанут уважать богатырей. Но Мустаг не стал слушать возражения и уселся посреди реки. Водная стихия сумела показать свою силу. Злой богатырь был разбит, а его осколки разлетелись в пределах семи верст, превратившись в опасные пороги – «убу». С тех пор люди не почитают Мустаг, а славят гору Хара-таг. От горы Хара-таг произошел род «харга». Невестки данного сеока, проявляя уважение, называют эту родовую гору «Улуг таг», т.е. Великая гора.

В верховьях реки Таштып покоится великан Коль-Тайга. Первой его женой стала дочь Мустага по имени Падын, находящаяся в истоках Кобырзы. Второй женой богатыря Коль-Тайга была красавица Кичиг-Койик. Рядом с ней стоял богатырь Улуг-Койик, влюбленный в свою соседку. Великан Коль-Тайга, испытывая невыносимые муки ревности, провел между ними реку Таштып. От горы Коль-Тайга ведет свое начало род «хобый». Невестки этого сеока, почитая родовую гору, величали ее «Колем» – Защищающая.

Сын богатыря Коль-Тайга по имени Кичиг-Коль-Тайга стоит в верховьях Малого Таштыпа. Возмужавший Кичиг-Коль-Тайга хотел жениться на богатырской девице Сендир из долины р. Бор. Однако последняя отказала и тогда в гневе его отец богатырь Коль-Тайга разрубил ее пополам. Отколовшаяся часть получила название Сендирес. У богатырши

Сендир было семь дочерей («читі сарыг хыс» – семь горных дев). Однажды они увидели верховного творца Ёлгенниг-хана и стали над ним потешаться. В сердцах он их проклял и семь дев превратились в гору «Читі хыс». На вершине этой горы насчитывалось семь скал. Впоследствии одна из них по имени Хазыриске вышла замуж. Поэтому одна скала ныне разрушилась.⁶

Итак, богатырские горы оказались бессильными перед могуществом водной стихии, однако они имели возможность направлять потоки горных рек. Великие вершины Хонгорая представляют родовые горы хакасских сеоков, от которых последние ведут свои жизненные истоки. Через каждые три года хакасы проводили родовые праздники «тағ тайни» – т.е. горное жертвоприношение, или «чир тайни» – т.е. жертвоприношение земле, возглавляемые шаманами, где бурханисты присутствовали как члены кровного рода.

По хонгорским воззрениям, каждая гора, река, местность или даже природное явление имели своего духа-хозяина (эззи). Последние относились к миру невидимых – «кёринмес ниме», где так же, как и в человеческом обществе, имелись свои ханы и беги, свой суд и закон.

Самой широкой известностью пользовались горные духи-хозяева – «тағ эззи». Их глава носил названия «Хубай-хан» у качинцев, «Талай-хан» у сагайцев, «Тастай-хан» у бельтыров. Горные духи имели, якобы, родство (пір тамырлыг – букв. единого корня) с хонгорцами. Как гласят мифы, далекий пращур женился на дочери хана горных хозяев, от брака которых и происходят коренные жители Хонгорая. В связи с этим хонгорцы считают себя рожденными от гор (тагдан төреен), горным народом (тағлыг чон), с горной душой (тағ омайлыг) или горами сотворенными (тағдиинаң – сугдиинаң чаянныг).⁷ При обращении к горным духам последних торжественно называют «ағалар» – т.е. предки.

Горные хозяева, как и все представители мира невидимых, простым мирянам не показываются. Но они могут предстать перед ясновидящими и счастливыми людьми. Их можно также увидеть, если взглянуть через левую подмышку под локтем согнутой руки. После крещения хакасов в XIX веке они, оскорбленные изменой, перестали тесно общаться со своим народом.

Горные духи отличаются от людей «солнечного мира» (кённиг чон) отсутствием растительности на лице. У них нет бровей, ресниц и волос на голове, то есть отсутствует вторичный волосяной покров, который, как считают хонгорцы, получили люди от богини Умай. Они бывают темными («күрен» – букв. коричневые), страшными на вид и рослыми, величистой с лиственницу.

Горные хозяева носят одежду и головные уборы коричневого цвета, покрой которых взят хонгорцами в качестве национального костюма. Они ездят на конях черно-бурой масти. Вид конского убранства также позаимствован хакасами от них. Раковины каури (чылаңмас), широко используемые хакасами в сакральных действиях, были получены от горных духов. Дикие степные звери (чазы мал) являются их стадом. Хонгорцы уверены, что от животных горных хозяев рожден рогатый скот бурой масти. В связи с характерным цветом мира горных духов иносказательно их называют «күреннер» – коричневые.

Кроме того, в горах Хонгорая, согласно мифам, обитали сказочные таежные охотники «күреннер», т.е. существа одного происхождения с горными духами. Глаза у них красного цвета. Иногда они приходили к хонгорским промысловикам и совместно охотились. Когда «куреннеры» засыпали, то закатывали глаза. Они боялись колючих кустарников. Куреннеры владели живыми лыжами, которые по команде сами вели хозяина. Хонгорцы выкрали самоходные лыжи, однако, не зная, как ими пользоваться, загубили лыжи. Куреннеров сейчас нет в тайге, ибо их замуровал в Саянских горах Верховный Творец. Воспоминанием о них в Хонгораяе служат теперь цветы «жарки», красный вид которых одинаков с цветом глаз куреннеров (күрен харагы).

По представлениям хонгорцев, горные хозяева доброжелательны к людям. Они охраняют их скот и счастливую жизнь. Они могут дать долголетие человеку. Однако при непочтении они, рассердившись, вредничали. Горные хозяева могут оказать влияние на людей, тоякать их на совершение неблагоприятных поступков. Они любят пить молочную водку «араку» и поэтому способны спаивать людей. В древние времена они отправлялись вместе с хонгорскими воинами даже на войну. Защищая черноголовых жителей Хонгорая, горные духи порой погибали вместе с ними.

Согласно законам Ах-Худая, люди «солнечного мира» не должны вступать в брак с горными духами. И только некоторые фольклорные герои, как, например, Коре-Сарыг, получали в качестве награды в жены дочерей горных духов. Обычно горные хозяева предлагали гостю золото и серебро, но внутренний голос счастливого охотника нашептывал, чтобы тот просил лежащего в углу серого щенка с обгорелым хвостом, под которого была замаскирована их дочь. В дальнейшем щенок превращается в писаную красавицу и становится примерной супругой, которая создает уют дома и готовит волшебные блюда. Но фольклорный герой проходит несколько неизвестных ему испытаний. Во-первых, если он раньше трех дней увидит откуда берется еда в доме, то горная жена исчезнет. Затем через три года горная

жена засыпает на три дня и просит ее не будить, ибо душа ее отправляется в гости к родителям. Как правило, в это время фольклорный герой, управляясь с детьми, ставит кипятить молоко (в вариантах – суп). Когда молоко переливается через край, то незадачливый муж в сердцах будит горную хозяйку. Горная дочь вместе в детьми, превратившись в красное пламя, улетает навсегда из дома.⁸

Почитаемые горы и местности, имеющие своих духов-покровителей, называются «ээлиг чир» – букв. земля, имеющая хозяина. Обычно там происходят различные аномальные явления, связанные с проделками горных духов – постоянно идут дожди с грозами, распрягаются кони, опрокидываются телеги и т.д. Хонгорцы с духовным трепетом относятся к подобным местам и, проходя мимо, обязательно совершают кропление вином или табаком. Кропление является главным способом кормления различных духов. Для этого наливали в чашку спиртное и сорванной в поле травинкой брызгали вином во все стороны. Человек, совершающий кропление горным духам, получал от них счастливую долю. При кроплении горным духам восклицали магическое заклинание «сөөк» (сеек). Такой словесный призыв к духам применяли все тюрко-монгольские народы Саяно-Алтая.

Хакасы признавали божественное происхождение письма. В героическом эпосе богатыри читают книги, полученные от верховных творцов. Великим знанием обладали и горные хозяева. Изобретение древнетюркского рунического письма, начертанного охрой на скалах Енисея, приписывается горным духам. Каменные возвышения с загадочными знаками в Хонгорае называются «пичиктиг хая» – т.е. писаницы. В ведении горных духов находились также все хакасские тамги, которые выборочно изображались на почитаемых скалах: Пизелиг хая, Тапсаачы хая, Сиген хая и др. Женщинам запрещалось посещать эти места. Так, например, рядом с аалом Тарбаган стоит скала Пизелиг-хая с рисунками и тамгами горных духов. Однажды на нее поднялась женщина, чем осквернила ее. Оскорбленные горные духи-хозяева вместе со своими рисунками переселились, якобы, на другую одноименную скалу Пизелиг-хая, находящуюся недалеко от Малых Арбатов. После принятия хакасами русской письменности (хазах пичигине киргенде) перестали появляться рунические надписи на каменных памятниках Хонгорая.

На горных перевалах в честь духов-хозяев насыпались священные каменные груды – «обаа». Каждый проходящий человек обязан им поклониться и внести сюда свою лепту. Как правило, мужчины бросали камни, поднятые во время восхождения, а женщины втыкали со стороны востока ветви от берез. Если человек впервые проходил через перевал, то он обязательно должен был повязать священную ленту «чалама» на шесты, воткну-

тые в груды «обаа», иначе его жизненный век сократится. Около «обаа» нельзя смеяться или петь песни. При наличии вина присутствующие троекратно по солнцу обходили священную грудку камней и окропляли «обаа» спиртным. В ночное время запрещалось подниматься на перевалы.

Согласно хакасским легендам, священные груды «обаа» на перевалах были сооружены в кыргызское время, т.е. в средние века, и иносказательно называются «кыргызскими камнями» (хыргыз тастары). Почитание «обаа» распространено у всех народов Саяно-Алтая. Кроме того, сооружение и поклонение «обаа» включились в систему буддийских культов монголов, бурят и тувинцев.

Осенью, когда падает с деревьев листва, когда улетают перелетные птицы, когда замерзают реки (таг-суу тумакталча), т.е. когда замирает природа, то вместе с ней засыпают горные духи-хозяева. Они спят, сидя на каменных стульях. Из носа заснувших горных духов капает вода, которая, замерзая, превращается в сосульки. В таком виде они примерзают к полу. Если случайно разбить такую сосульку, то горный хозяин погибнет. Хакасы рассказывают, что как-то одна девушка «солнечного мира» вышла замуж за горного хозяина. Осенью, когда она увидела его заснувшим с сосулькой в носу, то стала его будить и нечаянно разбила примерзшую к полу ледышку. Горный хозяин моментально скончался.⁹

Весной, когда появляются первые зеленые листочки на деревьях, когда прилетают птицы и закукует первая кукушка, когда горы и реки «растегиваются» (таг-суу сизилче), т.е. когда оживает природа, то вместе с ней просыпаются горные хозяева. «Двери» гор открываются и горные духи начинают ездить в гости друг к другу. Они любят напевать песни вполголоса (хыннарга). Обычно слова их песен непонятны, доносится лишь одна мелодия. Им хорошо слышны музыкальные звуки поющих вполголоса людей. За такое подражание оскорбленные горные духи могут забрать удачу человека. Хакасский обычай запрещал напевать про себя мелодии, иначе потеряешь счастье.¹⁰

Среди хонгорцев есть душевнобольные люди, которые весной, после первого крика кукушки, начинают сходить с ума. Осенью, как только замерзнут реки, они опять ведут себя нормально. Таких людей считают избранниками горных духов (таг эзине танытхан). Если душевно заболела девушка, то значит она вышла замуж за горного духа (таг ирлиг), если парень – то имеет горную жену (таг хаттыг).

У женщины, вступившей в брак с горным духом, как правило, не было потомства от ее мужа «солнечного мира». Во сне она водилась с детьми, рожденными от горного хозяина. Чтобы ее отлучить от «горной любви», обращались к шаманам, которые могли совершить свое «черное дело» и погубить «потусторонних» младенцев. Если их уничтожить, тогда горный дух сам бросал «солнечную женщину».

В летние вечера на закате солнца или ночью празднуются свадьбы горных духов, называемые «таг ойны» – букв. горные игры. По невидимым своим дорогам, от горы к горе, верхом и на телегах, проезжают кавалькады веселящихся духов. Их гуляния может увидеть только ясновидец (кӧспекчи).

Человек «солнечного мира» (кӱнниг кизи), случайно оказавшийся на пути игрищ горных духов, рискует потерять рассудок. Особенно тяжело придется мирянину, уснувшему в поле на дороге горных хозяев. Горные хозяева не терпят помех на своем пути и поэтому их окружающая челядь (илчлер – букв. послы) забирает с собой душу человека. «Подхваченные игрой горных духов», люди теряют сознание, многие сходят с ума.

Плохие последствия ждали семью, случайно построившую жилище (юрту) на дороге горных духов – домочадцы потеряют здоровье. Поэтому, узнав причину болезни от ясновидцев, такая семья перекочевывала на другое место.

На закате («хызыл иир» – букв. красный вечер) горные хозяева могли позволить себе и злые шутки. Например, рассказывают, что однажды «красным вечером» жена Атыкая Сагалакова в аале Усть-Киндырла вышла доить коров в скотный двор. Ее младенец лежал в колыбели. Вдруг послышался звук колокольчиков и тихое пение. Забежав в юрту, она увидела в колыбели чужого ребенка, уложенного ногами к изголовью, т.е. наоборот. Он был совершенно лысый, без бровей и ресниц, с длинными голеньями. С этого момента Атыкай стал богатеть, а скот его умножаться. Однако жена Атыкая невзлюбила ребенка и тот, подвергаясь тяжелым притеснениям, умер. После смерти горного отпрыска семья Атыкая обеднела.¹¹

По всей видимости, горные хозяева оказывали свое покровительство людям, которым оставляли своего ребенка. Чтобы оградить детей от злых сил, хонгорцы не оставляют младенцев одних на закате, а под постель кладут нож (для мальчиков) или открытые ножницы (для девочек).

Эхо считается голосом горного духа. Согласно хонгорским поверьям, среди гор нельзя петь и кричать, иначе горные хозяева навстречу людям будут посылать свои голоса, называемые «таг сузы» – букв. горный луч. Они могут забрать души кричащих людей. Для предотвращения несчастья, последующего от услышанного эха, необходимо произнести заклинание: «Патхан омаң пата хал! Чӱткен омаң чӱде хал!» – Пусть провалится твой тонущий образ! Пусть исчезнет твой исчезающий образ!

На земле нет никаких сил, способных догнать и поймать эхо.

Таежные массивы Хонгорая так же, как и степные просторы, были населены горными духами-хозяевами. Охотничий промысел хакасов сопровождался от начала до конца обрядами почитания горных духов – «таг-ээз». По народным традициям в тайгу специально брали сказочников для удачной охоты, ибо горные хозяева любят слушать горловое пение и зву-

чание музыкальных инструментов. В течение первых трех ночей охотничьего промысла в тайге под звуки хомыса исполнялось героическое сказание «алпытгы нымах», дабы пришла удача («чолы азылзын» – букв. пусть откроется путь). Горные духи, ублаженные музыкой, должны дарить охотникам свой «скот», т.е. зверей. Музыкальный инструмент – «хомыс» изготавливали в тайге, а после охоты оставляли его в балагане на радость таежным духам – хозяевам.

Во время охоты жена промысловика вела скромный образ жизни. Запрещалось пить вино, гулять и веселиться в компаниях, иначе охотнику не выпадет удача. Ко времени приезда мужа она выкуривала специальный хмельной напиток «сахчы арагазы» – вино ожидания.

В первый день охотники под руководством главы артели строили балаган (одаг) и устраивали пиршество «одаг тойы». Варили мясо, готовили суп, разводили хакасский квас «абыртхы» и совершали им кропление духам окружающих гор с просьбой: «Поставьте перед нами зверей с раздвоенным копытом, посадите на сучья птиц с каурыми крыльями!». Мясо добытых зверей употребляли только в вареном виде. Запрещалось жарить пищу, так как жареное мясо дает гарь – «хуюх», которой питаются души умерших людей. Перед возвращением из тайги охотники разбирали свое ложе в балагане и звали домой свою жизненную силу «хут».

У каждого охотника в балагане имелся отдельный ожег (кӱзес), которым шевелили угли в очаге. Он срезался из черемухового дерева на весь период охоты. Ожег считался товарищем охотника. Иносказательно его называли «чазоол» – т.е. есаул, и уважительно относились к нему. На него нельзя наступать или перешагивать через него и поэтому его держали воткнутым в землю. Ночью на вершину воткнутого в землю ожега охотник вешал свою одежду. Если таежник оставался один в балагане, то он водружал свою шапку на «есаула» и разговаривал с ним. Если хонгорец не соблюдал таежных обычаев, то глава охотничьей артели «одаг пазы» наказывал виновника его «есаулом». После охоты ожег забирали с собой домой.

Крещеным хакасам запрещалось ходить по тайге с крестами на шее и осенять себя крестным знаменем, т.к. таежные духи-хозяева – существа некрещенные (крес чох нимелер) и придерживаются дохристианских обычаев. Поэтому в их владениях молились по-бурханистски, делая поклоны головой и держа руки за спиной. Если кто-нибудь перекрестится в тайге, то удачи не видать всей артели.

На охоте хакасами применялась табуированная лексика. Горные духи «таг ээзи» хорошо слышат речь простых смертных. Поэтому возник обычай «хазынас», запрещающий называть вещи своими именами для того, чтобы уважить таежных хозяев как старших родственников и чтобы они не понимали смысл разговора. Особенно строго обычай «хазынас» со-

блюдался при охоте на соболя, оленя, кабаргу. Неисполнение его влекло за собой неудачу. Однако, если осенью отправлялись белковать, то на этом промысле обычай «хазынас» можно было не соблюдать.

Добыча охотника, доставшаяся ему за соблюдение правил почтения горных духов, называлась «харо» – букв. ответ, отдарок. Первый добытый зверь свежался на том месте, где он был убит. Внутренней кровью (көгис ханы) из грудной полости совершали кропление духам гор со словами: «Вы далекие предки! Дайте счастье и удачу! Приходите ночью слушать сказания!» Охотники в балагане варили мясо и в благодарность за первую добычу горячим паром (оор-пус) угощали горных духов. Ночью играли на хомысе и рассказывали сказки.

За добычу особо ценных пушных зверей – соболя или чернобурой лисицы, горные хозяева требовали от хонгорцев дополнительного выкупа в виде угощения – «той». Каждый пойманный соболь торжественно отмечался пиршеством «албагы тойы». Глава артели отваривал мясо и на деревянном подносе поднимал к небу пар, исходящий от горячих кусков. Делался хакасский квас «абыртхы», которым кропили духов местности, перечисляя горы и реки. Ночью обязательно играли на хомысе и рассказывали героические сказания.

Беличьи шкурки нанизывали в связки по 100 штук в каждой. Поэтому, когда добывали сотую белку, то устраивали празднество «тізіг тойы» – пиршество одной связки шкурок, напоминающее соболиный праздник «албагы тойы».

При снятии шкуры со зверей (особенно с соболя) их веки не трогали, чтобы глаза оставались закрытыми и не видели бы человека. Однако обязательно надо было их рассечь пополам. Если веки оставить целыми, то верили, что звери могут ожить и исчезнуть вместе со снятыми шкурами.

В древние времена, как утверждают хонгорцы, охотники порой сожигались в тайге с горными девами. Согласно мифам, один таежник, вступивший в связь с горной хозяйкой, слепо исполнял все ее желания. Горная дева ему наказала, чтобы он не рассекал век зверей при снятии шкуры, что тот и делал. Весной, когда наступила пора охотнику возвращаться домой, все добытые соболя ожили и исчезли вместе со шкурами.¹²

Иногда таежникам, якобы, встречались на промысле соболя с золотой цепочкой или шелковым шнуром на шее. Хонгорцы были уверены, что звери с ошейниками представляли собак горных духов (таг эззінін адайы). Подобные представления о мифических лесных духах, рост которых равен высоким деревьям, и собаках, которые похожи на соболей и носят шелковый шнур на шее,¹³ широко бытуют среди всех сибирских народов и относятся к древнему палеоазиатскому пласту культуры.

В тайге запрещалось хвастаться, а также удивляться успеху других, иначе можно сглазить удачу (ырсыланарга). Перед возвращением из тай-

ги в течение трех ночей сказитель исполнял героическое сказание. Заканчивая его, хайджи произносил: «Пусть приумножится скот горных духов! Мы, забрав меха дорогих зверей, оставили тела их в тайге. Возьмите их души! О нас не думайте и не преследуйте!»

Каждый водный источник, река или озеро имели также своих духов-хозяев – «суг-ээзи». Главой всех водных хозяев считался старик Сугдай-хан (Сустай-хан), имевший белую бороду. Он обитал на дне мирового океана. Сугдай-хан имел дочь по имени Сугчар Арыг (Сугча Пичир) с лицом белым, как молоко, и сына Сугчар Молат (Сугча Моке) с лицом чистым, как вода реки. Помощником ему служил царь всех рыб по имени «Кир-Палых», величиной с лодку. Царь-рыба «Кир-Палых» рожден вместе с водой, сотворен вместе с землей.

Каждую весну Сугдай-хан открывал ледоход, спускаясь по рекам, и следил за весенним паводком. На переправах хонгорцы кропили вином речным духам и просили избавить их от несчастий. Речные духи-хозяйки, как правило, представлялись дородными женщинами с распущенными волосами. Они часто сидели обнаженными на берегу реки и расчесывали свои распущенные волосы золотым гребешком. Если такой гребешок попадется человеку, то тот станет богатым. Но ему надо остерегаться воды. В любой незначительной речке хозяйка воды «суг ээзи» может забрать его душу. Подобное представление бытует у всех тюрков Саяно-Алтая.¹⁴ В некоторых озерах, как например, в озере Терпек-коль на вершине горы Ханым-тасхыл, водные духи-хозяева имели образ двух одноногих людей. Обычно они, обнявшись, на паре своих ног носились вокруг водной глади, как ветер. Но стоило им разъединиться, то еле-еле тащились, прыгая на одной ноге. Подобные представления о людях, живущих за кыргызской землей, существовали во времена монгольских завоеваний XIII в. Монгольскому войску, как повествует П.Карпини, после победы над кыргызами встретились чудовища, у которых были только одна нога и одна рука; двое стреляли из одного лука; они бегали так сильно, что лошади не могли их догнать.¹⁵

Согласно хакасской мифологии, от речных духов-хозяев произошел русский народ. Далекий пращур русских женился на дочери хозяина водной стихии, в царстве которого все речные духи имели глаза голубого цвета, а весь скот – светло-голубой масти.

Болезни, как считали хонгорцы, могли распространяться только вниз по течению реки. Поэтому, если в семье заболевали дети, то, чтобы избавиться от болезни, перекочевывали вверх по реке. В старом быту гладь воды часто служила зеркалом для молодых девушек. Однако обычай запрещал смотреться в воду в связи с тем, что упавшая туда тень может

укоротить жизненный век человека. Вероятно, придавалось пагубное значение тени, отделившейся от своего хозяина.

Согласно хонгорским понятиям, ночью вода засыпает. Поэтому вечером, а тем более ночью, за водой к реке не ходили. В случае крайней нужды необходимо было спросить разрешение у речного духа «суг ээзи». Человек, пришедший за водой, три раза наклонялся к реке и три раза тихонько, подув на воду, произносил заклинание: «Хараа таранган сасын, хараа хапхан сугбын» – Я – волосы, расчесанные ночью, я – вода, принесенная ночью! Произносимые слова взяты из клятвы злых сил – «айна», и таким образом человек отводил от себя всякое подозрение. Принесенные ночью ведра с водой сначала ставили у очага и в каждое бросали по три горящих уголька. Пить принесенную ночью воду разрешалось только после очищения огненными угольками от нечистой силы. Кроме того, нельзя оставшуюся после питья воду в ковше выливать обратно в ведро с чистой водой. Ночью там будут видны легкие и сердце человека, пившего воду.

В Хонгорее имеются источники с «живой» водой – «мөңи суг» – букв. вечная вода. Если выпить и умыться сказочной водой «мөңи суг», то организм человека будет вечно молодым. Рассказывают, что одна женщина в горах Сахсары обнаружила источник с живой водой. Она, произнеся необходимые заклинания, выпила «мөңи суг», но забыла умыть лицо. Хонгорянка прожила несколько веков. В 1703 г. она была угнана ойратами в Джунгарию и вернулась на родину в Советское время для того, чтобы опять найти источник, ибо ее зрение давно погасло.¹⁶

Живая вода раньше струилась в реке Минуса, в верховьях Уйбата, под горой Онло и в других местах. Их тщательно охраняли горные и речные духи-хозяева. Во времена сотворения мира «живая вода» находилась в руках Ирлик-хана. Из-под земли ее унесла ласточка. Разгневанный Ирлик-хан в погоне за ней выстрелил из лука. Стрела Ирлик-хана рассекла ей хвост и от боли ласточка выплеснула изо рта украденную жидкость. «Живая вода» растеклась по хвойным деревьям и попала даже на потничную траву – «азанат». С тех пор хвойные деревья и трава «азанат» стоят вечно зеленые.

Земля покрыта лесом и травой. Трава, как считали хонгорцы, являлась шерстью земли – «чир түгі». Согласно народному мировоззрению, каждое дерево имеет своего лесного хозяина «ағас ээзи». Лесные хозяева охраняют уснувшего под кроной дерева путника. Рассказывают, что один человек в лесу, спросив разрешение на ночлег у «ағас ээзи», уснул под раскидистым деревом. Ночью к этому дереву пришла лесная дева. Она стала звать лесного духа, говоря: «Твой дедушка сильно болеет и хочет видеть тебя». Но лесной дух-хозяин дерева ответил: «Я не смогу навесить его, так как у моего подножия спит гость». «Для гостя приготовлен

подарок», – сказала лесная дева. Утром путник проснулся от громкого гула. Он отправился на то место, о котором говорили лесная дева и дух-хозяин дерева, и увидел упавшее большое дерево, в дупле которого находились соболиные меха. Это был умерший дед лесного духа, приютившего путника.¹⁷

Иногда встречаются одиноко растущие вихорёвые деревья «тирби ағас», ветви которых сплелись, как колтун. Подобные деревья назывались также шаманскими – «хам ағас» (ағастың хамы) или священными (ызых ағас). Шаманским деревьям поклонялись женщины, прося исцеления от бесплодия. К ним обращались с просьбами дать жизненную силу для зачатия – «пала таланын пирзін!» – пусть даст детское счастье!¹⁸. Почитаемые деревья «хам ағас» украшались ритуальными ленточками «ча-лама». Их нельзя было ни рубить, ни ломать. Идентичное поклонение шаманским деревьям отмечают исследователи у алтайцев и тувинцев.

Деревья, растущие около культовых мест, считались приносящими счастье (таланнығ ағас). Через них люди получали покровительство духов-хозяев местности.

Существует миф о старике со старухой из аала Тарбаган, которые принесли домой дерево, срубленное около культовой горы Пізеліг-хая. Счастливое дерево (таланнығ ағас) принесло им большое богатство. Став крупными баями, старик со старухой повели себя высокомерно и жестоко по отношению к бедноте. Скала Пізеліг-хая прокляла их и они потеряли дар речи.¹⁹

Деревья считались хранителями родовых душ. Как говорят хакасы: «Ағас – кізі чулазының ибі» – Дерево – это дом человеческой души. Каждый сеок имел свою породу деревьев, т.е. тотемное дерево. Родовые деревья носили названия «сөөк чулазы» – родовая душа, или «ағас сөөгі» – деревянный сеок. Например, у сеока сайын родовым деревом была лиственница (тыт сөөгі – букв. лиственничная кость), у сеока тураң – береза (хазың сөөгі – березовая кость) и т.д. В Хонгорае запрещалось рубить свое родовое дерево, иначе неминуемы плохие последствия. Если все-таки пришлось валить засохшее родовое дерево, то надо было попросить прощение и произнести заклинание: «Мин синің тайызыбын, мин синің чеенізібін» – Не сердись, я твой дядя по матери, я твой племянник по сестре!²⁰ Ложными словами отводили свою причастность к отцовскому роду и обманывали лесного духа.

Увидеть во сне падающее дерево обозначало смерть одного из членов данного рода. Если оно было молодым, то умрет юноша, если старым – то старик, если ветвистым – то многодетный.

Согласно хонгорской мифологии, родовые деревья выросли на могилах из останков представителей рода. Рассказывают, что однажды на могиле умершей девушки из сеока үйс-сағай выросла береза. Родственники решили срубить ее. Но при ударе топором по стволу из надреза

потекла кровь. Береза заговорила человеческим голосом: «Я дева из сеока үүс-сагай. Это дерево после моей кончины выросло из моих костей. Отныне береза станет нашим родовым деревом». ²¹ В этом мифе сохранились смутные отголоски представления о том, что кости членов рода сотворены из определенной породы деревьев.

Впервые сведения о наличии родовых деревьев среди хакасов были собраны нами во время этнографической поездки в 1968 г. Данные материалы в форме отчета были переданы в сектор языка ХакНИИЯЛИ тюркологу М.И. Боргоякову, через которого они стали известны и другим исследователям.

Наиболее почитаемыми деревьями у хакасов считаются лиственница (тыгт) и береза (хазын). Согласно хонгорским мифам, лиственница и береза решили поспорить друг с другом: кто сильнее? Для выяснения своих сил они залегли в воду. От лежащей в реке лиственницы осталась только сердцевина, а кора сгнила. Береза же сгнила внутри, но целой осталась ее оболочка. Она сохранила форму дерева и выиграла спор. С тех пор березу считают чистым деревом (арыг сагыстыг ағас). ²² Береза употреблялась для изготовления детских колыбелей, а при смерти людей, тела которых не найдены, из нее делали кенотафы (кізі сомы). Изображение ветвей березы украшает герб Республики Хакасия, автором идеи был пишущий данные строки.

Лиственницы шли на изготовление колод (хомды) для захоронения покойников. Согласно мифическим представлениям, верховный творец Ах-Худай повелел умершими хонгорцам стать сердцевиной лиственничных деревьев (хатыг ағастың өзені).

К разряду «тяжелых» деревьев относилась черемуха (нымырт). Черемуховыми прутьями нельзя стегать детей, иначе их искалечишь. Нельзя выгонять в поле скот, размахивая и подстегивая черемуховыми ветками. С другой стороны, черемуха преграждала путь злым силам. Например, если семью одолела тяжелая болезнь, то, чтобы оградить себя от напасти, поперек дверей клали черемуховые ветви. При рождении ребенка вокруг роженицы укладывали свежесрезанную черемуху. Когда она выходила на улицу, то опиралась на черемуховый прут. После выздоровления молодая мать прятала его под порог.

Черемуха применялась бурханистами при защите от шаманских нападений. Если во сне видели шамана, то чтобы пресечь его козни, обжигали на огне концы черемухового прута. Затем, выйдя на улицу, три раза плевали в сторону живущего шамана и туда же бросали обожженную ветвь. С этого момента черемуха будет постоянно жечь тело шамана. Он мог спастись от такого наказания только окунувшись в реку. ²³

После захода солнца запрещалось рубить деревья в лесу. Если же ночью появлялась в этом срочная необходимость, то дерево сначала надо было разбудить легким постукиванием топора и затем спросить разреше-

ние у лесного духа «агас ээзи». На постройки и на дрова использовали только сухой, называемый хонгорцами «тыны чох агас» – бездушное дерево. При заготовке леса для строительства дома первое дерево обязательно надо было валить в сторону восхода солнца.

Дрова кололи в специально отведенном месте двора, имевшем сакральное значение. Ночью рубить дрова запрещалось. В случае необходимости к духу-хозяину места колки дров обращались со словами: «Царевна рождает ребенка, срочно рублю дрова для обогрева». Чурка для колки дров (тортпах) имела тоже своего духа-хозяина. Например, запрещалось оставлять на ночь топор воткнутым в чурку. Верили, что последняя будет всю ночь стонать. В таком жилище не будет счастья.

Особым ореолом почтения был окружен дух-хозяин веника (сыбыргы), выполнявшего функцию оберега от нечисти. Веник изготавливали из колючего кустарника, применявшегося в шаманизме, и поэтому дух-хозяин веника считался равным по своей силе шаману, обладавшему девятью бубнами. Веник постоянно находился у дверей.

Когда переезжали в новую юрту, то старый веник забирали с собой. Но если хотели выбросить, то обязательно распускали связывающую его бечевку. В противном случае дух-хозяин брошенного в пустом доме старого веника, прыгая, достигнет своего владельца и принесет ему немало огорчений.

Край рабочей части веника нельзя было обрубить, т.к. можно отрубить голову духу-хозяину. Обрезанный веник ночью казался лежащим голым ребенком, без головы. Веником нельзя ударить человека, иначе будет беда. Рассказывают, что одна женщина, разозлившись на своего мужа, схватила веник и со словами: «Выйди, собака!», – его ударила. Последний превратился в собаку и стал лаять в доме.²⁴

Среди растений особым почетом пользовались богородская трава (ирбен) и вереск (арчын), которые интенсивно применялись при культовых обрядах. Зеленую траву без надобности не рвали. Запрещали скручивать траву в жгуты, ибо верили, что от этого произойдет заворот кишок.

Среди злаковых растений выделяли ячмень (коче). Дух-хозяин злаковых растений, выступавший покровителем ячменя, носил имя «Күлстей Тотай» (Күбегей Тотай). Его имя до сих пор сохраняется в хакасской загадке об обработке ячменя: «Мурус - нарыс Күлстей Тотай». На Северном Алтае имя «Адам Тотой тенгери» связывают с божеством дождя, благодаря которому растут злаковые. При снятии урожая на конце пашни оставляли несрезанный пучок колосьев. Его обвязывали ритуальной лентой «чалама» и называли «хыра үлүзи», – т.е. счастье пашни. Кроме того, часть связанных колосьев под названием «хыра таланы» – счастье пашни, вешали за стропила юрты.

Картофель (яблах) был завезен в Хонгорай в XIX веке и под влиянием представлений русских крестьян о земляных яблоках сатаны стал считаться пищей Ирлик-хана (Ирлік хан тамагы).

Рудные богатства Хонгорая привели к появлению особых культов в области металлургии и кузнечества. Бронза (хола) и медь (чис), согласно хакасским представлениям, обладали магическим свойством, поражающим духов-хозяев местностей и нечистую силу. Горного духа «таг ээзи» можно было поразить бронзовой пулей из круглой пуговицы (хола марха) или ножом с бронзовой ручкой (хола саптыг пычах).²⁵ Подобные представления бытовали практически у всех народов Сибири.

Золото (алтын) находится в ведении горных духов. Они его стерегут. Отблески золотого огня «алтын оды» порой виднеются ночью в степи в виде красного пламени. Счастливец (таланныг кизи), увидевший такие отблески, должен на это место бросить свой головной убор или кушак и три раза тыльной стороной руки хлопнуть по земле со словами: «Ээзи минмін!» – Я хозяин! Потом окропить место вином для ублажения горных духов и только затем приступить к добыче золота. В противном случае оно исчезнет.

Золото использовалось в качестве гаранта при принятии присяги. Известный кыргызский князь Еренак во время клятвенных обещаний русским «пил золото», т.е. пил вино из сосуда, куда был опущен золотой предмет. Подобный обычай существовал у обских угров, которые при клятве пили «с золота воду», приговаривая: «Кто изменит, а ты, золото, чуй!».²⁶

Хакасы верили, что захороненное золото не лежит на месте, имеет способность перемещаться. Поэтому клад надо зарывать обязательно в царе с посторонним предметом. Если спрятать золото с костями зверей, то оно будет ходить, приняв облик зверя, если оно будет захоронено с костями домашнего скота, то будет встречаться в образе животного. Ночью, при встрече с подобными животными, надо произнести: «Чабал полза – чабал пол! Ис полза – ис пол!» – Если ты нечисть – то стань нечистью, если ты золотой клад – то стань золотом! Потом на это место надо бросить что-нибудь из своей одежды. Наутро в том месте, где отыскивали брошенный предмет, находили клад. Вместо найденного золота оставляли белый платок и благодарили землю: «Ис магаа ползын, ах тавар сагаа ползын!» Пусть богатство достанется мне, а белая материя – тебе!

Рассказывают, что однажды ночью бай Кирпич Доможаков вышел за ограду усадьбы в туалет. Навстречу ему выскочила пестрая свинья. Так как хакасы свиней не держали, то он, брезгуя, произнес: «Айна полза – аар чөр! Алтын-хүмүс полза, алнымда чайыл чөр!» – Если ты черт – то сгинь! Если ты золото и серебро – рассыпся передо мной! Затем три раза

ее пул. Как только он ее ударил ногой, то перед ним рассыпалось золото. Кирпич Доможаков собрал богатство в подол шубы и, радуясь, принес его в юрту. После подсчета он узнал свои деньги, которые спрятал в ограде. Утром Кирпич пошел и выкопал горшок, в котором зарыл золото. Горшок оказался пустым, ибо золото ушло.²⁷

Среди хонгорцев широко бытует легенда о золотом кладе Оджен-бега. Накануне присоединения Хонгорая к России, во время угона кыргызов в Ойратскую землю, глава черноголового народа князь Оджен-бег приказал захоронить свою казну. Девять конских выюков золота, золотой трон (алтын сірее) и золотой жеребец (алтын хулун) были зарыты в междуречье Июсов под горой Сарыг-хая (Желтая скала). С тех пор кызыльцы, на территории которых находится клад, под покровительством духов-хранителей золота зажили счастливо. Однако ежегодно в жертву золотому жеребцу необходимо было забивать соловую кобылицу. В конце концов кызыльцы решили выкопать и забрать себе золотой клад Оджен-бега. На горе Сарыг-хая они прорыли глубокий колодец, но вместо золотого жеребца они выкопали конский череп. Тогда с возмущением кызыльцы бросили его через Белый Июс в сторону качинских поселений. Вдруг конский череп превратился в селезня (кõгін õртек) и над Июскими степями разнеслось проклятие: «Вы перестали почитать предков. Поэтому счастье кызыльцев (хызыл чон ырызы) пусть перейдет к качинцам!» После этого качинцы стали жить богато, а кызыльцы обеднели.²⁸

Для того, чтобы достать клад Оджен-бега, нужно было в качестве выкупа принести на заклятие желтую овцу, соловую кобылицу и рыжую девушку.

Согласно хонгорской мифологии, в последний год мира золотой жеребец оживет, и на золотом троне снова воссядут черноголовые правители Хонгорая.

Итак, земля и вода ассоциировались в Хонгорае с понятием святой родины. После утверждения бурханизма возникло почитание общенародной святыни – горы Борус, затмившей собою родовые горы.

2.2. Астральный мир и атмосферные явления

Небо (тигiр) у хонгорцев представлялось в виде купола громадной юрты, где Полярная звезда являлась дымовым отверстием (тигiр тiндiгi).

Согласно зачинам героических сказаний, земля создавалась в сплаве с медью, небо возникло из жести, а солнце и луна зарождались вместе с серебром и золотом («чиспiнен чир пiдерде полтыр, тiнтебинен тигiр пiдерде полтыр», «алтын аралап ай пiдерде, кiмiс аралап кiн пiдерде»).²⁹ Идентичное представление было распространено в Зороаст-

ризме. Например, согласно учению Заратустры, «сначала из сверкающего металла было создано небо в форме яйца». ³⁰ Вероятно, влияние древней иранской религии на Саяно-Алтае имеет глубокие корни и ведет к скифской эпохе. Окружающее пространство хонгорцы воспринимали через определение неба и небесных светил. Восток у них считался передней стороной неба – «тигир алны» или передним местом – «ілгер» (іскер). Запад соотносился с тыльной стороной неба – «тигир соо» или местом заката солнца – «кидер», «күн кірізі». Юг назывался верхней стороной – «ўстўнзарых» или солнечным местом «кўн тузы», а север – нижней стороной – «алтынзарых» или местом солнечного сироты – «кўн ۆксізі».

Самым почитаемым небесным светилом являлось *Солнце* (*кўн*). Каждое утро при восходе солнца ему кланялись, обращаясь со словами: «чаяным осхас чарых кўнім!» – богоподобное мое светлое солнце!

Хонгорцы, как и другие тюрки Саяно-Алтая, при справлении своих естественных потребностей не должны поворачиваться обнаженными местами в сторону почитаемого светила. Воздух считался дыханием солнца (кўн тынызы).

Во время солнечного затмения – «кўн ۆлгені» (букв. умирание солнца) все люди выходили на улицу и поднимали сильный шум, крича во весь голос «кўн ۆлді» – солнце скончалось! Мужчины из охотничьих ружей стреляли в сторону затемненного солнца и стучали в медные тазы. Кроме того, крутили до визга уши собакам. Считалось, что солнце может слышать лай и визг собаки.

С почитанием небесных светил связан свадебный обряд поклонения невесты солнцу и луне (айга-кўнге пазыртханы). Согласно хакасским мифам, один юноша спрятал лебединую одежду (хуу киби), скинутую у озера «Алтын-кель» девушкой-лебедью. Последняя вынуждена была пойти за него замуж. Она оказалась дочерью верховных творцов и забрала его с собой в небесную обитель (чаян чирі). Божественные родители девушки-лебедя совершили над ней обряд переплетения волос (сас тойы) и поклонения Солнцу и Луне. Когда молодые вернулись на землю, то распространили этот обычай среди хонгорцев. ³¹ Ритуал поклонения солнцу и луне является своего рода венчанием и присягой на верность в супружестве перед высшими светилами.

В паре с солнцем непременно выступает ночное небесное светило – *Луна* (*ай*). Поэтому жители Хонгорая называли себя «айлыг-кўнниг чон» – люди солнечного и подлунного мира. По Луне и Солнцу вели летоисчисление. Хакасский месяц насчитывал 30 суток и делился на две фазы по 15 дней: «ай наазы» – новая луна и «ай иргізі» – старая луна. Первые два дня новорожденный месяц виден только собаке «через игольное ушко» и

поэтому носил название «туйух наазы» – закрытое новолуние. На третий день новолуния люди могли лицезреть, как молодой месяц натянул свой «пук с тетивой» (ухчаа-кiрiс). Увидев новую луну, хакасы трехкратно ей кланялись. На четырнадцатый день новолуния наступало «белое полнолуние» (ах толы) и было самым благоприятным временем месяца. Когда полная луна показывалась на небе, девушки совершали ей моления. Пятнадцатый день носил название «красного полнолуния» (хызыл толы) и считался последним днем новой луны. По представлениям хакасов, в день «красного полнолуния» месяцу обрезали горло и он, обагренный кровью, медленно, в течение пятнадцати дней, умирал. В честь обагренной луны требовалось пролить кровь и поэтому в этот день обязательно забивали овцу или, в крайнем случае, курицу.

Счет старой луны вели в обратном направлении. На третий день ущербного месяца луна исчезала с небосвода и была видна, якобы, только собаке.

Хакасы уверены, что судьба новорожденного зависит от фазы луны, при которой он родился. Если человек появился на свет при рождении нового месяца (ай аразы), то он будет счастливым. Но если ребенок родится на старую луну, то век его будет коротким. На новый месяц молились, лечили болезни, делали свадьбы, совершали жертвоприношения. При старом месяце делали поминки, но никогда не начинали жизненно важных дел.

Время рождения нового месяца носит хакасское название «ай аразы» – букв. междулуние, т.к. ночного светила не видно. По хонгорским поверьям, в момент рождения новой луны небо внезапно озарялось. Явление озарения неба мог увидеть только счастливый человек. В том случае, если хонгорцу открылось озарение неба в «междулуние», то надо быстро опрокинуться на спину, схватить из-за правого плеча любой попавшийся предмет на земле и произнести заветное желание. Оно будет исполнено. Например, если произнести «тöнiс пай полим» – буду вечным баем, то человек станет богатым. Но если счастливец ошибется и проговорит «мöнiс пай полим» – буду грустным баем, то он вечно будет ходить грустным.

На луну нельзя показывать рукой. В случае нечаянного совершения такого действия, нужно было отвести от себя подозрение словами: «Не я показывал, а чурбан показал». Согласно хакасским мифам, одна девочка ночью пошла за водой и показала луне кукиш. Та оскорбилась, тотчас же спустилась на землю и забрала ее с собой.³²

Ночью нельзя плакать. Хакасы пугали плачущих детей луною, которая забирает таких малышей к себе. Рассказывают, что одна девочка-сирота росла в услужении у бая. Ее заставляли работать и днем и ночью.

Однажды зимой ночью ее отправили за водой к реке. Замерзшая девочка остановилась у проруби и сильно заплакала. Луна пожалела ее и вместе с ведрами забрала к себе. На «белое полнолуние» месяца девочка с коромыслом хорошо видна людям.³³

Согласно хакасской мифологии, на Луне обитает прожорливое чудовище Чилбиген, выдворенное туда богом Ах-Худаем ради спасения человечества. Лунное затмение («ай олгени») – букв. умирание Луны) происходит из-за Чилбигена, желающего ее проглотить.

По другим фольклорным версиям на Луну поднимается злая колдунья, желающая смерти ночного светила. Она взмывает на небо по белой шелковой нити «ах чибек», которая в виде луча протягивается от воткнутых в порог юрты шила или ножниц. Когда ведьма появляется на Луне, то становится темно, так как она распускает свои волосы и закрывает светило.³⁴

В период затмения Луны хакасы производили невероятный шум, выкрикивая: «Луна умерла!» Обязательно стреляют в нее из ружья, иначе Чилбиген или колдунья не испугаются и не отпустят свою жертву. Если они не отпустят Луну, то наступит последний день мира (түгэнчи чыл). Для того, чтобы оживить Луну, крутили до визга уши собакам и звенели колокольчиками.

Небесные звезды (чылтыс), согласно мифологии, представляют души великих богатырей, поднявшихся на небо для продолжения неземных подвигов. Почитая их, людям нельзя показываться ночью без головного убора. Если звезды увидят непокрытую голову женщины, то у нее выпадут волосы. Таким образом, по отношению к звездам соблюдался точно такой же обычай «избегания», как и к старшим родственникам и предкам мужа. Например, невестка не имела права показываться простоволосой перед очами свекра, тем более расчесывать волосы в его присутствии, иначе она облысеет.

Отдаленные времена на земле жили две сестры-воительницы по имени Алтын-Талбырга и Ирке-Чаха. Они были настолько могучими, что Луна и Солнце качались от их движения. Не было богатыря, который годился бы им в спутники. Из-за неземной силы владыка Ах-Худай превратил их в звезды. Алтын-Талбырга стала утренней звездой – Венерой (Таң Солбаны), а Ирке-Чаха – вечерней (Иир Солбаны).³⁵

Во времена создания земли и сотворения неба созвездие *Большой Медведицы* (*Читиген*) являлось семью братьями-ханами, а *Плеяды* (*Улгер*) были семью сестрами. Семь дев жили на берегу Божьего озера (Тигір көл) у подножия горы Читі хыс (букв. семь дев). Отцом Плеяд был правитель Хан-Чигетей. Однажды семь братьев-ханов украли одну из его дочерей. Отец Плеяд бросился в погоню, но братья-разбойники по зеркальной по-

верхности Небесного озера «Тигір көл» поднялись на небо и превратились в семь звезд созвездия Большой Медведицы. Хан-Чигетей в ярости выстрелил из лука в убегающих братьев и стрелой пригвоздил небо. С тех пор Большая Медведица кружит вокруг стрелы Хан-Чигетея, ставшей Полярной звездой (Хан Чигетей угы). Среди семи звезд Большой Медведицы виднеется еще еле заметная звездочка Алькёр – украденная дочь Хан-Чигетея. Оставшиеся шесть сестер превратились в созвездие Плеяды. Отец Плеяд сам превратился в созвездие Волопаса и пребывает в состоянии вечной погони за Большой Медведицей. Когда Хан-Чигетей догонит семь братьев-ханов, то наступит последний год мира (түгенчи чыл).³⁶

На севере Хонгорая о Плеядах нам пришлось услышать другую версию. Однажды знаменитый охотник Тулун-хара в долине Белого Июса в местности Сарас увидел семь сивых селезней «көгін өртек». Приложив все свои усилия, он не смог их подстрелить. Семь долгих лет Тулун-хара преследовал уток. В конце концов они удалились на небеса, где стали созвездием «Утиное гнездо» (Өртек уязы), т.е. Плеяды. Охотник поднялся следом за ними и превратился в звезду «Түлүн хара чылтыс» – звезда Адьдебаран в созвездии Тельца.³⁷ Возможно, в данном варианте представлен более древний охотничий пласт культуры. Надо отметить особое значение селезня в мировоззрении хонгорцев. Именно эта порода уток – «көгін өртек» имеет свойство превращаться (как, например, душа убитых шаманов или духи золотых кладов) и способность проклинать человеческий род.

Согласно другим мифам, Плеяды (Улгер) представляются творением Ирлик-хана. В древние времена, когда круглый год царило лето, Ирлик-хан создал Плеяды, от которых распространился невыносимый холод и мороз. Ах-Худай решил избавиться от творения подземного брата. Он вызвал лошадь и попросил разбить копытом адское создание (айнаның нимезі), чтобы оно провалилось под землю. Просьбу Ах-Худая услышала корова. Она, оттолкнув коня, промолвила: «Несмотря на мое раздвоенное копыто, я намного тяжелее тебя». Корова ударила своим копытом испускающее холод создание и разбила его на семь частей. Однако сквозь прорезь раздвоенного копыта разбитое творение Ирлик-хана прорвалось наверх, поднялось на небо и превратилось в семь звезд созвездия Плеяд. Если бы корова не помешала коню, то на земле не было бы холода.

Начиная с октября (на 15 день новолуния) и кончая апрелем (на 3 день новолуния), один раз в месяц (через каждые 28 суток) лунный диск сходится с Плеядами. В январе хонгорцы наблюдали их видимое схождение (айнаң хонысханы) на девятый день новолуния и по ним определяли будущий год. Если Луна «покрыла» Плеяды, то будет холодный год, если

прошла рядом – то урожайный. На третий день новолуния в апреле соединение Плеяд с Луной могла, якобы, увидеть только собака. По представлениям хонгорцев, холодное созвездие на лето опускалось в подземный мир к своему творцу Ирлик-хану, где его созерцали только души умерших людей (үзүт). Ближе к осени Плеяды опять восходят на небо, обжигая землю холодным дыханием. Путь их восхождения получил название у хонгорцев «Хыро чолы» – Дорога инея, известная в русской мифологии как «Млечный путь». Время их возвращения на небосклон именуется «Ўлгер айы» – месяц Плеяд. ³⁸ Счет месяцев по покрытию Плеяд Луной распространен у многих тюркских народов и относится к древней системе времяисчисления.

Общетюркский термин «ўлгер» в хакасском языке обозначал не только понятие созвездия Плеяды, но и Ориона («Адай Ўлгері» – Собачьи Плеяды), а также имел и более широкое обозначение звездных небес. Например, «ўлгер үзлді, чаас чарылды» – небо обóрвалось, земля разверзлась (о чрезвычайном событии); «ўлгербінең ұлұстіг» – имеющий небесную судьбу и т.д. Вероятно, данный термин применялся также и для обозначения небесного творца – Ульгена (Ўлгенніг хан, Ўлгерліг хан). ³⁹

Созвездие *Малой Медведицы* хонгорцы именовали «Адай Читигені» – Собачий Читиген, т.е. спутница Большой Медведицы. Согласно хакасской мифологии, созвездие состоит из двух коней белой и сивой масти (ах ат – көк ат), привязанных на аркане к медному столбу земной оси, т.е. Полярной звезде (чир кінніг чис обаага аргамчылаан ах ат – көк ат чылтыс). Благодаря паре небесных коней – «ызыхов» созвездие также именуют «Хосхар» – т.е. Парное созвездие. Здесь находилась обитель духов – хозяев белого и сивого «ызыхов».

Конювьяз созвездия, т.е. Полярная звезда, в различных аймаках Хонгорая имеет различные наименования: «Чир кині чылтыс» – Звезда земной оси; «Алтын теек» – Золотая конювьяз; «Тигір ортазы тимір өрген» – Железный кол центра неба; «Хан тигірниң кині» – Пуп космоса и др.

Зимнее созвездие *Орион*, располагающееся ниже Плеяд, хонгорцы зачастую именуют «Адай Ўлгері» – т.е. Собачьи Плеяды. Три наклонно расположенные звезды, составляющие пояс Ориона, представляют поднявшихся на небо трех маралух. Отсюда второе название Ориона – «Ўс Муйгах», т.е. Три маралухи. За ними в вечной погоне находится богатырь Көкетей – «Көкетей чылтыс», т.е. звезда Сириус. Звездное скопление под «Тремя Маралухами» называется «собака Кокетея по имени Хубай-хус» (Көкетей адайлары Хубай хус чылтыс). Она также преследует зверей. Звезда Ригель созвездия Орион называется «зять Кокетея по имени Хан-Тёнгис, ездящий на темно-гнедом коне» (Көкетей кізöзі хара

тораатыг Хан Төнгис). Выпущенная им стрела во время головокружительной охоты на маралов – звезда Бетельгейзе (Хан Төнгис угы), пробивает насквозь одного из зверей и по этой причине имеет кровавый цвет. Кокетей также стремится поразить бегущих от него маралов. Звезда Беллатрикс представляет выпущенную в цель стрелу (Көкетей угы). Богатырь Кокетей наказан богами вечной погоней за тремя маралами. Только в последний день мира он сойдет обратно на землю.⁴⁰

Метеориты, известные у хакасов под названием «тор», согласно народным представлениям, добра не приносят. В той стороне, где падает «тор», появляются болезни. Если «тор» упадет на территорию аала, то распространится эпидемия среди людей, если в степи, то мор появится среди скота. Во время метеоритного дождя, дабы оградить людей от напасти, хонгорцы читали заклинание: «Паар чили син пат, өкпе чили мин өөрлим, тас чили син сөк, тахпай чили мин чачырим!» – Словно печень ты погрузись, словно легкие я поднимусь, как камень ты упади, как щепка я отскочу!

Упавший на территорию аала «тор» вечером может предстать в образе прекрасной девы, сводящей с ума молодых парней. Для того, чтобы узнать в ней «тор», надо заглянуть девушке за спину. Спина «тора» просвечивается насквозь и видны печень и легкие. Небеснос наваждение можно поразить из ружья, заряженного бронзовой круглой пуговицей. До сих пор женщин, приносящих несчастье мужу или у которых умирают мужья, иносказательно называют «тор хат» – букв. метеоритная баба. Представления тюрков Саяно-Алтая о метеоритах – «тор» совпадают с зороастрийским учением о «пэри» – небесных созданиях Ахримана.

Встречающиеся на поверхности земли *осколки метеорита* с наличием металла (железа) имеют название «*тикпе-тас*». Их хранили на счастье как обереги. «Тикпе-тас» служил защитной аурой простого смертного (тик кизиң тикпезі).⁴¹ Возможно, такое отношение к ним возникло со времен Кыргызского государства, когда предки хакасов изготавливали из метеоритного железа острое оружие.

Атмосфера земли именуется по-хакасски «*чиген*». Возможно, слово имеет персидское происхождение, где термин «джихан» обозначает – земля, мир, вселенная. В героических сказаниях, когда борются богатыри, то применяется выражение – «Чир пизіп халган, чиген согылып халган» – Земля закачалась и воздушная атмосфера сотряслась. Интересно отметить, что медведь, почитаемый зверь у тюрков Саяно-Алтая, иносказательно именуется как «чир кизи» – земляной человек, так и «чиген частыхтыг» – всеслышащий (букв. имеющий атмосферную подушку). На человека, который все слышит и все знает, также говорят «чиген частыхтыг» – т.е. имеющий подушку из воздушной оболочки Земли.

Первые раскаты грома (*күгүрт*), так же, как и первые звуки кукушки, отождествлялись хонгорцами с наступлением Нового года – «Чыл пазы». Гром разгонял чертей и очищал от них землю. При первом весеннем громе все домашние выскакивали на улицу, а двери открывали настежь. Помещения освобождали от всех животных, включая собак и кошек. Хозяйка, зачерпнув ковшом айран, обегала три раза по солнцу (*күнгер*) юрту, стучала по каждому звену решетки (*тала*) ковшом и со словами арабского происхождения «элем-салам» – т.е. мир над вами, кропила айраном на все стороны. Остальные домочадцы, опалив на огне до черноты края черемухового прута или взяв кочергу (*көзөр*), садились на них верхом и по солнцу обегали три раза юрту, опоясывая ее «огненным» кольцом. Подобные действия были направлены против злых сил «айна», которые пугались огня. Во время опоясывания юрты обоженной черемухой произносили заклинания: «Я услышал раскаты первого грома! Пусть я стану богатым! Пусть мои коровы станут стельными, а скотный двор наполнится скотом!».

Если первый гром прогремит с южной стороны, значит будет много молока у кобылиц, если с северной стороны – то будут молочными коровы, если с восточной – овцы, если с западной – собаки. Когда же грянет гром прямо над головой, то обилие молока появится у женщин – матерей. Хозяйки в основном старались кропить айраном на юг и на север со словами: «Пийим сүттүг ползыні, инегім сүттүг ползын! – Пусть мои кобылицы будут молочными! Пусть мои коровы будут молочными!»

Обряд подчеркивал скотоводческий характер жизни хонгорского народа, где юг ассоциировался с обителью духов покровителей лошадей, север – коров, восток – овец, запад – собак, а центр – людей.

Завершали обряд гаданием «төрік». Хозяйка бросала опорожненный ковш на землю. Если он упадет отверстием вверх, то все радостно кричали – «ах төрік» – белая судьба!, что обозначало счастье, т.е. скот будет тучным и молочным. Но если ковш падал вверх дном, то восклицали «хара төрік» – черная судьба, что связывалось с неудачей. Затем ковш вешали над дверью, где он находился трое суток. Подобный весенний обряд выполнялся не только тюрками Саяно-Алтая, но и кыргызами Тянь-Шаня. Во время первых весенних гроз кыргызские женщины с подойниками в руках три раза обегали юрту и кричали: «Разверзись земля и появись трава, разверзись вымя и появись молоко!».⁴²

Молния (чазын) считалась стрелой Громовержца «Күгүрт-чаячы» или самого бога Ах-Худая. Громовержец мечет свои стрелы «күгүрт уғы» в чертей для очищения земли. Нечистая сила «айна», как правило, прячется под лиственницей, которая поэтому часто разбивается молнией. Щепки разбитого молнией дерева брали на счастье домой, так как освящен-

ные Громовержцем, они служили оберегом против болезней. Убитое молнией животное водружали на настил «күгүрт сеері», на четырех столбах с бревенчатым перекрытием. Хонгорцы верили, что животное, убитое стрелой бога – «худай угы», угодно небесному владыке и его нельзя ронять в земле.

Громовые стрелы «күгүрт угы» – камни, напоминающие яйцо синего цвета, попадались только счастливому человеку. Нашедший громовую стрелу должен хранить ее в потайном месте и никому об этом не говорить, иначе он сглазит свое счастье. Человек, обладающий ею, станет богатым.

Громовые стрелы оказывали магические действия при лечении больных и на изменение погоды. Их нельзя держать голыми руками, а только завернутыми в белую материю или в правую полу одежды. При лечении болезней высекали искры из громовых стрел, ударяя ими о кресало. Но самое большое влияние они оказывали на погоду. Если громовую стрелу «күгүрт угы» показать солнцу и произнести заклинание: «Агбан пазы Апыр-Чапыр, Ким пазы Кимір-Чамыр» – Верховья Абакана с духом дождя (по имени) Апыр-Чапыр, верховья Енисея с духом осадков (по имени) Кимір-Чамыр, – то пойдет сильный дождь. Этот обряд, как обязательный, совершал руководитель Небесного жертвоприношения. Сколько раз он взмахнет громовой стрелой, столько дней будет идти дождь.⁴³

Умение вызывать дождь при помощи магических камней «күгүрт угы» или «яда-таш» (чаат, жай-таш) встречалось у всех тюрко-монгольских народов Центральной Азии.

От удара молнии порой загорались деревья. Хонгорцы называли такое явление «небесным огнем» (тигир оды, күгүрт оды) и приписывали ему магические свойства. Если «небесный огонь» принести домой и три года поддерживать горящий очаг юрты, то семья избавится от всех болезней, а хозяин станет крупным басм. Но если он погаснет, то семье грозила гибель.

Во время удара молнии, когда человек находится в пути, а также когда необходимо взять ветви дерева с «небесным огнем», читалось заклинание: «Мин сайын кизінің тайызыбын, мин сайын кизінің чеенізібін» – Я дядя по матери сайынского рода, я племянник по сестре сайынского рода. Высказанное в заклинании желание принадлежать к родственникам рода сайын связано с хонгорской мифологией. Когда-то предок рода сайын поразил своим выстрелом нечистую силу «айна» в образе голого с черным задом черта, укрывшегося в расщелине скалы и дразнившего Громовержца кукишем (в варианте – выставляя черный зад). Последний более 40 лет метал свои молнии в нечистого, но не смог его поразить. С тех пор сеок сайын славится Громовержцем «Күгүрт-Чаячы».⁴⁴

Согласно хонгорской мифологии, там, где прошел Громовержец, вставала радуга «күгүрт чолы» – букв. дорога грома. В сагайском диалекте

радуга называется «*тигир хуры*» – небесный пояс. Последнее обозначение соотносится с другим мифом, по которому человек, сумевший пройти под радугой («тигир хурын чүктенерге – букв. взвалить на себя небесный пояс»), поменяет половую принадлежность – мужчина станет женщиной, а женщина мужчиной. Пройти дано не каждому, а только счастливому. Прощедший под радугой человек станет бессмертным.⁴⁵ Подобные мифы известны многим народам Евразии (туркам, восточным славянам, народам Кавказа).⁴⁶

Дождь (нанмыр) проливался на землю духом-хозяином, имевшим название «Кимир-Чамыр» (Апыр-Чапыр). Для вызова дождя хонгорцы пользовались различными магическими приемами. Широко использовались растения, такие, как чемерица (халчуп) и луговой зверобой (күгүрт оды), растущие после первого грома. Если их сорвать и показать солнцу или окунуть цветами в воду, то ясная погода испортится и пойдет дождь.

Для прекращения затянувшегося дождя в него бросали режущим оружием – ножом или топором и произносили заклинание: «Улуғ хамнын устуғызын, кічіг хамнын кирізізің» – Ты бедренная кость большого шамана, ты локтевая кость малого шамана.

Другой магический способ заключался в сжигании соли (тус), образование которой в соленых озерах Хонгорая связано с ясной погодой. Человек, рожденный в ясные дни, бросал три раза по три щепотки соли в огонь и произносил три раза: «Аязын тарт!» – Притяни свою ясность.

Выпадение летом *града (таc мундир)* зависело, якобы, от проделок горных духов. Во время сильного града выходили на улицу и, размахивая ножом, читали заклинание: «Абыган пазын ала пар! Ким пазын кизе пар! Том пазын гобыра пар! Упсұ пазын үзе сап!» – Направляйся в верховья Абакана! Переплавляйся через верховья Енисея! Пройди насквозь верховья Томи! Переруби верховья Тубы!

Исходя из смысла текста заклинания, нежелательное стихийное явление отправляли за пределы Хонгорая.

Происхождение *ветри* хонгорцы связывают с действиями духа-хозяина ветра «Чилдей-хана». Когда надо было вызвать ветер, то начинали свистеть, а потом произносили заклинание: «Чил эзі Чилдей хан! Алтын өргесің тоғыс ізігін аза тарт! Чилің позыт!» – Хозяин ветра Чилдей-хан! Открой девять дверей золотого дворца, выпусти ветер! Обитель хозяина ветра Чилдей-хана находилась в устье реки Хан-Тегир в Саянских горах.

Зимой, в пору невыносимых холодов, чтобы потеплело рассказывали сказки о хозяине *мороза* Хумдузахе. После исполнения сказки необходимо было обратиться к духу-хозяину мороза со словами: «Хумдус, Хумдус, Хумдузах! Хумдус чоорганнаң чабыныстах!» – Бобр, бобр, Хумдузах! Закройся бобровым одеялом!

Кроме того, для потепления в очаге сжигали траву «ізіг от» – букв. горячая трава (из которой делали кисточки для побелки домов). Она об- ладала, якобы, магическим свойством. Подобные приемы борьбы с холо- дом применялись и другими тюрками Саяно-Алтая.

Дуновение теплого легкого ветерка – зефира хонгорцы воспринима- ли как дыхание подземного божества Ирлик-хана. Он, в силу своей под- лости, пытается навредить людям. Во время дуновения теплого зефира (тан) запрещалось дышать открытым ртом. Если его вдохнуть, то челове- ка разобьет паралич. Поэтому паралич по-хакасски называется «тан сап- ханы» – букв. удар зефира. С какого бока обдует Ирлик-хан – та сторона и будет подвержена параличу.

Совсем другое отношение было к весеннему теплему ветерку, которо- го называли «Күүлгек нанчы» – друг Куульгек и «Чикпек нанчы» – друг Чикпек. Дух-хозяйка теплого весеннего ветра по имени «Күүлгек иней» окончательно растапливала снег. В этот период хонгорцы доставали из кадок замороженное мясо (үүче) и начинали его вялить на улице.

Появление вихря «хуюн» встречали со страхом. По хонгорским пове- рьям в виде вихря (смерча) двигается нечистая сила «айна», которая уно- сит души людей. Где закружится вихрь, там ждали несчастного случая. При встрече с ним три раза плевали в сторону вихря и произносили заго- вор: «Хурай-Хурай! Тагаяхтыг тас хат Төрбетсер пар! Таар тонныг хуу хат Сояззар пар! Палты – пычах!» – Хурай-Хурай! Плешивая баба в тюбетейке, отправляйся в Западную Монголию! Ведьма в полусуконном халате, отправляйся в Туву! Топор и нож!

Проговорив заклинание, брали нож или топор и три раза бросали в середину вихря.

Рассказывают, как однажды в сенокосную пору, когда Микейле Ко- ков переворачивал валки сена у аала Тогзаас, налетел вихрь, разметав- ший скошенное сено. Старик Микейле, недолго думая, проговорил «пы- чах-палты» и бросил в центр вихря свой нож, висевший у него на боку в ножнах. Вихрь моментально исчез. Но вместе с ним исчез и нож. Микейле бесполезно искал его на том месте.

Спустя некоторое время, осенью, он отправился вниз по Чулыму в аал Монастырев для покупки коня на зимний убой (согым). Когда его стали угощать в доме, где он решил купить коня на мясо, то на столе увидел свой нож со всеми приметам. Удивленный Микейле спросил у хозяина юрты – откуда появился этот нож у них? Хозяин был шаманом из рода Додонковых. Он объяснил: «В долине Чулыма заболел человек и я отпра- вился в шаманский путь, но мой невидимый дух ушел далеко в верховья Белого Июса. Там я увидел людей, сгребавших сено, и решил раскидать валки, но в мое бедро попал нож. Тогда мне пришлось вернуться обратно домой с поразившим меня ножом».⁴⁷

Итак, хонгорцы, как и все тюрки Саяно-Алтая, благодаря познаниям в области астрономии, создали свой календарь, придумали систему названий созвездий, а также выработали магические способы влияния на атмосферные явления.

2.3. Живой мир

Домашние животные представляли главное богатство скотоводов Хонгорая. Самым умным животным считалась *лошадь*, воспетая в героических сказаниях. Конь был верным другом человека, добросовестно служащим при его жизни, а после смерти сопровождавший его в загробный мир. Имя человека и конь в тюркских языках носят идентичное звучание «ат», ибо в эпической жизни богатырь неразрывно связан со своим конем. При обычае побратимства названные братья обменивались конями (ат алызып), при свадебном обряде невесту отдавали взамен коня «баш ат», при разводе с женой последней отдавался конь во всем снаряжении «ат-тон» и т.д. В зависимости от масти разводимых лошадей получали даже свои названия «цветовые» подразделения хакасских сеоков. Например, «ах пора аттыг ах хыргыс, көк пораттыг көк хыргыс, хара пораттыг хара хыргыс» – белые кыргызы, имеющие бело-сивых коней; небесные кыргызы, имеющие небесно-сивых коней; черные кыргызы, имеющие черно-сивых коней. Покровителем коневодства считался мифический глава священных белых лошадей – «Адам Пайта хан». Возможно, это имя является хакасским вариантом названия «Камрат-ата» – хранителя лошадей в мифологии казахов и кыргызов.

Плеть, повод и уздечка коня имели сакральное значение. Ни поводом, ни уздечкой нельзя бить коня, иначе погибнет хозяин. Запрещалось заходить в юрту, держа в руках плеть и уздечку. Повод коня никогда не заносили в помещениe. Его привязывали на улице.

Отправляясь в путь (чорых), завязывали конец повода коня или аркана, чтобы дорога стала удачной (чолы туйух ползын – букв. пусть дорога будет глухой!). После выезда из дома в течение трех дней нельзя подметать и мыть полы, дабы не смыть следы путника. Если в пути конь фыркает (пыргырып), то значит дорога будет удачной. В связи с этим коню говорили: «Он пурный ползын!» – Будь здоров! После возвращения из поездки, до тех пор, пока не остынет пот лошади (тир соодарга), нельзя заходить в дом. От пота неостывшего коня могут заболеть находящиеся в юрте дети.

Если кобылица приносила двух жеребят (а цельнокопытным предопределено жеребиться одним детенышем), то существовал следующий обычай. Двойню отводили на берег реки и бросали в воду. Жеребенок, по-

плывший вверх против течения, оставлялся в доме хозяина. Тот, кто поплывет вниз по течению, считался слабым, и его отдавали беднякам. Если оба жеребенка поплывут вниз по течению, то не брали ни одного. Устраивали бега среди ребяташек и вручали их в качестве призов. Когда же оба жеребенка поплывут вверх, то это считали за счастье и оставляли их у хозяина. Идентичный обычай бытовал среди тянь-шаньских кыргызов.⁴⁸

После смерти хозяина его верховой конь получал специальное название «хойлага». Как только начинали обряжать умершего человека, то хойлага привязывали к дверям юрты. Его седло и чепраки располагали задом наперед. Гриву и хвост заплетали по часовой стрелке, т.е. так же, как косы вдовы.

К задним торокам седла прикрепляли шубу покойного, которая исполняла роль заместителя хозяина. Хойлага, привязанный у юрты, выдерживал траурное стояние (тулланганы) до семи дней.

На сороковые поминки хойлага выводили на кладбище, три раза обводили против часовой стрелки вокруг могилы, после чего забивали ударом ножа в затылок. Шкуру хойлага снимали вместе с головой, конечностями и хвостом. Нижнюю челюсть убирали, иначе на том свете хозяин не сможет управлять конем. Хвост и грива оставались заплетенными вместе с лентами «чалама». В ногах могилы устанавливали «чахы» – специальное деревянное сооружение для вешания шкуры хойлага. Шкуру набрасывали на «чахы» таким образом, чтобы голова смотрела в сторону заходящего солнца. Создавалось впечатление бегущей в небеса лошади.

Тушу хойлага разделявали по суставам. Кости ломать запрещалось. На том свете верховой конь – хойлага опять станет служить своему умершему хозяину.

Скот запрещалось ласкать. Если хозяин сильно ласкал теленка, то ему говорили: «Чырғалың полар!» – Он станет тризной на твоих поминках. Если лелеяли жеребенка, то говорили: «Тон сёөгін тартар» – Он повезет твой груз. У человека, часто ласкающего скотину, судьба может отыгаться на детях, которые могут вырасти морально подавленными (сүрні пасча). С другой стороны большим преступлением считалось наносить побои скоту, а тем более забивать на мясо молодняк. Во время похорон для угощения закалывали быка или корову. Это животное носило название «төгүг» – скот, убиваемый для кропления кровью души умершего. Этот обычай сохранился от древних тюрков, у которых словом «төкүк» называли жертвенное окропление.

Прут (сыйдам), которым выгоняют скот на пастбище, имеет сакральное значение. Его обязательно приносят домой. Если прутья выбрасывать, то скот будет разбредаться и из дома уйдет счастье.

В том случае, когда лошади или коровы заночуют в степи и хозяин не может их найти, тогда применяли охранительную магию. Дома завязыва-

ли рукава мужской шубы, дабы у воров онемели руки. Поясом стягивали вместе голенища сапог, чтобы спутать ноги скота и парализовать его дальнейшее движение. Затем втыкали в порог или в правый косяк двери нож или открытые ножницы, чтобы пасть хищных зверей при попытках схватить скот испытывала боль. В завершение читали заклинание: «Пусть скот, оставшийся в степи, переночует неведимым!»⁴⁹

Указанные магические приемы использовались кочевниками с древнейших времен. Так, например, гунны во время боевого похода приказывали шаманам «связывать ноги лошадям, чтобы вызвать ответное схожее действие – парализовать коней противника, лишить их возможности двигаться».⁵⁰

Во время отела коров применялись суеверные запреты. Первое молоко сдаивают, пропуская соски сквозь серебряное кольцо, дабы никто не сглазил. В дальнейшем обязательно доили коров с серебряным кольцом на руке. «Закольцованное» молоко становится недоступным для нечистой силы и колдунов (сыбырагчы). Кольцо служит оберегом против опухоли сосцов. В том случае, когда заболит вымя коровы, то молоко сцеживают сквозь отверстие дырявого камня «үттүг тас», который носят привязанным к дойному ведру. После такой процедуры надоенное молоко отдается собаке, чтобы окончательно покончить со злыми силами. В некоторых случаях для снятия боли в вымени коровы применяли медвежий коготь, обувь вдовы или женщины, родившей двойню. Носком правой обуви три раза проводили по опухоли. Вероятно, и вдова, и рожаящая двойню женщина окружены особыми покровителями. Послед – «намыс» убирала на крышу скотного двора и не давали обнюхать животному, иначе не будет приплода.

После отела коровы проводили празднество «нызо тойы» (букв. пир теленка). Самым важным обрядом на нем является действие «хасхалирға» – метить лоб новорожденного теленка молозивом (оос). В чашку наливали кипяченое молозиво и три раза поливали им теленка, делая белые полосы (хасха) от головы до хвоста. В момент обряда хозяйка высказывает благопожелания: «Пастагчы полба, палгасха патып паразып! Мал соона халба, пүүрге туттыр саларзың! Мал аразынча чөр!» – Не будь предводителем, утонешь в грязи! Не отставай от стада, попадешься волку! Пасись среди скота!

Точно такой же обычай существует у тьянь-шаньских кыргызов. Когда коровы телятся и дают первое молоко, то кыргызы это молоко кипятят, а затем мажут теленка, приговаривая: «Теля, не оставайся позади – волк съест. Вперед уйдешь – воры украдут. Находишься всегда посредине стада».⁵¹

Надо сказать, что аналогичный обряд «пала хасхалирға» совершали и над новорожденным младенцем. После рождения ребенка повитуха молозивом проводила три черты (хасха) на лбу младенца и читала благословение, отражающее психологию хакаса: «Чон алынына ойлаба, чон

соона халба, кизи аразынча чөр» – Не беги вперед народа, не отставай от толпы, ходи среди людей!

Празднество «Пызо тойы» завершалось угощением блинами, приготовленными из молозива. Интересно отметить, что до сих пор «обмывание» любого нового приобретенного товара по-хакасски называется «мал азағын чуурға» – мыть ноги скоту. Этот факт свидетельствует о скотоведческом укладе жизни хонгорцев.

В том случае, когда отелится двухгодовалая телка (торбах), тогда проводили пиршество «торбах тойы». Телку – торбака привязывали сзади запряженной телеги, а теленочка, украшенного красной лентой, помещали в кузов. Затем по солнцу три раза объезжали аал и каждый раз делали определенные остановки: перед аалом с восточной стороны, за аалом с западной стороны и в ограде своего дома. На каждой остановке сооружали конусообразный шалаш – «алачик» и разводили костер. Около первого алачика забивали барашка, готовили и ели мясные блюда. У второго готовили молочные блюда – сметанную кашу (өреме потхы) и молочный коктейль «көрчик» из подогретого первого молока телки – торбака. К вечеру возвращались к своему дому, где во дворе устанавливали третий по счету алачик. Дома готовилось основное застолье. Гости пили араку и благословляли хозяев: «Хазаа толдыра мал ползын! Иб толдыра ис ползын!» – Пусть будет двор полный скота! Пусть будет дом полный имущества!

В конце празднества «торбах тойы» теленочка заводили в алачик, где ему протыкали мочку уха и продевали белую и красную ленты «чалама». Почтенный старец, сидя во главе огня, благословлял: «Торбахтан төреен толаачах тоозылбастағ ұлұстіг ползын!» – Теленочек, рожденный от торбака, пусть будет с вечным счастьем!⁵²

Особое отношение к раннему приплоду свидетельствует о заботе скотоводов об увеличении своего стада.

Селекционный отбор осуществлялся в отношении мелкого рогатого скота. В отару отбирали овец, приносящих во время окота двух ягнят. Однако, если овцы, а тем более козы, приносили трех ягнят (ўс ара), то это считалось проделками злых духов – «ўзўт», ибо парнокопытные животные могут родить только пару детенышей. Также с предубеждением относились к женщине, родившей тройню, т.к. у нее всего две груди.

Если у овцы или козы родится трое детенышей, то одного обязательно надо отдать. По этому случаю устраивались соревнования в беге между невестками – «килин чарыс». Наперегонки бежали 2-3 свояченицы, сваты которых бились об заклад. Победившая в соревновании невестка в качестве приза получала ягненка и в ответ благодарила словами: «Ўс аралап туған хойынар ўс муңа читсін» – Пусть ваши овцы, приносящие тройню, достигнут численности трех тысяч!»⁵³

Описанный обычай характерен и для других тюрко-монгольских народов. Например, у бурят, если «коза родит тройников, то третьего козленка отдают постороннему лицу; с этой целью собирают в том улусе маленьких детей-ровесников и заставляют их бежать в бег».⁵⁴ Среди казахов также существовал обычай, когда овца или коза приносила трех ягнят, то устраивали соревнование в беге между ребяташками. Победившему отдавали ягненка в качестве приза. Покровителем овцеводства считался мифический глава всех овец – Кирбе хан, обитавший в Саянских горах.

В домашнем хозяйстве хакасов козы, а до начала XX в. и свиньи практически не держались, ибо относились к дьявольскому созданию Ирлик-хана (Ирлік хан малы). Подобное представление бытовало у казахов и кыргызов.

Во время грома к козе старались не подходить близко. Около нее могла прятаться нечистая сила (үзүт), которую поражает Громовержец своей стрелой. Высушенную голову козла употребляли при лечении малярии. Ее засовывали за пазуху больного во время сна.

На скотном дворе запрещалось кричать, ругаться, опорожняться и т.п. Дух-хозяин скотного двора «казаа ээзи» может рассердиться и забрать жизненную силу животных (мал худы). Чтобы его ублажить, по углам скотного двора расставляли хлеб и соль. При чистке сараев в углу оставляли небольшую кучку навоза на счастье.

Весной холостили скот (чимкирге). За один раз все виды животных кастрировать запрещалось. Например, в один месяц холостили баранов и жеребцов, а на следующий – бычков. Место кастрации окроплялось аракой, а животные должны быть сытыми. Тестикулы собирались в чашу с молоком и выставлялись, прикрытыми белой материей, на алтаре в юрте (худай пули). На третий день после кастрации проводили праздник «чимкеен той» – букв. холостеный пир. Чаша с тестикулами убиралась с алтаря. Яички бычков отваривали и устраивали застолье. А тестикулы барашков зарывались в скотном дворе с пожеланиями: «Пусть будет скот здоровым!» В завершение праздника специалисту по кастрации дарили следующие подарки: кушак – за работу в первый год; рубашку – на второй год; телочку – на третий. Баи дарили мастеру на третий год жеребчика (тай).⁵⁵

Хрупкое счастье (үлүс, ырыс) хакасского скотовода охранялось суеверными обычаями и обрядами. Тюрко-монгольские кочевники для «удержания» счастья в доме обязательно оставляют в жилище частицу удаляемого. Например, хакасы при дарении или продаже скота вырывали из паховой части, а также из середины хвоста три клочка шерсти со следующим заговором: «Үлүс парбазын! Хут парбазын! Чуртында халзын!» –

Пусть не уйдет счастье, пусть не уйдет жизненная сила, пусть все останется в жилище! Вырванную шерсть смачивали слюной скота, скручивали в комок и прятали в юрте или засовывали за меховую опушку шубы. Такой обычай носил название «түктирге» – букв. шерстить.⁵⁶ Идентичные суевверные обычаи исследователи отмечают у казахов, бурят и монголов. Г.Н. Потанин писал: «При продаже скота у халхасцев соблюдался такой обычай: у каждого проданного барана, коровы или лошади хозяин вырывает клочок шерсти, сует под губы продаваемой скотины, чтобы замочить ее слюной, и потом собранную шерсть бросает в огонь. Это называется по-монгольски кишик – счастье».⁵⁷

Среди стада встречаются уродливые индивиды или еле передвигающиеся молодые животные. Согласно хонгорским представлениям, на них взвалено счастье скота – «кизик» и они якобы находятся под его бременем. Их нельзя продавать, иначе у хозяина уйдет счастье.

Мелкий рогатый скот забивали на мясо способом «өзеп», т.е. разрезали диафрагму и разрывали аорту, проходящую вдоль позвоночника. Крупный рогатый скот и лошадей убивали способом «чүлүмнеп», т.е. ударом ножа в затылок под первый шейный позвонок. Запрещалось резать голодное животное. Голову забиваемого скота разворачивали в сторону захода солнца и произносили: «Сагаа чазых, магаа азых!» – Тебе грех, а мне пища!

Кости животного расчленяли ножом по суставам. Ломать их запрещалось. Если кости разрубать, то у хозяина скот переведется и не станет счастья. Только расчлененный по суставам костяк животного может, якобы, опять возродиться. Черепа баранов, козлов и лошадей вешали на изгородь. Верили, что они служат оберегом скотного двора (хазаа хадарчызы).

Человеку, заколовшему крупный рогатый скот, давали в качестве награды горловину – «мостаа», а заколовшему овцу – грудинку (төс хара). Внутри горловины, в основании гортани (пахлор) имеется раздвоенная косточка, применявшаяся в магии. Если одно ответвление косточки намазать черной сажей, а другое – красной кровью и засунуть за косяк двери, то в этой юрте семья рассорится.⁵⁸

Коленные чашечки (томых), плюсны (толарсых) и астрагалы (хазых) животных наделены сакральными свойствами. Хонгорцы никогда не выбрасывали их на улицу и хранили на счастье дома. Верили, что если их сгложут собаки, то переведется скот у хозяина.

Овечьи астрагалы охраняют счастье отары (хой үлүзи). Когда в доме накопится 100 альчиков, то их погребали с правой стороны от входа в скотный двор с пожеланием: «Пусть множатся овцы до 100 голов!» Десятую сотню астрагалов хоронили в центре кошары. Место захоронения

выстилали белой шерстью и благословляли, чтобы отара хозяина достигла 1000 голов овец.

Коленные чашечки обгладывали только мужчины. Нельзя царапать ножом ее полированную часть, иначе у ребенка лицо покроется рубцами. Плюсны правой ноги нельзя отделять от астрагала. Их зашивали в материю и прикрепляли к косяку дверей дома. Грабителям и вора́м эти косточки будут казаться многочисленной охраной, кричащей: «Держите их, ловите их!»

Охотники, идущие в тайгу, брали с собой в качестве оберега астрагалы, плюсны и коленные чашечки. Их устанавливали в охотничьем балагане у очага со следующим заговором: «Чүс аттың чүгүрізінен чүгүр, чүс кізінің хысхыразынан хысхыр! – Беги с топотом 100 коней, кричи с криком 100 человек!» При такой охране даже горные духи-хозяева не решаются напасть на охотников.⁵⁹ Подобные суеверные обычаи были известны кыргызам и казахам.⁶⁰

Хакасы, как и многие другие тюрко-монгольские скотоводы Центральной Азии, соблюдали древний народный этикет распределения мяса во время трапезы. Глава дома обязательно получал первый шейный позвонок – атлант, первые два правых ребра и бедренную кость. При обглаживании атланта (молтырых) читали заклинание: «Хара пастын пастагчызың, мойын торыспахтын очызызың хари тастаба, андарылзам – кинебе» – Ты вожак черной головы, ты младший шейный позвонок, в трудную минуту не бросай, если упаду – не калечься!». Обглоданный атлант насаживали на палочку и втыкали около очага со стороны дверей (от соо). Детям его не давали, иначе заболит шея.⁶¹ Точно такой же обычай существовал у кыргызов. Сваренную шею они обглаживают не пользуясь ножом. При перекочевке ее надевают на палочку, которую втыкают затем у очага, чтобы утащила какая-нибудь собака. Верили, что от этого шея ребенка будет крепче.⁶²

Верхние правые два ребра (погананан кигене) никогда не расчленяли. Хозяин юрты их немного обглаживал, обязательно оставлял нетронутой верхнюю часть, называемую «пай пазы» – богатый верх, и бросал в огонь очага со словами «от үлүзі» – доля огня. Атлант и первые два ребра, кроме хозяина, никто не имел право вкушать. В противном случае в этом доме не будет плодиться скот. Бедренную кость (тохпах чілің) хозяин мог преподнести уважаемому гостю в знак особого почтения. Однако ее запрещалось выбрасывать на улицу в целом виде. Узкий конец кости, называемый «пай пазы» – богатый верх, отбивался ножом и оставлялся дома со словами «пайың пир!» – отдай свое богатство. Эта часть считалась приносящей счастье.

Имелись куски мяса, предназначенные для мужчин и для мальчиков, для женщин и для девочек. Например, девочкам давали грызть небо скота, чтобы они стали хорошими мастерицами (сибер). Точно такой же обычай существовал у казахов.⁶³

Некоторые части забитого скота должен был съесть только один человек. Например, нижнюю челюсть овцы (кипсее), в силу ее магических свойств, двоим нельзя обглаживать, иначе они станут врагами. Коровьи глаза обладали страшными свойствами. Их непременно должен съесть один человек. Если их разделят между собой двое, то они рассорятся и будут ненавидеть друг друга до самой смерти. Поэтому в народе враждующих людей называют: «инек хараа чискен чон» – люди, съевшие глаза одной коровы.

Собака (адай) и волк (пүүр) в хакасской мифологии были окружены особым ореолом почитания. Из всех тюркских языков только в хакасском и кыргызском собака носила отдельное название «адай» или «алтай» (помимо общетюркского «ит»). Имя волка – «пүүр» нельзя было произносить всуе, так как благодаря своему чуткому слуху он явится в скотный двор говорящего. Почтительный страх выработал около десятка табуированных слов для обозначения волка, как например: «чир хулах» – все слышащий, «ит» – собака (устаревшее слово), «чазы адайы» – степная собака, «таг адайы – горная собака, «кер тон» – гнедая шуба: «көктір» – серый, «сөлбек» – длиннохвостый и др.

Хонгорцы предпочитали держать дома черных и белых собак. Остерегались собак желтой и мухортой масти. Такое отношение возникло от мифического персонажа по имени Сараадай-хан (букв. царь желтых собак), являющегося главою всего собачьего мира. Он имеет собачье туловище и человеческую голову. Сараадай-хан находится в царстве умерших душ, где вершит суд и карает виновных.

Желтых собак считали оборотнями – слугами собачьего хана. Если убить желтую собаку, то верили, что ее душа отправится к Сараадай-хану. Дабы отвратить от себя всякие напасти, язык убитой желтой собаки разрезали пополам, а ее тело отвозили и бросали в озеро «Сараадай көл» (оз. Собачье в Июсских степях). Если из озера послышится собачий вой, то это плохое предзнаменование, связанное с гибелью людей.

Глава всех волков «Пүүр-хан» представлял перед фольклорными героями в виде оборотня. Он и его дети отличались от обычных волков белым цветом. Однажды, как рассказывают хакасские легенды, единственный сын Таар-бега погнался за белым волком (хуу пүүр), повадившимся к ним таскать скот. В местности «Хыспанах» по р. Чулым удалось настичь белого волка. В момент, когда Торгы-бег натянул лук, белый волк обратился в красную девицу. Она оказалась дочерью Пүүр-хана и

стала умолять оставить ее в живых и обещала выйти за него замуж. Но Торгы-бег был неумолим. Покончив с оборотнем, он вернулся домой, но заболел и скончался. С тех пор род Таар-бега прекратился.⁶⁴

Хонгорцы не держали на цепи собак, имеющих над глазами пятна, создававшие видимость четырех глаз. Такие собаки называются «тöрт харах», т.е. четырехглазки (в русской мифологии – двосглазка). Данное предубеждение существует с древнейших времен. По сообщениям Гардиза (X в. н.э.), основоположник кыргызов (т.е. предок современных хакасов) был выкормлен собачьим молоком. «В то время у собаки было четыре глаза... два глаза собаки перешли к этому ребенку и два глаза остались собаке: ... следы этого еще остались на морде собаки.»⁶⁵ До сих пор хакасы уверены в особом зрении собаки, которая может видеть народившийся месяц в первый день новолуния или месяц на ущербе в последний день старой луны и другое.

Во время семейных обрядов, посвященных ребенку, собака выполняла охранительные функции. Один из магических ритуалов, связанный с появлением будущих детей, заключался в кормлении собаки ритуальной пищей. На разостланный подол одежды невесты клали семь дощечек (тахпай), обмазанных обрядовой пищей «поча потхы». Подводили собаку, которую заставляли съесть предложенные яства, внушая ей: «Это детская кака». В такой момент «алгысчылл», т.е. служитель бурханизма, произносил благословление: «Алын идегiнер пала пассын, кизiн идегiнер мал пассын!» – Пусть ваш передний подол топчут дети, пусть ваш задний подол топчет скот!». Точно такой же обряд кормления собаки невестой бытовал у монголов. «После свадьбы – пишет Г. Мэнэс, – невесту оставляли в новой юрте, и мать невесты перед тем, как оставить дочку, приводила в эту юрту собаку свекра. Кусочки кишок, печени и т.п. или чашку с мелко крошеным мясом, выбранным из свадебного мясного угощения, невеста клала себе на расстеленный подол и кормила собаку».⁶⁶

После рождения ребенка его первые экскременты (хара тогы) отдавали съесть собаке. При изготовлении колыбели подводили пса и давали ему слизать сметанную кашу (потхы), намазанную на желобок для стока мочи. Перед тем, как поместить ребенка в колыбель, сначала туда укладывали щенка, чтобы он ее обжил. Подобные обычаи существовали и у кыргызов Тянь-Шаня.

Чтобы уберечь мальчиков от злых духов, новорожденных пропускали через растянутое ротовое отверстие шкуры убитого волка, в придачу нарекая их именем «Нүёр» – Волк или «Адай!» – Собака. Перед тем, как надеть первую распашонку на малыша, ее сначала напяливали на щенка. Такая рубашка получила название «адай көгенегі» – собачья рубашка.

Повитуха, приглашенная на обряд, благословляла: «Адай кӱгенегин кизирчебис. Адай осхас соохха пик, кӱлӱк ползын!» – Мы надеваем на тебя собачью рубашку! Будь таким же крепким и выносливым, как собака!

Малыша, чихнувшего вечером, заклинали: «Сохыр адай кӱчин чалга!» – Лизни зад пестрой собаки! В данном случае собака должна охранять душу ребенка, которая, как считали, вечером выходит из тела. То же самое произносили («адай кӱдин чалга! – лизни задницу собаке), когда малыш сильно зевал.

Согласно хакасским традициям, выпавшие молочные зубы дети заминают в хлебный мякиш и бросают собаке со словами: «Чабал тӱстӱ сагаа, чახсы тӱстӱ магаа!» – Плохой зуб тебе, а хороший зуб мне дай! Подобный обычай существует у бурят и монголов. «Когда у ребенка выпадал молочный зуб, – пишет Г. Мэнгэс, – то его обычно заворачивали в кусок овечьего курдюка и давали собаке, ...»⁶⁷

Подохшего от старости сторожевого пса, по хонгорскому обычаю, требовалось похоронить в земле, вложив в его пасть сало или масло. Собак запрещалось убивать. Исключением служило принесение клятвы. В 1627 г., когда кыргызские князья съехались, чтобы принести шерть русскому царю, они, «убив собаку и выточа кровь тое свежею собачью кровь пили.»⁶⁸ Полную аналогию представляла собой клятва у бурят и у якутов в XVII в., которые разрубали собаку саблей и облизывали окровавленный клинок.

В том случае, когда собаку плохо кормят, избивают, а после того, как она околест, не похоронят, то ее душа превращается в злую силу «аан». Она вредит людям, преследует и приносит болезни бывшему хозяину, а также тем, кто наступит на брошенный труп неприкаянной собаки. Чтобы предотвратить разрушительную силу «аана», невидимую душу собаки отгоняли магическим обрядом, обмахивая заболевшего мужской поясной одеждой, т.е. брюками (чагалыг кип). Обряд изгнания сопровождался заклинанием: «Адай ааны сайыннарзар айланзын!» – Собачья душа «аан» пусть вернется к роду сайын!

Если человека покусала бешеная собака, то от бешенства лечили голодом. Пострадавший в сопровождении отца или товарища должен двигаться вверх по реке и посетить сорок юрт. В каждой юрте надо было обойти очаг три раза по движению солнца и со стороны дверей три раза наступить на золу. В каждой юрте ему давали один кусок хлеба. Таким образом, больной собирал сорок кусков хлеба, которые он должен есть по куску в день. В заключение надо было обойти по три раза сорок тополей. Лечение водобоязни при помощи собранных из сорока изб кусков хлеба бытовало у казанских татар. Кыргызы и казахи больного застав-

ляли кусать ушки котлов в сорока кибитках. По всей видимости, возникновение указанного способа лечения относится к древнетюркской эпохе, когда, вероятно, сорок юрт составляли основную форму деления родственных групп. Число сорок считается сакральным. В Кыргызском государстве, так же, как и в общественном быту хакасов XIX в., государственной деятельностью можно было заниматься, начиная с сорокалетнего возраста.

Женщинам, особенно беременным, запрещалось бить собак. Проклятие собаки скажется на детях. Появление монгольского пятна «кёк мин» у новорожденного, а также рост щетинки «адай кирези» (букв. собачий образ) на спине младенца связывают с непочтительным обращением к собаке.

Волк, помимо злой души «аан», обладал магической черной силой «харан», благодаря которой он погружал в глубокий сон чабанов отары. Когда пастух одолевает сон, с которым он не может справиться, то значит – его давит «харан» волка, желающего забраться в стадо.

Повадки волка могли использоваться в злых целях. Так, например, чтобы направить зверя на своих недругов, существовал обычай «ис тастирга» – букв. бросить след. Выследив нору волка, убивали волчат (пёлчек). Обязательно надо было ободрать тушки и расчленить кости по суставам. Затем шли в тот аал и к той усадьбе, хозяину которой хотели навредить, и бросали туда шкуры и кости. Волк, выслеживая разорителя, приходил к указанному месту, где вымещал свою злость. Исследователи XIX в. отмечали, что хонгорцы опасным считали «ловить и увозить волчат живыми, или бить их около норы, потому что волчица или волк будут выслеживать истребителей и непременно задерут у них овец, коров, и коней».⁶⁹ Подобный обычай встречается у многих тюркских народов и красочно описан в романе Ч. Айтматова «Плаха».

Собака наделялась особыми свойствами, которые использовались при гадании. Обглодав курдюк или позвоночник овцы, отделяли сочленения и поручали почтенному старцу разложить их на полу юрты по порядку. Каждую отдельную косточку называли именем присутствующих на гадании девушек. Затем в юрту заводили собаку, которая хватала какой-нибудь позвонок. Считалось, что девушка, именем которой названа схваченная косточка, раньше всех выйдет замуж. В XIX в. указанный способ гадания проводили в ночь на Рождество Христово (Мылтых хараа). Забавно отметить, что это архаическое гадание проникло в состав христианских праздников на территории Хонгория и буддийских – в Туве.

Аналогичные гадания были известны в Монголии. «Для этого варили концевые позвонки хвоста крупного рогатого скота и с помощью ножа

очищали и съедали мясо. Затем очищенные косточки выстраивали в один ряд и каждой давали имя одной из девушек. Потом в юрту заводили собаку и подвели к выстроенным косточкам. Обычно собака некоторые косточки только обнюхивала или толкала мордочкой, а некоторые съедала. Считалось, что девушку, косточку которой собака съела первой, ожидает в скором будущем замужество.»⁷⁰

Магическими свойствами обладали волчьи жилы (пүүр сиири), которые применялись как средство для наказания воров. Согласно хакасским поверьям, при сжигании волчьих жил на огне стягиваются жилы рук и ног человека, посягнувшего на чужое имущество. Жилы задних лап действуют на ноги, а передних – на руки.

Сначала, после обнаружения крупной пропажи и решения сжечь жилы, делается всеобщее объявление. Привязывают к палке волчьи жилы и с ними обходят 40 юрт, объявляя о своих намерениях. Затем ждут 40 дней. Через объявленный срок совершают обряд сожжения жил. Он считался жестоким и поэтому выполнялся одиноким человеком, за пределами юрты и даже аала. Подобные обряды были известны среди многих тюркских народов, включая якутов.⁷¹

Собачьи и волчьи талисманы применялись для лечения некоторых болезней. Хонгорцы были уверены, что если наступить на расцарапанную лапами собаки или волка землю, то тело человека покроется сыпью, называемой волчанкой – «it iskin». Для лечения этой болезни использовали собачий или волчий хвост, которым натирали тело. Хакасское название болезни «it iskin» – букв. волчье царапанье земли, имеет полную аналогию в других тюркских языках. Например, в турецком «курд ешен» – крапивница (букв. волчье царапанье).

При переломе костей и потере крови хакасы пользовались волчьей травой – «пүүр оды», известной в русском языке под названием «луговой зверобой». Согласно хакасским легендам, князь Ханза-бег, залечивая раны в тайге после битвы, заметил, как раненый волк выкопал какую-то траву, съел ее и исцелился. Он подполз к этому месту, выкопал то же растение, зажевал его и раны затянулись. «Волчью траву» нельзя показывать на солнце, иначе изменится погода и пойдет дождь, сопровождаемый громом и молнией. «Волчью траву» надо выкапывать утром, встав лицом на восход солнца. Выкопав траву надо отблагодарить землю и положить вместо корней белую шерсть со словами: «агын ал!» – возьми свою святость. Для лечения необходимо было выкопать нечетное количество корней «волчьей травы» – три, пять или семь.

Медведь – «аба» среди хакасов являлся одним из самых почитаемых зверей, которого считали далеким братом человека. Он выступал также тотемным животным. Например, хакасский род «аба» вел свое происхождение от него.

Согласно хонгорским представлениям, после добычи медведя охотники обязательно устраивали поминки, называемые «аба тойы» – медвежий праздник. Без совершения поминок нельзя употреблять в пищу медвежье мясо, иначе человек поплатится жизнью. Легкие, печень и внутренности медведя не употребляли в пищу, за исключением прямой кишки, из которой делали колбасу «хосханах». В том случае, если человек съест печень, то у него заново душа, словно погиб близкий родственник. Подобное представление бытовало и у других тюрко-монгольских народов. Например, буряты считали, что «медвежья печень подобна человеческой». ⁷² Несоблюдение обряда «аба тойы» может повлечь оскорбление горных духов, которые считаются хозяевами таежных зверей.

Почитание медведя выражалось прежде всего в том, что хакасы остерегались (особенно в тайге) называть его настоящим именем и применяли иносказания. Древнетюркский термин «азыг» в хакасском языке давно был заменен эфемизмом «аба» – т.е. отец, а старое название сохранилось в застывших выражениях, типа «азыг айы» – месяц медведя (февраль). В феврале он, якобы, пересворачивается в берлоге на другой бок. Такое поверье бытовало даже у сибирских крестьян. С течением времени термин «аба» внедрился настолько глубоко, что стал общим названием медведя, которое ныне заменяется иносказаниями: «аган» – дедушка, «улуг ага» – прадедушка, «абай» – старший брат, дядя, «тайга адазы» – таежный отец, «таг абазы» – горный отец, «алчах» – старик, «хайрахан» – господин, «чир кизи» – земляной человек, «ухаанчыл» – ясновидец, «чир хулах» – земляное ухо (т.е. слышащий от земли), «чиген частых» – атмосферное изголовье (т.е. слышащий от неба), «тир тон» – потная шуба и т.д.

Согласно одному из представлений, распространенному на севере Хонгорая, происхождение медведя связывают с оборотнем. Один колдун, воткнув нож в бревно, перешагивал его и, превратившись в медведя, уходил в тайгу. Однажды, в его отсутствие, какой-то человек выдернул нож. Колдун после этого не смог принять прежний образ и остался навсегда медведем. ⁷³ Подобные поверья распространены среди бурят, башкир и даже русских крестьян, откуда, вероятно, и были заимствованы. ⁷⁴

Медведю приписывается наличие стыда. Женщины при встрече с ним могли обнажиться. Медведь убежал, сгорая от срама. Среди якутов встречается представление о родстве женщины и медведя. При случайной встрече с ним женщина обнажала грудь и говорила: «Я твоя невеста».

Иногда в тайге встречались редкие экземпляры медведей, шкура которых была цементирована смолой и песком. Естественная броня возникала в результате трения о смоленые деревья и катания по песку. Такие медведи назывались «алдыр аба». Их не пробивали свинцовые пули охотников.

Охотились на медведя зимой, когда он крепко спал в берлоге. Обнаруженное логово охотник метил своей тамгой. По хакасским законам

другой человек уже не имел права захватить меченое место. Отправлялись к берлоге артелью. Чтобы разбудить медведя, во вход логова просовывали специальный шест «сыгдаган». В этот момент старший артели обращался к медведю: «Китайское войско идет убивать тебя. Закрывай свои двери «чамас хара» – букв. «черная покорность». Указанными словами снималось подозрение с хакасских звероловов. После того, как медведя убьют, его, вытащив из берлоги, переворачивали вниз пастью и под голову подкладывали подушку из травы. Один из охотников садился на него верхом, гладил голову и причитал:

«О, великий отец! Зимой ты заходишь в зимник.

О, великий отец! Летом ты переходишь в летник.

По горам, треща заросшим борщевиком, ходившие твои лапы,

По горам, хрустя заросшим таволожником, ходившие твои подошвы

С крутой скалы оборвались, о, великий отец!

Уу, если будет лето, то обходи сзади меня,

Уу, если будет зима, то попадайся впереди меня!

Корни таежной травы раздавливающий,

Ты будешь хрустеть на 30 моих зубах!

Верхушки борщевика со смаком жующий,

Ты будешь хрустеть на 40 моих зубах!

О, что случилось с тобой, великий отец?

Не сильно ли выстрелили, не сильно ли попали?

Не упал ли ты навзничь, играя?

Не упал ли ты набок, гуляя?

Не остался ли без тебя лежать твой малыш?

Не остался ли без тебя сидеть твой сирота?

Почему ты вышел в степи Хонгорая без присмотра?

Великий отец! Ты погиб, выпив вино (т.е. получив пулю)

Крупного бая,

Ты гулял по многим местам, ты попал в руки людей,

Траву черной тайги больше не топчи, ложись,

Отдыхай и спи, великий отец!»⁷⁵

Затем начинали обдирать шкуру. Её обязательно снимали в тот же день, даже при наступлении темноты. Разводили костер и сначала молились богине огня – «От-Ине». Охотник, убивший медведя, причитал: «Наш отец опьянел и уснул». До тех пор, пока не совершат оплакивания, нельзя снимать шкуру. При обдирании приговаривали: «Мы снимаем с тебя теплую шкуру. Не обижайся на нас. Мы раздеваем тебя, ты виноват сам и не сердись на нас». Начинали обдирать с лап. Голову отрезали и с плачем вешали на развилку дерева. Рот открывали, зубы выбивали и поперек

вставляли палку. Охотник, убивший зверя, вешал голову в сторону заката солнца со словами: «Дедушка, вышедший из глухой тайги, ты был хорошим человеком!»

После снятия шкуры два охотника становились с двух сторон туши и стегали ее прутьями, приговаривая: «Не мешай нам, не гневайся на детей, не гонись за нами, не появляйся среди аала!». Один из них спрашивал: «В каком государстве ты правишь?» Второй отвечал: «В нашем государстве он правит. Не мы его убили, его убил Китайский хан!»

Когда тушу медведя увозили из тайги, то по дороге три раза крест накрест бросали хвойные ветви, чтобы душа не погналась и задержалась у этих знаков. Дома совершали медвежий праздник «аба тойы». Люди причитали: «Провожаем нашего великого отца! Умер наш отец!» или, если была убита медведица: «Умерла наша мать!» Всю ночь, на зывасую «аба тўни» – букв. медвежья полночь, играли на хомысе, рассказывали сказки, пили вино. Кормили душу медведя (сўрўн) сжиганием пищи в огне, словно на поминках усопшего. Ночью нельзя было спать, ибо верили, что душа медведя может задавить человека. Кости все собирались и хоронились.

Медвежье сало разрезали на кусочки и делили между всеми жителями аала. Некоторые охотники глотали сырыми глаза. Хакасы верили, что медведь не решится прямо смотреть на такого охотника и будет бояться его взгляда. Некоторые мужчины проглатывали хрющик у основания медвежьего языка со словами: «Если я буду говорить, то понимай мой язык!» Считали, что речь такого человека будет доходчива до медвежьего уха. Кусочки языка давали съесть зайке или припадочному, чтобы они избавились от своих болезней. Женщинам предлагали съесть матку медведицы, дабы стали легкими роды. Шкуру медведя не выделывали, ибо у мастерицы ребенок станет злым. Если шкуру потрясти на улице, то появится ветер. Лапу с когтями прикалывали у дверей, чтобы оградить дом от злых сил. Медвежья желчь обладала, якобы, магическими свойствами. Если ее вылить на землю, то будет дождь или снег. Когда осенью поднимался буран и снежные вихри, то хакасы были уверены, что загулял «аганы» – т.е. медведи, перед залеганием в берлогу.

Медвежий праздник возник под влиянием представления о кровном родстве людей с медведем и их общих предках. Совершение поминок снимало запрет на употребление в пищу его мяса. Сверхъестественная сила медведя породила веру в магические свойства органов его тела.

Среди мелких зверей особое отношение заслужил *заяц (хозан)*, к которому в силу суеверных запретов применяли иносказательные названия «толай» (монгольское название) или «томышхан» (древнетюркский термин). Он отождествлялся с носителем общенародного духа-покровителя, изображение которого в виде фетиша «хозан тўс» (заячий тёс), находилось при каждом хакасском селении. В долине Абакана на водоразделах

между реками Аскиз, База и Есь в честь горных духов приносили в жертву зайцев.⁷⁶ Данные перевалы с жертвенными грудями камней и заячьих костей получили у хакасов названия: «Хозан тастачан пил» – Седловина, где бросают зайцев.

Заяц, встреченный в пути, служил плохой приметой (алартах). Поэтому в героических сказаниях богатырю, отправляющемуся в поход, желали: «Во время великого пути пусть впереди твоего сказочного коня – «аран-чула» поперек не пробежит белый заяц!». Если заяц пересекал перед путником дорогу, то в качестве охранительной магии надо было взять ветвь дерева, три раза переломить ее пополам и со словами: «Пусть поломаются его ноги», бросить вслед убежавшему зверю. Русский поп и хакасский шаман, встреченные в пути, так же, как и заяц, считались за плохую примету.

Беременным женщинам запрещалось смотреть на зайцев, иначе дети могут родиться с заячьей губой. Убитого степного зайца разделявали в юрты.

Хонгорцы были уверены, что коленная чашечка правой передней ноги зайца обладает волшебными свойствами. Она использовалась для гадания. Если проглотить коленную чашечку и шишечка от нее появится на голове или руках, то человек разбогатеет, а если на ногах – обеднеет.

Домашние мыши (*күске*) могли принести вред человеку. Проявлением их злобного намерения (чабал ыраланарга) считалась продырявленная одежда. Мышиную нечисть необходимо было очистить огнем. Для этого изгрязненное место обжигали горящим углем или накаленной железной кочергой, говоря проклятия: «Ахсы-тизиң хурузын, обалын-чазинн тартына пар! Күске чолы кидер ползын! Кизи чолы іскер ползын!» – Пусть высохнет твой рот, притяни свой грех! Пусть мышинная дорога уйдет в сторону! Пусть человеческий путь станет счастливым! Затем края дырявого места обрезались и накладывалась заплатка. После такой процедуры человек мог не опасаться за свою жизнь. Однако верили, что жизнь хозяина, одежду которого прогрызла мышь, будет короткой.

Лягушка (пага) использовалась хакасами в любовной магии. Для совершения магического обряда нужно было поймать пару лягушек – самца и самку. Их помещали в продырявленный берестяной туюсок. Затем отправлялись на коне к муравейнику. Распотрошив муравейник, бросали туда туюсок с лягушками. После этого быстро вскакивали на коня и во весь опор мчались домой. Существовало поверье, что лягушки от набросившихся на них муравьев страшно кричат. Если человек услышит их крики, то оглохнет.

Через определенное время возвращались к муравейнику. В туюске от съеденных муравьями лягушек оставались две косточки. От самца – кроч-

кообразная косточка, а от самки – лопатообразная. Если хотели приворожить девушку, то незаметно крючкообразной косточкой проводили по ее одежде. Для «отсушки» требовалось другой, лопатообразной косточкой провести по одежде от себя.⁷⁷ Идентичные магические обряды с лягушками применялись другими народами Сибири, в частности обскими уграми. По рассказам васюганских хантов, «молодой мужчина, якобы, мог «присушить» понравившуюся ему женщину, пришив косточку лягушки к рукаву своей одежды и при первом же удобном случае как бы нечаянно прикоснувшись к женщине».⁷⁸

В хакасской мифологии среди пресмыкающихся особое внимание заслужили змеи (*чылан*). По отношению к ним применяли иносказания: «узуун Курт» – длинный червь, «сойлаас» – извивающийся и др. Хонгорцы остерегаются змей. Согласно легендам, когда-то многочисленный хакасский сеок «аара» был истреблен змеями за враждебное отношение к пресмыкающимся. Сумел спастись только один благородный представитель этого рода, который по совету царя змей обтянул свою юрту пестрым арканом. С тех пор для защиты от змей хакасы вокруг юрты натягивали пестрый аркан из белой и черной шерсти.⁷⁹

Если случайно в юрту заползет змея, то помещение окропляли айраном и читали заговор: «Обалын-сымылың тартына пар! Ханга-пиге айлана пар!» – Притяни свой грех и бесовскую душу! Вернись к своему хану и бегу! Если змея пересекла дорогу справа налево, то это к счастью, но если она переползет путь слева направо, то будет худо.

Согласно хакасским мифам, змеиным царством управляет носящий корону змеиный хан (хан төрелиг Чылан хан), обитающий в своем дворце «чылан орда», где обычно зимуют змеи. Сюжет о битве между змеиным ханом (Чылан хан) и царем лягушек (Пага хан) является одним из самых распространенных в фольклоре хонгорцев. Обычно битва происходит туманным утром на берегу озера. Змеиный царь предстает в виде красного пламени или красной пены, а царь лягушек – в образе белого пламени или белой пены. Змеиному хану помогает победить хонгорский стрелок выстрелом из ружья, заряженного бронзовой пуговицей. В благодарность глава змей «Чылан-хан» вначале угощает охотника у себя во дворце. Он предлагает лизнуть белый камень под названием «чылан арбызы» – букв. змеиное счастье, служащий вечным провиантом. Если лизнуть «чылан арбызы», то всю зиму будешь сытым, а человек, кроме того, узнает язык змей, птиц и зверей. Потом змеиный хан отвез стрелка домой, но попросил никому не говорить о происшествии.

Жена охотника, долго ожидавшая мужа, сообразила перегнать айран на молочную водку – «араку». По прибытии мужа она напоила его аракой, в результате чего он проболтался о своих похождениях. Когда змеиный хан – «Чылан-хан» прилетел для расправы с хонгорским стрелком,

то последний угостил его аракой так, что змей впал в беспамятство. С тех пор хонгорцы говорят, что даже змеинный хан не может выстоять против вина, изобретенного женщиной.⁸⁰

Змея меняет кожу весной, на хакасский Новый год – «Чыл пазы». Поэтому, когда наступает время Нового года, хонгорцы говорят: «Чыл пазы айланды, чылан пазы сойылды» – Вернулось начало года, змеинная голова облезла.

Добрим знамением считалось найти змеинный выползок – «чылан кибі», лежащий головой в сторону восхода солнца. Он, якобы, обладал магическими свойствами. Если выползок найден целым, то нашедший будет долгожителем, если оборванным – доживет до средних лет. Цельную шкуру змеи на счастье хранили дома в сундуке. Она способствовала увеличению поголовья скота и благополучию семьи.

Верили, что змеинный выползок помогает от различных болезней. Его привязывали на шею от малярии, а также зашивали в белую материю и держали в детской колыбели как оберег. При тяжелых родах змеинную шкуру набрасывали на спину роженицы. Иногда вместо нее применяли пояс, которым разбили сцепившихся в клубок змей.

Рассказывают, что в долине р. Абакан на горе Ызых водятся белые змеи, под языком которых имеется красный коралл – «чылан суры». Он обладает волшебными свойствами. Если коралловую бусину змеи положить под язык, то станешь невидимкой. Однако ловить «ызыхских» змей опасно. Убиваемая белая змея может выпустить красные утиные ноги и тогда охотнику придется покинуть белый свет.

По мифическим представлениям хакасов, змеи имеют рога – «чылан мүүзі», невидимые для простого человека. Их может различить ясновидец. Он и брал их на счастье. Змеинные рога обладают магическим свойством подавлять в человеке жадность. Если показать мифические змеинные рога скряге, тот, не жалея, отдаст любые свои накопления.

Пернатый мир в хонгорской мифологии неразрывно связан с верховными божествами, а весенние прилеты и осенние отлеты птиц отождествлялись с началом теплых и холодных сезонов земной планеты. Первый прилет птиц весной все радостно встречали приветствием арабского происхождения: «Элем-салам» – т.е. Мир над вами! Данное приветствие произносится по случаю появления чего-либо первого в году, как например: прилет весенних птиц, первые раскаты грома, появление первых съедобных растений (черемши, кандыка), а также при рождении каждого нового месяца. Навстречу первым птицам открывали двери домов со словами: «Талан кірзін» – Пусть зайдет счастье.

К разряду священных птиц – «ызых хус» относится кукушка (кёёк, кекёк). Согласно мифам в древние времена она была девушкой. После внезапной смерти брата она стала безутешно плакать. Суровая мачеха ее выдержала и прокляла падчерицу: «Син кизеэ хозылба, хус полып чөр!»

Ты не присоединяйся к людям, а превратись в птицу! Проклятие мачехи исполнилось и девушка, превратившись в кукушку, вылетела сквозь дымовое отверстие юрты. Мачеха ринулась ее спасать и успела схватить за одну ногу. Но в ее руках остался только красный башмачок падчерицы. От упавшего башмачка выросли цветы «кукушкины сапожки» (кекёк ёдигі). С тех пор, якобы, считается, что у кукушки разные лапки, одна – красная (в башмачке), вторая – черная (без башмачка).⁸¹

Из-за своего тяжелого прошлого кукушка не вьет гнезда и не высиживает своих яиц. Она откладывает их в гнезде маленькой птички «чыхлаа», которая занимается к ней в няньки. За оказанную услугу осенью кукушка перевозит няньку на своей спине в теплые страны.

Первое кукование кукушки, как и первые раскаты грома, отождествлялись хонгорцами с началом нового года. Голос кукушки пробуждает природу, начинает расти трава и появляются листья на деревьях. До тех пор, пока не прокукует первая кукушка, нельзя жевать листовенничную геру, иначе будет болеть душа и печень родителей.

Существовала суеверная примета, что если первый раз услышишь кукование кукушки на голодный желудок, то весь год будешь ходить голодным. Поэтому весной с утра надо выпить айран и только затем выходить на улицу. Когда послышится первое кукование, надо произнести: «мин тохпыл» – я сытый! При первых звуках кукушки южные хакасы выходили на кладбище, где совершали поминки по тем, кто умер в зимнее время прошлого года.

Плохой приметой считалось появление в человеческом жилище кукушки или удода, бывшего у нее в качестве слуги («кёёк хулы» – букв. раб кукушки), которые садились на забор ограды. Чтобы оградить себя от несчастья, на месте, где они находились, привязывали ленточки «чалама» и двор окроплялся айраном. Если кто-нибудь ненароком застрелит кукушку, то на этом месте надо было три дня причитать, иначе святая птица может проклясть.

Священной птицей (ызых хус) являлся также «огарь» (аат) или «турпан», как его окрестили местные русские старожилы. Турпанов запрещалось убивать. Если кто-то осмелится застрелить священную птицу, то будет проклят и его жилище разрушится. Яйца турпана разрешалось есть только мужчинам.

Среди хонгорцев бытовало мифическое представление о крылатой собаке Хубай-хус, рожденной из яйца турпана (аат палазы ах ханчых

Хубай хус). Из самого первого снесенного в своей жизни яйца (тунгуснымырха) этой птицы рождается белый щенок с черными ушами и крыльями. Турпан разбивает и съедает свое первое снесенное яйцо. Поэтому на земле не водится крылатых собак Хубай-хус (букв. птица Хубай). Мифическое представление настолько глубоко живет в народе, что нашло отражение даже в пословицах. Дерушимся родственникам говорят: «Аат чили кин чипенер, адай чили тук чипенер!» – Не грызите свое потомство как турпан, не поедайте свою шерсть как собаку».

Идентичные поверья о борзых щенках «кумай», рожденных от птицы «ала-каз», бытовали среди кыргызов и казахов. Слово «хубай» (кумай) восходит к имени сказочной птицы Хумайун индоиранской мифологии, от которой происходит также Гамаюн русских сказок.¹²

Ряд священных птиц (ызых хус) замыкает трясогузка – «ызыгас» (букв. священная птичка). Несмотря на свой маленький рост, она считалась очень тяжеловесным созданием. Данное представление родилось от мифа о Всемирном потопе, где трясогузка, сев на бивень мамонта, потопила обессиленного зверя. До сих пор бытует поверье, что если она сядет на плывущую лодку или плот, то случится несчастье. Для такового предотвращения произносили заклинание: «Чахсы минде ползын, чабал синде ползын!» – Пусть хорошее будет у меня, а плохое – у тебя!

В Хонгорай изредка залетают *розовые фламинго* (*хысхылых*), ближайшие гнездовья которых располагаются в Казахстане на озере Балхаш. Они относились к разряду проклинающих птиц «харгысчыл хус», когорта которых в хакасском языке обозначалась под общим названием «хуулар» – лебеди. Например: «хыс хуузы» – фламинго (букв. девичий лебедь), «ат хуузы» – лебедь (букв. конский лебедь); «инек хуузы» – дрофа (букв. коровий лебедь) и «хой хуузы» – журавль (букв. овечий лебедь).

Весной и осенью фламинго пролетают над Саяно-Алтаем. Увидеть их весной почитали за счастье, осенью – к худу. Звуки фламинго напоминали скрип телеги. При осенних криках этих птиц люди забегали в юрты и закрывали головы шубами, дабы избежать несчастья.

Среди хонгорцев существовал древний обычай дарения фламинго – «хысхылых үлгүзи» (букв. закон фламинго), согласно которому стрелок за добытую им птицу мог получить в жены любую девушку. Поездка в гости к сватам для получения девушки взамен убитого фламинго носила название «хысхылых абыры» – долговая обязанность хысхылыха. На птицу надевали красную шелковую рубашку, на шею повязывали красный шелковый платок и с таким подарком появлялись перед родителями девушки. Сваты должны были принять драгоценный подарок, а взамен отдать дочь. Калым не полагался. Свадебный пир с прощанием невесты

устраивали родители девушки (хысхылых тойы). Если девушку не отдавали, то хонгорцы были уверены, что птица «хысхылых» проклянет этот дом и дочь умрет.

В данном обычае прослеживается древний культ проклинающих птиц, который очевидно не связан с тотемизмом, как предполагает Л.П. Потапов.⁸³ Подобный вид птиц требовал жертв (толыг) в виде отдаривания.

В то время, когда стреляли по фламинго, как, впрочем, и в других проклинающих птиц – лебедя, журавля и дрофу, произносили заклинание: «Пар, парар ползан, пар халарзын! Чёр, чёрер ползан, ёл халарзын! Учух, учугар ползан, чат халарзын» – Уходи, если уходишь, иначе пропадешь! Иди, если идешь, иначе умрешь! Лети, если летишь, иначе погибнешь!

Согласно хакасской мифологии, от фламинго произошел счет дней поминок. Однажды в древние времена хонгорский охотник убил одну птицу из супружеской пары. Оставшаяся в живых фламинго до трех дней кружила над местом гибели своего спутника, а затем прилетала сюда на седьмой, сороковой и сотый день и через год после смерти. С тех пор у хонгорцев ведется такой счет поминальным дням.

Следующей птицей, требующей жертв (толыгыг хус), слыл *лебедь* (хуу). Среди хакасов бытовал древний обычай «хуу үлгүзи» (букв. закон лебедя), согласно которому взамен преподнесенного лебедя дарили коня. Охотник, добывший лебедя, отправлялся с ним в гости к богатому родственнику по жене (төргин). Он надевал на него рубашку, подпоясывал шелковым поясом и повязывал на шею красный шелковый платок. Поездка в гости к богатому родственнику (по линии жены) для получения в подарок вместо лебедя лошадей именовалась «хуу абыры» – долговая помощь лебедя или «хуу төргини» – поездка к «женской родне» лебедя.

Человек, застреливший лебедя, заходил в дом бая, кланялся ему три раза и дарил «проклинающую птицу». Последний обязан был принять необычный подарок и взамен вручить коня. Жалеть отданного подарка нельзя. Считалось, что если не принять лебедя, то выбранный конь умрет. Однако вместо отданной лошади «принятый» лебедь поможет хозяину размножить табуны.

Народной традицией разрешалось передаривать лебедя. Застреленная «птица проклятия» должна побывать в руках трех домохозяев, иначе случится падеж табунов. Первый бай, одарив пришедшего конем, подвязывал к шее лебедя новый шелковый платок и мог уже сам нести подарок дальше. Третий домохозяин, приняв почитаемую птицу с тремя подвязанными платками и отдав положенного коня, вынужден был устроить угощение «хуу той» – лебединый пир. Отказ был равносителен гибели.

Перед тем, как приготовить блюдо из мяса лебедя, глава семьи, взяв его за ноги и голову, отмерял пространство юрты от двери до почетного места «төр» и обратно три раза. Если при последнем измерении у порога оказывалась голова, то хозяин рубил лебедю голову, если хвост, то ноги. Хорошей приметой служило касание порога ногами птицы.

На пиршество «хуу той» приглашались все соседи и обязательно родные братья. Все, кто принимал участие в трапезе, обязаны были преподнести хозяину подарки – теленка, ягненка или даже деньги.

Журавли (турна), согласно суеверным представлениям, имели невидимую связь с душами умерших людей. Осенью, когда они улетали, люди выходили на кладбище совершать поминки по умершим за период летнего сезона, жгли пищу и кормили поминальные души.

Весной, если прилетевшие журавли облетали хакасский аал по солнцу, это считали хорошей приметой. Но если они кружили против часовой стрелки, то это худой знак, связанный с болезнями и падежом скота. В таком случае надо было кричать: «Онар ибiрiнер!» – Кружите правильно.

Когда журавли облетают кладбище, то хонгорцы верят, что они считают новые могилы, дабы вывести такое же количество птенцов. После своей смерти души людей, якобы, превращаются в журавлей.

Согласно обычаю «турна ўлгүзи» – т.е. закон журавля, охотник, застреливший эту проклинающую птицу, мог отправиться с ней в гости к баю. Последний взамен преподнесенного журавля должен был одарить охотника овцой или полусуконным кафтаном. Грудинку журавля «пүксүй» использовали в качестве талисмана. Ее вешали к стропилам юрты на счастье (ырыс). Она способствует удаче на охоте.

Круг проклинающих птиц завершали *дрофы (тоодах)*. На них охотились на телегах. Согласно обычаю «тоодах ўлгүзи» – т.е. закон дрофы, взамен убитой птицы богатый родственник дарил телку (торбах). Хакасы считали дроф курами древнего народа «ах харах», который погреб себя в курганах. Ныне в Хонгорae дрофы перевелись.

Летучая мышь (чарханат) наделялась сверхъестественными свойствами. Согласно хонгорской мифологии, летучая мышь сумела обмануть царя зверей, доказав, что она птица, а не зверь. С другой стороны, она обвела вокруг пальца царя птиц, доказав, что она зверь, а не птица. С тех пор хонгорцы используют летучую мышь во время суда, дабы так же искусно оправдаться.⁸⁴

Летучую мышь ловили на закате солнца, вычищали внутренности и сушили. Во время судебных разбирательств ее засовывали в карман или пришивали под воротник. Кроме того, летучую мышь применяли в любовной магии. Если ее подложить под столб ворот дома, где живет красавица, то можно приворожить девушку.

К ясновидящим птицам (көрімчил хус) относили зимородка – «аптыг кара» – букв. волшебная чернота, обитающего зимой рядом с незамерзающей полыньей реки. Перья зимородка обладают магическими свойствами, используемыми в любовной магии.

Чтобы обнаружить волшебные перышки (апчыл чүг), ошипывали крылья подстреленного зимородка. Сначала – левое, а потом – правое. Затем, так же отдельно, бросались перышки в проточную воду. Волшебное перышко, в отличие от других, поплывет вверх по течению. Для того, чтобы приворожить любимого человека, надо было незаметно продеть волшебное перышко левого крыла сквозь его одежду. Для «отсушки» нужно то же самое проделать, но с перышком правого крыла.

Точно такие же методы в любовной магии применялись бурятами. Девушку они привораживали перьями зимородка (в переводе с бурятского – волшебная чернота), погладив ими «спину слева направо, а при желани отделиться от нее – погладить наоборот: справа налево».⁸⁵

Встреча с сорокой (*саасхан*) не предвещала ничего хорошего. Появление ее около дома, особенно на заборе или на крыше, вызывало негодование хозяев, которые брали три горсти золы из очага и три раза бросали в нее с проклятиями: «Тамааца тас кірзін! хулаана хум голзын!» – Пусть войдет в твою глотку камень! Пусть твои уши наполнятся песком!

Черный дятел (*хара тас*) в древности, как гласят мифы, был шаманом. Однажды его пригласил хан для лечения своей единственной дочери. После камлания по дороге его встретил Ах-Худай. На вопрос, где он был, шаман ответил, что совершил камлание над больной. «Будет ли польза?» – спросил Ах-Худай. «Теперь это меня не касается, так как за свою работу я получил плату «асты», состоящую из коня, черного суконного кафтана и красной шапки», – промолвил шаман. Ах-Худай его проклял. С тех пор шаман, одетый в черную одежду и красную шапку, стал черным дятлом «харатас» и вечно долбит сухие деревья.

Таким образом, представления тюрков Саяно-Алтая о живом мире возникли в глубокой древности, во времена общности предков тюрко-монгольских народов. Вместе с тем в Хонгоре отсутствовал культ орла, присущий для бурят и якутов.

2.4. Представления о человеке и его душе

Согласно хонгорской мифологии, человек предстает «черноголовым красным червем» (*хара пастыг хызыл хурт*), ползающим по телу земли. Он обладает черными волосами, а на белом лице сверкают глаза спелой черемухи. Для продолжения рода человеческого богом создано мужское и женское начало (*иргектіг – тізіліг*). Половые органы почтительно именуется «ызых чир» – священное место.

Зарождение ребенка происходит, якобы, в человеческой печени (*паар*). Отсюда в хакасском языке употребляется выражение: «Паарымнаң сыхан палам» – Мой ребенок, вышедший из печени. Согласно народным представлениям, именно в области печени происходят душевные и моральные муки, здесь сосредоточиваются сердечность, доброта и приветливость. Маленьким детям нельзя сильно плакать (особенно мальчикам) и смеяться, иначе их печень может затвердеть (*паары кӱзип парар*), что приведет к печальным последствиям. Во время похорон хакасы прощались с покойным, прислоняясь своей печенью к печени умершего (*паарлап*), чтобы тот не переживал и оставил в покое живых. Вдове, которой обычай запрещал идти на кладбище во время похорон, с могилы приносили землю. Горстью принесенной земли она проводила три раза вокруг печени и произносила: «Мажу свою печень, чтобы она сильно не ныла!». Только на седьмой день во время поминок вдова первый раз отправлялась на кладбище. Она сначала ложилась грудью на могилу, а затем горстью земли так же обводила три раза вокруг своей печени. Близкие родственники умершего до 40 дней не употребляли в пищу печень, ибо верили, что покойники испытывают боль. На седьмой день поминок они брали со стола с яствами печень и обводили ею вокруг своей груди с пожеланиями: «Паары тӱгенмезин!» – Пусть не истощится его печень от горя и печали!

Согласно хакасским мифам, в древности один из первых всадников, который обучил коней ходить под седлом, объезжая дикого скакуна, налетел на лиственницу и погиб. Его тело разбилось, а печень растеклась по дереву. С тех пор лиственничная сера отождествляется с печенью.⁸⁶ По суеверным понятиям, серу (*саас*) нельзя жевать ночью, а родственникам умершего – и днем, до сороковин, иначе будешь жевать печень покойного (*ӧлген кӱзӱнӱн паарын тайнир*). Если ребенок будет жевать серу ночью, то заболит печень родителей и малыш может остаться сиротой.

При родах, дабы младенец быстро появился на свет, повитуха использовала магические слова: «Кӱӱс! Кӱӱс! Кӱннӱг чирге кӱзерге кирек! – Кюсь – Кюсь! Нужно перекочевать в солнечный мир! Если долго не выходил послед, то добавляла: «Кӱӱс! – Кӱӱс! Палаң тооп пари, Ымай ічен кил! – Кюсь-Кюсь, богиня Умай! Твой ребенок мерзнет, быстрее приходи! Магическое заклинание «кюсь-кюсь» использовали также при рождении домашних животных. Например, тувинцы, когда ягненок с трудом появлялся на свет, наговаривали: «Кюсь – кюсь! Выползай так, как ползет змея! Родись так, как скачет лягушка!». Алтайцы, дабы потухший огонь возгорелся, произносили следующие слова заклинания: «Кюсь-кюсь! Зажгись мой огонь, встань из пепла!»⁸⁷

Чтобы малыш сделал первые в своей жизни шаги по земле, применялся магический возглас: «пӱӧл – пӱӧл» (*пеел-пеел*). Например, хонгорцы

произносили: «Пёёл-пёёл! Пасхан чирин пагыр ползын!» – Пёель-пёель! Пусть земля, по которой ты ступаешь, будет твердой, как медь! Алтайцы также благословляли: «Бёёл-бёёл! Тепкен йеринг тепкишту ползын! – Бёель-бёель! Пусть земля, по которой ты топаешь, будет твердой!

По представлению хонгорцев, осенью человек меняет свою кожу – «кизи киби» (букв. одежда человека). Она снимается как змеиный выползок – «чылан киби» и незаметна для людей. Снятая человеческая кожа «кизи киби» видна только змее, так же, как змеиный выползок виден только человеку. Никто не осознает смену своей кожи.⁸⁸

Подобные поверья отмечаются исследователями среди других тюрко-монгольских народов. Так, например, буряты считают, что человек «так же линяет, как змея, т.е. кожа целиком с него спадает; отливявшую кожу... человек теряет, но сам этого не замечает; если же змея находит потерянную отливявшую кожу человека, то радуется и берет ее».⁸⁹ Алтайские бурханисты уверены, что когда «змея линяет, ее кожа остается целой». Говорят, и у человека есть такая же, только невидимая кожа.⁹⁰

Кости (сöök) рассматриваются как исходная, самая глубинная сущность человека. Помимо прямого назначения, это слово (сöök) употребляется еще со смыслом «род» и «порода», черты которых наследуются по костной основе и крови. Например, беременную называли «ики сöökтиг» – имеющая две кости, т.е. носящая свой род и род отца ее ребенка. Человек чистой породы, с особыми задатками и интуицией (ындырт), остро чувствующий присутствие нечисти (пуртах) и не выносящий ее, называется «кырг с öökтиг» – букв. имеющий чистую кость. Если он случайно зайдет в дом больного, роженицы, покойника или окажется в обиталище босов (айна-чиктин чирі), то непременно заболит (пулайсып). Человек чистой породы видит вещие сны, может предсказать судьбу, оказать помощь в лечении.

Впечатлительный человек, легко впадающий в транс, носит название «шик с öökтиг» – букв. имеющий легкую кость или «ниик чүлліг» – т.е. с легкими сочленениями. Представители указанных двух пород людей, т.е. с чистой и легкой костью, еще называются «ызых кизи» – священный человек. Из их среды выходили служители Белой веры, ибо они и не миряне, и не шаманы (хал даа нимес, хам даа нимес). Их способности происходят от «знакомства» с горными силами (тағнинаң танысчан).

Встречаются люди «тяжелой породы» (*аар сöökтиг, аар чүлліг*). Они действуют на окружающих подавляющим образом. Если такой человек зайдет в дом больного (например, корью), то болезнь еще больше усилится. После выхода из юрты человека с «тяжелой породой» больного обматывали мужской одеждой (способ лечения) и заклинали: «Аарың-чүллің кыртына пар!» – Притяни свою тяжесть!

Простой человек, не имевший сверхъестественных задатков, носил название «пуртах сӧӧктиг» – букв. с нечистой костью. По мнению тюрков Саяно-Алтая, кости человека после смерти становятся очень тяжелыми, и поэтому конь, везущий труп до кладбища, сильно устает. После похорон его отпускали на годовой отдых (хур).

Физическое тело человека обозначается термином «ит-хан» – т.е. *плоть и кровь*. В том случае, когда недружная семья ссорится, то говорили: «Удур-тӧдир ит-хан чӧсчелер» – Поедают плоть и кровь друг друга. Вдову хакасы называли «ханныг аастыг» – букв. с кровавым ргом. После смерти мужа она как бы находится в пограничном состоянии между нашим и потусторонним мирами, и ее слова имеют в этот период большую поражающую (кровавую) силу.

Смена крови – «хан алысханы» происходит у потомков только через семь поколений. Поэтому представителям одного рода (сӧӧк) можно обмениваться браками при отсчете семи колен от общего предка. За указанное число поколений, благодаря смешению с кровью женской стороны, происходит «отдаление кости» (сӧӧк ырапча). Кровь женщины, согласно хакасским обычаям, считалась моложе, чем кровь мужчины.

Половые органы мужчины иносказательно именовались «ызых ит» – букв. священное тело. В них сосредотачивалась мужская сила. В связи с этим сперма по-хакасски называется «ирдем» – букв. мужская доблесть. а мужской член – «хутах», т.е. дающий жизненную силу.

Родинка (мин) считалась отметкой богини Умай (Ымай иче танма саан салган) и ставилась человеку на счастье. Подобное представление бытует у всех тюрков Саяно-Алтая. Ребенок, рожденный с темной родинкой (хара мин) на видном месте (щеке, плече), будет долголетним и счастливым. Однако родинка красного цвета (хызыл мин) несла несчастье. Наличие родинки в незаметном месте приносило удачу.

Зуб (тис), выпавший у взрослого человека, закапывали в юрте за очагом (от соо) со словами: «Когда-нибудь я возьму его оттуда». Если во сне видели выпавшие зубы, особенно с кровью, то это означало смерть близкого человека. Они отождествлялись с образом души – двойника человека (чула).

Скрипение зубами во сне считалось плохим признаком. Чтобы избавиться от такой напасти, на шею носили амулет из клыка рыси или лося. Перед сном его обязательно надо было укусить.

Застрявшее в зубах мясо вытаскивали зубочистками «чымчылга», которые по просьбе старших изготавливались детьми. За поднесенную зубочистку нужно было их поблагодарить: «Ах хураганныг хой сыйлим» – Подарю овцу с белым ягненком. Занозу, также называемую по-хакасски

кчымчылга», считали проклятием врагов. Человек, который помог ее вытащить, получал за свое содействие благопожелание: «Получишь в подарок овцу с белым ягненком».

Человек, проявляющий способности насылать проклятия на людей, назывался «хозахтыг» – т.е. имеющий дополнительные способности. Верили, что он обладает особым проклинаящим зубом – «хос тис». Такого человека старались не раздражать. Однако, если проклятия человека с «зубом» доставали многих людей, то всем миром совершали над ним суд. Его «закольцовывали», т.е. пропускали через железный таган (очух), выбивали «проклинаящий» зуб, который в присутствии селян сжигался, а на лбу кремнем чертили круг. «Закольцованный» злопыхатель лишался твоей силы.

Если зазвенит в правом ухе, то верили в хорошую примету. Когда звенело в левом ухе, значит будет плохая весть. В таком случае говорили заклинание: «Чахсы адаанга чаг ползын! Чабал адаанга тас ползын!» – Пусть будет сало и масло тому, кто по-хорошему вспоминает! Пусть будет камень тому, кто по-плохому вспоминает!

Суеверные люди остерегались сглаза или злых чар – «ырсы», исходящих, якобы, от людей, обладавших «дурным» глазом – «хос харах» (букв. дополнительный глаз). Слово «ырсы» восходит, вероятно, к древнетюркскому «ыршы» – зависть, заимствованному из санскрита. Пристальный взгляд женщин мог отрицательно повлиять на сильную половину человечества. Так, например, если жена долго провожала взглядом уходящего на охоту мужа, то она могла сглазить его удачу. «Сглаз» снимался при помощи обмахивания мужской одеждой и окуривания дымом богородской травы или приглашения шаманов.

Зрение человека зависело от светящегося «огня глаз» (*харах оды*), в которых сосредоточена особая часть души – «чула» (от др.тюрк. – свеча). Влиятельные силы боятся «огня глаз» и поэтому не показываются наяву перед очами. Ночью во время сна «огонь глаз» может выйти из своего места расположения в виде двух звездочек или искорок и может разгуливать за пределами дома. Рассказывают, что однажды два охотника, сидя ночью в лабазе, караулили зверей у солонцов. Один из них заснул, а другой бодрствовал. Вдруг из глаз спящего охотника появились два огонька, которые затем вылетели из лабаза, перескочили через ручеек и, покруглившись вокруг большого мшистого пня, исчезли под ним. Через некоторое время они вернулись обратно. В этот момент наблюдавший компаньон на лицо спящего товарища набросил шубу. Два огонька долго кружили над закрытым лицом первого охотника и затем улетели. Когда спящий проснулся, то потерял зрение. Он рассказал свой странный сон, как будто бы он переплыл

через текущую реку, встретил громадные корни дерева и во мху под ними обнаружил много золота. Второй компаньон все понял. Когда наступило утро, он пошел к месту, где вокруг пня кружили два огонька, и нашел там золотые россыпи. Два огонька – это «огонь глаз», который не смог затем вернуться обратно из-за наброшенной шубы. С тех пор, по хонгорскому обычаю, лицо спящего человека никогда не закрывают.⁹¹

Ноги (азах) человека, постоянно соприкасающиеся с землей, могут стать разносчиками инфекции (азахсырааны). Хакасский обычай предписывал перед входом в юрту обивать ноги о порог (но не наступать на него), дабы стряхнуть нечисть. Путнику нельзя заходить в дом **роженницы**, ибо он может занести инфекцию и женщина заболит (азахсып парар). С другой стороны, если недавно родившая женщина, т.е. «нечистая» (пуртах), зайдет в дом больного, то у последнего обострится болезнь. Категорически запрещалось появляться в юрте путнику, только что сошедшему с потного от дороги коня (агырыг азахсырхапча). Если домашние заболели от посещения «нечистого» путника, то хозяин юрты выгонял болезнь путем обмахивания мужским поясом или брюками – «хара чага». Во время такой процедуры называли имя подозреваемого и словами «**Азагы тарт, идегн тарт**» – Притяни свои ноги, притяни свой подол! – «стряхивали инфекцию» за порог.

Каждый *палец (салаа)* руки имел свое предназначение. Самым важным считался большой палец – «иргек» (букв. самец). Он имел сакральное значение. Его использовали при обряде инициации. Когда юноша впервые в своей жизни совершал важный мужской поступок, как то: добыл зверя, занимался промыслом ореха, выездил дикого коня и т.д., то старший общины надкусывал ему до крови большой палец (иргек ызырганы). Подобный обычай существовал и у монголов.⁹²

У хакасов запрещалось играть большим пальцем, иначе человек станет скандалистом (хырызаачы). Нельзя крутить пальцы – выкрутишь счастье (талан), нельзя трясти пальцами после умывания – стряхнешь счастье (үлүс), запрещалось смотреть на человека сквозь пальцы – станешь шаманом и т.д. Мужчины носили кольца на указательном пальце правой руки, а женщины – на среднем и безымянном пальцах.

Безымянный палец – «толамыр» обладал шаманскими способностями (хам салаа). Он использовался при лечении болезней – опухолей, нарывов, колик и т.д. Безымянным пальцем обводили по часовой стрелке вокруг больного места и «закольцованная» болезнь должна пройти. Во время застолья, для ограждения от напастей злых сил, по краю бокала вина три раза обводили безымянным пальцем правой руки. При охоте на мелкую дичь на пулю капали кровью, взятой из безымянного пальца. В таком

случае зверь будет сражен наповал. Нож, обмазанный каплями крови из безымянного пальца, способен убить нечистую силу.

Ногти (тыргах) считаются остатками древнего покрова тела предков хонгорцев. Ногти рук стригли утром, а ногти ног – вечером. Такой обычай вызван тем, что, якобы, жизненная сила человека – «хут» днем прячется под ногтями ног, а ночью – под ногтями рук. Подстригание их в запретное время влечет за собой захват нечистой силой «обнаженной» души – «хут» и, как следствие, болезнь человека.

Состриженные ногти нельзя разбрасывать. Верили, что человек из-за этого потеряет счастье, а скот, наступивший на них, заболит недугом под названием «ноготь». Состриженные ногти, как, впрочем, и волосы, по обычаю, сжигаются на огне. Во время обряда сжигания ногтей произносили следующие слова: «Тибе хузуругы чирге сире өссе, тике мүүзи тигирге сире читсе, йнац тогазарбыс» – Когда хвост верблюда дорастет до земли, когда рога горного козла – «теке» достигнут неба, тогда встретимся! «Тике мүүзи тигир аралап өскенде, пулан мүүзи пулут аралап өскенде, анан тогазарбыс!» – Когда рога горного козла «теке» вырастут до неба, когда рога сохатого достигнут облаков, тогда встретимся! Заговор соответствует русскому выражению «Когда рак на горе свистнет» и служил пожеланием вечной жизни человеку.

Среди северных хонгорцев – кызыльцев состриженные ногти не сжигали, а зарывали в землю со словами: «Пага мүүзи палты саптирга читсе алам! Сын мүүзи сын сыгара өссе алам!» – Когда рога лягушки вырастут с топориче, тогда возьму! Когда рога марала вырастут с горный хребет, тогда возьму! Подобный обычай закапывания ногтей и волос в землю бытовал у зороастрийцев.

Ногти человека, видимо, отождествлялись с рогами животных, имеющими способность к вечному росту. Разные способы «захоронения» ногтей у северных и южных этнических групп хонгорцев свидетельствуют, вероятно, о разном их происхождении. Хакасы верили, что ногти радуются смерти своего хозяина. «Наш хозяин, который нас резал, лег в землю и сгниет, – думали ногти, – теперь мы прорастем сквозь его сердце!» В отличие от них волосы, якобы, печалются: «Наш хозяин, который нас прихорашивал, лег в землю и сгниет, – плакали они, – теперь мы превратимся в гнездо для мышей!».

За волосами (*сас*) ухаживали только днем. Ночью запрещалось их расчесывать, ибо в это время под корнями волос находится жизненная сила – «хут», которую живые боялись потерять. Только души умерших людей – «үзүть» могли произнести следующую клятву: «Хараа таранган сас полим, суға хосхан сүт полим!» – Да пусть я стану волосом, расчесанным ночью, да пусть я стану молоком, размешанным с водой.⁹³

Женщинам запрещалось показываться с непокрытой головой перед свекором, а также ночью выходить в таком виде на улицу. Если свекор и его старшие родственники, а также Луна и звезды увидят непокрытую голову женщины, то волосы ее выпадут. В связи с этим поверьем на улице женщины обязаны носить головные уборы.

Если у черноголовых юношей встречается пучок седых волос, то называют его «ыzych сас» – святые волосы. Их нельзя вырывать, иначе потеряешь счастье. Это отметина горных духов. Идентичное название и представление существует у бурят, алтайцев и других тюрков Саяно-Алтая.

Хонгорцы никогда не выбрасывают вычесанные или состриженные волосы. Их собирают и в определенный день на новолуние сжигают. Если волосы выбросить на улицу, то верили, что птицы из них сошьют гнездо. Во время высиживания птенцов от давления птицы на волосы будет болеть голова.

Незамужние девушки заплетали много косичек, называемых «сүрмес». Замужние женщины носили две косы – «тулун». В том случае, если у женщины имелись родные братья, то она обязана к двум косам со стороны затылка приплетать по маленькой косичке «ыzych сүрмес» – букв. священная косичка. Считали, что к ней притягивается душа братьев (харындас чулазы), охранявшая сестру в чужом роде. В косички «ыzych сүрмес» доплетали волосы жены старшего брата (ниге) и жены дяди по матери (тайы хат). Носили их до тех пор, пока были живы родные братья.

Согласно обычному праву, замужняя женщина доплетала накладные косы (суғынды), одна из которых обязательно делалась из волос мужа и служила оберегом ее жизни (хоных хуяғы). Если она находилась при смерти, то ей расплетали волосы и освобождали от подобной защиты.

Брови (хас) человека обладают особой способностью, используемой при суеверных гаданиях. Если чешется правая бровь, то ожидалась удача, а левая – к беде. Среди хонгорцев встречались особы с очень чуткими бровями. К ним специально приезжали издалека, чтобы по бровям погадать о предстоящей поездке в тайгу или при потере скота. Например, своими «незаурядными» бровями славились гадалки: мать Кичеевой Ильджирбе из села Хойза, мать Терентия Карачакова из аала Халары и др.²⁴

Вторичный покров тела, т.е. волосы головы и бровей, согласно народным представлениям, носят хакасское название «ымай сазы» – т.е. волосы, данные богиней Умай.

Возраст (час) человека выполнял охранные функции. Согласно верованиям, на пожилого старца нельзя пялить глаза, смеяться над его немощностью или обижать. Возраст проклянет насмешников. В данном случае применяется выражение: «Кічиг кізінің харағы харғачан, улуғ кізінің чазы харғачан» – У маленьких детей глаза проклинаят (ибо они сказать не могут), а у пожилых людей возраст проклинаят.

Каждый девятый год любого десятилетия человека считался «тяжелым возрастом» – «аар час». Его также называли «хрупким» (хобырах час) или «нечетным» (саарсых час), так как он являлся опасным для жизни человека. В тяжелый год (сас чыл – букв. дикий год) остерегались называть свой настоящий возраст, обманывая посторонних. Например, если человеку исполнилось 39 лет, то говорили, что ему 38 или 40 лет.

Первые семь лет в жизни ребенка относятся к безгрешному периоду (час пурханах). Самым важным рубежом считался сорокалетний возраст. До 40 лет запрещалось произносить благословения, употреблять спиртные напитки, занимать высокие общественные посты и т.д. Только после 40 лет приходит житейская мудрость (хырыхтыгда хыйгазы кирче).

Старые девы относились к разряду дьявольского отродья (чурт айназы) и поэтому носили три косички «сүрмес», словно дочери «Узүт-хана». От них ожидали несчастья, даже после смерти. Совсем другое отношение к старым девам наблюдалось на севере Хонгорая, в долине Чулыма. Их почитали словно предводителей рода, не изменивших отцовскому жилищу и не отдавших дом в руки чужого сеока. На застольях северных хакасов старые девы садились на почетное место.

Старики, увидевшие своих правнуков, считались живущими за счет века своих детей. Согласно древним обычаям, их закармливали, забивая рот курдючным салом.

Жизнь человека, как и всех живых существ на земле, связана с душой – «тын» (букв. дыхание), имеющей вид нити. Смерть наступает, якобы, в результате разрыва души – «тын» с телом. Место разрыва локализуется в районе аорты, проходящей у сердца. Улетающая душа – «тын» выпархивает через горловое отверстие (у врагов – через задний проход) и, превратившись в птицу (у детей – в ласточку, у взрослых – в журавля, у врагов – в дятла), улетает в сторону заката солнца, чтобы примоститься на ветви священной березы «пай хазың», растущей на горе Сумеру.

Человек, как и любое живое существо, рождается, двигается и живет, благодаря душе – «хут», которую можно отождествлять с жизненной силой. Вполне возможно предположить, что хакасское (и общетюркское) название мужского члена – «хухах» происходит от слова «хут», т.е. дающий жизненную силу, от которой рождаются дети. Когда мужчина получил удовольствие от близости с женщиной, то применяется выражение: «Илчинин худын хапты» – Ухватил «хут» женщины.

При сильном испуге душа может «выскочить» из тела человека и затем долго блуждать. Для ее охраны применяется магическое слово «хурай», соответствующее русскому выражению «спаси и помилуй». При магическом восклицании «хурай» душа возвращается на место в свой «телесный сосуд» (хурай тееним хут ползын!).

Иногда ночью душа – «хут», в силу каких-то обстоятельств, могла покинуть человека. Признаком ее выхода служило вечернее чихание. В таком случае произносили магическое заклинание: «Адай көтөніне кір пар» – Зайди в задницу собаки! Хонгорцы верили в охранительную функцию собаки. При утреннем чихании думали, что гуляющая душа возвращается и тогда говорили: «Чахсы кізі алнынча, чабал кізі соонча чөр!» – Гуляй впереди хорошего человека, обходи сзади плохого человека!

Чтобы ребенок не потерял свою жизненную силу, над изголовьем колыбели и под воротником рубашки пришивали раковины – каури, которые, якобы, притягивают душу – «хут». Кроме того, под воротником одежды и на манжетах рукавов оставляют недошитые места – «хут сыынчан» – букв. место, куда льнет душа. Через них она возвращается назад к человеку. После смерти их зашивают.

Согласно суеверным представлениям, свою душу – «хут» имела носимая одежда. Поэтому после смерти человека совершали обряд разрезания платья покойного под названием «көнде» или «томна». Места, где находилась душа – воротник (чага) и поясная часть (чага) штанов, разрезались ножом и таким образом душа освобождалась. В языке соседних тувинцев под словом «көнде» понимается ламаистский способ погребения, когда оставленного в глухой степи покойника пожирали волки и другие хищники. По-алтайски «томдо» значит приносить жертву.⁹⁵

Реинкорнация души – «хут» (худы хатап чаялганы) могла происходить только в том случае, если умер ребенок в возрасте до трех лет. Верховный творец дарил ее опять людям.

Согласно хонгорскому мировоззрению, телом управляет душа – «чула», являющаяся эфирным двойником человека, его хозяином. Она сосредоточена в зрачках, откуда и излучается «огонь глаз» (харах оды). В начале XX в. среди хакасов распространилось суеверное поверье о фотографии. Так например, если человек сфотографируется, то его жизненный век сократится на пять лет, ибо фотоснимок забирает с собой душу – «чула». В связи с этим хонгорцы закрывали глаза перед объективом, чтобы на фото не появилось изображение глаз.

После смерти человека его душа – «чула» уходит из навечно закрытых глаз и превращается в поминальную душу «сүрүн» или «сүне». Термин «сүрүн», вероятно, восходит к арабскому слову «сурет» – образ, а «сүне» к монгольскому «сунэсен» – душа, дух. По данным героических сказаний она сосредоточивалась в верхнем правом ребре героя. Вероятно поэтому шкура коня, убитого на могиле хозяина, носит название «сүнет». В ней сосредоточена душа «хойлага».

В течение года во время поминальных дней душа – «сүрүн» незримо присутствует среди живых соплеменников. В остальное время после по-

хорон она обитает на кладбище. Душа – «сүрүн», как и все упомянутое ранее, невидима. Но ее можно обнаружить, взглянув через левую подмышку.

Во время похорон «сүрүн» может забрать с собой в могилу жизненную силу «хут» у живых людей, особенно у детей. Для предотвращения беды над погребаемым совершали обряд «хурайлааны» – т.е. магический обход вокруг умершего с предохранительными целями. При возвращении с похорон нельзя оглядываться на кладбище, ибо душа – «сүрүн» следует сзади по пятам и укоротит век того, кто оглянется.

Во время поминок душа – «сүрүн» кормится гарью – «хуюх» от сжигаемой на огне жирной пищи. В этот час всех детей из юрты уводили, двери открывали и соблюдали тишину. В поминальную ночь умершему брызгали вином в сторону порога юрты. Некоторые из исследователей считают, что на заре человеческой истории покойник не вызывал страха у людей и его хоронили, вероятно, под порогом жилища, где в дальнейшем, якобы, стали обитать духи предков. Данные хакасской этнографии в какой-то степени подтверждают такое предположение. Во-первых, место под порогом имело название «көр иркін», где второе обозначает порог. Слово «көр» в современном хакасском не переводится. Однако в соседних тюркских языках – тувинском, кыргызском и других оно обозначает могилу или гробницу.⁹⁶ О захоронении умерших родителей под порогом жилища свидетельствуют и некоторые хакасские мифы и легенды.

По хакасскому обычаю, на поминки обязательно приглашался сказитель – хайджи, который под аккомпанемент чатхана исполнял героические сказания всю ночь. Душа – «сүрүн» любит слушать горловое пение.

Самым знаменательным днем поминок считается сороковой. В этот день, якобы, душа – «сүрүн» осознает свою смерть. Она становилась за очагом юрты и наступала на золу. Следа не оставалось. Она садилась на травинку, но та под ней не гнулась. Она вдруг замечала, что у нее нет тени. Тогда душа с горечью рыдала: «Я стала как перегоревший пепел! Моя смерть – истина!»

В последний день поминок совершали ритуальный обряд «ибіріг» – трехкратный магический обход вокруг могилы против часовой стрелки, после которого «закольцованная» душа – «сүрүн» навсегда оставалась в могиле. Согласно другим представлениям, через год после смерти душа «сүрүн» переселялась в сухую траву «перекати-поле» и, став вечным странником, перекатывалась в степях Хонгорая.

В хакасской мифологии выделяется *неприкаянная душа* – «хубай» погибшего вдали от родного дома человека. Душа «хубай» в результате насильственной смерти не находит себе покоя в загробном мире и продол-

жает бродить на месте своей гибели. Ночью она преследует путников в образе желтой собаки. На таком месте требовалось совершить специальный обряд для приглашения души – «хубай» вернуться к своему пепелищу. Например, душа погибшего героя Пора-Хазыра или души двух жен одного бая, убивших друг друга из-за ревности на горе Куны, до сих пор бродят в местах своей смерти. Подобные воззрения бытовали среди многих народов, в том числе и в русском.⁹⁷ Хакасский термин «хубай» (хуби, хубу) по всей видимости происходит от монгольского «хувь» – часть, доля, судьба, участь – и имел первоначальный смысл «жизненная доля». В хакасском языке, как правило, данное слово по отношению к человеку употребляется в парном сочетании: «хут-хубай», т.е. жизненная сила – жизненная доля.

Надо заметить, что термин «хубай», помимо значения неприкаянной души человека, употреблялся также и для определения душевных качеств духов-хозяев природы и стихийных явлений. Например: «От ічезінің хубу» – душа богини огня или «тағ ээзінің хубу» – душа горного духа-хозяина.

Душа неродившегося, но загубленного при родах ребенка (например, так могла сделать девица, не пожелавшая иметь внебрачное дитя), получила у хакасов название «аан». «Аан» мстит людям и приносит несчастья. Слово, по всей видимости, восходит к древнетюркскому «аган» – покаяние. В таком случае люди должны каяться за содеянный грех. Также и душа загубленных и замученных животных носила название «аан».

Каждый простой человек обладает своим невидимым спутником – «хагба», служащим оберегом и защитной аурой. Он сопровождает любого человека от его рождения до смерти. Месторасположение его находится у мужчин на правом плече, у женщин – на левом. Поэтому мужчинам нельзя плевать через правое плечо, стегать плеткой коня с правой стороны и т.д., иначе можно задеть своего спутника – «хагба».

Необходимо почитать своего невидимого защитника. Поэтому во время застолья остаток вина от первого бокала выплескивают через соответствующее плечо для своего спутника «хагба». При пренебрежении он может отомстить и толкнуть человека на необдуманный поступок.

В редких случаях он предстает перед своим подопечным во сне. Если во время сна человек испытывает состояние мучительной тяжести, не может пошевелить членами своего тела, то его придавил спутник – «хагба». Чтобы не повторялось такое кошмарное состояние, необходимо окропить три раза соответствующее плечо.

В зависимости от судьбы, каждый человек имел защитную ауру разной силы. Встречались люди с незначительной аурой, но были обладате-

ли и великой «хагбы» (улуғ хағбалығ). Невидимые защитники последних не уступали по своей силе шаманским духам. Окруженная сильной «броней», душа человека недоступна для шамана.

После смерти человека его невидимый спутник «хагба» не расстается с ним вплоть до последних поминок на годовщину. Он совместно с поминальной душой – «сүрүн» посещает дом в необходимые дни. Через год, на последних поминках, вокруг могилы совершается трехкратный магический обход с горящей головней, после которого «закольцованный» спутник – «хагба» навсегда «бронирован огнем» (оттан хуяхтал парча).

По данным хакасского фольклора, существует душа – тень человека – «кӱлеткі». Она относится к отрицательному персонажу сонмища духов, однако в корыстных целях играет роль невидимого помощника сказочных героев. Например, по приказу героини Погана-Арыг богатырская душа – тень (кӱлеткі алып; кӱлеткі айна) выполняет нечеловеческие задания – выпивает полный казан топленого масла, стрелой разбивает скалу, побеждает в борьбе великана и т.д.⁹⁸

Согласно воззрениям хонгорцев, вместе со счастливым ребенком рождается ангел-хранитель – «айгах», который защищает человека всю его жизнь. Он бывает не у всех людей, а только у избранных судьбой. Благодаря своему ангелу – «айгах» можно душой почувствовать беду. Человек, обладающий «чистым айгахом», точно предвидит будущее и заранее узнает о грядущих событиях во сне. Ангел-хранитель «айгах» способен противостоять шаманской силе. Например, у женщины, имеющей «айгах», шаман не сможет украсть душу ее ребенка. При приближении его духов – «тёсей» мать младенца под действием ангела-хранителя усиленно начинает зевать, отчего шаманским посланникам не удастся совершить свое темное дело.

Возможно, название «айгах» восходит к хонгорскому слову «хустын айгагы» – птичий коготь. В таком случае этот ангел-хранитель обладает острыми когтями против нечисти.

Согласно мифологии, хакасские мужчины, помимо ауры «хагба», обладали еще ангелом-хранителем «тегир» (тигір), который и днем, как неотвязная тень, и ночью, во время сна, неотступно сторожил мужскую душу. Название, несомненно, связано со словом «тигір» – небо и обозначает небесных духов, покровителей мужского начала. Небесные стражи – «тегиры» обосновались у далеких предков хонгорцев и переходят из поколения в поколение по мужской линии, хотя наследственные задатки, называемые также «тегир», передаются, как считают некоторые люди, по женской линии (тигірлер хыс тамырын сүрісче). «Тегиры» ограждают как мальчиков (олган тигірі), так и взрослых мирян (тик кізінің тигірі), а

также выполняют свою миссию и по охране жилища (чурт тигірі). Большую силу они имеют на родине человека.

«Тегир» заботится о скоте хозяина. Весной и осенью совершали обряд очищения священного домашнего скота – «ызыха», во время которого курением можжевельника (арчыи) укрепляли боевой дух ангела-хранителя (арыг тигірі пик ползын).

«Тегир» сопровождает мужчину во время его военных походов и охотничьих промыслов. После охоты он спешит домой впереди своего хозяина и различными стуками предупреждает семью о возвращении охотника из тайги. Если промысловик был хайджи, то начинали звенеть струны его чатхана.

«Тегир» имеет свой строптивый характер. Он может быть добрым и может быть злым. Если его не почитали, то он вправе был поразить насмерть и своего хозяина, и его скот. Женщине запрещается перешагивать, а тем более садиться на мужскую одежду. Рассерженный мужской «тегир» одолеет женщину болезнями (тигірі урунар). С сильным ангелом-хранителем не могли справиться ни колдуны, ни шаманы. Однажды шаман Албыгачах, живший в Чиланах, решил подкараулить возвращавшихся из тайги охотников и воспользоваться их добычей. Но верные телохранители – «тегиры» насмерть поразили незадачливого шамана.⁹⁹

При лечении обмахиванием «чага» (мужской поясной одеждой) призывали к активной деятельности ангелов-хранителей словами: «Хал кізінін хағбазы полчан, тик кізінін тигірі полчан! – У мирянина есть аура – «хағба», у простого бурханиста есть телохранитель – «тегир».

Раздражительный, темпераментный человек обладает *злым спутником* – «хыпчы», который, подобно бесу, толкает хозяина на несдержанные поступки и преступления. Как правило, невидимый спутник – «хыпчы» отрицательно проявляется у выпившего в виде пьяной дури. Разбушевавшегося человека успокаивают холодной водой.

Раздражительный вид души – «хыпчы» характерен для мира невидимых духов. Например, богиню огня – «От-Ине» необходимо ежедневно кормить жирной пищей, иначе хозяин поплатится. Поэтому ее фетиш имеет второе название «хыпчылыг тәс» – «раздражительный» фетиш. Во время болезни кори запрещалось шуметь. Оскорбленная корь в гневе может распространиться на весь аал и т.д.

Невезучий человек, по воззрениям хонгорцев, обладает *несчастливой судьбой* – «сор чоллыг» – букв. бедовой дорогой. Человек, имеющий судьбу – «сор чоллыг», приносит несчастье не только своей семье, но и окружающим людям. Например, у женщины с такой судьбой умирают мужья, а подобного мужчину лучше не брать в тайгу – удачи не будет и т.д.

Вполне вероятно, что хакасское название «сор» восходит к буддийскому понятию «сор» – бумажная статуэтка или пирамидка из теста, несущая несчастья, которая сжигалась.¹⁰⁰

Везучий человек получает свое счастье или от врожденной судьбы («үлүстіг кизи» – букв. имеющий свою долю) или от покровительства горных духов («хасхахтыг кизи» – букв. имеющий выпавшее счастье). В хакасском языке употребляется более десятка сакральных слов для обозначения счастья: ырыс, өлчей, талан, арбыс, кизик, часка и др. Такое обилие слов свидетельствует об особом отношении к хрупкому счастью хакаса, которое необходимо охранять всякими путями.

Среди различных обозначений счастья вызывает интерес термин «хасхах», передающий понятие счастливого предзнаменования и выпавшего счастья, подаренного высшими силами. Идентичный термин «каскак» бытует среди тьянь-шаньских кыргызов. Так называют любой упавший с неба предмет (соринка, муха и т.д.) в стакан с напитком (чаем, водкой и т.д.), означающий выпавшее счастье.¹⁰¹ Вполне возможно, что термин имеет монгольское происхождение, где он обозначает защиту, покровительство, попечение.

Хонгорская культура, психический склад народа и даже национальный характер в хакасском языке обозначаются или словом «сүрүн», или «чүлүн». Например: «хатыг сүрүнниг, хатыг чүллүг» – с твердым характером; «сүрүн пазарга, чүлүн пазарга» – оказывать психическое (моральное) давление на человека; «сүрүн пасха, чүлүн пасха» – человек чужой культуры. Современные старики, сетуя на молодежь, говорят: «тадар чүлүни тоозыларга чөр» – хакасская культура исчезает. Воспитанная в других традициях, городская хакасская молодежь получила название «тискер чүлүнниг» – имеющие противоположную культуру.¹⁰²

Хакасы по своей натуре сдержанны на эмоции. По обычаю, нельзя лить слезы над покойником. Слезы (харах чазы) оказывают большое давление на человека, поэтому усопшему будет тяжело. При смерти близкого человека хлопали в ладоши и ударяли ими по коленям. Таким образом отгонялись злые силы и подчеркивалась скорбь. Поэтому бурные рукоплескания для выражения восторга совершенно чужды хакасской культуре.

Хонгорцы относятся к народам, не выражающим свои эмоции танцами. В хакасском языке нет даже слова «танец». Употребляемый ныне термин «песлбек» по смыслу больше обозначает кружение, вращение по кругу.

Важное значение в жизни тюрков Саяно-Алтая играло *сновидение* – «түс». Снам верили, по ним предсказывали будущее. Встречались люди, (как правило выросшие единственным ребенком в семье), обладавшие

вещими снами – «хаспа тўс». Перед важными событиями специально ложились спать в обеденное время (тўстирге), дабы предугадать результаты и последствия. Хорошие сны нельзя было рассказывать посторонним людям, иначе их сила пройдет. Особенно остерегались рассказывать свой сон вдовам и вдовцам (саарсых кизи).

Если видели плохой сон, то утром подметали юрту, высыпали на улицу мусор и, три раза плюнув, читали заговор: «Тўнде тўзеен тўзим тўнбиле хада парзын! Таңда тўзеен тўзим таңмыла хада парзын!» – Ночью приснившийся мне сон пусть уйдет вместе с ночью, на рассвете сившийся сон пусть вместе с рассветом уйдет!». Большой частью говорили так: «Тўзиме тўлгў сидезин!» – Пусть на мой сон помочится лиса!

Итак, согласно мировоззрению тюрков Саяно-Алтая, человек не был венцом творения природы, а являлся его частью. Он воздействовал на окружающий мир посредством магических заклинаний, «закольцовывания» злых сил, молитв Верховному Творцу и получал покровительство от ангелов-хранителей.

2.5. Мир невидимой нечисти, окружающей человека

Невидимая отрицательная сила, негативно влияющая на людей и животных и вредящая им, носит у хакасов собирательное название «айна». Как считают тюркологи, данное слово первоначально означало иранское по происхождению понятие «зеркало». Хонгорцы считали, что в зеркале отражается нечистая сила. По всей видимости, произошел перенос значения слова. До сих пор запрещается смотреть в зеркало ночью, ибо в нем показывается «айна». Подобные поверья и запреты, связанные с зеркалом, отражают общие представления многих народов о том, что зеркало является дверью в параллельные миры. Ни в каком другом языке тюркского мира слово «айна» не употребляется в значении нечисти. Необходимо отметить, что в шаманских молитвах оно отсутствует, что говорит о разной речи мирянина – «хала» – и кама.

Нечистая сила «айна» относится к особому «народу», созданному подземным божеством Ирлик-ханом во времена сотворения Земли. Она обитает как в нижнем, так и в среднем мирах. «Айна» невидима для человека. Чтобы ее увидеть, надо взглянуть из-под левой подмышки, согнув руку в локте.

Если в речи человека часто применяется слово «айна», то нечистая сила радуется этому и может навредить таким людям. В качестве иносказания употребляют термины «сайдан» – т.е. шайтан, «иткек – сасхах» – букв. толкающий на преступления и т.д. «Айна» пожирает жизнь людей, приносит болезни, толкает на самоубийства, преступления.

Нечистая сила движется по своим путям «айна чоль», причем порой крутится по ним в виде вихря. По представлениям хонгорцев, существует дух-хозяин дороги «чол ээзі Чолдай хан», который помогает путникам и выводит их к людям. Заблудившийся человек должен был поменять стельки обуви, чтобы сбить с толку нечисть, и обратиться к Чолдай-хану: «Он сарина тартим ма? Сол сарина тартим ма?» – Принять влево или вправо? Дороги имели три колеи – две от колес и одна, посередине, от копыт лошади. Левая сторона дороги принадлежала нечисти «айна». Пешие путники должны были ходить только по правой колее – «худай чоль» (т.е. божий путь). Ночью, начиная с «красного вечера», посередине дороги бродили безглазые черти. Поэтому средняя колея считалась опасной. Хонгорцы были уверены, что болезни человек «подхватывает» в пути. Поэтому инфекционные и гриппозные заболевания в хакасском языке нашли названия: «чорых аалчы» – дорожный гость; «кизім аалчы» – путешествующий гость; «кискек» – гуляющий и т.д.

Нечистая сила боится острых предметов (ножа, ножниц, топора), колючих кустарников (боярышника, золотарника, шиповника, крыжовника, облепихи), которые так и назывались: «айна агастары» – чертовы деревья. Они применялись при лечении болезней для изгнания нечисти. Нечистую силу «айна» можно поразить выстрелом из ружья, заряженного бронзовой круглой пуговицей «хола марха», или бронзовым ножом. Свиней на нее не действует. Вплоть до советской эпохи все хакасы в качестве амулета против «айны» носили бронзовые пуговицы. Вероятно, эти представления уходят в глубину веков, во времена эпохи бронзы.

При рождении ребенка нечистая сила «айна» старается захватить его жизнь. Поэтому во время обрезания пуповины повитуха должна раньше «айны» дать временное имя ребенку, дабы не призвали его злые силы. Окончательное имя малышу давали на именинах «пала тойы». Старые девы, согласно поверьям, сами становятся нечистой силой жилища (чурт айназы), ибо не выполняли своего социального предназначения – материнства.

«Айна» поселяется в пустынных местах – «ээн чир», где отсутствуют духи – хозяева местности, т.е. в заброшенных домах и на территории бывших кочевий (көскен ибнің айназы). Согласно народным поверьям, в заброшенном жилище запрещалось ночевать, иначе погибнешь. Если случайно приходилось заходить в такие места, хонгорцы три раза плевали и проносили: «Не я зашел, а русский человек». Рассказывают, что однажды летом два охотника, возвращаясь из тайги, встретили заброшенное зимнее кочевье. Один из них решил заночевать в этом пустом доме, а другой на кладбище. Уснувший среди могил встретил радушный прием у поминаль-

ных душ «сүрүн». Его охранял сам дух-хозяин кладбища в образе зайца. Своего гостя они накормили и напоили вином. Утром у него был рот в сале, а желудок сытый. Затем он отправился к заброшенному дому, где остался ночевать товарищ. На его зов из пустого жилища послышался голос: «Подожди немного, сейчас надену сапоги». Через некоторое время, когда он третий раз окликнул товарища, из пустого дома выскочила громадная мухортая собака с окровавленной пастью. Это была нечистая сила «айна», загрызшая путника. С тех пор хонгорцы считают, что лучше переночевать на кладбище, чем в пустом доме (ээн чурт).¹⁰³ Подобные представления бытуют у соседних алтайцев, которые точно так же утверждают, что в заброшенных домах живут черти – «аза».

К категории нечистой силы «айна» относились также такие персонажи хакасской демонологии, как «чик» – бес, ходящий ночью (түнде чөрер чик). Загробный мир иногда называют «чиктин чирі» – земля ночных бесов. Вполне вероятно, что корень слова восходит к глаголу «чи» – есть, поедать, т.е. нечистая сила, поедающая людей. Демон, приносящий несчастья и толкающий человека на преступления, называется «ынчых». Слово происходит от древнетюркского «ынчаук» – печальный, стонущий, т.е. приносящий печаль. Если в семье рождается плохой ребенок, то в жилище приходит несчастье – «ынчых». Среди родственников начинаются ссоры, скандалы, драки. Подобное бесовское отродье среди хакасов именуют «чурт ынчыгы» – нечисть жилища. Черная сила, вызывающая болезни у людей и скота, называется «сілемір». Вероятно, слово происходит от глагольного образования «сіле» – проклинать, т.е. проклинаящая сила.

Бука, которым пугают детей, известна у жителей Хонгорая под названием (пүү) «пöö». Бука боится домашнего света и следит за малышами из-за окна. Поэтому детям запрещается ночью смотреть в окно. Надо добавить, что хонгорцы применяли название «пöö» также и для обозначения разного рода наваждений. Например: «кискек пүүзі» – дух инфекционных болезней, появляющийся ночью в виде падающего метеорита; «поончах пööзі» – бесовское наваждение, подталкивающее человека к самоубийству через повешение; «айна пööзі» – пугало и т.д. Термин «пöö» известен в языках многих тюрко-монгольских народов. Кыргызы Тянь-Шаня словом «бöö» называют буку, монголы – шаманов, а по-турецки «буйу» – колдовство, чары, волшебство. Бесовское отродье из преисподней или представитель нечистой силы, требующий жертвоприношения, носит название «сымыл» (чик – айнанын сымылы). Сымылы могут казаться в образе пресмыкающихся – лягушек, ящериц, змей. Через них распространяются неизлечимые болезни – рак, сифилис и др.

«Салды» – черный бес, живущий в пустом доме. Происхождение его связывают или с душой умершего в юрте человека, или с нечистой силой, подброшенной в дом шаманом. В пустых домах, где люди погибли от злой

силы «салды», ночью слышатся глухие удары бубна (хара түүр). Ясновидцы могут увидеть «салды» в образе камлающего черепа человека. По хакасскому обычаю запрещается брать вещи из дома, где скончались хозяева, иначе можно привезти с собой нечистую силу «салды». В качестве оскорбления словами «чурт салдызы» — т.е. домашний бес, обзывали старых дед, стариков или старух, у которых все родные давно скончались.

«Чил-аас» (букв. голос ветра) — *невидимый дух*, голос которого обращен к человеку. Иногда в ветреный день слышится неведомый голос, который зовет человека, называя его имя. Это «чил-аас» пытается забрать жизненную силу «хут». В таком случае надо три раза прокричать свое имя и позвать его «иди сюда», иначе душа «хут» окажется в его руках. Хакасское название «чил-аас» восходит к древнетюркскому термину «йел» — демоническое существо, злой дух.

На севере Хонгорая кызыльцы невидимого вестника именуют «ээн табыс» — пустынный голос. Надо отметить, что в хакасском языке выражение «ээн-аас» — букв. пустое слово, применяется в отношении материцы. Бранным языком общаются с некоторыми духами болезней (например, с духами оспы).

Нечистая сила, которая толкает людей на самоубийство через повешение, носит название «поончах» (букв. петля, узел). Она обитает по берегам рек среди чернотала (хара таллыг чирде чурттыг) или около вихоревых деревьев (тирби ағас). «Поончах» появляется красным вечером в образе женщины, одетой в хакасскую шубу с красной каймой и держащей в руках разноцветный аркан. Она предлагает свои услуги, дает в руки веревку и поднимает людей на чернотал. Повесившиеся люди на том свете становятся ездовыми конями «поончаха».

Ее может увидеть только ясновидец и определить по дырявой макушке головы. «Поончах» можно поразить выстрелом из ружья, заряженного медной или бронзовой пуговицей. На улице от нее можно скрыться, выйдя на лошадиную тропу, ибо «поончах» боится конского копыта.

Если «поончах» повадилась к человеку и предлагает ему задушиться, то совершали следующий ограждающий обряд. Набивали шубу травой и привязывали ее конопляной веревкой или жгутом скрученной травы к дереву. Затем стегали висящую шубу кнутом, утверждая, что повесился хозяин одежды, называя его имя. Когда трава чучела сгниет и развалится, то верили, что «поончах» больше не придет.¹⁰⁴

Помимо нечистой силы «айна» и представленных ее разновидностей, вокруг человека еще витают *злые духи* — «у́зты». К ним относятся души умерших людей, полностью отделившиеся через год после смерти от мира живых и приносящие мирянам несчастья. Страна умерших душ — «у́зт

чирі» находится в стороне захода солнца, за хребтом «Ўттиг тас» – букв. Дырявый камень, в верховьях Абакана. Они живут там селениями на горе «читі путтыг Пулан таг» – букв. Семиногая Сохатая гора, именуемая порусски «Шаман». Необходимо отметить, что шаманы северных алтайцев (челканцев) отправляли души умерших людей также « в землю кыргызов (бассейн р. Абакана) в Уйту-таш (т.е. Ўттиг тас – В.Б.), откуда, по преданию, пришли в места нынешнего обитания предки современных челканцев (сеок шакшылыг)». ¹⁰⁵ В языке тюрков Саяно-Алтая термин «ўзўт» известен с древнетюркской эпохи. Например, один из видов ритуальной трапезы уйгурских манихейцев носил название «өзўт ашы» – букв. духовная пища. Идентичное определение встречается среди шорцев, которые Родительский день называют «Ўзўт пайрамы» – праздник духов умерших людей

«Ўзўты» появлялись в хакасских селениях на закате солнца – «красным вечером». Поэтому на ночь обязательно закрывали продукты, ибо «ўзўты» готовы обнюхать любую еду. Оставшуюся на ночь в открытой посуде пищу утром отдавали собакам, остерегаясь заболеть.

На «красный вечер» нельзя петь, свистеть и кричать – откликнется «ўзўт» и человек заболит, столкнувшись со злым духом. При выходе из дома обязательно надо три раза подуть на огонь очага, иначе «ўзўт» поцелует губы и на них выступят «простудные» нарывы. В общем хонгорцы соблюдали обычай «держания красного вечера» (хызыл иир тутырчаннар), согласно которому предписывалось соблюдение полного спокойствия (не шить, не читать, не спать, не играть, не стряпать и т.д.). Если день (кўн) в хакасском языке ассоциировался с понятием солнца и жизни, то ночь (хараа) отождествлялась со временем действия темных сил. Ночью мусор из дома не выносили, денег в долг не давали, имя человека не называли, молочные продукты никому не наливали и т.д., иначе потеряется счастье.

Ночью в степи иногда виднеется призрачный огонь «кўзўт оды» (букв. огонь ўзўта), горящий синим пламенем. Он манит к себе человека, который пускается вслед за ним, но никогда не достигнет его, словно ускользающее счастье. Призрачный огонь «ўзўт оды» встречается в местах, где проказничает нечистый дух. Необходимо его окропить вином и тогда наваждение исчезнет. Попадается он не к добру. Если призрачный огонь «ўзўт оды» виден в заброшенном доме, то значит там голодает дух хозяйки огня «От-Ине». Если он светится на кладбище, то это горит поминальная душа умершего человека.

По островам рек растет ольха – кустарник с красной корой и синими ягодами, называемый «ўзўт агазы», т.е. дерево ўзўта. Его нельзя трогать

детям, иначе в дом явится «үзүт» и могут погибнуть родители. Тем более этим кустарником нельзя топить печь или стегать скотину.

Иногда злой дух – «үзүт» вселялся в человека. Такое заболевание носит название «урунчах» (букв. приступ, встреча, столкновение). В таком случае у пострадавшего внезапно начинает болеть живот острой, режущей болью. Появляется рвота. Тогда приглашают «особых людей, которые умеют изгонять непрощенную душу... На больного плюют, бьют его какой-либо одеждой [называемой «хара чага» – черный ворот, которую боятся «үзүты» – Б.В.]. Если боль не прекращается, то около больного жгут на горящих углях талкан... и дают больному вдыхать запах; жгут также табак. Накормив таким образом, начинают пугать душу, поднося к больному горящий уголь», – так описывал лечение от «үзүта» первый хакасский этнограф С.Д. Мойнагашев.¹⁰⁶ Гарь от сжигаемого талкана и крупы, положенных на совок с девятью горящими углями, выводит «үзүт» из человека. Во время обряда лекарь читал специальные молитвы, пересыпанные заклятием – «чымыр-чымыр». Идентичный обряд изгнания злого духа совершали телеуты.¹⁰⁷

Против действий нечистой силы «айна» и злых духов – «үзүт» совершали *обряд очищения огнем – «алас»*. В качестве возжигающего средства применяли богородскую траву «ирбен» и можжевельник – «арчын». Их дымом очищали человека, дом, хозяйственные постройки. Ароматические травы кладутся на железный совочек с девятью горящими угольками. Богородская трава действовала на больного лучше плохого шамана. Во время умывания хонгорцы в горячей воде запаривали три горсти ирбена для очищения тела от злых духов. По хакасским обычаям, лекарственные растения выкапывались утром со стороны восхода солнца. Вместо выкопанного корня клали белую шерстинку или монету и благодарили землю. Во время обряда очищения при окуливании богородской травой читали заклинание: «Алас-Алас! Умывшись водой из Молочного озера на горе Сумеру, пусть человек очистится от злых сил! Пусть «үзүты» вернутся в свой мир! Алас-Алас!»

К следующей разновидности невидимой нечисти, окружающей человека, относятся духи – хозяева различных болезней. *Желтуху* хонгорцы представляли в образе желтой женщины – «*Сарыг-хат*», которая обитает в желтых водорослях желтого моря. При лечении в юрте развешивали девять одежд желтого цвета, на стол ставили девять бутылок араки. В кадку наливали девять ведер холодной воды. Приносили девять пучков желтой конопли, девять штук желтых камней, девять веток черемухи, девять веток колючего кустарника и медный таз. Лекарь по очереди обмахивал больного одеждками, колючим кустарником и обмывал холод-

ной водой. В результате дух-хозяйка желтухи «Сарыг-хат» выдворялась в свои исконные владения.¹⁰⁸

Дух-хозяин малярии (*тудан ээзи*) имел идентичное название – «Сарыг-хат» – т.е. желтая женщина. Она носила одежду желтого цвета. Поэтому хакасы не любили ткани желтой окраски.

По представлениям хонгорцев, дух-хозяин малярии обитает в сухих дудках боршевика (хобрах). Их запрещалось трогать руками из-за суеверного страха заболеть. Существовали различные магические приемы лечения. Грудь больного обливали холодной водой из семи ведер, куда клали по семь желтых камней и семь пучков желтой конопли. Для улажнения малярии все одевались в желтые одежды.

Бельмо называли заночевавшим мифическим гостем – «хоничы», спустившимся со звезд. При лечении кланялись звездам и луне, говоря заклинание: «Хурай-Хурай! Под луной я насчитал 60 звезд, пусть пелена твоего пестрого глаза очистится вместе с чистым серебром! Превратившись в белое облако, пусть поднимется в белую ясность! Под солнцем я насчитал 70 звезд! Пусть синева смотрящего глаза разойдется вместе с чистым серебром! Превратившись в синее облако, пусть переселится в синюю ясность! Хурай, хурай, хурай!

Конъюнктивит глаз – «пур» возникал от гнева духа-хозяина болезни, обитавшего на небе и ездившего на священных конях – «ызыхах». Поэтому при лечении молились, чтобы «пур» превратился в туман или облако, поднимающееся на небо или спускающееся на священный скот – «ызых».

Бронхиальная астма – «аяртым» проявлялась внезапно, якобы из-за того, что человек нечаянно наступал на «дорогу» духа-хозяина этой болезни (аяртым чолы) или столкнулся с «горной нечистью» (тағ харазы). Лечение заключалось в магических действиях. Бурханистский целитель (чилбегчи) набрасывал на себя черную одежду (хара чага), надевал девичий головной убор и брал в руки опахало – «хобыт» из березовой ветви с привязанными к полуметровой конопляной веревочке девятью коралловыми бусами и черным пером орла. Обряд совершали вечером, после захода солнца, в полумрак или рано утром, до появления солнца. Болезнь изгонялась в места ее первоначального обитания – страну Желтого хана, находящуюся в устье Желтого моря.

Тиф был известен под названием «харап аалчы» – букв. гость черной души. По представлениям хонгорцев, он появлялся по приказу подземного божества Ирлик-хана в отместку за непочтение к священным животным черной масти. Дух-хозяин тифа не имел зрения и поэтому ходил ощупью вдоль стен. Любопытный заходящий в дом больного должен был стоять посредине помещения, чтобы не наткнуться на него. При заболевании тифом к коновязи привязывали пару вороных коней в уздечке, но без

седел. В юрте на столик ставили девять бутылок араки, девять черных камней (перед каждой бутылкой), готовили девять ведер воды и вешали девять черных одежд. Обряд лечения сопровождался заговорами, силой которых усаживали духа-хозяина тифа на пару вороных коней и отправляли их с северные земли по течению реки Енисей.

При заболевании «летучим огнем» (*хам чо*) или *паршой* (*ходыр*) молились фетишам «хызыл чалама» и «тайгым төс», которые считались духами-хозяевами этих болезней. Над зараженными участками лица или тела высекались искры огнем и произносились заклинания. Лечение занимался, как правило, дядя по матери (тайы).

Панариций – «*хартыгас*» происходил от духа-хозяина болезни в виде старушки по имени Хартыгас. Во время лечения перед очагом юрты строили игрушечный шалашик (алачных) из девяти лучинок. Покрывали его потничной травой (озаң от) и делали с трех сторон отверстия. Затем по порядку просовывали больной палец в щели шалашика и спрашивали: «Бабушка Хартыгас, можно зайти через двери?» – Нет, нельзя, через двери войдешь, тебя собака схватит, – отвечала дух-хозяйка болезни. «Бабушка Хартыгас, можно зайти через щель?» – Нет нельзя, тебя корова забодает! – запрещала дух-хозяйка болезни. После этого палец просовывали в третье отверстие и приговаривали: «Бабушка Хартыгас, можно зайти через пробоину?» – Нет нельзя, тебя лошадь лягнет! После последнего ответа шалашик поджигался и с криками: «Горит дом старушки Хартыгас (Хартыгас инейниң чурты кӱйче) выдергивали оттуда палец.

Происхождение *стоматита* – «*апсыл*» связывали с духом-хозяином этой болезни «Апсыл-ханом», обитающим вместе с главой духов всего собачьего мира – «Адай-ханом». Поэтому иногда в качестве лекарственных средств применяли тестикулы кастрированного кобелька. Взамен полученного лекарства псу засовывали в рот сало. При лечении читались заклинания, обращенные к духу-хозяину болезни Апсыл-хану.

Корь (*хоочах, сыбырган*) хонгорцы представляли в образе пожилой слепой старушки «Кӱр орекен», пришедшей в гости из страны, где не вянут травы и не замерзают реки. Во время лечения на стол ставили угощение для слепой гостьи (кӱр аалчы) и читали заклинания.

Ветряку называли «маленькими гостями» (*кӱчӱг аалчы*) или «маленьким цветком» (*кӱчӱг хоочах*). Для них на стол ставили угощение: вино, серебряные деньги, карты, музыкальные инструменты. «Маленькие гости» не переносят гари, поэтому нельзя опаливать мясо, жарить зерно, печь картошку. Нельзя шить, мыть, подметать. В юрте расстилали шелковые одежды, открывали сундучки. Любои вошедший, не крестясь, кланялся больному, держа руки за спиной. Затем, поклонившись три раза на все четыре стороны, садился за стол пить вино, играть в карты и на музыкальных инструментах. Потом, повернувшись в сторону больного, пришед-

шие говорили: «Дорогие гости, приходите к нам домой. Мы все «сырые», надо и нам созреть». Болезнь длилась девять дней.

Заболевание *оспой* – «*улуг аалчы*» – букв. большой гость, хакасы связывают с появлением невидимых «гостей» из другого мира, где травы не вянут и реки не замерзают, где находятся пестрые горы и пасется пестрый скот. Народ оспы похож на людей солнечного мира, только светлый и белоглазый (т.е. глаза без радужной оболочки).

Согласно хакасским мифам, сын царицы Хара-Сарыг в результате печальных странствий попал в страну оспы. По описанию эта земля располагалась где-то за Восточными Саянами. Сын царицы Хара-Сарыг и его конь были невидимы для людей оспы. Там, где стал пастись его конь, начали умирать пестрые лошади этой страны. Там, где появлялся он сам, люди оспы заболели. Когда он, увидев ханскую дочь, поцеловал ее, девушка от прикосновения умерла. Великая шаманка Паламар-хам узнала, что из «солнечного мира» пришел гость – «*тириг үзүт*», т.е. живой дух-үзүт. Он является источником заболевания. В результате камлания сын царицы Хара-Сарыг был «вбит» в ее медный бубен и выдворен шаманкой обратно на свою родину. Вместе с ним была отправлена и ханская дочь, которую он умертвил своим невинным поцелуем. С тех пор люди оспы стали «гостить» в нашем мире. Если бы сын царицы Хара-Сарыг не посетил землю оспы, эта болезнь не нашла бы дорогу в Хонг орай.¹⁰⁹

Во время болезни оспой хакасы устраивали домашний праздник. На стол ставили угощение, как будто бы принимая почетных гостей. «Большие гости» должны хорошо повеселиться и уйти. К коновязи привязывали пару оседланных карих лошадей для их мнимого разезда. Если болезнь обострялась, то в доме устраивали особые пляски. Женщины раздевались догола и танцевали обнаженными перед больным, чтобы «невидимые гости» застеснялись и собрались в обратную дорогу. Во время сильного недомогания воровали у соседей скот (овцу или жеребенка, вместо которых затем возвращали своих), тайно забивали и горячим мясом кормили больного. Такая жертва называлась «*өтер*». Происходил обмен души больного человека, которую похитила оспа, на душу жертвы «*өтер*». Подобный обряд, называемый «*үөтер*», был известен также якутам. Он возник во времена общности предков якутов и народов Саяно-Алтая в древнетюркскую эпоху.

Итак, человек был не одинок на земле. Его окружал мир многочисленных невидимых духов, имена и свойства которых были известны еще древнетюркским жрецам.

Гл.3. ОСНОВЫ БУРХАНИСТСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ

3.1. Мироздание и пантеон божеств

Согласно хонгорскому мировоззрению, вся вселенная – «тилекей» линейно разделена на три мира – верхний, нижний и средний. Божества обитают только в двух крайних мирах, а в среднем живут люди и окружающие их различные духи – хозяева.

Верхний мир – «*ӧӧрки тилекей*» находится на небесах и служит обителью девяти творцам – «чаячы», каждый из которых занимает один из девяти небесных слоев – «тамы» (тигир тамы – небесный там)¹. Надо отметить, что в алтайском и тувинском языках, как и в древнетюркском, термином «тамы» обозначалось понятие ада, преисподней. В хакасском языке под этим словом понимаются этажи мироздания, где обитают божества, как небесные, так и подземные. Кроме того, в героических сказаниях встречаются выражения «хырых тамы тигир алтында» – сорок поднебесных «тамов», соответствующие понятию других климатических поясов на поверхности земли, которых могли достигать богатыри в своих скитаниях.

В верхнем мире царит вечное лето. Растущие травы здесь никогда не вянут, лиственные деревья никогда не опадают и текущие реки не замерзают.² Вход в верхний мир – «тигир ӧткизи» – букв. небесный проход, располагался на краю земли, у основания небосвода (хара чирниң чагазында, хан тигирниң тӧзиңде). Эпические богатыри проникали через него к верховным творцам.

На самом верхнем, девятом слое неба находился глава девяти творцов под названием «*Чалбырос-Чаячы*» – *Милосердный творец*. Его имя происходит от хакасского глагола «чалбыра» – гореть добром, излучать свет и ласку к людям. Корнем слова является «чал» – пламя (др. тюрк. – йал). Чалбырос-Чаячы был основным конструктором мироздания и отвечал за общий порядок в «тилескее».

Второе место по своему значению среди творцов занимал «*Күгүрт-Чаячы*» – *Громовержец*. Он борется с нечистой силой на земле, поражая ее своими громовыми стрелами (күгүрт уғы). У него имелся сын «Кокетей», сздящий на сивом коне и являющийся духом-хозяином небесных «ызыхов».³ Кокетей представлен на небесном олимпе в виде звезды Сириус (Кокетей чылтыс).

Третий небесный творец «*Чалтырах-Чаячы*» – *Блестящий Создатель* был творцом огня и света, озаряющего дневную поверхность Зем-

ли.⁴ Он носил одежду из пылающих углей и имел бороду в виде горящего пламени.

Одним из очень влиятельных особ верховного пантеона являлся «Толай-Чаячы», который относился к покровителям страны Хонгорай – «Толай Хоорай».⁵ При забвении заветов предков «Толай Чаячы» наказывал хонгорцев за грехи болезнями (толайсып). Он выступал верховным судьей над мирянами.

Небесный творец «Чарлых-Чаячы» – Повелевающий Создатель, по всей видимости, следил за исполнением законов (чарлых), предназначенных людям, и являлся вершителем личной судьбы людей, в первую очередь в браке. Поэтому по отношению к жене эпические герои применяли выражение – «чарлыгым пүдүргени» – создание повелением моего творца. В дальнейшем бурханизм, развившийся на базе многих шаманских культов, стал использовать слово «чарлых» в значении законов Белой веры (Ах-Чаян).

Среди пантеона верховных божеств встречается имя «Пулай-Чаячы». Вероятно, этот бог следил за исполнением религиозных обрядов, карал за неисполнение божественных законов особыми болезнями под названием – «пулайсып». Например, если женщина сядет на мужскую одежду, то мужчина заболит; если святой человек зайдет в нечистое место, то он упадет в обморок и т.д.

Самым низшим по рангу являлся «Изыкчин-Чаячы» – т.е. Привратник Творец, обитавший на самом нижнем слое неба, около небесного входа «Тигір өткізі», в месте соединения неба и земли. Он прислуживал остальным творцам и поэтому носил дополнительное название «Тас-Чаячы» – Плешивый Творец.

По данным героического эпоса, между верхним и средним мирами на мифическом горном хребте «Пулай-сын» – вершины которого скрываются в белых облаках – находилась обитель (чурт) полубогов, называвшихся бурханами. К ним относились святые дочери девяти небесных творцов – Толай Пурхан, Пулай Пурхан и Чарых Пурхан⁶. Помимо дев – бурханов, на белых облаках вершины «Пулай – сына», в белой шелковой юрте восседала богиня Умай, хранительница детских душ и покровительница беременных. Здесь стоит священная береза с золотой листвою, под которой растет лечебная белая трава. На поднебесном хребте Пулай-сын в стране бурханов – «Пурхан чирі», находилась Райская земля. «Душа умершего хорошего человека уходит на небо в землю Бурхан Худая и там, по определению его, вновь перерождается или умирает навсегда», – таким образом описано тувинское представление о рае Н.Ф. Катановым.⁷

Название «Пулай-сын» вероятно связано со словом «пулаг» – священный пар жертвенного животного, которым кормят бурханисты небожителей. От имени этой поднебесной страны происходит, возможно, по-

нятие «пулайсы» – нарушать закон ритуальной чистоты.

В результате формирования Белой веры – «Ах-Чаян» возник обобщенный образ *единого верховного бога Ах-Худая*, который заменил собой девять творцов – «чаячы». В связи с тем, что Ах-Худай обитает на небесах, его стали называть «Тигір Худайы» – т.е. Небесный Бог. В просторечии хакасы его именуют «Тадар Худайы» – т.е. хакасский бог, отличающийся от православного Небесного Владыки, которого называют – «Хазах Худайы» – т.е. русский бог.

В мифологии алтайцев и южных хакасов верховной властью над небожителями обладал «Ўлгенниг-хан» (в вариантах – Улген, Ўлгелиг, Ўлгер, Улгерлиг). Его имя выступает синонимом Ах-Худая. Ўлгенниг-хан являлся покровителем звездно-чубарых коней «ызыхов», считавшихся небесными лошадьми.⁸ Не исключена возможность, что на земле он имел свою ставку в Хонгоре в горах «Ўлгенниг сын» – букв. Божественный хребет, т.е. в Кузнецком Алатау. Согласно исследованиям ученых, имя божества восходит или к тюрко-монгольскому слову «ўлкен» – великий, громадный, или является искажением древнетюркского «ўлкер» – звезды, небо.⁹

Образ Ах-Худая среди тюрков Саяно-Алтая, по сравнению с шаманскими божествами, возник довольно поздно. В шаманских молитвах никогда не встречается упоминаний об Ах-Худая.

Нижний мир – «төбінкі тилекей» находится под землей, где, согласно героическим сказаниям, правят семь подземных божеств «ирликов». Подземная страна состоит из семи слоев – «тамов» (в вариантах – из девяти), где нет ни солнца, ни луны (по другим версиям, там светят половина луны и половина солнца). Деревья в нижнем мире растут кроной вниз (төдір көзөліг). «Төбінкі тилекей» связан со средним миром входом, называемым «читі аастыг чир тўнии» – букв. дымовое отверстие земли с семью «ртами», т.е. проходами, ведущими в семь слоев подземелья. В таком случае можно предположить, что подземный мир имел вверху свод, напоминающий крышу юрты.

Божества «ирлики» или «чингесы» (у бирюсинцев)¹⁰ обитают на седьмом подземном «таме», где держат скотоводческое хозяйство из лошадей, коров и овец. Причем, табунщики пасут коней верхом на девятиглавых змеях, скотники ездят на шестисаженных пестрых лягушках, а чабаны – оседлав шестиногих ящериц.

Семь ирликов имеют общих детей, живущих вместе с ними на одном подземном «таме». Сыновья носят название «моос» и относятся к богатырям, наделенным отрицательной силой (ирлік чарымы). Они имеют чертовский вид (айна чўлүктіг): лицо чернее земли, глаза величиной с чашку, лоб, как дно черного котла. Поэтому их еще называют «хара моос» – черные моосы. Они выходят на поверхность земли из нижнего мира для

того, чтобы навредить людям. Главой над ними поставлен «Кир Моос» – Великий моос, имеющий вид семиголового дракона. Одной головой он достигает неба, другой подпирает землю. Одним ухом он слушает неба, другим – растущие корни деревьев¹¹.

Дочери семи «ирликов» носили название «хуу хат» – букв. высохшая старуха (т.е. кожа да кости). В хакасском языке слово «хуу» имеет несколько значений, в том числе и «белый лебедь». Но в данном случае применяется понятие «высохший, выцветший, сухой». Например, «хуу пас» – череп (букв. высохшая голова), «хуу чазы» – сухая степь, «хуу со́ок» – скелет (букв. голые кости) и т.д.

В героических сказаниях внешность «хуу хатов» предстает в следующем виде: имеющие бесовский облик (айна чүдлiг) – с оловянными глазами, с острыми, как шило, медными носами и плоскими переносицами, похожими на сточенный брусок. Они имели плешивые головы, с ушами размером с везьлку. Кроме того, они были с пышными грудями, волокущими по земле, и корявым лицом, похожим на кору тополя¹². Из-за своих медных лиц «хуу хаты» имеют дополнительные имена: «Чис Ханзар хуу хат» – Медная Костистая высохшая старуха, «Чис Сибелдей хуу хат» – Медная Тощая высохшая старуха, «Чис Хыйазын хуу хат» – Медная Злословная высохшая старуха¹³. Образы ведьм с медными носами «жез тумшук» характерны для мифологии кыргызов Тянь-Шаня, что говорит об их этнокультурных связях с тюрками Саяно-Алтая.

Главой над всеми «хуу хатами» являлась старшая дочь семи ирликов «Чик Чеекей хуу хат» – букв. *Пожирающий Бес*. Она живет на *седьмом подземном «тате»*, в месте слияния семи морей, в семиугольной медной юрте вместе с семьей ирликами. Она имеет отвратительную внешность, которую может изменять (хубулгат төрөөн). Нос ее бронзовый, а зубы мелкие. Чик-чеекей такая полная, что ее не охватить семью охапками. Она ходит в стальных башмаках и облезлой кожаной шубе. Чик-чеекей заплетает семь косичек из пестрых змей и украшает себя бриллиантовыми сержками.¹⁴ Она является матерью семерых дочерей, которые называются «сары хыс» (букв. желтые девы). Старшая среди них носит имя «Чилбен-Сарыг». Волосы «желтых дев» имеют вид желтой конопли. Девы ездят на соловых конях. Ночью они проказничают и воруют души людей.

В царстве семи ирликов, в устье семи морей, находится мифическая гора «Порчаналыг Пора Тигей» – букв. Серая Сопка с длинной грядой, где «хуу хаты» развлекаются и совершают гадания. Чик-чеекей, и ее «желтые девы» через медное сито высевают на ней зерна и создают воинственную армию, которую отправляют против людей «солнечного мира». Внутри горы «Порчаналыг Пора Тигей» хранится душа Чик-чее-

кей в образе желтой лягушки, находящейся в черной шкатулке, которая лежит внутри черного сундука.

Самая младшая дочь семи ирликов носит имя «Тогдыр хуу хат» (в вариантах – «Толбас хуу хат»). Она живет на *последнем девятом «таме»*, в девятиугольной медной юрте.¹⁵ Она имеет девятерых черных сыновей, старшим среди которых был «Толбан-Хара». Необходимо отметить, что при своих мистериях шаманы пользовались помощью семи девушек, главную из которых называли «Чилбен-Сарыг», и девяти юношей, возглавляемых мифическим вождем «Толбан-Хара».

Дойным скотом в хозяйстве «хуу хатов» служит мамонт «аргылан», имеющий длинные бивни. Изредка он поднимается на поверхность Земли и тогда его бивни от дневного света сильно накаляются. От горячих бивней «аргылана» исходят различные болезни. Живые существа не выдерживают такой высокой температуры и погибают.¹⁶ «Хуу хаты», оставшись без молока, горько плачут, отправляются на поиски и приводят «аргылана» обратно.

На первом слое подземного мира находилась обитель «Чирси хана» – *Земляного хана*. Он относится к сыновьям семи ирликов. «Чирси хан» выходит на поверхность Земли воевать с людьми «солнечного мира».

Вместе с ним обитают семь (в вариантах – девять) братьев «кизеров» – богатырей подземного мира, связанных своим происхождением с нечистой силой – «айна чарымы». В некоторых героических сказаниях «кизеры» живут на третьем «таме» подземного мира или за девятью климатическими слоями Земли (тогыс там тигір чирниң озаринда). Они приходят к людям «солнечного мира» с войной. «Кизеры» разрушают селения, захватывают в плен солнечный народ и вместе со скотом угоняют его в свое подземелье.

Слово «кизер» генетически восходит к имени монгольского эпического героя «Гэсэр», который, вероятно, отождествлялся с монгольскими завоевателями Хонгорая. В эпосе тюрко-монгольских народов «Гэсэр» – герой многочисленных сказаний, зародившихся, по мнению Б.Я. Владимирцова, в Тибете. В науке предпринималось много попыток выяснить этимологию имени «Гэсэр» (от германского «Кайзер» до тюркского «кесэр» – карающий муж), но до сих пор не найдено толкования, удовлетворяющего всех ученых.¹⁷

На третьем «таме» подземного мира властвует «Узүт хан» – глава царства умерших человеческих душ – «үзүтов». Он живет в желтой каменной юрте, стоящей на берегу Желтого моря, под Желтым хребтом. «Узүт хан» женат на одной из дочерей семи ирликов по имени «Чис Сибедей», от которой имеет четырех детей. Его сыновья носят имена: «Ускер

Молат» и «Хара Мөтегей». Они рождены с собачьими головами. Две его дочери – «Ўчен Арыг» и «Ўзүм Чачах» обладают неприятной внешностью. У них заячьи зубы, овечьи глаза. Расстояние между глаз больше четверти, расстояние между ушей больше сажени. Они носят по три косички из пестрых змей, т.е. являются старыми девами. На службе «Ўзүт-хана» находятся его подданные – «сыйаты», набираемые из состава умерших душ. «Ўзүт-хан» и его дети вредят людям «Солнечного мира». ¹⁸

Владыкой последнего девятого «тама» нижнего мира был «Тамы хан». Здесь находилось устье девяти черных морей, течением которых приводилась в действие сорокозубая железная кожемялка (талгы) или водяная мельница с 60 зазубринами и 70 крючьями. «Тамы хан» наказывал души грешников, которые перемалывались на кожемялке или на мельнице.

После «реформы» пантеона божеств нижнего мира, произведенной бурханизмом, установился единый образ Ирлик-хана, который объединил в своем лице все бывшие злые силы шаманизма. Ирлик-хан имеет отвратительную внешность. Расстояние между глаз – четверть, расстояние между ушей – сажень, голова величиной с круг дымового отверстия юрты, лоб величиной с дно казана. Он носит большую черную бороду длиной до пояса. Ирлик-хан ездит на черном аргамаке, держа в руках плеть в виде черной змеи. ¹⁹

Имя Ирлика как божества злой силы встречается уже в кыргызских рунических надписях в форме «Эрклиг», что значит могучий. Возможно, его имя восходит к древнегреческому герою Гераклу (Ираклию). Бурханисты Ирлик-хана иносказательно именуют «Чир Худай» – т.е. подземный бог, а шаманы его величают «Адам хан» – т.е. Великий Отец. Он обитает на седьмом (в вариантах – девятом) «таме» подземного мира. Дворцом Ирлик-хана (в вариантах – Чингис-хана) служит семиугольная медная юрта, стоящая в устье семи морей (в вариантах – девяти), на берегу Огненного и Ядовитого морей (От Талайнан Оо Талай). Через моря к его дворцу протянут волосяной мост «хыл көбүрткі». Стражами у дверей юрты Ирлик хана служат две черные собаки, величиной с теленка, и носящие названия: «Игер-Кизер» или «Хазар – Пазар». ²⁰ Они привязаны на железную цепь с двух сторон дверей золотой «орды». Имя собак «Игер-Кизер», возможно, связано с Цербером, сторожевым псом царства умерших душ в греческой мифологии. Образы указанных собак встречаются в мифологии многих тюрко-монгольских народов. Подобные персонажи «Эзер-Казар» известны в алтайском фольклоре и в монгольском эпосе «Гэзэр».

В самом нижнем слое подземного мира находится место мучений для отъявленных грешников. Ирлик-хан варит грешников или в большом черном казане с кипящей смолой, или мучает водою в кожемялках.

Одним из помощников в окружении Ирлик-хана выступает «Кирей-хан». Он очень жестокий, не знающий милосердия даже к своим детям. Аналогичный образ существует в религиозных верованиях алтайцев, у которых хозяин ада в царстве Ирлик-хана называется «Керей-хан». По всей видимости имя «Керей» восходит к этнониму монгольского племени «керейт» – непримиримых противников Чингис-хана. Не зря все они, включая имя Чингис-хана, представляют ряд злобных божеств в мифологии тюрков Саяно-Алтая.

Следующим божеством подземного мира является «Хараты-хан», глава всей нечисти (айналар ханы), уводящий души умерших к Ирлик-хану. У него на службе находятся слуги «сарылы», имеющие один глаз и одну руку. Они сидят на железной цепи. Хараты-хан отпускает их за душами людей. Если сарыл прыгнет вперед, то пролетит трехдневный путь, если назад – то однодневный.²¹

В загробном мире Ирлик-хана встречается персонаж «Кормес-хан», который выполняет роль главного стража всего подземелья. Он является покровителем коней – ызыхов гневной масти. Кормес-хан отделял праведников от грешников, идущих по узкому волосяному мосту над Огненным и Ядовитым морями. Кормес-хан пропускал одних в райскую землю, а других направлял в ад для наказания огнем.

На Алтае слово «көрмөс» имело несколько значений. Им называли владыку подземного мира Ирлик-хана, а также, как и в раннем зороастризме, всех подвластных ему духов, т.е. его воинство. В мифологии Хонгорая образ Кормес-хана близок образу бога Хормузды раннего периода развития зороастризма.

Следующий персонаж загробного мира «Хагыл-хан» представлял посредника между Ирлик-ханом и Ах-Худаем. Он ведал судьбами людей и вершил суд над ними. Подобный образ существует в религиозных верованиях алтайцев и называется «Кагыр-хан». В хакасских героических сказаниях его имя упоминается наряду с конем «хойлага», забиваемым на поминках. Например, «Пу хойлага, пу Хагыл-хан ноо-нимені піліп, пысхы тартыпчадыр» – Эта забиваемая скотина «хойлага», этот Хагыл-хан, что, узнав, фыркает?²² По кумандинским верованиям, Ульгень, Ирлик-хан и Кагыр-хан считались братьями.

Средний мир «К'уйніг чир» – букв. *Солнечная земля*, населен людьми и духами-хозяевами природы. На людей «солнечного мира» оказывают свое воздействие как боги верхнего, так и нижнего миров. Поэтому человек может совершать как великие, так и низкие поступки.

Кроме людей, в тайге Хонгорая обитали людоеды «мусмалы», не отличающиеся своим обликом от хонгорцев. Однако вместо ног они имели ко-

ровьи копыта (инек азах). Они были созданы вместе с землей и водой. Могучие мусмалы страдали слабоумием. От них можно было спастись зимой на льду, а летом на дереве. Мусмалы любили есть легкие и печень младенцев, а поэтому воровали детей у хонгорцев. Чтобы совершить свои гнусные деяния, они могли принять обличье любого хонгорца. Гибелью для них служила горячая вода. Подобные существа встречаются в мифах шорцев под названием «хашхалар», тувинцев – «бүрүс», алтайцев – «кырсагал».

Другим демоническим созданием были «мохсагалы» – человекообразные существа, но с собачьими головами. Они были очень глупыми и сильно боялись дождя. Когда мохсагалы заходили во двор, то надо было прятаться в курятниках. Название «мохсагал» восходит к монгольскому «нох» – собака. Мифические образы людей с коровьими копытами и песьими головами встречаются уже в эпоху средневековья в монгольских повествованиях о завоеваниях мира.

В центре Солнечного мира находится священная мировая гора Сумеру – «Сүбүр таг». На ее вершине располагается круглое, как конский глаз, молочное озеро «Ах Сүт Көл», имеющее золотые берега. Рядом с озером «Ах Сүт көл» растет мировое дерево «пай хазынг» – т.е. священная береза (по другим версиям – священный кедр – «пай сыра», священная пихта – «пай сыбы», священный тополь – «пай тирек», священный дуб – «пай дубовай»). Серебряный ствол и золотая крона священной березы «пай хазын» упираются в верхний мир, а корни уходят в нижний мир (чирден тигринн ортызынга сыгара өскен алтын пүрлиг пай хазын).²³ «Пай хазын» служит символом целостности трехмерного мира. Под ее сенью прохладается душа «чула», отдыхающая от бременного тела во время сна человека.

На вершине священной березы «пай хазын» сидит вещая птица – золотая кукушка (алтын көбк) величиной с лошадиную голову. Когда она закукует, то на черной земле начинает расти зеленая трава, на твердых деревьях начинают распускаться листья. Под березой бьет источник с живой и мертвой водой «тынныг суғнан мөги суғ», а также растет волшебная белая трава – «үс пуунныг ах от», оживляющая погибших богатырей. На горе Сумеру на трех священных дубах находится гнездо супружеской пары мифических птиц «Хан-Киреты», охраняющих живую и мертвую воду. Они служат ездовыми птицами богатырей героических сказаний. Двухголовые Хан-Киреты имеют золотое оперенье, медные клювы и лапы со стальными когтями. Во время полета по небу птица Хан-Киреты отождествляется с солнцем. Образ горы Сумеру и птицы Гаруда (Хан Кирети) проник в бурханизм под влиянием буддизма.

Земные богатыри, совершившие походы в нижний мир против нечистой силы, после возвращения в солнечный мир должны были подняться на гору

Сумеру. Здесь они окуривали себя дымом богородской травы (ирбен) и умывались водой из озера «Ах Сүт Көл». Подобная процедура была необходима для очищения от нечистого духа («айна-чиктиң чызы») и для возвращения светлых мыслей. Кони, участвовавшие в боевых походах богатырей, опускались пастись на пастбище горы Сумеру и на водопой к озеру «Ах Сүт Көл». Чистый ветер священной горы уносил прочь запахи нечисти.

Земная поверхность носит специальное определение «чаас», которое восходит к древнетюркскому («янгыз») – бурая земля. Например, в героических сказаниях во время битвы богатырей, говорится: «Чаас түбі чарыл халган, үлгер түбі үзіл халган» – Дно земной поверхности расколосось, основание звезд оторвалось. Земля и небо имеют края, где находится проход в другой мир. Место соприкосновения неба с землей носит название «Ачылар – Умулар чир» – т.е. Открывающаяся и Захлопывающаяся земля. Оно находится за горизонтом, у основания неба. Идентичное представление о двух черных скалах – «Ачылар Дьабылар» бытовало в алтайской мифологии. Они служили воротами между небом и землей. Ночью и днем они, как два бодающихся быка, сходились и расходились, не пропуская никого за пределы недоделанного. И земля, и небо имеют как свое дно, так и верхние окна в виде дымового отверстия юрты «түндүк» (тигир түндүгі, чир түндүгі. В иносказательной речи хонгорцев небо зовется «ча-лаас кибис» – голый ковер, а земля «түктігі кибис» – ворсовый ковер.

Итак, ранний пантеон божеств в результате сложения бурханистских идей был преобразован в две противоположные силы – Верховного бога Ах-Худая и его антипода – Ирлик-хана.

3.2. Сотворение земли и человека

Согласно хонгорским мифам, Ах-Худай и Ирлик-хан были двумя родными братьями. Старший из них – Ах-Худай – был рожден со светлыми мыслями и являлся верховным творцом – «өөркі чаячы», а младший – с черными думами и был творцом нижнего мира – «төбінкі чаячы». Подобное представление имеется в верованиях зороастрийцев, где Ормазд и Ахриман являлись родными братьями.²⁴

До сотворения земли в космосе существовал только мировой океан. Верховный творец Ах-Худай, созерцая бесконечную гладь воды, задумал сотворить землю. Его младший брат Ирлик-хан подсказал: «Под водой имеется «живая глина». И по велению Ах-Худая он, превратившись в щуку (в вариантах – утку), нырнул. Достигнув дна, Ирлик-хан взял в рот песчинки и принес старшему брату землю. Однако часть песчинок он утаил во рту.

Ах-Худай поймал трех больших рыб – окуней (ала пуга) и заставил их плыть вместе на поверхности воды. Затем он рассыпал песчинки на их спинах, из которых выросла земля. Создались ровная плоскость и хорошие дороги. Но в этот момент Ирлик-хан, говоря: «Пусть возникнут горы и скалы!» – выплюнул из рта утаенные песчинки. В результате на местах проторенных дорог возникли непроходимые горы и отвесные пропасти. «Зачем же ты это сделал?» – с горечью воскликнул Ах-Худай. Ирлик-хан ответил: «Пусть на ровном месте будут все называть твое имя. Но, встретив горы и ущелья, созданные мною, все твои твари пусть поневоле с проклятием вспоминают и мое имя!»

В связи с тем, что земля покоится на трех великих рыбах, то иногда, когда они вильнут хвостами, происходит землетрясение. Этот сюжет характерен и для мифологии алтайцев. Могучий Ульгень, как гласят их мифы, во времена сотворения земли создал три гигантские рыбы и укрепил на их спинах землю.²³

Затем Ах-Худай задумал сотворить скотину. Когда он создавал животных, то забыл сделать почки у коровы. В связи с этим от каждого вида скота он отрезал мясо почек и прилепил корове. С тех пор у всех животных почки – в виде вырезанной ложбины, а у коровы – в виде многих напластований.

Когда Ирлик-хан увидел созданных Ах-Худаем животных, то решил ему подражать. Он сотворил козу и свинью. Однако, когда он их оживил, то от гнусного бляения козы и хрюканья свиньи сам не выдержал и скрылся. С тех пор ни козу, ни свинью не приносят в жертву верховным богам, называя их дьявольскими животными (айна малы).

Ах-Худай решил сотворить человека. Когда он создал его тело из глины, то никак не мог придумать, где найти подходящую душу. Однажды вечером он подошел к своему младшему брату Ирлик-хану, который играл на хомысе. Младший брат, не замечая присутствия постороннего, пропел: «Даже если он и умный, но мысли не хватило. Разве нельзя взять душу для человека от ветерка, исходящего от выбивающегося из-под земли водного источника?» Услышав подсказку, Ах-Худай отправился за душой человека, дабы оживить свое творение.

Отправившись за душой человека, Ах-Худай поручил сторожить свое создание собаке и кошке. «Ирлик-хана близко не подпускайте!» – приказал он. В начале своего существования собака была голой, без шерсти. Ирлик-хан подошел к стражам человека и попросил посмотреть божье творение. Но собака не подпускает. Тогда подземный творец создал мороз. Собака затряслась от невыносимого холода. «Я тебе подарю шубу, в которой ты не будешь мерзнуть, – уговаривает Ирлик-хан, – но только

покажи мне человека». Поневоле собака согласилась. За услугу Ирлик-хан подарил ей теплую шерсть. Собаке стало тепло, но чувство долга ее не покидало. Она предупредила Ирлик-хана: «Смотреть смотри, но руками не трогай!» Тот ходил вокруг, но тронуть человека не рискнул.

Для того, чтобы навредить Ах-Худаю, он взял да и плюнул на человека. Подбежавшая кошка стала слизывать слизь, а собака бросилась своим телом прикрывать человека. С тех пор хонгорцы считают, что у кошки рот грязный (пуртах), а шерсть чистая, и поэтому ее можно гладить. У собаки же рот чистый, но шерсть грязная (пуртах), ибо она досталась ей от Ирлик-хана.

Спустя некоторое время вернулся Ах-Худай, который принес душу человека в виде легкого ветерка, исходящего от бьющих из-под земли чистых источников (суг таны). Он обнаружил, что его создание в слизи, собака ходит в шубе, а на земле гуляет холод. Ах-Худай попробовал вытереть плевков, но не смог. Тогда он взял и вывернул человека наизнанку. С тех пор вся слизь Ирлик-хана оказалась внутри и постоянно выделяется в виде слюны и соплей. Собака же, послушавшаяся творца, была предназначена быть вечным сторожем людей и ее жизнь стала зависеть от хозяина, которому она служит.

Когда Ах-Худай оживил человека, то задумался о его достойной паре. Он применил хитрость и из правого ложного ребра (суме) сотворил женщину. До сих пор, если пощупать, то с правой стороны у мужчины отсутствует нижнее ребро. Во время распределения кусков мяса на застолье мужчинам обязательно давали есть ложное ребро.

Поначалу, согласно задумке Ах-Худая, человек и скотина должны были питаться травой. Но когда Ах-Худай увидел, как женщина с ребенком съели три лога травы, а лошадь с жеребенком за это время не выели зелень на площади величиной с юрту в первом логу, то решил изменить образ питания прозорливых творений. Говоря, что животным не хватит «шерсти земли», т.е. травы, он постановил людям есть злаковые растения.

В первоначальные времена Ах-Худай создал злаковые растения, состоявшие из колоса, который покрывал ствол жита от основания до верхушки. Люди зажили припеваючи. Ах-Худай, глядя на них, возрадовался.

Однажды, когда женщина пекла блины, ее ребенок обмарался. Женщина, недолго думая, блином подтерла заднее место своему чаду. Ах-Худай, увидев такое кощунство, в гневе решил уничтожить злаковые, ибо человек зазнался. «Пусть отныне ради своего живота человек работает до черного пота!» — произнес великий творец. Но в этот момент собака, увидев намерения Ах-Худая, взмолилась: «Если уберешь хлебные растения, то я буду голодать, ибо живу с людьми. Оставь хотя бы один

колосок на злаковых стеблях». Ах-Худай пожалел собаку и оставил расти хлеб, колосившийся одним колосом. Народ был спасен собакой от голода. С тех пор в Хонгорае говорят, что мы едим «собачью долю» (адай үлүзі). Согласно хакасским обычаям, собак надо сытно кормить, иначе не будет хорошей жизни.

Первоначально люди знали срок своей смерти. Однажды Ах-Худай увидел, как один человек забивает свой скот, пьет араку и даже не ремонтирует завалившуюся ограду своей усадьбы. Когда он поинтересовался, в чем дело, то человек ответил: «Этой осенью я умру, поэтому мне больше ничего не надо». Ах-Худай прикинул, что так дело не пойдет. Если люди будут знать срок своей кончины, то все имущество могут загубить и ничего не оставят детям. Поэтому он сделал так, чтобы человек не знал срок своей смерти. «Без меры рожайте детей, без срока умирайте!» – произнес великий творец (Тими чох пала табынар, тими чох өлінер).

Ирлик-хан, по подобию творения Ах-Худая, создал шамана. Шаман – человек Ирлик-хана и поэтому во время камлания отправляется к своему подземному господину. Ирлик-хан наделял его невидимой армией духов – помощников под названием «тёси».

Другим созданием Ирлик-хана было прозорливое чудовище под названием семиголовый Чилбиген (читі пастыг Чилбіген). Согласно фольклорным данным, он ездил по земле на пестром воле и появлялся в селениях на красный вечер. Никто не мог миновать печальной участи – пасти семиголовое чудовище, имевшее семь животов, которое пожирало и своих пастухов. Когда на земле осталось мало людей, небесные светила Солнце и Луна решили спасти человечество. Солнце, обратившись к Луне, промолвило: «Спустись на землю и забери Чилбигена». На это Луна ответила: «Я холодное светило и, если спущусь на землю, то все живое замерзнет». «Все же ты ступай. Если я окажусь на земле, то все живое сгорит от моей жары». Луна не стала больше возражать, спустилась на землю и забрала к себе Чилбигена, когда тот шел по льду Енисея. Когда ночное светило оказалось на земле, люди из-за любопытства стали выглядывать из домов на улицу. Поэтому лицо человека стало закаленным и не мерзнет на морозе. С тех пор Чилбиген находится на Луне. Во время полнолуния хорошо виднеются темные пятна семиголового чудовища. Красным вечером детям запрещалось кричать, т.к. Чилбиген спустится с Луны и заберет с собой ребенка.

В конце концов великодушный Ах-Худай не выдержал злых козней Ирлик-хана и решил: «На этой земле пусть не будет места для злого творца!» Ирлик-хан взмолился и попросил оставить ему немного земли, хотя бы величиной с юрту. Но Ах-Худай был непреклонен. «Дай же мне зем-

лю, хотя бы величиной с очаг юрты!» «И этой земли не дам!» – ответил верховный творец. «Ну хорошо, дай же мне клочок земли, на которую опирается конец моего посоха», – произнес Ирлик-хан. Ах-Худай согласился. Тогда Ирлик-хан посохом проткнул землю и спустился под нее. Проваливаясь сквозь землю, он обрезал свои бока и кровь нечестивца брызнула на землю и небо. На небе капли крови Ирлик-хана превратились в Млечный путь, называемый по-хакасски «Хыро чоль» – Дорога инея. Когда приходит осенняя пора, то с Млечного пути падает иней и замораживает землю.

Из отверстия, пробитого посохом Ирлик-хана, из-под земли выползли различные гады – змеи, лягушки, черви и ящерицы. Поверхность земли запачкалась нечистыми созданиями (пуртах). Ах-Худай забрезговал нечистью и поднялся на небо. С тех пор великий творец обитает на небесах, а Ирлик-хан властвует в подземном мире.²⁶

Мысль о мщении Ах-Худая не покидала Ирлик-хана, и вот однажды он сумел украсть небесные светила – Солнце и Луну, которых утащил в подземелье. В поднебесном мире наступила кромешная тьма. Ах-Худай собрал все живые существа и стал с ними советоваться, каким образом вернуть светила. Птицы заметили, что среди них нет мудрой совы – «чаба хулах». Тогда отправили ласточку пригласить ее на великий совет. В ответ на приглашение птица «чаба хулах» сказала: «Я не могу летать ни ночью, ни даже в облачные дни. Разве нельзя спросить у горного и речного духов способ изъятия Луны и Солнца?» Ласточка донесла Ах-Худая ответ птицы «чаба хулах». Верховный творец подумал и решил: «Пусть схватит горное эхо и журчание воды! Эхо является голосом горного духа, а журчание – голосом речного духа». Затем он спустился к Ирлик-хану. «Зачем ты ко мне пришел?» – спрашивает последний. Ах-Худай говорит: «Если ты поймашь горное эхо и журчание ручья, то Солнце и Луна твои навеки. Но если не сумеешь выполнить задания, то вернешь светила на место!»

Ирлик-хан, взяв медную булаву, отправился в горы. Но сколько он ни стучал булавой, эхо не мог поймать. Не справившись со своей задачей, Ирлик-хан вынужден был выпустить Луну и Солнце. С тех пор птица «чаба хулах» находится в почете у людей Хонгорая.

«Смогу ли я получить обратно Луну и Солнце?» – спросил Ирлик-хан. «Когда горное эхо исчезнет, журчанье ручьев заглохнет и хвойные листья упадут, тогда их возьмешь», – ответил Ах-Худай. С тех пор, через каждые три года, в високосный год, Ирлик-хан выглядывает из подземельного дымохода (чир тундүгі), дабы проверить слова всевышнего. Куда упадет взгляд Ирлик-хана, в той стороне происходят разрушения и катастрофы. Если он посмотрит на небо, то начинается засуха, если на

лес – то засыхают деревья. Поэтому високосный год (артых чыл) является тяжелым.

Понимая, что он обманут, Ирлик-хан поклялся, что со временем придет его власть и он станет править миром.²⁷

Идентичные мифы о сотворении земли и человека бытуют у всех тюрко-монгольских народов Центральной Азии.²⁸ Кроме того, создание мира из песчинок или глины, поднятых со дна океана в клюве птицы, распространено в мифологии не только тюрко-монгольских, но и уральских, и славянских народов. Сюжеты о сторожившей человека собаке без шерсти, о плевке сатаны на человека, о собачьей доле в хлебе и др., широко представлены в мифах монгольских буддистов и русских христиан.²⁹ Согласно исследованиям ученых, в дуалистических поверьях славян и тюрков, очевидно, прослеживается сильное влияние иранской мифологии.³⁰

3.3. «Конец света» и мессианские чаяния

Согласно бурханистским представлениям, земной шар в будущем ожидает катастрофа в виде мирового пожара – «оттыг халап» (букв. огненный халап), в результате которой погибнет в огне человечество. Спасутся только представители Белой веры (Ах-Чаян), ибо в последний день мира «түгенчи чыл» (букв. последний год) явится в виде мессии бывший последний правитель Саяно-Алтая «Хоорай-хан» (в хакасских вариантах – Тадар-хан, Ах-Кобек, Амыр Саран; у алтайцев – Ойрот-хан; у тувинцев – Амыр Сана). Он защитит бурханистов от гибели и возродит былую славу Хонгорая.

Деление жизни на земле на исторические эпохи – «кальпы» (по-хакасски «халап») были заимствованы бурханистами из ламаистских учений. Каждая «кальпа» кончается мировым катаклизмом и имеет своего Будду – Спасителя.³¹

Человечество во времена белоглазой чуди уже пережило первую катастрофу в виде всемирного потопа – «суғ халап» (букв. водный халап). Великий Белый Творец – Ах Худай произвел потоп для наказания людей, которые перестали его почитать, совершая грехи.³²

Только один ясновидец по имени Борус (Хан-Пургус) узнал о надвигающейся опасности. Он соорудил деревянный плот, скрепив его медными скобами, куда поместил жену, дегей, по паре каждого вида зверей и птиц. Лишь два живых существа отказались от услуг Боруса. Это были мамонт (аргылан) и птица «гаруда» (Хан-Кирети), которые понадеялись на свои силы. Когда разлился Всемирный Потоп, то вся земля ушла под воду, за исключением великих гор Китая. Поэтому, говорят хонгорцы,

китайцев ныне много (как ворсинок на овечьей шубе), а нас мало (как ворсинок на обшлага овечьей шубы).

Всемирный Потоп продолжался в течение сорока дней и ночей. На 39 день птица «гаруда» (Хан-Киреті) устала и села на бивень мамонта. «Аргылан» не выдержал нагрузки и вместе с птицей «Хан-Киреті» ушел под воду. С тех пор их не стало на земле.³³ И хакасы, и тувинцы были уверены, что птица Хан-Киреті выглядела именно так, как на русских монетах и казенных печатях, где изображается царский двуглавый орел.³⁴

Через 40 дней вода стала убывать и показалась вершина высокой горы, к которой пристал плот Боруса. В честь его имени гора получила название Борус. Она считается святыней среди вершин Саянских хребтов. Великий ясновидец и спаситель рода человеческого поселился в долине Среднего Енисея, и от него получил свое начало черноголовый народ Хонгорая.³⁵

По другим версиям, плот «хонгорского Ноя» после потопа остановился на горе «Ызых» (букв. Священная) по Белому Июсу. «Еще недавно там находили будто бы очень длинные гвозди от этого судна».³⁶ На этой Священной горе (напротив устья р. Тунгужуль) хакасы совершали бурханистские моления. В начале XX в. А. Топанов, «ходивший по святым местам [Иерусалима], построил на этой горе часовню, поставил в ней иконы. И инородцы ходят туда молиться, но своих молений и жертвоприношений по древним обычаям уже не совершают».³⁷ В советское время часовню разрушили, а культовые атрибуты разграбили.

Общий культ горы Борус и миф о едином предке, спасшемся на плоту от потопа, несомненно, возникли под религиозным влиянием мировых религий. Хотя, надо указать, что культ горы Борус существовал ранее и был перенесен в новую веру из шаманизма. Священный пятиглавый Борус служит символом Родной земли у хонгорцев.

Хонгорские названия древнего животного «аргылан», птицы - «Хан-Киреті» и сюжет об их гибели во время потопа полностью совпадают с монгольскими мифами о потопе.³⁸ По всей видимости, мифы о всемирном потопе проникли в Хонгорай под влиянием буддизма.

Иной вариант библейского мифа о всемирном потопе связан с именем горы «Читі хыс» в долине реки Аскиз. Как-то в древние времена, когда народ стал сильно пить и гулять, наступил потоп. Сорок дней и ночей лил непрерывный дождь. Семь дев (читі хыс) спаслись от всемирного наводнения на плоту. Когда вода спала, то плот задержался на одной из вершин высокой горы, которая с тех пор стала называться «Читі хыс» – т.е. Семь дев. До сих пор на этой горе встречаются медные гвозди от окаменевшего плота.³⁹

Кроме того, среди высоких гор, возвышающихся вокруг долины Абакана, таких, как: Пойзым, Сахчах, Кирим, находятся, якобы, такие же окаменевшие плиты, лежащие здесь со времен потопа. Подобные мифы распространены на Алтае и в Туве. «Несколько ниже Ак-суга, на высокой горе Кызыл-Тайга, — писал Н.Ф. Катанов об Урянхайском крае, — находится железный плот, сделанный в старину одним ламою, который во время всемирного потопа вздумал спастись. О таком же плоте я слышал на р. Шагонаре, что он находится на горе близ р. Темир-суга».⁴⁰

Всемирный потоп — «суг халап» не до конца вразумил сынов человеческих, которые опять стали совершать неблагоприятные поступки. Показателем греховности людей служит белый заяц. Когда-то он весь был черный. Но из-за тяжких проступков смертных у него в год выпадает по одной ворсинке. В настоящее время у зайца черными остались кончики ушей. Когда полностью выпадут все черные ворсинки, тогда наступит конец света. Хонгорцы, из-за трепетного отношения к зайцу, держали в юртах его изображение в качестве фетиша и не употребляли в пищу его мясо. Согласно пророческим словам одного из последних легендарных героев Хонгорая — Ах-Кобека, гибель мира наступит тогда, когда человек будет рождаться величиной с локоть, лошадь — величиной с зайца, когда молодежь пристрастится к воде Ирлик-хана (т.е. водке), когда отец не будет узнавать сына, а сын — отца, когда хан пойдет на хана, а народ — на народ. В это время кончик хвоста горностая потеряет последний черный волосок, а кончик ушей зайца потеряет последнюю черную ворсинку.⁴¹

Идентичное представление о будущем конце мира, в связи с духовным и физическим вырождением людей и животных, бытует не только у всех тюрков Саяно-Алтая, но и у монгольских буддистов. «Ростом они будут не больше локтя, а лошади будут величиной с зайца», — гласят монгольские предсказания.⁴²

Когда наступит последний день мира и полетится на землю огненная смола, то поднимется из каменного гроба последний правитель Хонгорая — Хоорай-хан, который ныне покоится в Саянских горах на священном хребте «Хан-сын» (букв. Ханский хребет).

Согласно мифам, во времена своего правления Хоорай-хан (Ах-Кобек, Тадар-хан, Амыр Саран) решил объехать свои владения и встретил на пути белого старца. Последний попросил помочь поднять перекидную суму, лежащую у его ног. Недолго думая, Хоорай-хан рукоятью плети поднял суму и положил на его коня, у которого сразу подкосились ноги. «Ты очень могучий человек, — молвил белый старец, оказавшийся Ах-Худаем. — В эту переметную суму я поместил тяжесть половины земли, которую я сотворил». «Если бы у земли была ручка, как у ручной мельни-

цы, то я бы повернул землю вокруг ее оси», – хвастливо заявил Хоорай-хан. «Ты проговорил самонадеянные слова («улуг чоох» – букв. большая речь) и будешь за это наказан», – промолвил Ах-Худай и исчез.

В дальнейшем Хоорай-хан за свою самонадеянную речь оказался закованным в гробу, приготовленном для него Ах-Худаем на вершине горы «Хан-сын». Богатырская сила его заключалась в слюне «ах кӧбик» (букв. белая пена. Кстати, отсюда происходит второе его имя – Ах Кӧбек). Когда он осознал божье наказание, то свою слюну – «ах кӧбик» передал через прорезь в крышке гроба русскому царю Петру I (Пӧӧт хан). С тех пор русские правители получили от Хоорай-хана половину его силы и умственных способностей.⁴³ В честь его дара Петр I пообещал охранять народ Хонгорая, а мужчин не брать на военную службу, в противном случае его царский род должен прерваться. Возмездие Хоорай-хана настигло род Романовых в 1917 г., когда тюрки Саяно-Алтая оказались мобилизованными в царскую армию на тыловые работы.⁴⁴

Факт мобилизации тюрков Саяно-Алтая в царскую армию в 1915-1916 гг., как отметил А. Данилин, считался с их точки зрения «незаконным» и нарушившим прежний договор Ойрот-хана с русским царем.

Одинаковые мессианские представления сложились на Алтае и в Туве. В 1889 г. во время путешествия Н.Ф. Катанова тувинцы ему рассказывали, «что их настоящий хан похоронен не в Улясутае и не в Кобдо [т.е. не на территории Монголии – В.Б.], а где-то в Русском государстве близ Минусинска, ...».⁴⁵

Под общими именами, известными у хакасов и алтайцев как Хоорай-хан, Тадар-хан, Ах-Кобек, Ойрот-хан, кроется реальное историческое лицо Амур Сана – последний джунгарский правитель. В отличие от первых, тувинцы хорошо знали имя Амур Саны. Во время пребывания в Туве Н.Ф. Катанова некоторые люди интересовались его судьбой. «Они предполагают, что этот избавитель живет где-то в России. Они осведомлялись у меня, не видел ли я его где-нибудь». Согласно сведениям Н.Ф. Катанова, среди абаканских татар, т.е. хакасов, «нашелся один человек, который стал выдавать себя за Амур Сану. Набрал много скота у телеутов, но вскоре был пойман земским заседателем и посажен в тюрьму».⁴⁶

Вера в приход мессии Хоорай-хана, несомненно, возникла под влиянием буддизма и политических событий XVIII в. в связи с разгромом Джунгарского ханства. В 1757 г. более семи тысяч беженцев из Джунгарии были поселены в долине Абакана и принесли с собой память об Амур Сана.⁴⁷ На Алтае ярлыкчи в своих молитвах пели: «Наш четырехугольный Алтай не лишен прежней благодати, потому что Торбетского рода

наш царь Ойрот, наша радость и веселие, возвращается к нам».⁴⁸ В связи с тем, что Амур Сана считался дэрбетом, в Хонгорае закрепился слух – последней обителью хонгорцев будет страна Торбет (Хоорайларнын түгенчи чурты Төрбет чирі полар). В центре Дэрбетии в городе Улясутае, якобы, стоит медный столб, где записаны эти пророческие слова.

Итак, главной идеей в культурах бурханизма Саяно-Алтая был приход мессии в образе Ойрот-хана или Хоорай-хана, т.е. Амур Саны, который должен был возродить независимую государственность тюрков Саяно-Алтая.

3.4. Хонгорский фетишизм

Важное место в духовной культуре хонгорцев занимал культ тёсей (по-хакасски – «тёс» или «тёс түн»). Слово «тёс» в первоначальном смысле обозначало понятие – «основа, сущность, корень» и бытовало в языке кыргызов долины Среднего Енисея со времен древнетюркской эпохи⁴⁹. В современном хакасском языке термин «тёс» представляет следующие значения: 1. Основа, корень, основные устои общества; 2. Родительский кров; 3. Духовная сила, дух народа; 4. Ангел-хранитель; 5. Невидимый дух – слуга шамана, являющийся основой его деятельности; 6. Фетиш, т.е. материализованное изображение различных духов-покровителей, магическая сила которых служила семье, роду и обитателям Хонгорая⁵⁰.

Согласно хакасской мифологии, шаманские тёси представлялись как нечто вечное (мөггү ниме), возникшее вместе с землей и водой, сотворенное вместе с небом. Первоначальной их обителью была гора Борус в Саянах, которая считалась храмом Адам-хана – мифического повелителя всех камов. Адам-хан распределил необходимые тёси основателям шаманских родов. Тёси-духи, закрепленные за определенным шаманским поколением, уже не могли вернуться обратно. Они передавались по наследству. Чем больше «армия» невидимых духов, тем сильнее считался их полководец – кам.

Шаманские тёси делились на «чистых» (арыг төстер) и «нечистых» (пуртах төстер). Первые обитают, якобы, на небесах и горных вершинах, а вторые – в тайге и среди рек. Каждый шаман имел изображения собственных тёсей-духов на ударной стороне бубна и на одежде. Рисунки «чистых» тёсей размещались на верхнем секторе бубна, а «нечистых» – на нижнем. Шаманские тёси представлялись в образе огня, звезд, зверей, птиц, пресмыкающихся, тумана и т.д. Они летают как ласточки, спуют как мухи.

Кроме того, у каждого шаманского атрибута существовал свой дух-хозяин, имевший свое наименование. Например: «түлбек» – имя тёся – хозяина шаманского костюма, «түбен» – имя тёся – хозяина бубна, «очанмай» – имя тёся – хозяина шаманского жезла и т.д. На шаманской

одежде нашивались бусинки, которые представляли глаза служебных духов. Если шаман умрет, то их нельзя хоронить вместе с ним, иначе тэси останутся слепыми.³¹

Во время камлания шаман обязательно оставлял одного-двух тэсей у порога юрты для охраны жилища. Если шаман погибал в битве со злыми силами, то оставленные тэси навсегда оседали под порогом. Это правило являлось одной из причин особого отношения к порогу.

Итак, невидимые вечные тэси представляли основу шаманской силы, благодаря им держалась устрашающая власть камов в Хонгорае.

Другая категория тэсей – это фетиши, которые связаны с одним из основных культов Белой веры. Семейные и родовые тэси имелись в каждой хакасской юрте, устанавливались в строго определенных местах, являлись предметом поклонения простых хонгорцев и считались оберегами хозяев. Одни из них имели антропоморфные, другие – зооморфные изображения и различались по принадлежности к мужскому и женскому началу. Каждый фетиш «требовал» индивидуального подхода и особой пищи. По подсчетам исследователей в XIX-начале XX вв. в быту хакасов насчитывалось до 30 различных фетишей – тэсей.³² На самом деле, как мы выяснили, их было меньше, ибо некоторые тэси имели по несколько названий (исходя из функциональных наклонностей и внешнего вида). В хакасской семье в среднем держали от трех до девяти тэсей. Согласно бурханистской традиции, больше указанного числа их иметь не разрешалось. Тэси-фетиши доставались по наследству младшему сыну вместе с усадьбой. В остальных случаях их ставили для молодых супругов в качестве оберегов юрты и при заболеваниях. На севере Хонгорая для тэсей строились отдельные кумирни, называемые «төсиб» или «төс түп өргөө». Размещение их в «төсобе» было точно такое же, как и в юрте.

По хакасским представлениям, семейно-родовые тэси-фетиши были созданы в стране Хонгорай в честь предков. Поэтому их иносказательно именовали «агалар», т.е. родовые предки, родоначальники. Многие из них появились на берегах Среднего Енисея из разных стран – Китая, Монголии, Бурятии, Ирана и т.д. По всей видимости, эти данные свидетельствуют о сложном этническом составе хакасского народа.

Семейно-родовые тэси-фетиши, как и шаманские тэси-духи, подразделялись на два вида: «чистых» (арыг төстер) и «нечистых» (пуртах төстер). К «чистым» относились тэси-фетиши южной, т.е. мужской половины юрты. Женщины не должны прикасаться к ним и к их ритуальной пище, иначе тэси потеряют силу (пулайсып). Их называли также «улуг төстер» – т.е. великие тэси. Для них предназначались священные лошади – «ызыхи» определенной масти. Великие тэси охраняли своих лошадей –

«ызыхов» и тем самым обеспечивали благополучие табунов хозяина. Тёсифетиши, стоявшие на северной, т.е. женской стороне юрты, считались «нечистыми». Они были хранителями домашнего благополучия, стражами здоровья женщин и детей. При обращении к ним поощрялись даже нецензурные слова (ээн-аас).

Каждый фетиш «требовал» особого кормления. Для ритуального кропления применялась непочатая молочная водка «арака» или молоко белой коровы, надоенное непорочной девушкой. При кроплении на тёсей «араккой» или молоком нельзя было брызгать на середину их лицевой части, чтобы не оскорбить достоинства духов. Каждую весну, когда прилетали птицы, появлялась зеленая трава и телился скот, и каждую осень, когда улетали птицы и замерзала земля, совершали ритуальное кормление тёсей. Ответственными за выполнение этих ритуалов были служители Белой всры.

Если хозяева жилища умирали, то тёсей необходимо было отправить в иной мир. Для этого их относили на берег большой реки (Абакана, Енисея, Чулыма), где делали из стеблей ковыля плотик и укладывали фетишей ногами вверх по течению, а головой вниз. Затем окропляли их аракой и, произнеся: «Люди, державшие вас, сплывились на плоту!», – отпускали вниз по течению. Обряд отправления тёсей в иной мир, сплавляя их на плоту по реке, носил название «түндерге» – букв. отправить на ночлег. Точно так же поступали с тёсями, если их больше не хотели держать или надо было заменить новыми. В Советское время в борьбе против хакасского бурханизма отобранные у хакасов фетиши партийными работниками сжигались.

Среди «чистых» тёсей самым значительным считался «ах төс» – Белый фетиш. Он носил также следующие названия: «хозан төс» – заячий фетиш, т.к. изготовлялся из заячьей головы; «іскеркі төс» – восточный фетиш, т.к. он являлся покровителем овечьего стада, дух которого обитал на востоке; «тос төс» – берестяной фетиш, т.к. имел берестяной футляр; «эбіргі төс» – фетиш с берестяным кузовом; «суғ наанычан төс» – фетиш, которого окропляют водой; «чоғархы төс» – верховный фетиш и др. Фетиш «ах төс» делали из березовой палки с развилкой наверху. На развилке прикрепляли высушенную голову зайца-самца, куда вставляли глаза из синих бусинок, а с двух сторон развилки делали по две пестрых косички. Одна косичка плелась из волос хвоста буланого коня, другая – из солового. К ушам зайца пришивались кусочки красного кумача. Фетиш подпоясывали красной лентой «чалама». Чтобы «ах төс» не мок под дождем и не гнила заячья шкурка, на его голову надевали берестяную цилиндрическую шапку. Изготовлением «чистых» тёсей занимались мужчины⁵¹.

Фетиш «ах төс» устанавливали на ограде скотного двора или привязывали к березе перед селением. Считалось, что он охраняет скот и покровительствует овцеводству. Ему посвящались соловый конь – «ызых» и овцы желтой окраски. Каждый год весной и осенью его кормили, а через три года совершали жертвоприношения.

Первоначально «ах төс» являлся родовым фетишем сеока «пурут» (пүрүттөрнүң агалары). Затем через брачные контакты распространился среди всех хакасских этнических групп. Невестки сеока «пурут» по отношению к этому тёсю, а также вообще к заячьей породе, соблюдали обычай избегания (хазынас). Они не должны были называть зайца своим именем (хозан), а только употреблять иносказания: толай, томысхан, чирик пурун (раздвоенный нос) и др. Если кто-нибудь из рода «пурут» съест мясо зайца или даже прикоснется к его шкуре, то он, якобы, будет парализован (урунчах урун парар).

Согласно хонгорским мифам, фетиш «ах төс» считается изображением одной старой девы, брошенной братьями на произвол судьбы. Когда члены рода «пурут» переселялись из Бурятии (в вариантах – Монголии) на территорию Хонгорая, то невестки отказались ухаживать за престарелой сестрой своих мужей. Оставленная старая дева долго голодала и в мучениях скончалась. Ее душа превратилась в зайца, догнала сеок «пурут» и навела на него мор. Шаманы выяснили – в чем дело и сделали ее изображение в виде фетиша «ах төс», который установили в жилище этого рода. С тех пор сеок получил наименование «пурут» и поклоняется заячьему тёсю. Из-за этого хакасы не уважают старых дев и укоряют их в том, что со временем они превратятся в тёсей, поскольку безбрачие в традиционном быту расценивалось как социальная аномалия.

По предположению хакасов, «ах төс» может поразить лопатки человека. «Если у кого заболит плечо, берут чашку воды с реки, три раза обносят ею больного и дают выпить глоток; ...»⁴, затем три раза плещут водой на фетиш со словами: «Хырых хурлыг Хызыл хая асхан чирин, ат харагы Алтын көл сомган чирин, айлыг-күнниге айланмин чат» – Место, откуда ты прибыл, Красная скала с 40 поясами. Место, где ты купался, Золотое озеро, круглое, как глаз лошади! Больше не возвращайся в подлунный мир!

Дважды в год, весной и осенью, фетиш «ах төс» приносили в юрту и кормили вареной бараниной. Для этой цели кололи белого барашка и брали у него правую плюсну, правое нижнее ребро, правую половину курдюка и правую почку. Указанными частями вареного мяса мазали голову фетиша, после чего они отдавались для еды детям.

Один раз в три года, в июне, на новолуние, представители сеока «пурут» фетишу «ах төс» приносили в жертву белого барашка с черными щеками. Место жертвоприношения избиралось на восток от аала, обычно на берегу реки. Здесь устанавливали березу, на которую привязывали нагрудник свахи – «плого», серьги и девичьи накосные украшения. Около березы разводили огонь и ритуальным способом «өзеп» забивали барашка. Перед этим белого ягненка обводят три раза вокруг березы, подогнув ему правую переднюю ногу. Для кормления «ах төся» варили правую голень, нижнее правое ребро, правую часть курдюка. От каждой части мяса отрезали по три кусочка и, благословляя фетиш, бросали их в огонь. При кормлении лицо фетиша сначала обращали в сторону ритуального огня, а затем поворачивали его на восток со словами: «вернись в свое зимнее кочевье». Руководитель моления – «алгысчыл» надевал на голову шапочку невесты «сахпа», украшенную ленточками «чалама». Во время поклонения алгысчыл, держа в руках жезл «сабыт» с привязанными белой и красной лентами, читал молитвы (текст молитвы см. в приложении). Невестки рода «пурут» сидели отдельно от членов сеока, накрывшись красными платками. Покрывало белой окраски использовать запрещалось, т.к. оно одного цвета со шкурой зайца.

Второй заячий фетиш под названием «ілгеркі төс» – восточный төсь или также «ах төс» – белый фетиш содержался на мужской стороне юрты. Он состоял из березовой развилки, между концами которой приделаны заячья шкурка, четыре плетеных из шерсти косички и маленькая модель лука со стрелой. Фетиш «ілгеркі төс», по некоторым сведениям, принадлежал сеоку кыргыз. Однако Д.Е. Лаппо утверждал, что у сеока кыргыз не было родового төся. «Ах төс» являлся покровителем освящаемых лошадей – «ызыхов» сивой масти и овец – «ызыхов» белой окраски.⁵⁵

Под влиянием религиозных верований Хонгорая фетиш «ах төс» получил свое распространение в других регионах Саяно-Алтая. Например, в Туве большим почитанием пользовался фетиш «ак ээрен» – белый идол, сделанный из шкуры зайца. Он находился на восточной стороне юрты рядом с «кыргыз ээреном» – кыргызским фетишем. Фетиш «ак ээрен» у тувинцев, так же, как и у хакасов «ах төс», считался покровителем овцеводства. В молитвах к нему говорится: «Хоорайдан хойдукканым, хойлар буду хойлап алган» – Вышедший из Хонгорая, взявший за пазуху овечью ногу.⁵⁶ В Южном Алтае среди теленгитов имелся высокочтимый төсь Булут-кан, сделанный из шкурки зайца.⁵⁷ По всей видимости, он обнаруживает общие корни с хакасским «ах төсем», который, по одной из версий, являлся изображением духа земли Пурут-хана (Северо-Западная Монголия), откуда вышли предки сеока пурут. Среди теленгитов также

имелся род пурут. Булут-кан, согласно сведениям этнографа В.П. Дьяконовой, являлся патроном-охранителем теленгитов, в основном, рода көбөк. Ему посвящали «ыйык» (ызых) – лошадь белой, как у зайца, масти. Шкурка зайца расценивалась как подарок людей Булут-кану. Учитывая, что теленгиты считали себя народом, вышедшим из страны «Конгарай-Сагай», то можно предположить о хонгорском влиянии на теленгитскую систему фетишей.

В сагайской стороне Хонгорая покровителем соловых лошадей – ызыхов являлся фетиш под названием «салыг төс», соответствующий «ах төсю» других аймаков Хакасии. Его изображение состояло из березовой палочки (26 см. длиной) с развилиной, обтянутой полоской серого сукна, к которой подвешены сухожильные нити дикой козы (35 см. длиной), куски шкуры коня соловой масти и серьги из красных кораллов. Место этого төся находилось под крышей юрты, между алтарем и мужским изголовьем кровати. Он изготовлялся в честь духа – покровителя охоты. При болезнях живота, особенно печени, его кормили вареным мясом дикой козы (правой половиной грудины), молоком и аракой⁵⁸.

Каждую весну и осень «салыг төся» угощали паром горячего мяса. Через каждые три года совершали жертвоприношение. Согласно хакасской мифологии, этот фетиш представлял образ старой девы, брошенной на первоначальной родине. Ее прародитель «Салыг төс Адазы» обитал в Северо-Западной Монголии (в молитвах называется Цинский Китай, куда входили и Монголия, и Тува). Она превратилась в нечистого духа (айна) и на соловом коне настигла своих родичей. Поэтому «салыг» имел второе название – «хыс хуба» или «хыс төс» – девичий фетиш. Старая дева – дух «Салыг» ездила на соловом коне, носила золотые серьги и серебряное «пого». Поэтому во время жертвоприношения на ритуальную березку привязывали серьги, подвески к косичкам и нагрудник «пого». Руководитель жертвоприношения также надевал женские серьги, девичью шапочку «сахпа» и нагрудник «пого». В молитвах упоминалась прародина «салыг төся»: «Место твоего исхода – Китайская земля, где рассыпан красный песок и растет красная лоза! Пусть она качается, словно красная дева! Место твоего исхода – Саянская земля, где рассыпан желтый песок и создана желтая ива! Пусть она качается, словно младенец!»⁵⁹.

Идентичное название фетиша «шалыг» известно среди северных алтайцев и шорцев, где нередко «шалыгов» делали парными: один был мужским, другой женским. Мужчину считали хромым и поэтому одна нога у него делалась короче другой. У тувинцев слово «шалык» служило почетным именем для беличьего идола «дин ээрен», а качинцы с возгласом «шалии» обращались к фетишу «хызыл чалама». В монгольском языке

словом «цалиг» обозначается фетиш, идол, домашнее божество. Вполне возможно, что оно восходит к общетюркскому корню «чал» – резать жертвенное животное, т.е. первоначально значило просто «жертва».

К когорте «чистых» тэсей относился фетиш «ас тös», находившийся снаружи южной стороны юрты. Он представлял мужскую антропоморфную личину (кiзи сомныг), сделанную из березовой развилки, к которой пришит лоскут синей дабы (китайской хлопчатобумажной материи) или парчи с глазами из синих бисеринок. «Ас тös» подпоясывался ленточкой из черной дабы или парчи. К нему прикреплялась миниатюрная курительная трубка из бронзы. На севере Хакасии «ас тös» вырезался из кожи дикой козы в виде человеческой фигурки с поясом из черной ткани⁶⁰. Делали его при болях в лопатке, груди и пояснице, а также от бельма на глазах. Кормили «ас тös» воскурением красной тополевой коры (вместо табака) и поливали из ложечки топленным маслом. Он является покровителем лошадей – «ызыхов» голубой масти и бело-буланой масти с черными хребтиной, гривой и хвостом. Дух-предок «ас тöся», согласно мифам, появился в Хонгорае из Китая.

В своих образцах народной литературы Н.Ф.Каганов название фетиша «ас тös» перевел как «покровитель хлебных растений», исходя из смысла хакасского слова «ас» – зерно, хлеб, ячмень⁶¹. Такой перевод послужил И.Л.Кызласову основанием для того, чтобы в некоторых своих статьях утверждать о древних земледельческих культах у хакасов.⁶² Однако происхождение и назначение этого фетиша никак не связано с земледельческой деятельностью. «Ас тös» являлся покровителем коневодства. По всей видимости, в названии «ас тös» (асский фетиш) сохранилась историческая память хонгорцев о народе «аз», бывшей элитарной группе среди енисейских кыргызов времен Кыргызского каганата. Этнонимы часто присутствуют среди названий фетишей тюрков Саяно-Алтая (кыргыз-эрен, тума, тилег и др.). Китайское происхождение духа-предка фетиша «ас тös» возможно увязать с генеалогией кыргызских правителей, происходивших «из одного рода с царствующим в Китае домом Тан». Фетиш с подобным названием – «ас эрен» – имелся также у тувинцев.

На севере Хонгорая среди кызыльцев почитался «сыбы тös», соответствовавший «ас тösю». Он изготовлялся из белой паховой шкурки дикой козы и прикреплялся на южной стене юрты. Белая паховина дикой козы (киик) носила специальное название «öстек». В ней сосредотачивался дух – хозяин животного (киик тöзи). По нашему мнению, слово «öстек» взаимосвязано с древнетюркским термином «öзлек» – судьба, рок, т.е. такой фетиш определял судьбу семьи и рода. «Сыбы тösю» молились при болезни глаз и головы. Кормили его табаком, воскуренным из трубки. Поэто-

му его называли еще «тамкы чичен төс» – фетиш, который ест табак или «түдүн чичен төс» – фетиш, курящий дым.

Название фетиша «сыбы» восходит к глубокой старине. Во времена древнетюркских каганатов небесные тюрки поклонялись духу «чывы» – покровителю племен⁶³.

Рядом с «ас төсем» находился фетиш «хызыл төс» – красный төсь или «хызыл чалама» – красный священный флаг. Его делали из длинной березовой палки с развилкой наверху, к которой пришивали красную и белую ткань. Он изображал мужскую особу и поэтому посередине подпоясывался кушаком из красной ткани.

«Хызыл төс» являлся духом-хранителем сеока «хасха» и покровителем лошадей – «ызыхов» рыжей масти с белой звездочкой на лбу. Прародиной его считается Китай (в версиях – Тува, страна Торбет, т.е. Северо-Западная Монголия). Он являлся изображением золотогоглавого дракона (алтын пастыг сыр чылан). Согласно хонгорской мифологии, дух – предок этого төся носил имя «катып часпас Хан Солагай» – меткий стрелок Хан Левша. Он также покровительствовал фетишу «ах төс». Заманчиво допустить мысль о связи имени духа-предка Хан Солагая с именем великого посла Кыргызского государства Чжуву Искусного Стрелка с левой Руки, которого в 840 году правитель Ажо отправил в Китай с великой миссией.⁶⁴

Фетиш «хызыл төс» ставился при глазных болезнях. Его кормили маслом и сметанной кашей «потхы», приготовленной без соли. Для этого три раза брали ложкой кашу, обводили вокруг головы больного и затем лили ее на огонь. То же самое делали с маслом. Больной и все присутствующие, не крестясь, кланялись фетишу «хызыл төс». Служитель бурханнизма – алысчыл обмахивал страдающего недугом красным кушаком фетиша и читал молитвы (см. тексты в приложении). Каждый год весной и осенью «хызыл төся» окропляли молоком. Мясо не требовалось.

В сагайском крае Хонгорая «хызыл төсю» соответствовал фетиш «кинен төс» – внезапно поражающий идол, который помешался под крышей мужской половины юрты, над алтарем. Он состоял из деревянной развилки (20-30 см. длиной), к которой пришит кусок красной материи. К концам развилки привязаны маховые перья орлиного крыла, а также по три длинных косички (сүрмес), сплетенных из сухожилий спины дикой козы. Пояса не было. Фетиш «кинен төс» является покровителем рыжих коней – «ызыхов». В молитвах к нему говорится: «Хызыл хырчын хамчылыгзың, хызыл поэраһ мүндүттүгзің!» – Ты имеешь плетть из красной лозы, ты имеешь красно-рыжего ездового коня! «Кинен төс» считался мужским фетишем, который служил ангелом-хранителем охотников. Поэтому его

иносказательно именовали: «атыгчы төс» – стрелковый фетиш или «атчан төс» – стреляющий фетиш. К нему обращались перед отъездом на охоту, поднося куски горячего мяса специально заколотого ягненка.

На севере Хонгорая фетиш «хызыл төс» был известен под названием «улуғ төс» – великий идол. Он устанавливался над алтарем (худай пули), зачастую вместе с христианскими иконами. Его также называли «улуғ ага» – великий предок, «төрдегі төс» – фетиш почетного места, «төрдегі абысха» – старик почетного места, «ызых абысха» – священный дедушка, «иб ээзі» – хозяин дома. Невесткам запрещалось близко подходить к этому төсю.

Фетиш «улуғ төс» изготовлялся из березовой развилки, на которую «надевали» белую шкурку из паховой части косули (өстек) и подпоясывали красным кушаком. На лицевой части төся делались глаза из синих бусинок. Он помогал при чахотке. «Улуғ төся» кормили правой голенью овцы и вареной головой дикого козла. Обряд кормления с целью излечения состоял в том, что фетиш три раза обносился вокруг больного, потом делалось возлияние аракой и преподношение пара жертвенного мяса, сопровождаемое поклонами. Женщинам не разрешалось присутствовать на подобной трапезе.

В паре с фетишем «хызыл төс» стоял фетиш «көк төс» – синий төсь или «көк чалама» – синий ритуальный флаг. Он отличается от первого тем, что его стержень на два-три вершка короче, лицевая часть состоит из белых и синих лоскутов ткани, а опояска не красная, а синяя. Он служит покровителем лошадей – «ызыхов» сивой масти.

В сагайской части Хонгорая «көк төсю» соответствовал фетиш «хорчаа», устанавливаемый под крышей юрты с мужской стороны. Он представлял собой березовую развилку с «лицом» из лоскута золотой парчи, с глазами из синего бисера, с косичками и крыльями косача, приделанными по бокам. «Хорчаа төс» помогал при головных и глазных болях. При лечении использовали в качестве опахала синюю опояску, снятую с төся. Его кормили молоком, аракой и окуривали богородской травой. Он был покровителем освящаемых лошадей – «ызыхов» сивой масти. Местообитание духа – хозяина сивого ызыха, якобы, находилось на небе, в созвездии Малой Медведицы (Ах ат – Көк ат чылтыс). Данный небесный «ызых» принадлежал сеоку кыргызы.

Все три последних фетиша: «ас төс», «хызыл төс» (исключая кинен төс) и «көк төс» (исключая хорчаа төс) втыкались в землю вне юрты у южной стены. Ставили их в основном при головных болях и глазных болезнях⁶⁵.

К разряду «чистых» төсей относился «хус төс» – орлиный фетиш, стоявший рядом с «хызыл төсем» с наружной стороны юрты. К развилке

березовой жердочки на ремешке прикрепляли изображение летящей птицы (хара хус сомы), вырезанное из тополевой коры. Его крылья и хвост делали из орлиных перьев. К каждой развилке привешены по две косички, заплетенные из черных волос хвоста лошади. Ниже развилки на стержень палки подвизывался поясok из синей бязи. На севере Хонгорая фетиш «хус тос» представлял модели двух птичек – большой и маленькой, вырезанных из дерева, с перьями, воткнутыми вместо крыльев и хвоста. Он вешался на стене мужской половины юрты.

Фетиш «хус тос» помогал при болезнях головы, глаз, ушей и зубов. Для лечения приглашался алгысчыл, который обмахивал больного березовым опахалом – «хус сапхынчызы» с белой и красной лентами (чалама). «Хус тос» кормили никем не пробованной аракой и окуривали богородской травой (ирбен). Больному мыли лицо аракой, которая предварительно обносилась три раза вокруг его головы. Через каждые три года в жертву фетишу «хус тос» приносили черной косача или черного петуха. В связи с этим его иносказательно могли называть «күркү тос» – т.е. тетеревиный тесь.

Фетиш «хус тос» был оберегом освящаемых лошадей – «ызыхов» вороной масти. Местом проживания духа-хозяина «ызыха» считается Монголия. Поэтому он носил второе название «моол тос» – монгольский фетиш.

В сагайских селениях Хонгорая покровителем вороных коней считался фетиш «тума тос», соответствующий «хус тосю» других этнических групп. Его изображение состояло из девяти или семи хвостовых перьев глухаря, нанизанных на шнур (25-30 см.) между девятью угольками. Шнур фетиша носил название «үлдүрбе», т.е. так же, как и головная повязка бельгиров на небесном жертвоприношении. «Тума тос» или «Хара тума» считался попечителем кузнечного дела. Согласно мифам, он происходил из Черной Монголии, но путь его в Хонгорай лежал через соседнюю Шорию, где в эпоху среднвековья процветала черная металлургия. Хакасские кузнецы совершали ему возлияния аракой или квасом – «абыртаха». Он считался очень сердитым и при непочтении напускал на хозяев тяжелую болезнь (харан агырыг).

Наиболее почитаемым «чистым» фетишем, находящимся на мужской половине юрты, считался «чалбах тос» – широкий тесь. Кроме этого, он имел названия: «от төзі» – огненный фетиш, «от инезі төзі» – фетиш богини огня, «пала төзі» – детский фетиш, т.к. на него молились при детских болезнях, «чоғархы тос» – верховный фетиш, т.к. он находился наверху под крышей, «хыпчылыг тос» – раздражительный, беснующийся фетиш.

«Чалбах тос» изготовляли непорочные девы под руководством опытной женщины, знающей обычаи бурханизма. Во время творчества над

ним необходимо пребывать в веселом настроении и распевать песни. На прямоугольном куске белого холста (40х30 см. или 30х20 см.) охрой рисовали фигуры трех человек. Над их головами пришивали по парчовому лоскутку (красного, белого, синего цветов) с наложенными на них кусочками собольей лапки. С двух сторон изображали по березе, причем слева – вершиной вверх, к солнцу, а справа – вниз кроной. Рисунки обводились рамкой, состоявшей из двух параллельных линий, между которыми помещался зигзаг. К верхнему левому углу прикрепляли миниатюрное изображение бубна в виде обруча и жезла. Иногда сверху полотнища пришивались семь перьев черного орла или тетерева. Фетиш привязывали к перекладинам крыши юрты над алтарем, у мужского изголовья кровати. «Чалбах тös» посвящался богине огня «От-Ине», он являлся покровителем лошадей «ызыхов» рыжей масти и считался родоначальником сеока «хасха».⁶⁶

Происхождение фетиша «чалбах тös» связывают с одной старой девой, которую покинули качинцы на месте прежнего обитания по р. Кача (район г. Красноярска). Согласно мифам, старая дева в муках скончалась, но ее дух, оседлав трехлетнюю рыжую кобылицу, опираясь на крону трехлетней березы, достиг кочевьев хонгорцев на берегу р. Абакан. Дух старой девы уселся в очаг хакасских юрт и превратился в хранителя огня «От-Ине». С тех пор хонгорские бурханисты посвящает духу - хозяйке огня изображение «чалбах тös».

В качестве кормления «чалбах тösю» брызгали вареным молоком утром и днем. Каждый месяц, на девятый день новолуния, его окропляли молоком. Кормили его и в том случае, если заболевает маленький ребенок. Весной и осенью «чалбах тösю» преподносили семь кусочков сала, которые, завернув в белые и красные ленточки, бросали в огонь. При его кормлении в юрту ставили трехлетнюю березу, а у дверей привязывали рыжую кобылицу. Во время обряда почитания этого фетиша опахалом служил пояс «хызыл тёся», ибо последний являлся также покровителем рыжего «ызыха».

Известный исследователь культового искусства народов Сибири С.В. Иванов, детально изучив изображения на фетише «чалбах тös», пришел к следующему мнению: «Таким образом, – писал он, – в чалбах-тöссы мы имеем основание видеть либо изображение духа-хозяйки огня с членами ее семьи, либо духов, имеющих к ней ближайшее отношение. ... Поскольку персонажи «чалбах-тöсся» чаще всего изображали собой женщин (наличие кос и знаков, означающих груди), главная из них (центральная), очевидно, изображала хозяйку огня, а две других – ее сестер или дочерей»⁶⁷. Наши материалы подтверждают мнение маститого ученого. Со-

гласно мифам, на этом фетише были нарисованы: богиня огня «От-Ине», ее сестра – богиня Умай и ее дочь – Хызыл-чылтыс.

На севере Хонгорая, среди кызыльцев и качинцев Чулыма, фетишу «чалбах төс» соответствовал «хыспынах төс» – изображение духа старой девы, ставшей «матерью» огня. Его также именовали: «алтын төс» – золотой фетиш, «алтын хыс» – золотая дева, «парча төс» – парчовый фетиш, «хыс айна» – девичий черт, «чоғархы төс» – верховный фетиш.

Фетиш «хыспынах» представлял собой два сшитых четырехугольных лоскута материи – красной или синей дабы и золотой парчи с пришитыми пуговицами вместо глаз, которые укреплялись на березовой палочке. Он подвешивался в почетном углу в изголовье матицы дома. Изготавливали его молодые девушки. Хыспынах помогал при грудных болезнях у детей. По утрам его окропляли парным молоком белой коровы со словами: «чалахай чачам!» – приветливая тетушка! Задабривали «хыспынаха» гарью от коровьего масла и совершали поклоны.

Среди пледы «чистых» төсөй выделялся фетиш «чага төс» или «марча төс», представлявший собой мужскую хакасскую рубаху с бронзовой пуговицей (хола марха), пришитой раковинной каури (чыланмас), мотком мишуры (алтын чип) и воротником из хвоста выдры или лисицы. В таком виде «чага төс» вешался на стропило крыши мужской стороны юрты. Он почитался вторым большим божеством после «чалбах төсөй». Хонгорцы применяли в быту два вида данного фетиша: «хара чага» – черная чага, т.е. рубашка черного или коричневого цветов и «көк чага» – синяя чага, т.е. небольшая рубашка синего цвета. Фетиш «хара чага» являлся оберегом лошадей – «ызыхов» бурой масти, а «көк чага» – гнедых «ызыхов». В целом «чага төс» служил покровителем крупного рогатого скота и домашнего очага. Невестки не имели права близко подходить к этому фетишу.

Фетиш «чага төс» или «марча төс» применялся для лечения внутренних органов грудной клетки – легких и сердца. Во время моления больного обмахивали рубашкой «чага төс». Каждую весну и осень фетиш «чага төс» кормили ритуальной пищей – паленой овечьей головой и окропляли аракой. Через каждые три года совершали жертвоприношение и кололи белого барана⁶⁸.

На севере Хонгорая среди кызыльцев «чага төс» делался из женского красного платья и находился на женской стороне юрты за чувалом (соол). «Если в юрте кто-нибудь умрет, – писал Д.Клеменц, – чага-төс уносят в лес, вешают на дерево, делают ему троекратное возлияние аракой, просят не сердиться и уходят, раскланиваясь с ним три раза. Здесь смысл обряда таков: төс не исполнил своей обязанности, не уберег человека, и идолу дается почетная отставка»⁶⁹.

Завершая плеяду великих тэсей, необходимо остановиться на фетише «түбенге тос» – духе-покровителе охоты и войны, встречающемся в сагайской части Хонгорая. Он состоял из развилки, обтянутой красным куском ткани. На шнурке, привязанном к развилке, нанизаны семь красных или белых бусин, а также семь перьев из крыльев орла. В некоторых случаях с боков развилки с красной тканью прикреплялось по орлиному перу (очипом книзу). «Түбенге тос» чтился охотниками. Накануне выхода в тайгу его угощали аракой и кормили маслом от сметанной каши – «потхы», приготовленной без соли. Перед ним раскладывали охотничье снаряжение – ружье, патронташ и ножи. Горячим паром (оор-пус), исходящим от мяса, положенного на поднос, угощали фетиша со словами: «Пусть тайга принесет счастье!».

Название «түбенге», вполне вероятно, восходит к слову «түбен» – десять тысяч (войсковая единица в 10 тысяч воинов; дивизия). В таком случае фетиш первоначально был покровителем армейских частей и войны.

Другая категория фетишей называлась «нечистыми» и располагалась на женской половине юрты. Среди них самым могучим и высокочтимым считался «аба тос» – медвежий фетиш, служивший оберегом жилища. Он имел также следующие названия: «апчх тос» – дедушкин фетиш, «ізіктегі тос» – дверной фетиш, «ізік эзі» – хозяин дверей, «чурт тэзі» – фетиш жилища, «ізік хадарчызы» – хранитель дверей, «иркін тос» – пороговый фетиш, «сабынчх тос» – поражающий фетиш, «пилге урунчац тос» – фетиш, поражающий поясницу.

«Аба тос» находился у порога дверей юрты, с правой стороны от входа. Он состоял из правой передней лапы медведя на которую надевалось железное или медное кольцо (Д. 4 см.), прикрепленное к тальниковой развилке. Подставкой служил глиняный кружок. К кольцу привязывали камусовую шкуру черно-гнедой лошади. В кольце была сосредоточена душа тэся, а конская шкура являлась жертвой. Кольцо олужило также глазами тэся. В сагайской части Хонгорая вместо медвежьей лапы делалось деревянное изображение руки с четырьмя пальцами (дл. 17 см.; ш. 5 см.). В Туве медвежьим фетишем «адыг эзен» служила шкура передней лапы медведя, повешенная на решетку стены юрты справа от входа. Среди теленгитов Горного Алтая фетишу «аба тос» соответствовала иконографическая фигура «каным», изображавшая духа Караш (или Карей), одного из богатырей Ирлик-хана. В качестве грозной стражи он охранял порог и двери жилища. Наряду с лапой медведя, центральное место «каныма» занимала металлическая пластина, представлявшая фигуру на коне с топором в руках.

Учитывая, что хакасы при молении фетишу «аба төс» употребляют сакральное слово «яма», которое в буддизме обозначает имя владыки ада, становится явной взаимосвязь хонгорского и теленгитского фетишей.

Фетиш «аба төс» поражал поясницу и мочеполовые органы. Ежегодно весной и осенью во время последней четверти луны, в момент заката солнца, устраивали кормление «аба төсю». Перед ним устанавливали плоский камень или сковородку, разводили на них огонь и на углях жгли вершину дудки борщевика (палтырган), девять пучков черемуховой коры, девять кусочков лошадиного сала, девять зерен ячменя и комки муравейника (күзер). Моление возглавляла пожилая женщина, знающая обычаи бурханизма. «Аба төс» насыщался гарью сжигаемых яств, звоном металлического кольца и лязгом ножниц. Все присутствующие, не крестясь, кланялись фетишу. Кто весной и осенью забывал кормить «аба төс», тем он мстил и поражал в соответствующие места. «Аба төс» охранял вход в юрту и наказывал воров, или тех, кто без спроса уносил вещи. В надежде на своего покровителя хакасы никогда не вешали замков на двери.

Через каждые девять лет «аба төсю» приносили в жертву черного барашка. Березу не ставили, а жертве перерезали горло. Ритуальной пищей служила правая сторона грудины, голова и голень барашка.

Почитание медвежьего төся было связано с культом предков, ибо медведь считался братом древних предков людей.

За большой буфетной стойкой, у подножия стены женской стороны юрты, находился парный төсь, именуемый «тилег төс» – теленгитский фетиш. Его также называли: «алтынзархы төс» – северный фетиш, т.е. стоявший на северной, женской стороне юрты; «ирепчи төс» – супружеский фетиш; «табан төс» – подошвенный фетиш, т.к. у него была подставка в виде подошвы; «шигөрки төс» – фетиш буфетной стойки; «улага төс» – фетиш основания юрты, «тирме төзи» – фетиш решетки юрты.

Фетиш «тилег төс» считался покровителем сеока «ызыр» и хранителем крупного рогатого скота. Согласно мифам, он представляет изображение одной молодой пары, которая была угнана в монгольский плен, но бежала оттуда и через Алтай двигалась в сторону родных степей Хонгорая. Но по дороге назад они вместе со своим грудным ребенком погибли от голода и стали төсем.

«Тилег төс» состоял из двух березовых развилок, одна из которых была длиннее, а вторая короче. Березовые развилки представляли супружескую пару. Фетиш устанавливался на глиняной подставке лицевой частью на восток. Каждый год во время прилета и отлета птиц «тилег төс» кормили.

Высокая развилка с лицом из красного сукна и медной бляшкой посередине, двумя или четырьмя седыми косами (свитыми из шерсти серой овцы) представляла женщину (хат төс). Медная бляшка или бронзовая пуговица изображала ее сердце (хола марха чүректіг). Указанный женский фетиш носил дополнительные наименования: «эмекей төс» – старушечий фетиш, «иней төс» – женский фетиш или «ипчі тилег» – женский тилег. Этот төсь был также известен как: «пөзік ағас» – высокая лесина, «пөзік төс» – высокий фетиш, «узун ағас» – длинная лесина, «узун төс» – длинный фетиш, «пала төзі» – детский фетиш, «потхы чичең төс» – фетиш, питающийся сметанной кашей.

Фетиш «эмекей» считался покровителем беременных и рожениц. Его изготавливали старухи новобрачной чете. Мужчине запрещалось к нему прикасаться, иначе он получит расстройство желудка. Фетишу «эмекей» молились при поносе у детей и телят, при опухоли вымени у коров. Кормили его молоком, сметанной кашей, ячменной крупой и овечьим салом. Пищу жгли на огне. При этом восклицали: «Эбекей, эбекей!».

Согласно кызыльским мифам, дух «эмекей» прибыл из владений Сибирского ханства, где обитал в районе озера Чаны (Сана көл). У качинцев фетиш «эмекей» представлял изображение духа старой девы, оставленной на произвол судьбы в районе именитой Качи. Однако, судя по названию, можно предположить его монгольское происхождение, ибо по-монгольски «эмген, эмгей» – старуха, бабушка, т.е. то же самое, что и по-кассски «иней».

Короткая березовая развилка с лицом из красного сукна, с глазами из синих бусинок и красным поясом из лоскута дабы представляла мужчину (ир төс), под названием «ир тилег» – мужской тилег. Он имел также имена: «хысха төс» – короткий фетиш, «хысхачах төс» – коротенький фетиш, «чабыс ағас» – короткая лесина, «чабыс төс» – низкий фетиш, «чабызах төс» – низенький фетиш, «айран төзі» – айранный фетиш (он стоял за кадкой с айраном), «айран хадарчызы» – страж айрана, «палых чичең төс» – фетиш, едящий рыбу.

Фетиш «ир тилег» охранял съестные продукты хозяев. Если посторонний человек без спроса выпьет айран, то фетиш поражал его расстройством желудка.

«Ир тилег» кормили сметанной кашей и вареной щучьей головой. Три ложки каши лили на угли огня, разведенного в чугунной посудине, и при этом звенели серебряной подпругой. Если не было подпруги, звенели ключами. Ему воскуривали табак, приготовленный из листовенничной коры. Поэтому иногда на него говорили «түдүн чичең төс» – фетиш, едящий

дым. Руководила молением пожилая женщина. Она снимала с фетиша опояску, брала ее в правую руку и три раза попеременно стегала то хозяйина юрты, то «ир тилега». При этом все молились, держа руки за спиной и кивая головой. Затем пояс повязывался обратно на фетиш. До тех пор, пока пища не сгорит, все присутствующие стояли перед «ир тилегом». Собакам запрещалось находиться рядом. Золу от сгоревшей трапезы ссыпали в очаг юрты.

Фетиш «ир тилег» или «хысха тös» происходил, как гласили молитвы, из страны Сайыт-хана, под которой можно подразумевать саидов – потомков Мухаммеда, т.е. любое мусульманское ханство. «Хысха тös» был посланником Сайыт-хана (Сайыт ханнын сайгызы).

Над посудными полками женской стороны юрты располагался фетиш «хачай тös» или «тинн тös» – беличий идол. Он изготовлялся из чучела белки, набитого сеном и соединенного с антропоморфной личиной из светлого войлока, обшитой красной тканью. На месте глаз и рта пришивались темно-синие бусины. Сверху прикрепляли шапочку из белой задней части шкуры (ахта) косули, напоминающую шапку свахи «түлгү пöрик». Посередине тушки белки привязывали поясок из черного сукна. Ставили его при кожных заболеваниях – парше и коросте. В связи с этим он имел дополнительное название «ходыр тös» – коростовый фетиш. При лечении от коросты кормили «хаджай тёся» сметанной кашей, положенной в деревянную чашку, и кусочками сала, бросаемыми на угли огня. Во время кормления фетиша укладывали на белый войлок или белую мерлушку.

Каждую весну и осень его задабривали маслом от сметанной каши и молились. Руководила обрядом старушка. Обряд проводили обычно поздно вечером, после возвращения скота с пастбища. При молении с фетиша снимали черный поясок и им обмахивали хозяев. Через каждые три года его меняли. Старый фетиш относили в лес, где вешали на раздвоенную лиственницу, а дома ставили новый тёсь.

На севере Хонгорая среди кызыльцев встречался фетиш «тоназа тös» – тунгусский идол или «кизим тös» – гриппозный фетиш, располагавшийся рядом с почетным местом юрты или за чувалом в доме. Он состоял из семи полосок белой паховины (öстек) дикой козы, считающихся ногами тёся. Они были перехвачены красным пояском. Его ставили от гриппа и простудных заболеваний. Фетиш «тонгаза» напускал мороз, вьюгу и сбивал путника с дороги, если рассердится на него. Кормили его чадом от сжигаемого талкана, а также семью калачиками хлеба, подвешенными у входа в юрту.

По всей видимости, фетиш «тоназа тös» имел тунгусское происхождение, ибо холод приходит с севера, со стороны эвенков (по-хакасски «тоназа»).

На женской стороне юрты за посудными полками стоял фетиш «тайгым тös», насылающий на людей болезнь «летучий огонь» (по-хакасски – хамчо). Он делался в виде тряпичной куклы с синими глазами из бусинок. При болезни «тайгиму» кланялись, высекали огнем над ним искры и читали заклинание: «Хызырах малнын сагырзына тус! Хыс кизиниң имчегине тус! – Свались на круп трехлетней кобылицы! Свались на грудь молодой девицы!

На Северном Алтае и среди шорцев фетиш «тайгым» представлял изображение духа охоты и покровителя промыслов.

Среди кызыльцев встречался фетиш «шалбы тös» (по Клеменцу «уюнчигарых-тюс»), состоявший из березовой палочки с двумя четырехугольными лоскутами красной парчи. Его привязывают около дверей. «Шалбы тös» применялся от ожогов и высокой температуры. При обмахивании им большого фетиш притягивал к себе жар.

На севере Хонгорая в кызыльских жилищах находился почитаемый идол «түлбек», стоявший в переднем углу юрты у женского изголовья кровати. Он был известен также как «түлгү тös» – лисий фетиш, «түүүстегі тös» – тусочный фетиш, «кизи чичен айна» – черт, пожирающий людей.

На маленькую березовую развилку прикрепляли два лоскута лисьего меха (самца и самки), а с двух сторон развилки приплетали косы. «Түлбек» хранили в берестяном тусеке. К нему обращались в случае трудных родов у женщин, при болезнях груди. Кормили его паром от вареной рыбы – сорожки (кöзек) и плескали аракой. Весной и осенью делали жертвоприношения.

Около дверей хакасской юрты иногда ставился фетиш «чылан тös» – змеиный идол, представляющий подобие змеи, сшитое из черной материи с двумя синими бисеринками вместо глаз. Обыкновенно делали трех таких змей. Фетиш лечил ломоту и опухоль ног. Всех трех змей укладывали на дощечку, перед ними ставили сало и чашку с аракой. Сначала араку три раза обносили вокруг больного, потом, пятясь спиной и кланяясь, выносили дощечку с идолами и пищей из юрты и закапывали их в змеиную нору. Болезнь вместе с тессем уходила в землю.

На севере Хонгорая исследователи зафиксировали зооморфные фетиши «күзен тös» – хорьковый фетиш и «холынах тös» – колонковый фетиш, влиявшие на внезапные болезни сердца. Они делались из шкурок указанных зверьков, перехваченных посередине красной или черной тесьмой, глаза у них были из синих бусинок. Умиловивляли их троекратным брызганием араки с поклонами. Вышеуказанными двумя фетишами можно завершить описание тессей, относящихся к женской «нечистой» стороне юрты.

Наше многолетнее исследование культа тёсей не подтвердило наличие в прошлом большого количества хакасских фетишей. Практически все они приведены в нашей работе и насчитывают не более 20 разновидностей⁷. В результате сбора полевого материала мы смогли определить конкретное их назначение, а в некоторых случаях выяснить имена, донны не известные в науке. Хакасские фетиши в какой-то мере можно сравнить с христианскими иконами. Если не соблюдалась чистота жилища, если проявлялась непочтительность к атрибутам и канонам веры, если не проводились ежедневные и ежегодные кормления ритуальной пищей, то могущественные тёси могли отомстить. В чужой юрте люди опасались что-либо взять без спроса, иначе не миновать расправы и кары тёся. Поэтому и воровства не наблюдалось, и юрты не знали запоров. Тёси воспитывали в человеке чувство ответственности. Уклад духовной жизни, связанный с почитанием фетишей, имел специальное определение «тёс чурты» – основные устои общинного быта.

Большая часть хонгорских фетишей представляла собой березовую палку с развилкой вверху, между концами которой натянут ремешок с пришитым к нему прямоугольным лоскутом материи, изображавшим голубоглазое лицо. С двух сторон развилки привязывались свисающие вниз свитые шнуры, означающие косы. Согласно мнению исследователей, вильчатые тёси представляли антропоморфные образы духов, как правило, женских.

Происхождение вильчатых тёсей связывалось с культом предков, в частности с духами старых дев, погибших неестественной смертью. «Изучение дошедших до нас тёсей показывает, – писал С.В. Иванов, – что они представляют собой исторически поздний этап развития, свидетельствующий о процессах постепенного обобщения связанных с ними изображений, иногда о крайней условности их»⁷⁰. Несомненно, что вильчатые фетиши хонгорцев претерпели большую эволюцию в своем развитии. Наличие синих глаз на фетишах, принадлежавших черноглазым и черноглазым хакасам, уводит наше воображение ко временам археологических культур бронзового века, когда в долине Среднего Енисея обитали голубоглазые и рыжеволосые динлины.

Археологические раскопки последних лет принесли немало научных открытий в Хонгоре. К их числу необходимо отнести замечательные находки «гравированных галек» из поселения Торгожак карасукской культуры.

В результате изучения антропоморфных образов на «гравированных гальках» мы сделали научное открытие об их преемственной связи с хонгорскими вильчатыми тёсями⁷¹. Несмотря на разный материал (в одном слу-

час – камень, в другом – дерево), прослеживается единый стиль изображения лицевой части – узкая физиономия с острым подбородком, напоминающая развилку ветви, а также наличие с двух сторон заплетенных кос. В таком случае «гравированные гальки», найденные в карасукском поселении Торгожак, являются древними фетишами, а хонгорский фетишизм уходит своими корнями вплоть до карасукской культуры (I тыс. до н.э.).

Хакасские тёси по своей функциональной семантике аналогичны монгольским и бурятским «онгонам», тувинским «ээрэням», мелетским «мачу» и алтайским «тёсям». Этот культ в определенной мере характеризует истоки и особенности народных верований тюрков Саяно-Алтая, а также их эволюцию в исторических рамках Южной Сибири и Центральной Азии.

3.5. Священный скот – «ызых»

С древнейших времен кочевники Хонгорая для того, чтобы сберечь свои стада, создали культ освящаемых животных – «ызыхов». Согласно мифам, он возник под влиянием горных духов, от которых хонгорцы заимствовали основные черты своей культуры. Культ священных домашних животных существовал также у тувинцев – «ыдык», у алтайцев – «ыйык» и у тьянь-шаньских кыргызов – «ыйык». Уклад духовной жизни, связанный с почитанием освящаемых домашних животных, носил название «ызых чурты» – букв. священная обитель.

В каждом хакасском хозяйстве выбирались животные особой масти под названием – «ызых», освящаемые шаманами и служителями бурханизма – «алгысчылами». «Ызыхи» выполняли охранительные функции по отношению к стаду своего хозяина. Они оберегали скот и семью номада от болезней, способствовали увеличению приплода, ограждали стадо от нападения хищных зверей и даже от воров. Посвященные животные – «ызыхи» носили также иносказательные названия: «мад худы» – жизненная сила скота; «малның ээзи» – дух-хозяин скота; «кiзi хуягы» – броня, т.е. оберег человека; «кiзi хадарчызы» – страж человека и т.д.

Хакасы называли себя трехсталдным народом (Ус өөр маллыг чон), ибо разводили три вида скота: лошадей, коров и овец. В связи с этим их освящаемые животные «ызыхи» выбирались только из указанных пород. Не служили в качестве «ызыхов» верблюды и козы, не освящались кошки и собаки.

Хонгорский термин «ызых» – священный, святой, освящаемый – восходит к глаголу «ыс-» – посылать, отправлять, т.е. отправленный духам. В фольклоре встречается выражение «ызых ызарга» – ставить (отправлять) освящаемое животное (коня) горным духам⁷².

В хакасском языке слово «ызых» обозначает широкий круг священных объектов: звери и птицы, горы и реки, люди и боги. Например, тигров, барсов, соболей и оленей именовали «ызых ацнар» – священные звери, т.к. для их добычи требовался выкуп в виде угощения (той). Их шкуры выделывали мужчины или девушки, а женщинам запрещалось к ним прикасаться ножом. Кукушка, ласточка, трясогузка, огарь (турпан) считались священными птицами – «ызых хус». Хакасы перед ними испытывали благоговейный страх. К священным деревьям – «ызых ағас» относится кедр. На него запрещалось подниматься женщинам.

На территории Хонгорая многие топонимические названия носят определение «ызых» – священный. Например, «ызых кӧл» – священное озеро, «ызых тағ» – священная гора (около 10 оронимов), «ызых чул» – священный ручей (более 10 гидронимов) и т.д.⁷³ Топонимические названия связаны с местами бывших бурханистских молений небу, где запрещалось находиться женщинам.

В данном разделе речь пойдет об освящаемых домашних животных, которые назывались общим именем «ызых – толығ» – т.е. священный скот, требующий жертвы (букв. священный выкуп). В связи с этим период проведения жертвоприношений скоту носил определение «ызых – толығ тузы» – время святого выкупа. Весной на хакасский Новый год (чыл пазы), когда начинала куковать кукушка и появлялась новая луна, в новых семьях скотоводов совершали обряд «ызых саларға» – букв. поставить освящаемое животное. Обычно впервые «ызыхи» ставились хонгорцами, у которых произошел падеж скота или заболели члены семьи. Для посвящения выбирали кастрированный скот – мерин, волов и валухов. Однако в виде исключения «ызыхами» могли служить и жеребцы, и кобылицы, и быки, и коровы, и бараны, и овцы.

Срок службы освящаемого животного – «ызыха» (ызых тимі) ограничивался тремя или шестью годами. Коня – «ызыха» освящали в трехлетнем возрасте (тай), а отпускали со «службы» в семь или девять лет. По данным Е.К. Яковлева, до девяти лет держались кони – «ызыхи» сивой и соловой мастей, как старшие по рангу, а все остальные – до семи лет⁷⁴. Волы – «ызыхи» освящались в трехлетнем возрасте и держались до семи или до девяти лет. Валухи – «ызыхи» ставились в годовалую пору и менялись через каждые три года, в редких случаях – через шесть⁷⁵.

При выборе масти необходимого «ызыха» хакасский скотовод обращался за помощью к шаману или к служителю бурханизма – «алгысчылу». Если нужной масти в стаде не было, то приходилось покупать на стороне. Обычно освящаемые животные передавались по наследству от отца к младшему сыну. Если не было прямых наследников по мужской

линии, то «ызыхи» переходили к дочери и принимались ее мужем. В том случае, когда у хозяина не было детей, тогда «ызых» мог передаваться брату.⁷⁶

Во время обряда «ызых саларға» в волосы хвоста, гривы или загривка освящаемого животного вплетали шитые жильными нитками парные ритуальные ленточки «ызых чаламазы» – священные флажки, цветовая гамма которых соответствовала масти скота. Например, вороному коню вплетали черные и белые «чалама»; сивому – голубые и белые; бурому – коричневые и белые; рыжему – красные и белые и т.д. У коня украшались ленточками нижняя часть гривы, называемая – «ызых чилни» – букв. священная грива и хвост, у вола они повязывались на шею и хвост, у валуха вплетались в загривок (чоғдыр) и на основание курдюка. Волосы и шерсть «ызыхов» стричь запрещалось. Гриву и хвост освящаемого коня заплетали как косу (тулун) замужней женщины, против часовой стрелки. В данном случае плетение отличалось от коня «хойлага», забиваемого на могиле умершего хозяина, у которого гриву и хвост заплетали вместе с ритуальными флажками «чалама» по часовой стрелке, т.е. как косу вдовы.

На обряде «ызых саларға» коню надевали специально приготовленную сбрую – «ызых тирии», состоящую из серебряной уздечки, поверх которой прикрепляли волосяной недоузлок – «ызых нохтазы», свитый из шерсти белого ямана или белого конского волоса. Перед обрядом сбрую окуривали богородской травой. В дальнейшем для коня «ызыха» запрещалось использовать чужую сбрую, особенно принадлежащую женщине. Иначе «ызых» заболит и погибнет (пулайсып).

Для обряда освящения коня «ызыха» изготовлялся специальный жезл – «ызых сабыды» или «ызых сапхынчызы», представлявший березовую ветвь длиной более одного метра с привязанными лентами «чалама» двух цветов (согласно масти животного). Сколько насчитывалось членов семьи, столько «чалама» привязывалось к жезлу. Невестки в это число не входили. Во время обряда жезл «ызых сабыды» передавался в руки главы моления «пурхан алгысчылу».

Для каждой масти освящаемого коня «ызыха» имелся особый фетиш «ызых тәзи», служивший его оберегом. В юрте он хранился на южной (мужской) стороне под стропилами крыши. Универсальным фетишем для коня «ызыха» служила ритуальная одежда в виде хакасской рубахи под названием «ызых чағазы» – священная чага. Цвет фетиша «ызых чағазы» соответствовал масти животного. При обряде «ызых саларға» его окуривали богородской травой, после чего руководитель «алгысчыл» набрасывал «ызых чағазы» себе на плечи, а в нужный момент обмахивал им коня «ызыха».

Необходимыми атрибутами для освящения животных «ызыхов» являлись деревянная ложка (ах сомнах) и деревянная чашка (ах чірче). Во время обряда в чашку наливали араку или молоко, а ложкой кропили на освящаемое животное и давали ему из них выпить.

При освящении животного – «ызыха» священнослужитель алгысчыт отправлял его душу – к мифическому духу-хозяину – «Ызых хану». С этих пор избранная скотина находилась под особым покровительством «Ызых хана».

После завершения обряда «ызых саларга» недоуздки «ызых нохтазы», жезл «ызых сабыды», чашку и ложку заворачивали вовнутрь рубахи – фетиша «ызых чагазы» и складывали в специальный берестяной кузов. В обычные дни берестяной багаж вместе с амуницией «ызыха» хранился высоко за стропилами южной стороны юрты (пас параан) или под крышей кумирни – амбара. В некоторых местах привязывался арканом к высокому шесту в степи на месте пастбищ. Женщинам, особенно вдовам, запрещалось близко подходить к принадлежностям «ызыха», а тем более прикасаться к ним. Если женщина возьмет в руки жезл, недоуздки или фетиш «чага», то «ызых» может ее поразить насмерть. Брать их имел право только сам хозяин. Невесткам запрещалось даже заходить в кумирню, где хранились священные предметы. Если женщина поднимется на крышу скотного двора, а тем более юрты, то скот заболит (пулайсып), ибо освящаемые животные «ызыхи» брезгают женской нечисти, тем более находящейся над ними (ызых – толыг чиркинче).

В каждом хозяйстве держали по несколько «ызыхов». Большое значение придавалось масти животного (түк). В ранние времена каждый хонгорский сеок, а в XIX веке даже фамилия держали освящаемый скот определенной масти. Например, род кыргызы держал сивых коней «ызыхов», сеок хахпына – каурых, род аба – гнедых, сеок хызыл – мухортых и т.д. Кроме того, даже подразделения сеоков соответствовали масти своих коней «ызыхов». Цвет масти «ызыхов» не менялся в роду и за этим тщательно следили шаманы и служители бурханизма «алгысчылы».

Самыми почитаемыми животными у хакасов считались лошади. Среди них освящались кони 12 мастей: сивые (көк), серые (пора), белые (манган), белесые (ах чангмыл), соловые (сарыг), буланные (ой), чубарые (парыс чохыр), чалые (хыр), рыжие (позырах), карие (күрен), воронные (хара) и каурые (хоор). В сагайской части Хонгорая дополнительно встречались игреневые (сабдар), мухортые (халтар) и гнедые (торыг) масти. Освящаемых коней «ызыхов» пестрой масти (ала) у хакасов не было. Согласно легендам, лошади указанной расцветки не относятся к древним в Хонгорас. Они были получены от монгольского хана в качестве подарка богатырскими братьями Сыгда и Сыбы, возглавлявшими сеок «иргит».

По хакасской мифологии, жеребята вышеприведенных 12 мастей были брошены на произвол судьбы на древней прародине в стране Ойрат (Северо-Западная Монголия). Покровитель скотоводства «Ызых хан» наказал хонгорцев, и они стали сильно хворать. Чтобы оградить народ от напасти, шаманы вынуждены были отправить своих духов в страну Ойрат, пригнать брошенных животных в Хонгорай и поставить их в качестве «ызыхов» между всеми сеоками⁷⁷.

Согласно своим мастям, кони «ызыхи» разделялись на великих (улуҕ ызых) и малых (кичиг ызых). Среди великих «ызыхов» самыми почитаемыми являлись кони сивой (көк пора, ах пора) и белой (ах манган) мастей, доставшиеся хонгорцам от их древних предков – кыргызов. Мифические духи-хозяева сивого и белого коней – «ызыхов» обитали на небе в созвездии Малой Медведицы (Ах ат-Көк ат чыгыс – букв. Звезда синего и белого коней). Поэтому они носили второе название «небесные ызыхи» (көк тигир ызых, ах тигир ызых). Сивый конь «ызых» был верховой лошастью Кокетея, сына Громовержца – «Күгүрт хана». На нем Кокетей летал вокруг Земли и поражал грешников молнией. По другим данным небесный ызых имел отца святого Архая (Архай Пурхан), а мать – Святое Небо (Тигир Пурхан). На земле дух-хозяин сивого «ызыха» имел стоянку в Джунгарии (Ойрат чирі одагыг – букв. Имеющий оток в Ойратской земле)⁷⁸. Вероятно бурханистский культ «ызыхов» возник во времена средневековья, когда кыргызы составляли единый союз с ойратами «Дербен Ойрат».

Главой коней «ызыхов» белой масти являлся Громовержец – «Күгүрт хан», имевший второе имя «Адам Пайта-хан». Шерсть белого «ызыха» должна напоминать чистоту снега. Храп и копыта соответственно должны быть белыми, а глаза зелеными. Кугурт хан ездил верхом на белом коне «ызыхе», держал в руках чембур из белых серебряных нитей, был он «в белой шелковой шапке, в белых сафьяновых сапогах и в таких же перчатках; одежда на нем из чистого серебра; ... он царь над всеми духами»⁷⁹.

После разгрома монголами Хонгорая, когда население было угнано за Алтай, в горах Оглахты скрывался белый конь «ызых», оставшийся от кыргызов. Его заметили, подкараулили и убили койбалы из рода хайдынг. За этот грех дух-хозяин белого коня «ызыха» истребил указанный койбальский род. С тех пор хакасы не стали держать белого «ызыха» (ах манган). Он стал применяться только на Небесном жертвоприношении и при бурханистских ритуалах (ах чайан ызыгы). Небесные кони «ызыхи» жестоко относятся к нарушителям обычаев Белой веры. Если человека покарает небесный «ызых», то у него начинает сильно болеть голова, что приводит к умопомешательству.

К разряду небесных «ызыхов» относились кони масти «ах чаңмыл», т.е. белой расцветки с красно-медным храпом и черными глазами, а также «парыс чохыр», т.е. белой расцветки с черными пятнами (букв. пестро-барсовый). Обитель «пестро-барсового» коня – «ызыха» находилась на небе в созвездии Большой Медведицы (Читиген). Этот конь служил ездовым животным у мифического верховного творца Улгенниг-хана. Вполне возможно, что «ызыхи» барсовой масти держались в честь снежных барсов – бывших тотемных животных кыргызов.

Освящаемый конь соловой масти (сарыг ызых) завершал плеяду великих хранителей скота. Соловый «ызых» принадлежал духу-хозяину «Адам-Чалбарту», местообитание которого находилось на горе Чалбарт (в верховьях Абакана около г. Абаза). Исходя из материалов Н.Ф. Катанова, можно предположить, что он выступал покровителем сеока «сарыглар», одним из родоначальников которого был Адам-Чалбарт⁸⁰. Согласно другим версиям, соловый «ызых» служил ездовым конем девы Салыг или Хыс-Хуба, прибывшей в долину Енисея из страны Сарыг Соян, т.е. Западной Тувы или страны Торбет, т.е. Северо-Западной Монголии. Пра-родитель сеока «пурут» Ир Тохчын, привезший из Монголии деву Салыг в жены своему сыну, не позволил ей совершить жертвоприношение духам страны Торбет, из-за чего она окаменела, а душа превратилась в белого зайца. С тех пор сеок «пурут» стал держать в качестве «ызыха» солового коня, на котором в Хонгорай прибыла старая дева Салыг. «Торбетский» дух-хозяйка теперь вечно ездит на «бело-саврасом коне, узда с желтым шелковым чембуром, в желтой одежде из ильиса, в красной шапке, в желтых сафьяновых сапогах»⁸¹. Она носит золотые серьги и серебряный нагрудник «пого». Фетишем для солового «ызыха» служил «хозан тёс» – заячий тёс или «салыг тёс» (у сагайцев). При ритуалах использовали хакасскую рубаху желтого цвета «сарыг чага». Соловый «ызых» украшался священными лентами желтого и белого цветов (сарыг чалама).

К категории малых «ызыхов» относились освящаемые кони карей масти (күрен). Они служили ездовыми животными горных духов и поэтому именовались «таг ызыгы» – горные «ызыхи» или «чир ызыгы» – земные «ызыхи». Они обязательно должны были принимать участие в ритуалах горных жертвоприношений (таг тайыг).

Карий «ызых» достался хонгорцам в качестве приданого (хыс хоғдазы) горной девы, прибывшей в Хонгорай на коне коричневой расцветки, чтобы стать супругой пращура черноголовых людей. На нем запрещалось ездить даже хозяину, иначе горные духи оскорбятся и отвернутся от скотоводов. Невесткам не разрешалось носить одежду одного цвета с карим «ызыхом». Его грива и хвост украшались коричневыми и синими лентами

(күренг чалама). Фетишем служила хакасская рубаха темно-коричневого цвета (хара күрен чага). Во время ритуалов использовался жезл «күрен сабыт» с повязанными коричневыми и синими лентами (чалама).

В ранге «малых» «ызыхов» находился освящаемый конь рыжей масти (хасха хан поэзрах – букв. кроваво-рыжий с белой полосой на лбу). Его мифическим духом-хозяином считался Чизе-Хан Солагай – букв. Медный Царь Левша, стреляющий без промаха. В сагайской части Хонгорая духом-хозяином рыжего «ызыха» слыл Хан-Кинен или Тубенге-Хан, покровитель войны и охоты, сын китайского императора. Место обитания мифического хана рыжего «ызыха» находилось в Китае, где расстилается красный песок и растет красная лоза, где в центре Земли стоит семигранный красномедный столб⁹².

Грива и хвост рыжего «ызыха» украшались красными и белыми лентами (хызыл чалама). Фетишем служил «хызыл төс» (у качинцев) или «кинен төс» (у сагайцев). Во время поклонения рыжему «ызыху» применялся жезл – «хызыл сабыт» с привязанными красной и белой лентами.

Вороной «ызых» прибыл в Хонгорай из Монголии через Кузнецкую чернь (Аба тура чирі). Его духом-ханом считался Хара-Тума, являющийся покровителем кузнечества. Он является сыном правителя Черной Монголии, находящейся в центре Земли, где стоит железный столб, служащий коновязью черного «ызыха».

Грива и хвост вороного коня «ызыха» украшались ритуальными лентами черного и белого цветов (хара чалама). При молении на него усаживали фетиш «хус төс» (у качинцев) или «тума төс» (у сагайцев). Если со стороны людей наблюдалось непочтительное обращение, то вороной «ызых» мог наказать виновных тифозными болезнями.

Освящаемый конь «ызых» гнедой масти принадлежал мифическому главе шаманов Адам-хану. На нем ездил Кормес-хан, великий страж дворца Адам-хана, устанавливающий истинность шаманского дара. При молениях душу гнедого «ызыха» отправляли в верховья Абакана, где находился призрачный дворец Адам-хана. Согласно мифам, гнедую масть создал Ирлик-хан и поэтому шкура таких лошадей шла на изготовление шаманских бубнов. Освящаемые шаманами «ызыхи» гнедой масти не вошли в систему бурханистских культов.

За лошадьми «ызыхами» ухаживали только домохозяева-мужчины. Они их могли изредка седлать под верховую езду. Женщинам запрещалось прикасаться даже к поводу коня «ызыха». Исключение составляла мать, родившая и воспитавшая девятерых сынов, а также дочь хозяина до появления регулов. Категорически запрещалось запрягать «ызыха» в телегу. Не разрешали другим садиться верхом на коня «ызыха», иначе этот человек заболеет, а хозяин потеряет рассудок.

«Ызыхами» крупного рогатого скота становились волы, в редких случаях быки. Содержание коровы в качестве «ызыха» было обременительным, ибо ухаживать за ней и доить могли только незамужние женщины, причем молочный скот можно было доить только после третьего теленка. Номады степной части Хонгорая коровьих «ызыхов» (инек ызыгы) почти не держали. В основном они были распространены у подтаежных сагайцев и кызыльцев, где, как правило, держались волы «ызыхи» бурой масти (күрен). Они принадлежали горным духам и поэтому назывались «чир ызыгы» – т.е. земляной «ызых». В хозяйстве они освящались вместе с карими конями «ызыхами», т.к. оба вида принадлежали горным духам. В хвост коровьего «ызыха» бурой масти вылетались ритуальные ленты красного цвета.

В редких случаях встречались волы «ызыхи» другого окраса. Так, например, у сеока «аара» коровьим «ызыхом» был вол черной масти, у сеока «ичеге» – белый бык с красными ушами, у сеока «том» – мухортый бык, у сеока «сайын» – чубарый вол.

Третьим видом освящаемых животных Хонгорая были овцы «хой ызыгы». Среди них обычно служили оберегами отар рогатые валухи желтой расцветки с красными щеками (сарыг хой ызыгы). Их духом-покровителем считался Кирбе-хан, обитавший на востоке, в Саянских хребтах, где возвышаются удивительные вершины гор Ыргах-Таргах. Поэтому овечий «ызых» назывался вторым именем «илгерки ызых» или «искерки ызых» – т.е. восточный «ызых». Интересно будет отметить, что перевал, расположенный рядом с горами Ыргах-Таргах, называется «Кой-арт» – букв. Овечий перевал.

Овечий «ызых» украшался красными и синими ленточками «чалама», привязанными на загривок и на основание курдюка. Его фетишем служил «хозан төс» – заячий төсь или «искерки төс» – восточный төсь, которого садили на спину валуха при обряде. Он насылал зубную боль и глазные болезни.

Помимо указанной масти, среди овечьих «ызыхов» хонгорцами держались валухи белой расцветки с черными ушами (хара наахтыг ах хой ызыхтыг). По своей расцветке они напоминали почитаемого белого зайца. Поэтому его фетишем также служил «хозан төс» – заячий төсь. Местожительство его духа – хана (ызых ханы) находилось или в Туве, или в стране Торбет.

В редких случаях встречались валухи «ызыхи» черной расцветки со светложелтыми щеками.

Надо особо отметить случай освящения сагайцами домашней птицы. Например, в долине Аскиза фамилия Угдыжековых в качестве «ызыха»

держала красных петухов. Идентичный обычай существовал у тянь-шаньских кыргызов, которые «ыйыком» делали иногда курицу.⁸⁴

Ежемесячно на полнолуние (ай толызы) хозяин окуривал священное животное «ызых» богородской травой и окроплял аракой (в подтаежной местности – ячменным квасом «абыртых»). Если не совершать обряд окуривания и кропления, то от воздействия окружающей нечисти (пуртах) «ызых» заболит (пулайсып).

Когда освящаемое животное «ызых» погибало, то снимали шкуру вместе с головой и конечностями, которые вешали на лиственницу в лесу. В степной части Хонгорая устанавливали на четырех столбах настил, куда водружали тушу. По объяснению стариков, погибший святой скот не должен достаться ни волкам, ни собакам.

В том случае, когда на скот напал мор, то подозревали «ызыха» в нерадивости и заменяли его. Если «хранителя» скота украли, тогда верили, что хозяина ждет несчастье. На потомство «ызыха» святость не распространялась и приплод можно было колоть на мясо.

Нерадивый хозяин, забывающий свои обязанности по отношению к освящаемым животным, наказывался «ызыхами». Среди хакасов существовало выражение «ызых хароланды» – получил возмездие за непочтительное отношение к «ызыхам». В гневе они подвергали главу кочевого стойбища и его членов различным заболеваниям, называемым «ызых – толыг урунғаны» – букв. столкновение с «ызыхом». При недомогании человека от действий освящаемых животных совершали обряд «ызых кӧдӱргерге» – букв. поднять «ызых». Важно отметить, что аналогичный обряд «ыйык кӧтӧрӱ» существовал у тянь-шаньских кыргызов. Под руководством служителя бурханизма «алгысчыла» совершалось жертвоприношение, во время которого священный скот привязывался к дверям юрты. Руководитель моления, держа в руках жезл «ызых сабыды», обращался к «Ызых хану» – мифическому духу – хозяину освящаемого животного. «Пурхан алгысчыл» просил прощения для хакасских nomадов, дабы покровитель скотоводства унял свою обиду и прекратил месть. В ответ «Ызых хан» предъявлял свои претензии, которые необходимо было исполнить. Хозяин семьи и большие родичи, сидя на белых кошмах, кланялись «ызыху», обещая ради него все сделать. Затем освящаемое животное обмывали водой с заваренным тимьяном (ирбен). Все участники обряда «ызых кӧдӱргерге» должны были после этого обмыть свои руки и лица оставшимся отваром. Успокоившийся «Ызых хан» отступал от кочевья, забирая болезни.

В некоторых случаях в царство мифического духа-хозяина «ызыха» попадала душа («чула») человека, который чрезмерно вкладывал свои старания в скотоводческое хозяйство (малга харасхах). Эта крайность

тоже наказывалась. Признаком потери души, уведенной «Ызых ханом», являлось постоянное желание спать. В таком случае совершали обряд «ызых кӧдӱреге».

Два раза в году, на новолуние, в Хонгорае проводили обряды – «ызых чуҕчаң улу́кун» – букв. праздник обмывания священного животного. Весной, когда вскроются реки и прилетают птицы, когда появляются листья на березе и зазеленеет трава (апрель), и осенью, когда застывает земля и улетают птицы, когда опадают листья на березе (октябрь), совершали необходимые обряды очищения.

На праздник «ызых чуҕчаң улу́кун» или «ызых улу́кун» собирались все жители аала. Ритуал проводился под руководством алгысчыла – служителя Белой веры. Шаманы в этом мероприятии не участвовали. Почтенные алгысчылы на голову надевали девичью шапочку «сахпа», а на плечи набрасывали ритуальную рубаху «чага». В руках они держали жезл «сабыт», лентами которого обмахивали «ызыха». На возвышенном месте недалеко от селения устанавливали коновязный столб – «сарчын» и священную березу «пай хазың». К коновязи привязывалось освящаемое животное. Если это был конь, то ему надевали серебряную уздечку. Ветви березы украшались ритуальными флажками «чалама», попарно сшитыми вместе. С восточной стороны «пай хазың» расстилали белую кошму, на которой торжественно восседал до и после моления «пуурхан алгысчыл». Под южным краем березы ставился жертвенник «алтын сирее» (тасхах) – столик из березовых ветвей на четырех колышках. Рядом с ним находились три кадки (сабан) с жертвенным напитком «абыртхы». Для коня «ызыха» требовалась большая кадка, для вола – поменьше, для валуха – небольшая посудина.

Если хозяин держал несколько освящаемых животных «ызыхов», то соблюдалась очередность. Сначала обмывался конский «ызых», через неделю – коровий. Овечьих «ызыхов» очищали в один день вместе с любым крупным животным.

Праздник начинался с ритуала окуривания участников ароматическими травами (ирбен, арчын). Каждую ленточку «чалама», прежде чем повесить на священное дерево, окуривали дымом богородской травы. Мужчины садились вокруг огня с южной стороны священной березы, подогнув ноги по-турецки. Женщины устраивались поодаль с северной стороны от ритуальной площадки. Невестки обязательно накрывали голову и плечи длатками. Их одежда не должна была иметь расцветку, общую с мастью животного «ызыха». Женщины не имели права близко подходить к обмываемому «ызыху» и священной березе.

Во время первого действия освящаемому животному заменяли старые ритуальные ленточки «ызых чаламазы» новыми. Они были попарно сши-

ты жильными, нескрученными нитками, без узелков на конце. Новые ленточки предварительно окуривались богородской травой (ирбен) или вереском (арчын). На коня «ызыха» надевали недоуздок «ах нохта», предварительно очистив его дымом тлеющего тимьяна. Затем животное окуривалось ароматическими травами, во время которого следовал троекратный обход участников обряда по солнцу вокруг него и березы. Процессию возглавлял алгысчыл.

Потом приступали ко второму действию, когда «ызыха» обмывали отваром богородской травы (ирбен суу), приготовленным в казане. Хозяин «ызыха» три раза поливал хребтину животного от холки до хвоста, черная отвар ложкой из деревянной чашечки (хара чірче). После каждого раза обмытые места протирали пучком тимьяна. Оставшимся отваром поили детей и умывали лица присутствующих со словами: «Будьте здоровы!».

Затем «ызыха» три раза обмывали кипяченым молоком, надоенным непорочной девушкой от белой коровы или белой кобылицы. Животное три раза окропляли молоком и три раза поливали им из чашки хребтину, протирая ее после каждого раза рубахой-фетишем (чага) и пучком богородской травы. У коня «ызыха» обмывалась также сбруя. Остатки молока давали выпить «ызыху» и присутствующим, со словами: «Пейте воду Молочного озера – Сүттiг кӧл, кормитесь травой горы Сумеру!».

В заключительной части второго действия на «ызыха», березу и на людей «пуурхан алгысчыл» кропил вином «іліг арагазы» или жертвенным напитком «абыртхы» (у сагайцев). Во время брызгания жезл «сабыт» укладывался в локоть правой руки. Чашка держалась в левой руке, а ложка в правой. Остатками вина, предназначенного для кормления духов, алгысчыл из чашки угощал «ызыха» и вместе с ним хозяина. Закончив обмывание, животное насухо протирали ритуальной рубахой «чага».

Во время обряда обмывания участники, не крестясь, кланялись «ызыху». «Пурхан алгысчыл» почтительно его благословлял: «Ты покровитель простых людей! Ты страж усадьбы хозяина! Ты ангел-хранитель мира! Ты глава пасущегося скота! Ты господин святого дворца!»⁸⁵.

После окончания омовений на спину освящаемого животного алгысчыл усаживал фетиш «ызых төзі». Сначала он его очищал окуриванием богородской травы, а затем прикладывал три раза попеременно то с одного, то с другого бока. Затем он водружал фетиш на спину «ызыха». В этот момент все участники падали ниц перед святым животным. После низких поклонов фетиш снимали со спины, подносили к морде «ызыха» и давали ему обнюхать идола. Потом хозяин праздника относил фетиш на его обычное место в юрте.

В завершение праздника «ызых үлүкүн» священное животное обводили вокруг березы «пай хазың» три раза по солнцу, совершая гадание «төрік». На крестец посвящаемой лошади ставили фетиш и чашку, наполненную молоком, вместе с ложкой. Если чашка с ложкой и тёсем долго держались на спине, а затем падали на землю дном вниз, а фетиш лицом вверх, то этот знак предвещал успех и все участники обряда радостно восклицали «ах төрік» – т.е. белая судьба. Кроме того, если конь «ызых» вдобавок фыркал три раза, то верили в хороший исход дела. С другой стороны, если чашка и идол сразу свалятся с коня и тесь упадет лицом вниз, а чашка кверху дном, то это считалось плохим предзнаменованием и тогда в отчаянии кричали «хара төрік» – черная судьба, т.е. плохое предзнаменование. В таком случае гадание приходилось повторять три раза. После троекратного выпадения неудачного гадания «хара төрік» животное «ызых» надо было менять и заново совершать обряд обмывания.

Атрибуты «ызыха» – недоуздок «ах нохта» и рубаха-фетиш «чага» в течение трех дней оставались привязанными к коновязному столбу на ритуальной площадке. После чего хозяин, окропив их молоком, укладывал в берестяной кузов и засовывал за стропила юрты.

Каждый год, на новолуние в июне, совершали жертвоприношение «көк ызых тайыг» – празднование небесного ызыха. Для карего «ызыха» моление совершали через каждые три года и оно соответствовало горному жертвоприношению. Надо отметить, что освящаемые кони «ызыхи» присутствовали практически на всех общественных молениях. Если забывали делать жертвоприношение «ызыху», то мифический глава «Ызых хан» раздражался на хакасов и насылал болезни (ызых урунча).

Накануне жертвоприношения к дверям юрты хозяина привязывали коня «ызыха». Тут же прислоняли березу, выкопанную с корнями. В юрте на веревках развешивали семь и девять мужских рубах (7 чага чидектиг, 9 чага толыгыг). На столик ставили семь и девять бутылок араки, никем не пробованной. Всю ночь праздновали, а утром отправлялись на священную гору, где устанавливали березу и вкапывали столб для коня «ызыха». Под березкой устраивали жертвенный столик. Жертвой служил белый ягненок с черными ушами, соответствовавший виду почитаемого зайца. Его забивали способом «өзеп», т.е. вспарывали грудь и разрывали аорту. Сваренное мясо складывали на жертвенный столик. Правые части туши – лопатка, ребра, а также легкие и сердце помещались на поднос «ызых типсизи» и вместе с ним три раза обходили по солнцу березу. С подноса поднимался горячий пар (оор тударга).

Все участники обряда прикрепляли к головным уборам ритуальные флажки «чалама», соответствовавшие цвету ленточек, вплетенных в гри-

ву и хвост коня «ызыха». Ленты жезла «сабыт», согласно цветовой символике, также имели одинаковый цвет. Например, если делали жертвоприношение сивому коню «ызыху», то в его гриву и хвост вплетали синие и белые ленточки (ах-көк чалама), жезлом служила березовая ветвь с привязанными синими и белыми лентами «көк сабыт», в качестве фетиша использовалась мужская рубаша «көк чаға», сшитая из синей дабы, а женщины, сидевшие поодаль, укутывались в материал синего цвета.

Во время трапезы мужчины ели мясо правой стороны туши, а женщины – левой стороны. Соль не употреблялась. Жертвоприношение завершилось гаданием «төрүк».

После достижения освящаемым животным своего лимитного возраста (трех, шести или девяти лет) совершался обряд «ызых чулирга» – снятие святости. «Ызых» привязывался на ритуальной площадке к столбу. Забивали жертвенную овцу. Кости расчленяли по суставам. Нижнюю челюсть отрезали вместе с дыхательным горлом. Горячее отваренное мясо клали на столик под березой. Во время обряда руководитель «пурхан алгысчыл» обращался к мифическому духу «Ызых хану», у которого забиралась обратно душа освящаемого животного «ызых чулазы». Животное обмывали отваром богородской травы и затем снимали с него ритуальные ленты «чалама». Отпущенное со своего поста животное называлось «чулаан ызых»⁸⁶. Его можно было забивать на мясо, а если это был конь, то на нем верхом можно ездить даже женщинам. Однако мясо «ызыха» запрещалось есть хозяину, поэтому его продавали на осенний забой (соғым) чужим людям. Согласно хакасским представлениям, тамги освящаемых коней «ызыхов» рисовались горными духами на скалах священных гор. После их вывода из состава «ызыхов» тамги исчезали.

Итак, культ освящаемых животных «ызыхов», зародившись во времена родового строя, стал частью религиозных верований шаманизма, а затем был принят хакасским бурханизмом. Праздник омовения и освящения «ызыхов» проводился как шаманами, так и служителями Белой веры.

В годы Советской власти данный культ был запрещен, и хакасы с горечью говорят: «ызых чурты талал парды» – разрушился уклад жизни, связанный с почитанием освящаемых животных – «ызыхов».

Гл.4. СЛУЖИТЕЛИ БУРХАНИЗМА И ИХ ФУНКЦИИ

4.1. Алгысчылы и их атрибуты

Служителем бурханизма мог стать любой мужчина, ведущий праведный образ жизни (не лжец, не вор и не пьяница) и перешагнувший сорокалетний возраст. Таких людей хонгорцы называли «пурхан кизи» – т.е. святой праведник, безгрешный. Как правило, это были уважаемые члены общества, обладавшие хорошей памятью и даже грамотные (пичикчил).¹

Все хонгорское общество XIX в. представляло единое конфессиональное образование, значительная часть которого продолжала исповедовать шаманизм. Рядовые миряне – и бурханисты, и шаманисты назывались общим именем «хал» – т.е. непосвященный в религиозное учение. «Халы» объединялись в территориальные религиозные общины «тёс-тёмег». Во главе последних стояли руководители «тёс пазы», избираемые «халами» на общественных молениях на срок от трех до девяти лет. Символом их власти служил жезл «сабыт», передаваемый как эстафета из рук в руки, из года в год. Последователи бурханизма (по-хакасски – «ах чаянныг» или «ах худаилыг») противопоставляли себя христианам, которых называли «терсе» или «крес чон», и мусульманам, именуемым «саат». При обращении друг к другу применяли термин «абыя» – т.е. брат по духу и по кровному роду.

Духовных школ и учебных центров бурханизма на Саяно-Алтае не существовало. Первоначально ученики проходили посвящение и обучение молитвам у умудренного опытом наставника, которого затем величали «пурхан пахсы» – святой учитель. Почтительное обращение «пурхан пахсы» священнослужитель официально получал на Небесном жертвоприношении. В отличие от бурханизма в шаманизме Хонгорая «крестный отец» молодого кама носил иное название – «пастаан паба» – букв. отец-проводник.

Проповедник Белой веры обозначался общим словом «алгысчыл» – букв. благовестник или «пурхан алгысчыл» – святой благовестник. Священнослужители главных молений – «Небесных жертвоприношений» (тигир тайи) относились к высшей категории алгысчылов, которых принято было еще называть «пурхан пасчы» – святой вождь. Их утверждали во время Великого праздника, когда вручали сакральные атрибуты власти: жезл «сабыт» и зеленое знамя «туг», которое поднималось на копье

«сөйгі» около юрты проповедника Белой веры. Участники моления перед началом Небесного жертвоприношения поднимали «пурхан пасчы» на белой кошме и три раза обносили его по солнцу вокруг священной березы «пай хазын». Обряд провозглашения «пурхан пасчы» носил название «сабыт көдірерге» – т.е. поднятие жезла. Он дошел до хонгорцев с древнетюркской эпохи и идентичен обряду возведения на престол тюрко-монгольских ханов.

Выбранные народом «пурхан пасчы» не пользовались никакими привилегиями, кроме общественного почтения. Особый статус священнослужителей выражался в специальном обращении к ним – «погда» – т.е. представительный, заслуживающий уважения и почтения (от монгольского «богд» – святой). Хонгорцы скрывали от русских властей проповедническую деятельность алгысчылов. Например, в середине XIX в. князь Н. Костров сообщал: «Достоверно известно, что у качинцев нет никаких жрецов, а закалывает барана и сожигает его какой-нибудь старшина, лицо почетное и богатое». Вместе с тем далее он вынужден был признаться, что «добиться об этом у качинцев что-нибудь положительного нет никакой возможности».²

Руководитель небесного моления «пурхан пасчы» имел право обучать новых служителей Белой веры. Рядовые алгысчылы во время общественных мероприятий служили ему помощниками, такими, как «нааныччы» – кропитель молочных продуктов, «аласчы» – окуриватель ароматическими травами. Среди алгысчылов встречались ясновидцы – «көспекчи», предсказатели «ырамчы», гадатели «төлкечи» и др.

Около юрт алгысчылов, рядом с березками «сомнар», устанавливали отличительный знак в виде шеста с привязанными флажками. Он назывался – «туғлығ сөйгі» – букв. копьё со знаменем. К знаменам «туғ» притягивались духи, покровительствующие Белой вере. Один раз в году на Небесное жертвоприношение их обновляли. На Алтае жилище бурханистов можно было легко отличить еще издали. А. Г. Данилин отмечал: «снаружи против самого входа в юрту обычно поставлена высокая березка, а рядом с нею – невысокий обрубок дерева – жертвенник (тағыл). У жилища ярлыка или вообще более строгого ревнителя бурханизма, кроме тағыла, имеется высокая жердь (суме), с вырезанной верхушкой и длинными лентами»³.

Ритуальная одежда служителей бурханизма состояла из летнего мужского халата, на спине которого подвешивались две длинные белые ленты, называемые «манчы». Поэтому костюм назывался «ах манчы» – белый манджы или «алтын манчы» – золотой манджы. (Вероятно, от монгольского «манджилга» – лента). Головным убором служила старинная

девичья шапочка невесты под названием «ах сахпа» – белая сахпа или «алтын сахпа» – золотая сахпа. Она также украшалась двумя белыми флажками «чалама». Девичья шапочка «сахпа» отождествлялась с короной богини Умай. Например, в одной из хакасских загадок говорится: «Узун агас пазында Умай хус одырча» (наа пала кисчен сахпа) – На вершине длинного дерева сидит птица Умай (шапочка «сахпа», которую надевает невеста на свадьбу). По всей видимости, алгысчыл во время обряда перевоплощался в образ богини Умай для общения с Верховным Творцом. Одевание, имевшее белый цвет, подчеркивало отличие Белой веры от «черного шаманизма». ⁴ Алтайские ярлыкчи в качестве головных уборов употребляли островерхие шапки, носимые в старину женщинами. В отличие от хакасских алгысчылов и тувинских лам, ярлыкчи обязательно носили косу, как знак приверженности старине.

Необходимой принадлежностью бурханистских ритуалов являлся жезл «сабыт», сделанный из березовой ветви и украшенный флажками «чалама». По своему значению и роли он не уступал шаманскому жезлу «орба». Последний изготовлялся из рогов сохатого или таволожника, обтянутого заячьей шкурой и обвязанного флажками «туг», куда воплощались духи шаманской силы (хазыр туга тартхан төстер). Неразрывная связь алгысчыла с жезлом «сабыт» во время бурханистских ритуалов определила для него даже иносказательное название «сабытчы» – жезлодержатель. Термин «сабыт» присутствует только в языках тюрков Саяно-Алтая. У алтайцев и телеутов словом «чабыт», а у монгольских тувинцев «шавыд» называли опахало из ветви березы с прикрепленными флажками. Жезл «сабыт» широко использовался при заклинаниях без бубна. ⁵ Бубен в бурханизме не применялся.

Самым популярным методом лечения у бурханистских знахарей являлось обмахивание больного мужской одеждой (как правило, брюками), которая была известна в данном случае как «чага». В зависимости от болезни применялась и разная цветовая символика для «чага». Если человек заболел желтухой, то его обмахивали желтой одеждой (сарыг чага). При болезнях, насылаемых горными духами, которые любят коричневый цвет, больного обмахивали темно-коричневой одеждой – «хара чага» и т.д. Больной женщине для обмахивания нужна женская одежда, мужчине – мужская.

При лечении головных болей, возникающих, якобы, от небесных сил, применялось опахало «чилбег» из березовой ветви с привязанными синими лентами или платком синего цвета. Такой бурханистский целитель назывался «чилбегчи» – т.е. обмахиватель. Интенсивная деятельность у него приходилась на весну, когда закукует кукушка, и осенью, когда улетаю перелетные птицы.

При любых важных делах бурханисты обращались к гаданию (тöлке). Служители бурханизма исполняли роль вершителей судьбы. Самым популярным видом являлось гадание при помощи иглы. На доньшке перевернутой чашки (хара чірче) чертили крест накрест черную и белую линии. Иголку с ниткой втыкали в деревянную ручку шила. При гадании держали правой рукой за конец нитки. Если острое шила будет двигаться по белой линии, то это хорошее предзнаменование. Если по черной – то к худу.⁶

В Хонгорае встречалось гадание на камушках – «хубанах», распространенное среди многих тюркских народов. С девяти речек (иногда семи) собирали 41 камушек синего, желтого, черного и белого цветов. Во время гадания сначала все «хубанахи» собирались в одну кучу. Затем они разделялись на три части, в каждой из которых откладывали по четыре камушка до тех пор, пока там не оставалось по четыре и менее «хубаных». Оставшиеся составляли верхний ряд. Затем свободные камушки опять собирали в кучу и также делили на три части. Остаток составлял второй ряд. В третий раз совершалась такая же операция. В результате «хубанахи» складывались в три ряда по три кучки в каждом. Левая сторона была противника, а правая – своя. Если в верхнем горизонтальном ряду находилось девять «хубаных» (по три в каждой кучке), то это хорошее предзнаменование.⁷

Все общественные моления бурханистов завершались гаданием «тöрик» – букв. рок, судьба, воля неба. Оно является неотъемлемым ритуалом всех молений, перешедшим в бурханизм из шаманизма.

В жизни скотоводов большую роль играли некоторые кости животных, имевшие сакральное значение. Например, к особому разряду относилась баранья лопатка, на основе которой проводились серьезные гадания, и среди алгысчылов существовала даже профессия «чарынчы» – гадатель по бараньей лопатке.

Правую баранью лопатку (чарын) обглаживал сам хозяин юрты. Прежде чем ее убрать на хранение, сначала обязательно осматривали плоскость (чарын хазаазы), поднимая плечевую лопатку к солнцу. Если плоскость лопатки широко просвечивалась, а ее гребень или основание (чарын пазы) загнуто вперед (искер көргек), то значит скот у хозяина будет хорошо расти. Если же основание загнуто назад (төдир хайгах) – то скот уменьшится.

Обглоданную правую лопатку хранили на мужской половине юрты, заткнутой под стропила крыши. Гадание производили поздним вечером (иир харасказы). С южной стороны очага юрты разжигали небольшой костер, поверх которого укладывали лопатку, завернутую в потничную траву, служившую стелькой обуви. Обжигали ее до черноты. Гадание происходило по

трещинам со стороны, где проходит гребень (тирсок). Продольные трещины вдоль гребня обещают благополучие, а поперечные – неудачу.

В завершение гадания лопатку бросали через плечо на землю. Если она упадет гребешком вверх, то предсказания сбудутся. Если вниз – то неудача. Подобный обычай существует не только среди тюрков Саяно-Алтая, но и других народов Центральной Азии. Лопатку никогда не выбрасывали целой. Обязательно перед тем, как выбросить, надо было разбить ее гребешок. Левую лопатку не использовали для гадания, т.к. она могла дать ложные предсказания.⁸

Если в степи встречался лежащий человеческий череп (хуу пас), лицом направленный к путнику, то, по бурханистским правилам, его необходимо было ударить пяткой правой ноги. Носком бить запрещалось. Если после удара пяткой череп покатится далеко, значит этот человек будет долго жить. У недолговечного человека череп останавливался на близком расстоянии.

Среди сказочных сюжетов фольклора тюрков Саяно-Алтая упоминаются гадания прожорливых чудовищ по черепакам людей, которых они съели. Например, в хакасской сказке «Атыгчы оол» чудовище Чилбиген подбрасывает вверх человеческий череп и загадывает: «Если я увижу своего младшего брата живым, то упади лицевой частью ко мне. Если его нет в живых, то упади затылочной частью».⁹

Итак, бурханисты с фатальной неизбежностью относились к своей судьбе. Они были уверены, что по различным видам гадания можно предопределить исход любого дела.

Алгысчылы в доме держали на счастье различные талисманы и амулеты. От сглаза применяли бусины «пос мончных», которые носили на шее. Их никому не давали. П.Островских в свое время заметил, что хонгорские служители веры в повседневной жизни ничем не отличались от остальных хакасов, «разве только, что ...носят на шее бусы»¹⁰. Бусы-амулеты, под одинаковыми названиями «бос мончук», употреблялись в древнетюркском обществе. Они специально пропитывались мускусом, добываемым в стране Кыргыз.¹¹ В шаманизме бусины считались глазами духов-тёсей. В связи с этим название амулета «пос мончных» можно перевести на русский язык как «глаза тела» или «свои глаза». Подобные амулеты – «бончук» до сих пор широко распространены в современной Турции.

Своеобразным талисманом служил шарообразный окатыш «арбыт». Его находили счастливые люди при разделке внутренностей животных или зверей (в «рукаве» желудка – «хоты» или даже под шкурой). Внутри «арбыта», якобы, собрана шерсть всего скота хонгорцев и всех зверей тайги Саяно-Алтая. Согласно мнению бурханистов, «арбыт» доставался

счастливым по велению горных духов. Талисман обладал чудодейственными свойствами. Он приносил счастье хозяину, способствовал умножению поголовья скота и охранял благополучие семьи. Он притягивает счастье скота.

Согласно хонгорским представлениям, «арбыт» нельзя показывать чужим людям, тем более сообщать о своей находке. Талисман держали в сундуке или ларце, завернутым в белую материю.

Каждый год летом ему совершали обряд благодарения «ахтаг» – букв. обеливание. «Арбыт» доставали из сундука, благословляли его и опускали в чашу с молоком, поставленную на домашний алтарь «чадан».

После своей смерти проповедники «алгысчылы» хоронились на горах воздушным способом. На четырех столбах сооружался помост, называемый «сартах» или «суурган». Первое слово восходит к иранскому «чардак» – навес на четырех столбах, а второе к монгольскому – «суварган» – субурган, надгробная пирамида.¹² Тело покойного погребали в специальном саркофаге под названием «чаян». Такой способ захоронения назывался «Пулай Пурханга кӧдӱрерге» – поднятие к небожителю Пулай Бурхану (т.е. поднятие в рай). Наличие иранской и монгольской терминологии свидетельствует о влиянии на бурханизм древнего зороастризма и ламаизма, где не разрешалось погребение в земле. В XIX в. власти Минусинского округа запретили в Хонгоре воздушный способ захоронения в связи с его антисанитарными условиями.¹³ В настоящее время этот обычай полностью забыт.

4.2. Культовые сооружения

В каждой хонгорской юрте около мужского изголовья кровати находился домашний алтарь – «худай пулии» (букв. божий угол) или «чадан». Обычно его устраивали на верхней полке главной мебельной секций «пас параан». На алтаре хранились предметы, связанные с отправлением бурханистских культов: чашечка для молока и ложечка для кропления, подставка для возжигания ароматических трав – «сырах» (от персидского «чырак» – светильник), ларчик для богини Умай. Рядом подвешивали фетиш «чалбах тӧс» для богини огня «От-Ине». Особым ореолом окружались бронзовые предметы, и поэтому на алтаре зачастую можно было встретить круглую бронзовую пуговицу – «хола марха», обладавшую магической поражающей силой против нечисти. Назначение «хола марха» было однозначным – охранять хозяев от злых духов во время моления. У алтайских бурханистов на алтаре (тагыл) хранилась священная пуля «кулер ок», завернутая в чистую белую тряпочку. «Обычное назна-

чение этой пули, – писал А. Данилин, – служить во время моления для защиты от злого духа. Во время моления огню ее опускали в чашку с молоком и ставили на тагыл». На алтаре иногда ставились вырезанные из сыра фигурки лошадей и баранов, чтобы скот водился, и прочие амулеты.¹⁴

По всей территории Хонгорая, на многих горных вершинах были сооружены небесные храмы. Большие храмовые комплексы известны под названием «устанах». Например, в долине реки Ниня на горе под одноименным обозначением «Устанах» (по-русски – «Гора-Церковь») сохранилось грандиозное сооружение. Хакасский термин, вероятно, восходит к древнетюркскому «уштан» – рай и отождествлялся с райским уголком на земле.

Основную массу нагорных культовых сооружений составляют молельни «суме» (сүме) или «кирө» (кірө). По Хонгораю их насчитывается около сотни. Некоторые горы, где сооружены культовые храмы, как например, молельня в устье Тунгжуль, так и называются «Кірө таг» – гора Кирё. Причем многие из них были созданы в кыргызские времена, задолго до сложения «Ах-Чаяна», и использовались вторично.

Бурханистские «сүме» состояли из следующего комплекса. На возвышенности культовое место обносилось каменной стеной, круглой или квадратной в плане. В центре «сүме» находился жертвенник «тасхах», выложенный из каменных плит в форме куба.¹⁵ Иногда использовались квадратные камни (хыр тас). Рядом с жертвенником обязательно устанавливалась вместе с корневищем священная береза «пай хазын», которая обвешивалась ритуальными ленточками «чалама». С южной стороны вкапывалась священная коновязь «ах-сарчын», куда во время моления и жертвоприношений привязывали коня – «ызыха» белой масти. «Сүме» обычно использовалось один раз в году.

В хакасском языке термин «сүме» – место моления – зачастую смешивается со словом «сүбее, сібее» – крепость (звуки «б» и «м», как правило, чередуются). Поэтому многие «сүме» хакасами принимаются за крепостные сооружения. Слова «сүме», и «кирө», являются монгольскими по своему происхождению.

Со времен позднего средневековья в Хонгорае сохранились места, где были сооружены «субурганы» (по-хакасски «суурұан»). Это были надгробные пирамиды, воздвигнутые при захоронении святых мощей служителей буддизма, а затем в виде помоста на 4-х столбах – и служителей бурханизма. Развалины субурганов были отмечены Г. Миллером в начале XVIII в. в верхнем течении Уйбата.¹⁶

В этом же районе располагается гора Колергит, где, согласно легендам, монгольский хан (Моол хан) построил крепость (сібее) в борьбе про-

тив великих воинов Хонгорая – Сыбы и Сыгда. Не исключена возможность, что в монгольскую эпоху у подножия Колергита был построен буддийский монастырь – «хит», а название горы состоит из двух слов: «колер» и «кит», т.е. скрытый монастырь.

Большая часть общественных молений в XIX в. проводилась бурханистами на разных горных возвышенностях без храмовых комплексов. Кроме того, учитывая скрытный характер хакасов, русские власти даже не знали о древних храмах. Поэтому в своих донесениях сибирская администрация докладывала: «Татары сии не имеют ни кумиренных, ни молитвенных домов». ¹⁷

4.3. Бурханистские заповеди

Тюрки Саяно-Алтая относятся к народам, не имевшим в XIX в. своих письменных традиций. В 1855 г. фольклорист В. Титов сообщал: «Этот народ не имеет не только грамматики и правил языка, но даже азбуки». ¹⁸ Мы не найдем священных книг, созданных на их языках. Божественное слово передавалось из поколения в поколение устным путем, хотя фольклор сохранил память о бывшей письменной культуре, бытовавшей в древнетюркскую эпоху. Согласно хонгорской мифологии, письмо (пичик) имеет божественное происхождение. Богатыри героических сказаний все были грамотными и умели писать. Необходимо отметить, что священное писание в хакасском фольклоре имеет буддийское название «алтын судур» – т.е. золотая сутра.

Судьба человека предопределена Ах-Худаем. Хонгорцы говорят: «Ах Чаян салганнаң частыхпачан, Ах Худай салғаннаң хутулбачан» – Не свернешь с пути, сотворенного Белым Творцом, не избавишься от судьбы, положенной Ах-Худаем. Согласно этическим нормам, бурханист должен стремиться к белой добродетели (чугаан) и не совершать грехов (хыйал).

Запрещалось оскорблять или называть людей нехорошими словами, (особенно детей), даже в том случае, когда они нанесли обиду. Слова имеют убийную силу и все наговоры достигнут человека. Человеческий язык, что железная кожемалка. От него расколется даже камень – говорят хонгорцы. Необходимо дорожить своим именем, которое ни в огне не горит, ни в воде не тонет (отха кыйбес, сугда ахпас).

Бурханистам запрещалось курить табак, ибо он происходит от цветка, выросшего из пепла захороненного дракона (сыр чылан). Поэтому табак по-хакасски называли «айна тамағы» – пища нечистой силы. Кто не мог воздержаться, должен был обязательно к табаку подмешивать две части березовых стружек (хырчаннас). Данное представление возникло

под влиянием русских соседей, которые утверждали, что табак происходит из пепла сожженного черга.¹⁹

Бурханистские заповеди предписывали не общаться с русскими. «Если вы дружите с русскими, – говорил, якобы, легендарный князь Ханза-бег, – то всегда держите свои мысли при себе, а в ножнах пусть всегда наготове будет булатный меч».²⁰ Не разрешались смешанные браки. Предубеждение против русских стало сказываться на детях, которые стали прятаться при их появлении в аалах.

Во время бурханистских обрядов запрещалось употреблять спиртные напитки. Арака – удел шаманистов, ибо шаманские духи-тэси кормятся спиртными возлияниями – учили алгысчылы. Бурханизм стал пропагандировать умеренное употребление горячительных напитков. Хонгорская мудрость гласила: «Все хорошее начинается от вина и все плохое начинается от вина» (Чахсы пастаза – азох, чабал пастаза – азох). Существовал обычай культурного питья. Во время застолья хозяину дома обязательно надо было самому выпить первый глоток и последние капли из бочонка с вином, т.к. в них приютилось счастье (идіс ахсы, идіс түбі). Запрещалось одновременно и пить араку, и курить табак. Склонность некоторых хакасов к пьянству стали объяснять проделками шаманов и горных духов.

Бурханистская мораль категорически осуждала воровство. «Конокрады и шаманы довели народ до нищеты, – говорили алгысчылы. – Вор не разбогатеет, долго не живет и умирает от человеческого проклятия».²¹

Согласно правилам поведения, нельзя хвататься за нож и замахиваться на человека. «У режущего острие длиной в пять вершков» (Пилігнін пазы пис харыс, охтың пазы он харыс), – говорят хакасы, т.е. если человек замахнется ножом, то когда-нибудь он и вправду зарежет. Такое же представление существовало у бурят, которые утверждали, что «чем-нибудь острым нельзя замахиваться на человека, т.к., к несчастью, оно может вытянуться и заколоть».²²

По хонгорским правилам гостеприимства нельзя принимать пищу прежде, чем ее отведают хозяин. В данном случае говорили: «Пока не поднимет бокал вина сам хозяин, то даже хан не притронется к питию» (Эззі албаанда, хан даа албаан), или – «Голова имеет мозги, а пища имеет хозяина». Точно такой же этикет существовал у казахов. Он возник во времена монгольского владычества, когда при трапезах отравляли неудобных людей. Чингис-хан, в своей Великой Ясе, «запретил своему народу есть из рук другого, пока представляющий сначала не вкусит сам от предлагаемого, хотя бы он был князь, а получающий пленник».

Смысл жизни определялся бурханизмом в вечном человеческом бытии на земле, чтобы не прервался род людской (үзілбес тамыры үчүн). Белая

вера предписывала обязательность брака. Алгысчылы говорили: «Не будет огня от одинокой головни, не будет жизни от одинокого человека» (Чалгыс турун отха чарабаан, чалгыс кизи чуртха чарабаан). Главной заботой хонгорцев являлось рождение и воспитание детей. Вместе с тем, согласно бурханистской морали, в первую очередь у человека ценились его родные братья. Существовала заветная фраза: «Хат чолда, пала пилде» – Женщина на дороге, ребенок у нее на поясице (т.е. жену можно найти, ребенка можно родить, а брата нигде не найдешь).

Бурханистские заповеди запрещали в общественных местах совместное нахождение обоих полов. В юрте была женская половина, на молениях и празднествах существовали отдельные женские застолья – «уча». Женщины не имели права переходить дорогу перед идущим мужчиной. Подобные запреты существовали по всей Великой степи Евразии. «Киргизская женщина никогда не позволяет себе перейти дорогу мужчине, – писал Э. Диваев, – как бы далеко от него ни была.»²³ Женщине нельзя было садиться не только на мужскую одежду, но даже на мужское седло. Соблюдалось бинарное противопоставление. Мужское начало отождествлялось с правой стороной, женское – с левой. Для мужчин сакральное значение имело число девять, для женщин – семь. Вероятно, такое цифровое различие связано с тем, что мужское начало отождествлялось с небом, где обитало девять творцов – чайчы, а женское – с землей, где правили семь ирликов.

«Счастье человека рождается вместе с ним, – утверждают бурханисты, – и поэтому надо жить по своим меркам». Счастье охранялось суеверными запретами. Например, нельзя было продавать носимую одежду, а тем более с пуговицами. Их обязательно надо было отпороть, если одежду дарили с плеча другому, иначе счастья не видать. Нельзя плевать в лицо человеку – уйдет твоя доля. Нельзя умывать лицо в чужом доме – смоешь свое счастье. Когда хонгорцы дают кому-нибудь молоко, то обязательно отливают от него три ложки обратно, чтобы счастье (үлүс) не ушло. Если посуду передать не помытую – отдашь в придачу свое счастье. Нельзя оставлять откушенный кусок хлеба на столе – оставишь успех. Запрещалось хлопать себя по коленям – погубишь счастье своих детей.

Согласно бурханистским заповедям, запрещалось раскрывать все свои знания без утайки другим людям, иначе потеряешь память. С другой стороны нельзя стесняться, когда делаешь замечания людям. В мудром слове нет стыда – учили алгысчылы (улуг чоохта уят чоғыл).

Хонгорцами в повседневной жизни применялась магия слов. Например, охранительную функцию выполняло божье слово – «хурай». Его произносили, чтобы оградиться от неприятностей. При брезгливости и отвращении восклицали заклинание – «татай»! После этого слова тем-

ные силы отходили от человека. Однако, если его произнесет колдун, то он никогда не научится колдовству, ибо от него отвернется нечисть. При удивлении восклицали – «хосханах», а во время исполнения поэм сказителя подбадривали словом «бök»!

В этой жизни человек жив человеком (кiзi кiзiнең кiннiг). Однако надо надеяться только на свои силы. «Посторонняя сила бывает на день, а своя – до смерти», – говорят хакасы. Каждый человек должен иметь свой дом и свою семью. «Чабал даа полза, иблiг пол! Чагбан даа полза, үгрелiг пол» – Даже если плохой, то пусть будет у тебя дом, даже если постный, пусть у тебя будет суп! – учили алгысчылы.

Согласно бурханистской морали, нельзя считать себя умнее других, выпячивая свою персону перед людьми. Но и считать себя самым последним и опускаться на дно общества тоже нельзя.

Правила поведения обязывали хакасов жить в дружбе и согласии. При ссоре хонгорцев алгысчылы усмиряли их следующими словами: «Түгенер мал түгiн чiчен, түгенер чон пос позын чiчен. – Погибающий скот ест свою шерсть, погибающий народ грызет друг друга; «Өспес мал сүскiчи!» – Животные, которые погибнут, бодливые.

Обычай предписывал уважать старших. Заповедь гласила: «Если уважаешь старших, то проживешь долгие годы, если защищаешь младших, то будешь жить припеваючи. Люди, заботящиеся о стариках, получают их жизненный опыт; народ, имеющий руководителей, сумеет выжить в этом мире (улуғлығ успас, пасчылығ патпас).

Нельзя ходить задом наперед (китенчiк), иначе фортуна отвернется. Молодым не разрешалось ходить, заложив руки за спину, иначе будет тяжелая жизнь (пил чүктенерге чарабас). Так можно двигаться только пожилым.

Запрещалось сидеть, опираясь ладонями рук о землю, иначе взвалишь на себя тяжесть земли и жизнь станет тяжелой (чир чүктенме). Подобные запреты существовали у алтайцев, которые говорили, что землю «не поднять в заплечье, она придавит».²⁴ Нельзя сидеть, обхватив колени руками – притянешь печаль. Нельзя сидеть, скрестив руки на груди – будешь одиноким. Запрещается сидеть, подпирая руками голову – наступит печальная жизнь. Нельзя сидеть, болтая ногами – станешь злоязычным (салчых) и т.д.

Согласно бурханистской морали, нельзя пялить глаза на калеку или смеяться над немощью инвалидов и стариков, иначе их проклятие наступит твой дом и могут пострадать дети. Грех родителей переходит на детей.

Нельзя обманывать людей – ослепнешь. Алгысчылы учили: «Чойның чолы хысха» – Дорога обманщика короткая. Нельзя завидовать чужой жизни. Нельзя быть очень жадным – несчастье наступит семью. Долг

обязательно надо возвращать. В данном случае хакасы говорят: «Долг никогда не умирает, так же, как не гниет петля на шее жаворонка».

Запрещалось колоть в пищу молодой скот. Нельзя рубить молодой лес. Нельзя сливать нечистоты в реку, а тем более плевать в нее. Бурханистская заповедь гласила: «Ичер сууна нін урба, мўнер адына хум аргпа» – т.е. Не лей отходы в питьевую воду, не грузи тяжесть на ездового коня. Хакасы остерегались обещать что-либо непомерное для себя, утверждая: «Улуғ чоох улуғларда халзын, улуғ сугынған хуу пўўрде халзын!» – Самонадеянная (букв. великая) речь пусть останется у пожилых, погибший скот пусть будет (на совести) у волка.

Для проведения бурханистских молений собирались пожертвования – «чўлўг», в виде денег и продуктов питания, которые приносились с каждой юрты главе религиозной общины «тўс пазы». Деньги на проведение жертвоприношений собирались чайзанами во время получения весеннего ясака (албана). Плата шаманам и русским священникам также называлась «чўлўг». Хакасское слово «чўлўг» восходит к древнетюркскому «йулуғ» – выкуп. Для бедных необходимо было творить милостыню «чидімек». Вероятно, элемент подаяния был заимствован из христианства.

Гл. 5. БУРХАНИСТСКИЕ КУЛЬТЫ

5.1. Небесное жертвоприношение

Почитание Великого неба – «Хан-Тигір» представляло основной культ бурханизма Хонгорая. В долинах Енисея, Абакана, Чулыма, Черного и Белого Июсов хонгорцы ежегодно проводили Небесные моления (Тигір тайии), называемые также «Ах-Худай тайии» – т.е. жертвоприношение Белому Богу или «Улуг тайыг» – Великое жертвоприношение.

Согласно бурханистской мифологии, ежегодные жертвоприношения небу повелись от прародителя хакасского народа по имени Борус (Хан-Пургус), который спасся во время Всемирного потопа на своем плоту. Окаменевший его ковчег до сих пор покоится на вершине пятиглавой горы Борус в Саянах.

У Боруса был сын по имени Хылай. Однажды явился Ирлик-хан, который стал внушать: «В честь спасения от Всемирного потопа принеси в жертву Ах-Худая своего единственного сына. Взойди на высокую гору, привяжи там к березе отпрыска, распори ему грудь, вырви его сердце и сожги в огне». Борус поддался внушению и подумал: «Ах-Худай дал мне сына. Так пусть же он его и заберет!». Затем он поднял Хылая на высокую гору, где привязал его к березе. Ах-Худай заметил деяния Боруса и срочно отправил к нему своего бурхана (посланника). В тот момент, когда Борус замахнулся ножом, чтобы вспороть грудь сыну, бурхан схватил его за руку со словами: «Борус, твои помыслы чисты. Но не впдай в безумие! Ирлик-хан обманул тебя. Великий Ах-Худай не просил детей в жертву. Пусть сыновья станут наследниками своих родителей. Для жертвы Ах-Худая приносите белого годовалого ягненка. Вспоров грудь, разрывайте аорту и горячим мясным паром ежегодно кормите Великое Небо!».

Борус опомнился и отпустил сына. Вместо него он поднял на эту гору белого ягненка с черной головой, которого забил соответствующим образом. На деревянном корытце он поднял вверх горячее мясо жертвы, пар от которого за клубился в небеса. С тех пор в Хонгорое совершается Небесное жертвоприношение или Божье жертвоприношение – «Ах-Худай тайии». Гора, где Борус хотел принести на заклятие своего сына, стала называться Хылай тасхыл – по имени его наследника¹.

По всей видимости, данный мифологический сюжет послужил основанием для разговоров о том, что в долине Абакана во время Небесного

жертвоприношения сжигали детей. Согласно народным повествованиям, среди бельгиров в древности существовал обычай принесения в жертву Небу трехлетних светлых девочек. Ответственный за проведение «тигир тайии», выбираемый ежегодно бросанием жребия, должен был принести на заклятие свою дочь. В течение года ребенка морально готовили к самопожжению, чтобы отправиться в мир Белого Творца. Убежденные дети, якобы, сами бросались в жертвенный огонь. Подобные жертвоприношения совершались на горе Хахтыг-таг – букв. Гора-Пепелище по реке Тёя².

Бурханистские мифы о намерении Боруса принести своего ребенка в жертву богу полностью соответствуют библейскому мифу об Аврааме и его сыне Исааке, а также мусульманскому – об Ибрагиме и Исмаиле. В день праздника Курбан- Байрам мусульмане режут овец и ягнят в память о том, как Ибрагим был готов принести в жертву своего сына Исмаила³.

Хакасский термин «тайыг» – жертвоприношение происходит от глагола «тайы» – поднимать кверху, подбрасывать, качать⁴. По хонгорскому обычаю человека нельзя подбрасывать вверх и качать (тайирга), как это делают русские, выражая восторг своими героями. Считалось, что подбрасываемый вверх человек долго не проживет, ибо будет отдан богу.

Небесное жертвоприношение Ах-Худая совершалось ежегодно летом, в июле, на белое полнолуние (ах толы). В начале XX в. моление стали увязывать с воскресным днем. Небесный «тайыг» проводился на вершинах священных гор (арыг таг), где собиралось до тысячи человек⁵. Женщинам запрещалось подниматься на них. Бурханистский праздник «Ах-Худай тайии» был территориальным мероприятием, где род не играл никакого значения.

По Хонгораю нами отмечено более сотни гор, где на господствующих вершинах проводились моления Великому Небу, причем 20 из них носят даже названия «Тигир тайычан таг» – гора Небесного жертвоприношения. В долине реки Уйбат через каждые три года надо было менять место Небесного жертвоприношения вместе с фамилией ответственного хозяина. На десятый год, через девять лет, опять возвращались к первоначальной горе. В некоторых местах, как, например, в долинах рек Улень, Камышта и Ниня, каждый год небесные моления проводили на разных горах, но через три года возвращались к исходному положению. Например, фамилия Кирбижековых проводила «тигир тайии» в первый год на г. Сыбы-таг, потом – на г. Хайбы-таг, на третье лето – на г. Хуюлыг-таг, затем снова все повторялось. Жители аала Усть-Бирь в первый год делали Небесное жертвоприношение на г. Колергит, во второй – на г. Чанчых-сорах, в третий – на г. Ызых-таг в верховьях р. Уйбат, а затем опять – на г. Колергит.

Организацией проведения Небесного жертвоприношения занимался «тёс пазы» — глава религиозной общины (букв. глава основы), который переизбирался через каждые три года. Соблюдалась очередность «теес» в службе общине, чтобы все могли выразить свою дань благодарности (толыг — букв. выкуп) Великому Ах-Худаю. В качестве атрибута власти «тёс пазы» получал от «пурхан пасчы» переходной жезл — «ах сабыт», который хранился у него под сводами мужской половины юрты в течение избранного срока. «Ах сабыт» изготовлялся из березовой ветви, куда привязывались белые и синие ленты — «чалама». Вручение жезла «ах сабыт» торжественно происходило после завершения «тайыга».

Начинали готовиться к религиозному празднику «Тигір тайии» за месяц вперед. Глава общины «тёс пазы» завозил на телеге на священную гору сухие дрова и воду в бочках. Утром в день Небесного жертвоприношения он первый поднимался к культовому месту, куда доставлял древний бронзовый котел тагарского типа — «кулер хазан» передававшийся вместе с «сабытом» из поколения в поколение и безупречно на протяжении веков служивший Великому Небу. Он водружал его на треножнике из трех поставленных камней. В некоторых местах, как, например, на горе Узун-сын около аала Аев, бронзовый казан в течение года оставался у жертвенника и его никто не трогал. За исключением казана, на «тайыге» металлическая посуда не употреблялась. Употребление на Небесном жертвоприношении бронзовых котлов, вероятно, связано с почитанием Солнца.

Глава общины «тёс пазы» обязан был привезти на заклание трехлетнего белого валуха с черными щеками или ушами, называемого по-хакасски — «мара пастыг ах силеке». Черных или совершенно белых (манган) ягнят в жертву небу не приносили. Однако, если у белого барашка края языка были черные, то такое животное годилось на заклание. Согласно объяснению бурханистов, раскраска жертвенного животного соответствует виду зайца, которому выпала честь стать вестником прихода последнего года мира. Цветовая раскраска жертвенных валухов, возможно, связана с видом породы овец Хонгорая, разводимых в древние времена. До сих пор в Северо-Западной Монголии, исторически взаимосвязанной с долиной Верхнего Енисея, цвет шерсти баранов повсеместно одинаков — белые с черными головами.

Кроме главы общины на Небесное жертвоприношение привозили барашков и другие хонгорцы, обязавшиеся оказать материальную помощь при проведении моления. «Тёс пазы» всех их благодарил и каждому пожимал руку. На ритуальный праздник забивалось до 20-30 овец.

На месте жертвоприношения должна стоять священная береза — «пай хазыц». Если на вершине горы не находили подобную, то «тёс пазы»

выкапывал трехлетнюю березку (обязательно с корнями), отвозил на ритуальную площадку и устанавливал, заваливая корни камнями. После жертвоприношения она оставалась на своем месте. Трогать ее запрещалось. Хонгорцы верили в магические свойства «пай хазыгн». Если во время моления «пурхан пасчы» потрясет священную березу, то, якобы, пойдет дождь. Нам рассказали случай, как однажды в урочище Хамказы молившиеся бельтыры потрясли «пай хазын», после чего пошел град. Испугавшись, они прекратили в том месте проводить Небесные жертвоприношения⁶.

Рядом с березой «пай хазын» вкапывалась коновязь, куда привязывали священного коня – «ызыха» белой масти (ах манган), на котором должен ездить Белый творец – Ах-Худай. В его гриву и хвост вплетались белые и синие ленты «чалама». Ритуальным фетишем служила хакасская рубаха белого цвета «ах чага» – букв. белый ворот, которую набрасывал на плечи руководитель моления «пурхан пасчы». Под священной березой устраивали жертвенник «алтын сирее» – букв. золотой столик. Для этого вбивали четыре колышка с развилками наверху, на которые укладывали деревянные поперечины.

На Небесном жертвоприношении могли присутствовать представители мужской половины хакасского общества, а также девочки (хыс олган), не достигшие половой зрелости. Женщинам, как нечистым существам (регулы по хакаски назывались «кiр» – букв. грязь), приходилось оставаться или дома, или у подножия горной вершины. Нам рассказывали, что в долине реки Тёя одна женщина поднялась на гору Небесного жертвоприношения и за это была поражена молнией⁷. Раскрывать таинства «тигир тайыг» женщинам или «инородцам» т.е. русским запрещалось, иначе этот мужчина будет отдан сам в жертву богу (тайыл парар). На святую вершину нельзя было подниматься даже верхом на кобылах. Их оставляли у подножия, а сами восходили пешком. Также не брали с собой собак.

Шаманам запрещалось появляться на «тигир тайыге», ибо, согласно бурханистским канонам, они считались нечистыми созданиями Ирлик-хана. Мужчина-шаман мог прийти на небесное моление, но как простой человек, без своей амуниции. Женщинам-шаманкам в этот день хакасским обществом не разрешалось производить мистерии ни у себя дома, ни в других аалах. Как сообщал Е. Яковлев, шаман, который окажется на «тайыге» и «тем более взявшийся за камлание, безумеет и падает в корчах»⁸.

Каждый мужчина – и стар, и млад, отправляясь на небесный «тайыг», пришивал нескрученными жильными нитками к макушке головного убора белые и синие флажки – «чалама». Они были длиной в четыре пальца (тöртiлiг) и шириной в два пальца (iкiлiг) из синей дабы и белого сукна.

«Чалама» привязывали также на челку верховых коней, на которых ехали к молению «тигир тайи». Священные флажки прикалывались мужчинами или девочками. Женщинам прикасаться к ним запрещалось. Приехав на Небесное жертвоприношение, «чалама» снимали с головных уборов, окуривали богородской травой, возжигаемой на костре, и привязывали жильными нитками к ветвям березы «пай хазың». В дальнейшем они оставались висеть на священной березе. Иногда, из-за осквернения священного места, флажки «чалама» вместе с березой «пай хазың» могли якобы сами перекочевать на другую «чистую» гору. Рассказывают, что в долине реки Сос совершали моления небу на горе Кур-Азыр. Но в один прекрасный день «чалама» переселились оттуда на гору Тыттыг-хыр. По этой причине жители долины реки Сос вынуждены были переменить свое культовое место⁹.

У бельтыров встречался особый головной убор, называемый «үлдүрбе», который надевался на Небесное жертвоприношение. Он состоял из повязки, к которой прикреплялись перья беркута и ритуальные ленточки «чалама» белых, синих и красных цветов. Убор «үлдүрбе» повязывался на голову мужчине так, чтобы ленточки свешивались вниз, а перья направлялись вверх. Последних на повязке должно быть столько, сколько в семье душ мужского пола, но не менее трех. Например, если в юрте пять мальчиков, то прикалывали пять перьев из крыла, да еще три пера из хвоста беркута, необходимые для самого хозяина. Кроме того, к «үлдүрбе» старались привязать лишнее, чтобы в семье прибавился мальчик. Накануне Небесного «тайыга» специально отстреливали беркута (киикчін), перья которого делились между всеми главами самостоятельных хозяйств. Эффектную повязку надевали в момент выезда, предварительно окурив ее богородской травой. Не отделившиеся от родительского дома взрослые сыновья убор «үлдүрбе» не делали. На месте жертвоприношения «үлдүрбе», опять окурив дымом богородской травы – «ирбен», привязывали согласно социальному рангу на священную бечеву «ах чиле», длиною в семь сажений. Бечева «ах чиле» одним концом закреплялась за ствол священной березы «пай хазың», а другим цеплялась за рядом стоящие деревца. Священную «ах чиле» специально свивал глава общины «тос пазы»¹⁰. В тюрко-монгольских языках словом «чиле» называли привязь для молодняка – телят и жеребят на летних пастбищах. Употребление «чиле» на Небесном жертвоприношении обозначало просьбу хонгорцев увеличить приплод скота.

Помимо хакасов, подобный ритуальный убор «үлдүрбе», но только из перьев филина, встречался среди алтайских шаманов. Кроме того, у бурят и якутов применялись белые волосяные веревки культового назначе-

ния на религиозных праздниках, которые носили близкие названия: «дэл-бэрге» и «зеле»¹¹.

Рано утром в день жертвоприношения по приказу организатора «тёс пазы» непорочные девушки доили молоко от белых коров и белых кобылиц. Молоко необходимо было везти кипяченым. Для небесного моления по закону Ах-Худая требовалась «белая» пища: 1) молоко белой кобылицы; 2) молоко белой коровы; 3) белый хакасский сыр – «пызлах»; 4) «бреме» – блюдо из молочных пенек. Запрещенным продуктом на бурханистских молениях считалась арака (молочная водка), водка и вообще спиртные напитки. Арака служила пищей шаманским и горным духам, которые вкушали ее во время кропления. Запрещалось курить табак. На Небесном «тайыге» также нельзя было употреблять хлебные продукты, рыбу и соль. Бурханизм запрещал использование крови в своих обрядах. Запрещалось пользоваться спичками, стеклянной и металлической посудой (за исключением бронзового казана). Вся утварь была деревянной и кожаной. Ложки делались на культовом месте следующим образом. Кружок бересты сворачивали кулечком и сбоку на месте соединения зажимали расщепленным прутиком.

Священнослужитель «пурхан пасчы» на Небесном жертвоприношении надевал специальную белую одежду (ах кип), которая состояла из женского суконного халата – «сикпен» с наброшенной на плечи белой хакасской рубахой «ах чага», и девичьей шапочки – «алтын сахпа», украшенной на макушке белыми и синими лентами «чалама», полтора аршина длиной. В отличие от всех участников Небесного моления «пурхан пасчы» не снимал своего головного убора и не привязывал «чалама» к священной березе. Ежегодно перед Небесным тайыгом глава общины «тёс пазы» к его шапочке «сахпа» прикреплял новую ленту «чалама» и вручал новое полотнище для знамени «туг», которое водружалось на шест «сбйги». После завершения праздника «пурхан пасчы» снимал со своего головного убора старую ленту «чалама» и передавал ее «тёс пазы».

Обычай гравестизма, т.е. надевание во время религиозного обряда алгысчылом женского наряда, существовал у всех тюрков Саяно-Алтая и даже у якутов¹².

Священнослужитель «пурхан пасчы» руководил небесным молением, держа в руках жезл «сабыт», который ему торжественно вручался главой общины «тёс пазы». Перед началом ритуала «пурхан пасчы» надевал головной убор «алтын сахпа», а на правое плечо клал жезл «сабыт» и в таком виде один обходил по солнцу березу «пай хазын». В долине Абакана среди бельтыров моление небу начиналось с того, что «пурхан пасчы» сам брал в руки за свободный конец священную бечеву «ах чиле» и, под-

нимая и опуская ее при движении по кругу, начинал благословлять небо и землю: «Көк тигір хайрахан! Хара чир хайрахан! Ұлдүрбе чайан хайрахан!» – Владыка Синее небо! Владыка Черная земля! Владыка Улдурбе чайан! После начального действия шнур «ах чиле» подростки закручивали вокруг священной березы.

Небесное жертвоприношение состояло из трех действий: молочный ритуал, ритуал заклания жертвы и мясной ритуал.

Молочный ритуал начинался обходом березы «пай хазың» с брызганием кобыльего молока. Помощники наливали в берестяное ведро молоко, которое держали перед «пурхан пасчы». Руководитель, взяв в руки ритуальную ложку, окроплял священную березу и двигался вместе с помощниками по солнцу, читая молитвы. За ними двигались сначала хозяева жертвенных ягнят, потом процессия остальных бурханистов. После обхода березы «пурхан пасчы» останавливался с восточной стороны и с возгласом «тöөр» (теер) кланялся на восход солнца. Весь молящийся люд в этот момент воздевал руки кверху с криками «тöөр- тöөр» – т.е. судьба. Возглас «төр» (тёёр) являлся обращением к Ах-Худаю, тогда как «сöök» (сёек) – к горным духам.

Затем кипятили коровье молоко, которое вместе с пенками (öремелиг сүт) наливали в берестяное ведро (чоочах). Под руководством «пурхан пасчы» опять совершали обход березы.

Завершали молочный ритуал кроплением молока с хакасским сыром – «пызлахом», накрошенным в ведро. Собравшийся народ вслед за руководителем обходил «пай хазың» по солнцу (күңгер). Во время обхода, при возгласе «тöөр», помощники плескали молочными продуктами, а молящиеся вторили своему руководителю двукратным «тöөр, тöөр!», поднимая руки вверх. В заключение молочного ритуала каждый бурханист подходил к «пурхан пасчы» и причащался к богу, получая глоток молока – «өлчей» (т.е. счастье), зачерпнутого берестяной ложечкой с донца ведра. «Святой вождь» благословлял: «Пусть будут коровы молочными! Пусть будет многолетней ваша жизнь!».

Ритуал заклания ягненка начинался обходом жертвенного животного вокруг священной березы. Белому валуху подгибали правую переднюю ногу и на сгиб надевали колечко – «похсах», свитое из березовой ветви. Чтобы колечко «похсах» не соскочило, между ним и согнутым коленом вдевали чеку. Вел жертвенного валуха глава общины «тös пазы», оседлав его сверху, и двигаясь вслед за жрецом. Обход начинался с востока. Жертва ковыляла на трех ногах. Такое движение по-хакасски называлось «тойранна». Интересно, что в соседнем Китае хромающая походка интерпретировалась в качестве ритуального танца шамана¹³. В Бурятии

словом «тойрохо» обозначали прощальный круг вокруг могилы усопшего после захоронения. Возможно, и в Хонгорае хромающий шаг обозначал прощальное движение.

Завершая каждый обход вокруг березы, по команде все кричали «тöör!»). После троекратного обвода жертвенного валуха, при восклицании руководителем «тöör», молящиеся поднимали руки к небу, а затем припадали на правое колено и кланялись на восход солнца. Если в жертву приносили семь или девять барашков, то их всех обводили указанным порядком.

Затем принесенный на заклание валух разворачивался головой в сторону восхода солнца и забивался жертвенным способом «öзеп». Эту операцию проводил сам глава общины «тöс пазы». Перед умерщвлением колючку «похсах» снималось с ноги валуха. Кости туши расчленялись по суставам. Разбивать их пополам и есть костный мозг запрещалось. Требуху, голову и конечности складывали под жертвенным столиком «алтын сирее».

Кровь жертвы нельзя было проливать на землю. Она собиралась в грудной полости, откуда ее черпали в чашу и сжигали на огне. В отличие от Небесного праздника при шаманских общественных молениях совершались кровавые жертвы. Кровь из грудной полости – «көгис ханы» шаманом наливалась в чашку, а затем кровью окроплялась береза «пай хазын».

На восток от священной березы «пай хазын» раскладывался жертвенный костер «улуг от» – букв. великий огонь, для жертвенного мяса (пусха соххан ит). Его зажигал глава общины «тöс пазы» своим серебряным огнивом. В воде бронзового казана варилась правая половина туши барана, правая передняя нога, сердце, почки. На пару готовились легкие. Из печени жарили самое почетное блюдо на Небесном жертвоприношении – шашлык «сохачы». Его готовили только на «тигир тайыге» и обязательно сначала клали на жертвенный столик «алтын сирее». С западной стороны делали второй костер «кичиг от» – малый огонь, где готовили еду для всех мирян и где затем сжигали остатки мяса.

После того, как баранина была готова, совершали троекратный обход вокруг «пай хазын» с горячим мясом. Дымящиеся куски баранины складывали на ритуальный поднос (тайыг типсизі), сделанный из березовых ветвей. Его поднимал двумя руками глава общины «тöс пазы» и двигался вслед за «пурхан пасчы». Когда мясо остывало, то вместо него подкладывали горячие куски из бронзового казана. На территории кызыльской части Хонгорая употребляли девять подобных ритуальных подносов, которые устанавливались под березой «пай хазын». Троекратное

движение по кругу сопровождалось вдобавок брызганием: при первом обходе – молоком с пенками, при втором – молоком с накрошенными сердцем и легкими, при третьем – бульоном с накрошенным «пызлахом». Каждый обход завершался остановкой с восточной стороны, где все кланялись и бросали клич небу «тöөр!». Закончив мясное действие, «пурхан пасчы» раздавал с ритуального подноса куски мяса участникам моления, под названием «öлчей» – т.е. счастье. До тех пор, пока не пройдет мясной ритуал, к застолью никто не приступал.

После полного завершения поклонения Великому Небу стелили на землю конские чепраки или «зеленые скатерти» – «салаачы», сплетенные из веток березы, и приступали к трапезе. Соль и хлеб не употребляли. Все мясные объедки и кости сначала складывали на жертвенный столик «алтын сирее», а потом все вместе с требухой сжигали. До тех пор, пока жертвенник с мясом не сгорит, нельзя было уходить. Следили за тем, чтобы остатки пищи не растащили собаки, грызуны и птицы. Место костра гасили, во избежание степных палов. Шкуру главного жертвенного валуха (вместе с головой и конечностями), которого доставил глава общины «тöс пазы», сжигали на жертвенном костре «улуғ от». На территории кызыльской части Хонгорая эту шкуру вешали на березу «пай хазын».

«Пурхан пасчы» за свою работу получал все шкуры забитых овец, за исключением шкуры главной жертвы. Ему же в качестве высшего уважения преподносили шашлык из печени со словами: «Пусть Ах-Худай пригнет пар шашлыка-сохачы!».

В конце великого застолья «пурхан пасчы» поднимал вопрос о проведении следующего Небесного жертвоприношения. Если трехлетний срок служения старого главы общины «тöс пазы» кончался, то выбирали нового «тöс пазы», согласно установленной обычным правом очереди «теес». Священнослужитель «пурхан пасчы» торжественно передавал ему ритуальный жезл «сабыт». Собравшийся на небесное моление народ участливо у него спрашивал: «Сумеешь ли выдержать общественную нагрузку?». На это, как правило, вновь избранный «тöс пазы» отвечал положительно и уверял людей в своих способностях. Хонгорцы были уверены, что если «тöс пазы» не сумеет организовать «тигир тайыг», то жизнь его рода прервется.

В качестве материальной поддержки главы общины «тöс пазы» некоторые участники моления вызывались привезти на следующий год годовалых ягт для заклания. По степным законам Хонгорая им преподносили грызть овечью голову. Овечья голова имела сакральное значение. Кто получал голову, тот обязательно должен на следующий «тайыг» привезти ягненка. Согласно правилам, овечью голову вручали юношам, кото-

рые по возрасту становились новыми членами бурханистской общины «тӱс-тӱмег». Если обещавший привезти барашка не сдерживал слово, то его наказывали розгами. Однако общество после этого не снимало с него долга и последний обязан был через год привезти уже двухлетнюю овцу.

После застолья молодежь устраивала игры, конные скачки, борьбу. По возвращении к родному очагу глава общины «тӱс пазы» приглашал к себе домой почтенных участников моления продолжить торжество¹⁴.

Во времена Советской власти бурханистские моления стали преследоваться. Последние Небесные жертвоприношения в Хонгорае были совершены в 1927-1928 гг. накануне коллективизации. После чего культовые атрибуты алгысчылов вместе с бронзовыми котлами были захоронены в тайных местах на века.

5.2. Культ огня

Культ огня у хакасов сохранился со времен Кыргызского государства. Восточные письменные источники сообщали: «Кыргызы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь – самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов»¹⁵. Огонь, наряду с водой, относился к самым сильным стихиям. Не было ничего могущественней и возвышенней огня в «солнечном мире» по мировоззрению жителей страны Хонгорай. Согласно хакасской мифологии, он произошёл от искры, высеченной из кремня одним из культурных героев – Ала бегом. Как и монгольские народы, хакасы считали отцом огня сталь, а матерью – кремень. По другим версиям, огонь принесла людям ласточка, выкрав его у подземного божества Ирлик-хана¹⁶.

Хонгорцы обожествляли огненную стихию и величали ее духа-хозяйна «От-Ине» или «От-Идже», т.е. Мать огня. Возникновение женского персонажа в пантеоне божеств тюрко-монгольских народов, вероятно, связано с большой ролью женщины в семейно-бытовой обрядности. Согласно древним мифам, во времена переселения части предков хакасов в страну Хонгорай они бросили на произвол судьбы в своих старых кочевьях одну старую деву. В дальнейшем душа погибшей девы оседлала трехлетнюю рыжую кобылицу с белой звездочкой на лбу и, опираясь вместо посоха на крону трехлетней березы, достигла Хакасии. Войдя в жилище хонгорцев, она села в очаг и стала хозяйкой огня (от ээзі). Учитывая этот миф, ее называют также «хыс ине», т.е. дева-мать¹⁷.

Дух-хозяйка огня «От-Ине» считается не только хранительницей домашнего очага, но и защитницей хакасского народа. Поэтому полное ее

название гласит: «От инези Хоорай пиче» – Мать огня, сестра Хонгорая или «От ічезі Хоорай иней» – Мать огня, прародительница Хонгорая¹⁸.

В молитвах, обращенных к духу-хозяйке огня «От-Ине», указывается на ее принадлежность к божественному пантеону. Например: «Чаасман пір чарғылығ, Ылгенмен пір тілліг» – Имеет один закон с Землей, имеет один язык с Ульгеном; «Ўлгеннен үзүктігін, чарыхнаң чарғылығзың» – Ты являешься частью Ульгения, ты имеешь (одну) судьбу с Белым Светом¹⁹. «Чоғархы турған худайнаң пір сөстгізер, өөркі турған чаяннаң пір чоллығзар» – Вы имеете единый язык с верховным богом, вы имеете один путь с верховным творцом и т.д. Исходя из вышеизложенного, дух-хозяйку огня можно именовать богиней.

Богиня огня «От-Ине» является сестрой богини Умай. В хакасских молитвах говорится: «Омай ічезінен пір тіллігін» – Ты имеешь один язык с матерью Умай. Кыргызы и казахи также объединяют их, обращаясь во время обряда кормления маслом очага: со словами «От ана, (ы)май ана жарылга!» – Огонь-мать, Умай-мать благослови! Две божественные сестры охраняют покой и здоровье детей. У богини огня имеется дочь Хызыл Чылтыс (Красная звезда), которая разносит животворный огонь по всему миру через моря и океаны. К этой же группе божеств примыкает глава горных духов Тайстай-хан и хозяин водной стихии Сугдай-хан, говорящие с ними на одном языке и кормящиеся одинаковым образом (пір кінніглер – букв. единоутробные). Подобные отождествления возникли в связи с тем, что огонь и вода – самые сильные стихии.

Богиня огня «От-Ине» обычно представляется в образе полной и доброй старушки – у хорошего хозяина юрты и худой и злой – у плохого. Кроме того, облик ее изменяется соответственно времени суток и даже месяца. При новолунии она бывает прекрасной девицей, на старом месяце она превращается в глубокую старуху. Вечером она красная дева, носящая шелковые одежды, ранним утром она женщина в возрасте, надевающая грубые одежды. Если женщины дома шили платье, то лоскутки материи обязательно бросали в горящий очаг для одежды богини огня. Если во сне увидеть старуху в красном наряде, значит, к вам явилась сама хозяйка огня, которую днем надо обязательно накормить. Во время битвы со злыми силами богиня огня «От-Ине» надевает золотые латы. Она стреляет золотыми стрелами из золотого лука. Ее величают «тридцатизубой» (тридцатязыкой) и «сороказубой» (сороказыкой), имея в виду многочисленные языки пламени²⁰.

Богиня огня «От-Ине» дает тепло и свет, круглосуточно охраняет домашний очаг и семью от злых сил, приносит удачу и богатство хозяину, живет заботами главы дома. Поэтому ее называют «чурттын эззі» – хозя-

ин жилища, «чурт хадарчызы» – хранитель жилища, «кізінін хуяғы» – оберег человека, «хадарғаннын халхазы» – щит пасушегося (скота) и т.д. Во время молений произносили слова заклятий – «хыбын» (искра) и «отан». Последнее слово непереводимо. Можно предположить, что оно связано с тюрко-монгольским термином «кудаган» и обозначало жрицу огня.

Чтобы сохранить благополучие семьи, богиню огня «От-Ине» полагалось ежедневно кормить жирной пищей. Утром и в обед, перед принятием пищи, в огонь обязательно бросали три кусочка сала или три ложки масла. Утром нельзя было выйти из юрты, не накормив богиню огня. Если надо было срочно уйти, то в огонь брызгали айраном. Вечером, после захода солнца, богиню огня уже не потчевали. Обязанность ее кормления возлагалась на женщину-хозяйку дома. Если готовилось мясо забитого скота, то совершал кормление огня мужчина. От грудины, от правого первого ребра и от сердца хозяин юрты отрезал по три кусочка мяса или сала и бросал в горящий очаг правой рукой. Если богиню огня кормила женщина, то она бросала эти кусочки левой рукой.

Во время распития спиртного от первой чашки распечатанного бочонка или бутылки сначала три раза брызгали вином в огонь, затем три раза кропили фетишу-хранителю порога «аба-тёсь», после чего в чашку доливали вино и поднимали бокал со словами: «Агаларым-инелерім хада ісчем» – Мои прародители, я пью вместе с вами! Обряд кормления огня, по данным фольклора, ведется от культурного героя Коре-Сарыга. Последний обладал даром ясновидения. Во время своего путешествия он однажды остановился в юрте бая, но хозяева даже не угостили его чаем. Тогда он зашел в соседнюю юрту бедняка, где встретил достойный прием. Сидя у очага, Коре-Сарыг увидел как вошла худая пожилая женщина, а из горящего огня навстречу вышла полная, со здоровым румянцем, бабушка. Коре-Сарыг накормил их жирной пищей. Это были духи-хозяйки огня. Худая богиня огня «От-Ине» пожаловалась на своих хозяев и затем ночью сожгла байскую юрту. Там осталось целым только седло Коре-Сарыга²¹. Подобные сюжеты имеются у тюрко-язычных якутов, монголо-язычных бурятов и даже у славянских народов²².

Богиня огня «От-Ине» обитала в домашнем очаге – «от оймазы» (букв. пепелище). При переезде на другие кочевья глава юрты не забывал пригласить с собой в путь дух-хозяйку огня. Угостив ее пищей в старом очаге, он произносил: «Не оставайся здесь, моя мать-огонь! Пошли в другую юрту, не оставляй свой жар и тепло!» Когда впервые ставили на очаг треножник (очых), то к нему привязывали три ленты «чалама» красного и белого цветов. Хакасами соблюдалась цветовая символика, связанная с почитанием божеств.

Ночью на очаге нельзя оставлять посуду, иначе плечи богини огня «От-Ине» устанут. Поэтому с вечера всю посуду с печи убирали на землю. Дрова в очаге укладывали верхушкой к центру. Если в топке не поместится принесенное полено, то его успокаивали, говоря: «Ты останься! Когда мой зять придет, я тебя истоплю!» Головню нельзя тушить, ударяя о землю, иначе богиня огня может лишиться зрения и слуха. Нельзя тушить огонь водой. Если приходится так поступать, то прибегают к обману, говоря: «Не я лью воду, а идет дождь!». Если огонь в очаге станет гореть со свистом, то значит богиня огня проголодалась и надо ее накормить.

Богиня огня «От-Ине», как верили в Хонгорае, обладала способностью предвидеть приезд гостей. Если в очаге среди прогорающих дров вдруг сядет головня, то это обозначало приход гостей. «Севшую» головню называют «хоначы» или «хоныхчы», т.е. гость. С какой стороны сядет «хоначы», с той стороны и надо ждать гостей. Сначала головню «хоначы» надо накормить. Для этого ее посыпали золой, говоря: «Здравствуй, дорогой гость! Пей айран и чай! Покури табаку!» Затем немного разгребали очаг, делали из золы постель и укладывали отдыхать «хоначы» со словами: «Гость опьянел и уснул». Закрыв ее «одеялом» из золы, читали благословление: «Ах ойба тѳегің ползын! Хызыл кѳс частығың ползын!» – Пусть твоей постелью будет белый пепел! Пусть твоей подушкой будет красный уголь! Уложив «хоначы» спать, ждали дорогих гостей.

Согласно хакасским преданиям, этот обычай возник в монгольскую эпоху. Однажды угнанная в монгольский плен княжна Кобирджин-хыс вместе со своей служанкой бежали в родные места. Когда они были на подходе к дому, мать Кобирджин-хыс, увидев в очаге усевшуюся головню «хоначы», бросила ее в корыто с водой. В тот же миг дочь, переходившая небольшую речку, поскользнулась и утонула. С тех пор «хоначы» почитают²¹. Подобный обычай распространен у монгольских народов. Среди бурят известен рассказ, как однажды недобрая женщина, увидев в очаге уголек, воскликнула: «Как надоели мне гости». Она схватила уголек и бросила в ведро с водой. На другой день стало известно, что к ней ехала в гости дочь, но по дороге утонула в реке (Г.Р. Галданова).

Особыми защитными свойствами наделялся «небесный огонь» (тигір оды), зажженный от молнии. Даже обгорелые щепки, принесенные от разбитого молнией дерева, служили в доме оберегом. Злым силам они кажутся полыхающим пламенем. Сила «небесного огня» заключалась в том, что он происходил от огненных стрел Громовержца (Күгүрт-Чаячы), поражавшего ими злых духов.

У хакасов существовали общечеловеческие запреты против осквернения огня. В сердцевину очага (от оғы) нельзя бросать нечистоты, сметать мусор, совать колющие и режущие предметы, плевать, мочиться и

т.д. Из-за этого богиня огня «От-Ине» рассердится и разрушит семейное благополучие. Запрещалось совать нож даже в кипящую воду казана из-за страха выткнуть глаза богине огня. Нельзя брать камни и кирпичи из заброшенного очага. Оставшаяся там дух-хозяйка огня сожжет твой дом. Хакасский закон запрещал наступать даже на очаг некогда стоявшей юрты, ибо могут заболеть мочеполовые органы. Не разрешалось находиться около огня человеку с кровавыми ранами, а также женщине во время менструации и после родов. При кипячении молока остерегались пролить его на огонь. В противном случае у коровы заболит вымя и исчезнет молоко, которое «притянет» к себе богиня «От-Ине». Горящие головни из очага никому не давали на растопку. После захода солнца нельзя выносить огонь из юрты, иначе хозяин потеряет счастье. Если гость прикурив трубку от уголька очага, то перед уходом он должен был ее загасить, а пепел выбить.

В своем гневe богиня огня «От-Ине» могла наслать кожные заболевания. Поэтому при появлении «летучего огня» (хамчо), парши (ходыр), чесотки (хычына) и т.д. обращались к духу-хозяйке огня. Обычно дядя по матери (тайы) высекал огнем искры над зараженными участками тела больного и произносил заклинание²⁴.

Зола (күл), являвшаяся частью огня, наделялась таким же охранительным и магическим действием. Ее нельзя разбрасывать в разные стороны, иначе скот будет разбредаться. По хакасским обычаям золу ссыпали в специальные зольные ямы «күрендик». Выносили ее туда только днем на новолуние. Нельзя высыпать золу после захода солнца, иначе богиня огня «От-Ине» рассердится. Зольная яма должна охраняться от нечистот. Если туда будут бросать мусор, то семья обеднеет. Если человек нечаянно наступал на зольную яму, то он должен был произнести заклинание «тпук, тпук, тпук, не я наступил, а наступила слепая старуха».

Зола применялась в магических целях при проклятиях. Обряд проклятия совершался при закате солнца только пожилыми женщинами. Сначала, держа руки за спиной, три раза кланялись на заходящее солнце. Затем брали из зольной ямы три горсти золы и, повернувшись задним местом на закат, бросали золу три раза сквозь промежность. В этот момент произносилось проклятие.

Завистливые женщины специально насылали порчу на добрых людей. Улучив момент, они незаметно брали из дома своей жертвы три горсти талкана. Придя в свою юрту, они сжигали талкан на огне и затем этой золой бросали указанным ранее способом в сторону заходящего солнца и читали проклятие: «Как рассыпается эта зола, пусть также рассыплется твое жилище! Пусть не пройдет и месяца, пусть не пройдет и года, как мой

слова достигнут тебя!» Люди опасались подобных вредителей и, чтобы оградить себя от их проклятий, совершали над ними своеобразный суд. Общинники выводили недоброжелателя на публичное место и надевали на него чугунный треножник (очых) из очага пострадавшего человека. После такого «огненного» суда злобные люди лишались своей силы²⁵.

Хакасская юрта в социальном отношении делилась на почетную и непочетную части, определителем которых служил очаг. Пространство от входной двери до очага называлось «от соо» – охвостье огня и считалось непочетным. Обычно сюда садили бедных родственников. Противоположная сторона за очагом у кровати именовалась «от пазы» – изголовье огня и являлась почетной. Здесь размещался хозяин жилища. Когда ставили новую юрту отделившемуся сыну, то во время новоселья (иб тойы) совершали ритуал зажигания нового очага и кормления духа-хозяйки огня. Согласно обычаю, в новой юрте огонь высекал серебряным огнивом дядя по матери (тайы) или его приносили из отцовского крова, дабы сына опекало счастье родителей. После разжигания очага приступали к ритуальному кормлению богини огня «От-Ине». Вокруг очага втыкали семь березовых вертелов (сис), на каждый из которых было нанизано по три кусочка сала и привязано по три красных и белых шелковых флажка «чалама». Все присутствующие кланялись очагу, а дядя по матери (тайы), окропив огонь аракой, бросал веточки с салом в огонь и читал молитвы.

Культ огня играл большую роль в семейно-бытовых обрядах. После рождения ребенка роженице нельзя близко подходить к очагу, иначе богиня огня «От-Ине» притянет грудное молоко и оно пропадет. Как только роженица поправлялась, устраивали моление огню – «отха пазыртханы». Молодая мать становилась перед очагом с почетной стороны юрты (от пазы), в руках держала ребенка и, три раза поклонившись, бросала в огонь три кусочка сала. Ребенку в это время намазывали рот, щеки и темя маслом и сметаной. Рядом с роженицей кланялись огню ее мать или свекровь, которые произносили молитву: «Мать-Огонь и богиня Умай! Смажьте свой рот жирной пищей, притяните к себе горячий пар!». До тех пор, пока молодая мать не поклонится огню, она не прикасается к очагу, иначе у нее пропадет молоко.

Затем в течение года она в каждый девятый день новолуния кормила огонь, бросая семь кусочков сала. При этом читалось заклинание: «Если зайдет черт, прогоняй, если зайдет злой дух, не пропускай!». В течение трех месяцев после рождения ребенка женщина обязана была при первом посещении юрты поклониться очагу.

Поклонение домашнему очагу в новой юрте и в большом доме (улуб иб) родителей жениха совершала невеста во время свадьбы. Невесту уса-

живали на кошму в «охвосте огня» (от соо), со стороны дверей юрты. С почетной стороны (от пазы) находилась мать жениха. Она держала в руках три березовых вертела, на каждом из которых было насажено по три кусочка сала и по три флажка «чалама» из белой и красной материи. Во время поклонения огню свекровь бросала в огонь березовые вертелы с салом, а почетные старцы читали благословение: «Пусть перед очагом находится колыбель! Пусть за очагом будут дрова!».

Огонь играл важную роль в погребальном обряде. Во время поминок и дома, и на кладбище разводили поминальный костер, где сжигали пищу умершему человеку. Гарь от сжигаемой пищи, якобы, доходит до усопшего. Ритуал выполняли только пожилые женщины. Умершему мужчине пищу кладут в огонь правой рукой, а женщине – левой. Прежде чем приступить к обряду кормления поминальной души, бросали три кусочка сала богине огня «От-Ине». Через год после смерти завершали поминальный комплекс обрядом «ибіріг» – ритуальным обходом могилы с огнем. Все родственники обходили три раза могилу, начиная с запада на восток, против движения солнца. Возглавляли шествие вдова или вдовец, держа в руках головню (турун). При обхождении могилы вдова или вдовец стучали по ней горячей головней и, три раза ударяя над головой умершего, приговаривали: «Мы бьем тебя огненной головней! Мы закружили твою голову! Больше не проси у нас еды!». Дойдя до восточной стороны, все останавливались, угощались аракой и кланялись могиле усопшего. После третьего обхода головню клали в изголовье могилы со словами: «Твой огонь потух!». Затем все отряхивали подола, говоря: «Пусть злые силы больше не привязываются к нам. Ты совсем уходишь, больше не думай о нас. Ты ушел в истинный мир и больше не вернешься»²⁶.

Согласно хакасскому представлению, после совершения обряда «ибіріг» душа умершего уже не сможет выйти из могилы, т.к. ей закружили голову (т.е. она потеряла ориентацию) и окружили огнем.

Почитание духа-хозяйки огня соблюдали и шаманы, и служители Белой веры – «Ах-Чаян». Согласно шаманским канонам, прежде чем начать камлание, шаман, кланяясь, испрашивал благословение богини огня «От-Ине». Без ее разрешения и поддержки он не может благополучно вступить в битву со злыми духами.

Ежегодно хакасы совершали домашнее жертвоприношение огню – «от тайи». Обычно его проводили весной на девятый день новолуния, когда распускаются листья, когда закукует кукушка и «проснутся» горы и реки. Это жертвоприношение могли возглавлять как шаманы, так и благовестники Белой веры алгысчылы.

Для жертвоприношения необходимо было установить в юрте трехлетнюю березу, которую заносили через дымовое отверстие. Она водружалась в переднем углу между главной (пас параан) и средней (ортын параан) мебельными секциями. Под ритуальной березой находился жертвенный столик «сірее». Для ее освящения ветви украшали девятью белыми и красными флажками «чалама». В жертву приносился белый барашек с черными щеками или ушами (как у зайца). Вспоров ему грудь, разрывали аорту, проходящую вдоль позвоночника. Кровь нельзя было проливать на землю. Варилась передняя правая сторона туши. Легкие и сердце готовились на пару. Горячее мясо раскладывали на подносе, который устанавливали на столике «сірее». В качестве ритуальной пищи использовались правая голень (он чода), правое нижнее ребро (он сүбе), правая часть курдюка (он хузури), голова (пас), легкие и сердце. Остальное мясо и шкура шли алгысчылу за его труд²⁶. Вокруг очага втыкали девять березовых вертелов. На них нанизывали по три кусочка сала, срезанного с правой стороны курдюка, привязывали по три белых и красных ленточки «чалама». Во время жертвоприношения все домашние обходили три раза вокруг очага по движению солнца, а руководитель, бросая по три вертела с салом в огонь, произносил молитвы богине «От-Ине».

В каждой хакасской юрте находился фетиш, посвященный богине огня, называемый «чалбах төс» или «от инезі төс» (букв. фетиш матери огня). Во время жертвоприношения огню «от тайини» его вешали на ритуальную березу (пай хазың). Руководитель моления окроплял «чалбах төс» белым молоком, надоенным непорочной девой от белой коровы, окуривал его богородской травой и читал молитвы.

Рядом с «чалбах төсем» находился фетиш «хызыл чалама» или «хызыл төс» (красный идол), служивший жезлом (сабыт) богине огня «От-Ине». «Хызыл чалама» служил оберегом трехлетней кроваво-красной кобылицы, на которой ездил богиня огня. Во время жертвоприношения «от тайини» ее, украсив белыми и красными лентами «чалама», привязывали к правому косяку дверей юрты. Трехлетняя кроваво-рыжая священная кобылица (хызырах поэраһ), в свою очередь, служила оберегом богини огня и называлась «от ызыгы» (священное животное огня). Ее сначала окуривали богородской травой, затем совершали обмывание водой, настоянной на богородской траве. После этого кобылицу «от ызыгы» три раза обмахивали фетишем «хызыл чалама». В завершение на ее круп три раза садили фетиш «чалбах төс» и совершали трехкратные поклоны. После окончания моления кроваво-рыжую кобылицу «от ызыгы» отпускали в поле, а фетиш «чалбах төс» вешали на его постоянное место в юрте. Ритуальную березку относили в лес, где ее привязывали вместе с лентами «чалама» к растущему дереву.

Итак, по мировоззрению хакасов, дух-хозяйка огня в отличие от многих духов-хозяев гор, рек и других природных явлений относится к разряду верховных божеств и находится рядом с древнетюркской богиней Умай. При возникновении Белой веры «Ах-Чаян» культ огня был полностью принят последней, хотя приоритет в молениях остался за шаманами. Культ огня является яркой чертой этнической культуры хонгорцев, что дает нам право назвать их огнепоклонниками Саяно-Алтая.

5.3. Культ богини Умай

Особое место в комплексе религиозных верований Хонгорая занимал древний культ богини Умай – «Ымай-идже» или «Ымай-ине» (букв. Мать Умай). Данный культ был широко распространен среди всех тюрков Саяно-Алтая. В реликтовой форме он встречается у кыргызов Тянь-Шаня, казахов, узбеков и сибирских татар²⁷. Почитание богини Умай в Хонгорее сохранилось со времен древнетюркских государств, когда супруга каганов именовалась не иначе как «величественная мать-катун, подобная Умай». Интересно отметить, что в хакасских молитвах Умай именуется не только как «Ымай ине» – Мать Умай, но также «Ымай хадын» – т.е. госпожа Умай.

Богиня Умай (в диалектах: Умай, Нумай, Омай и Ымай), согласно представлению хакасов, не видима людям и постоянно находится на небе среди белых облаков, откуда следит за рождением детей и оберегает их от несчастий. Считалось, что если младенец упадет, то ему не будет слишком больно, ибо Ымай-идже его «поддержит». Если во сне малыш улыбается, то значит, богиня Умай с ним играет (ымайынан күлінісче), если вздрагивает и плачет – то она его пугает (ымайы чочытча). Когда у младенца понос – значит Умай стала им брезговать (ымай чискин парған). Подобные проделки, называемые «забавы Ымай-идже» (Ымай ічезинен ирискені), требуют ублажения ее со стороны людей. Необходимо было произнести заклинание «хурай, хурай», т.е. помилуй и спаси, а рот ребенка смазать маслом со словами «Ымай ічезі чалхазып» – т.е. пусть оближет мать Умай. Физическое развитие ребенка происходит под влиянием богини Умай, поэтому на крепыша говорят: «ымайыбысхан» – получил помощь Умай.

По верованиям хонгорцев, богиня Умай была хранительницей детских душ, которые находились у нее в «храме» – на горе Ымай-тас, расположенной в верхнем течении Енисея среди Саянских хребтов (по-русски – гора Амай напротив г.Саяногорска). Исходя из текстов бурханистских молитв, гора Ымай-тас располагалась по небесной оси в центре Земли (тигір ортазы тимір өрген). «Храм» охранялся духом-хозяином этой горы²⁸.

Место жительства Ымай-идже под названием «Ымай чирі» располагается на горе Пулай-сын среди вечно цветущих деревьев, где не вянут зеленые травы и не замерзают текущие реки. Там вешает золотая кукушка величиной с конскую голову, сидящая на вершине золотолиственной священной березы. Последняя растет на берегу мифического Молочного озера. Сама богиня Умай считается в Хонгорае рожденной из молочной пены этого озера (ах тамырдаң чайалған). Хакасы представляли Ымай-идже полной седовласой старушкой, имеющей способность летать в образе белой птицы. Опираясь на хакасское представление о местожительстве богини Умай, можно предположить, что между мирами людей и Небесного бога простирался особый мир полубожеств.

Согласно мифологии северных алтайцев, шорцев и бирюсинцев, богиня Умай принадлежит к небожителям и является младшей дочерью Священного Ульгеня (Бай Ылгеннин очы кызы)²⁹. Во время моления к ней обращались со словами: «Ылгеннең үзүктігің» – Ты являешься частью Ульгеня! Возможно, поэтому в молитвенных иносказаниях тюрков Саяно-Алтая она предстает еще под названием «Бай-ана» или «Пай-идже», т.е. Святая мать.

Вполне возможно, что изображение богини Умай мы встречаем на хакасских нагрудниках «пого», которые надевают свахи на свадьбу. В настоящее время никто в Хонгорае не помнит значение этих нагрудных украшений с замысловатыми фигурами. Однако при внимательном изучении рисунка «пого» можно проследить стилизованное лицо каменных изваяний Окуневской культуры, которые, вероятно, относятся к изображениям богини плодородия (ср. личину Хуртуях-тас). В таком случае надевание нагрудника «пого» на свадьбу было связано с культом богини Умай, которая должна была подарить детские души. Таким образом молодой семье желали иметь потомство. Как бы в подтверждение наших рассуждений звучат слова свадебных благословений: «Пусть на задний подол молодых наступают скот, пусть передний подол топчут дети! Пусть перед очагом всегда будут дрова, пусть за очагом всегда будет качаться колыбель!»

Название богини Умай этимологически восходит к тюрко-монгольскому термину «умай»: 1 – чрево матери; 2 – матка; 3 – послед ребенка – и связано с понятием деторождения³⁰. В хакасском языке слово «умай» (омай, ымай) имеет несколько значений. Во-первых, так (пала ымайы – букв. детская умай) обозначали душу – жизненную силу грудного ребенка, от которой он появлялся на свет. Когда кончался грудной возраст, т.е. до трех лет (раньше хакаски кормили грудью до двух-трех лет), душа – «ымай» превращалась якобы в «хуг» – жизненную силу взрослого человека. Поэтому младенца зачастую называют «час ымай» – т.е. младен-

ческая душа, а дом с грудным младенцем – «час ымайлыг иб». Во-вторых, словом «умай» определяли жизненную силу всего хакасского народа, благодаря которой он живет на земле. Например, существует выражение «хоорай чон – таг ымайлыг чон» – «хакасы – народ, имеющий горную жизненную силу», т.е. рождены от горных духов. В общем у каждого народа существует якобы своя Умай. Среди хакасов можно услышать выражения: «тадар ымайы» – хакасская умай, «хазах ымайы» – русская умай. В-третьих, некоторые хонгорцы словом «ымайах» – т.е. маленькая умай, обозначали темя головы ребенка. Считалось, что под родничком находится душа младенца³¹. Через темя ребенок получает энергию от богини Умай и Неба, которая проникает вовнутрь его души. После купания обязательно темя ребенка смазывали маслом от сметанной каши «потхы», призывая в этот момент богиню Умай словами: «ээг-ööг Ымай-идже!». Слова «ээг-ээг» или «ööг-ööг» употребляются в основном для призывания молочного скота, и в данном случае желали, чтобы у матери ребенка стало изобилие молока. В-четвертых, в долине Абакана термином «умай» называли также пуповину ребенка, «которую обычно зашивали в маленький мешочек из кожи или материи и подвешивали на шнурке к колыбели младенца»³². Сюда же привешивали лучок со стрелой (у мальчиков) или лучок без стрелы, но с маленькой прялкой (у девочек). В-пятых, данный термин применяли для обозначения ангела-хранителя грудного ребенка. Среди хакасов считается, что у девочек и мальчиков имеются разные «умаи». Однако у девочек «жизненная броня» крепче, чем у мальчиков и поэтому, если в юрту заходила мамаша с чадом женского пола, то хозяева брали своего мужского отпрыска на руки, дабы психика его не была бы нарушена (сүрнi пазылбазын)³³. «Умаи» однополых детей или рожденных в один месяц не переносят друг друга и соперничают между собой (ымай пазысханы) до тех пор, пока одна из них не победит. В связи с этим запрещалось двум беременным или роженицам с однополыми младенцами находиться в одном помещении, ибо один из детей может умереть. Не разрешалось укладывать в одну колыбель малышей, рожденных в один месяц. Однако девочку могли усыпить в люльке мальчика. Запрещалось кормить одной грудью разных младенцев, рожденных в один месяц. И наконец, сагайцы термином «пала ымайы» – детский умай, называют послед ребенка, который обычно носит наименование «пала инезi» или «пала ичезi» – т.е. мать ребенка. Очевидно, что в данном случае «ымай» соответствует слову «ине» или «идже» – мать (выполняющая охранительные функции).

Последу хакасы придавали особое значение, ибо считалось, что он сохраняет плод в утробе матери и от него зависит судьба ребенка. При родах во время обрезания пуповины повивальная бабка (инейджи) произносила: «Ымай-идже! Охраняй и укрепляй пуповину!». Если у повитухи ранее во время принятия родов умер ребенок, то она, обрезая пуповину, должна сказать: «Не моя рука режет, а рука Ымай-идже, это не моя доля, а счастье Ымай-идже!». После обрезания пуповины послед мыли водой, смазывали маслом и, завернув в бересту, хранили его в изголовье кровати три дня.

На третий день устраивали почетное захоронение плаценты под названием «пала ымайын сôгîргенî» или «сûгдек». Собирались пожилые люди, которые приносили с собой подарки. Мальчику символически дарили три стрелы (ух), а девочке – три перламутровых пуговицы (тана). Отец ребенка выкапывал у основания юрты ямку, причем для последа девочки – на женской половине, а мальчика – на мужской. Считалось, что если захоронить послед в месте, где ходят люди, то ребенок вырастет морально подавленным; если захоронить мелко (ниже высоты голени), то женщина будет часто рожать; если глубоко (выше голени) – то редко. Плаценту закапывали вверх пуповиной. Если сделать наоборот, то женщина больше не сможет рожать. Обряд захоронения последа выполняла повитуха (инейджи). Она застилала дно ямки белым войлоком или берестой. Затем опускала туда послед (пала ымайы), предварительно уложенный в белый теплый мешочек. Считалось, что если ему будет холодно, то и роженица тоже будет мерзнуть. Вместе с плацентой опускали и берестяную палочку (ах тахпай), на которой резали пуповину. Над последом сооружали конусообразный шалашик из девяти (для мальчиков) или из семи (для девочек) веточек, обмазанных сметанной кашей (потхы). Там же погребали маленький лучок со стрелой, бившей на поражение всякую нечисть³⁴.

Похоронив послед, инейджи три раза обводила роженицу по солнцу вокруг могильной ямки. Каждый раз, обойдя захоронение плаценты, роженица правой ногой наступала на место погребения со словами: «Ымай-идже! Охраняй своих детей! Пала-идже! Пусть твои дети будут здоровыми! Ымай-идже! Пусть окрепнет моя поясница! Пала-идже! Дай мне свои силы!». После обряда захоронения последа собравшиеся старики и старухи приступали к трапезе. Они ели обрядовое блюдо «иней потхызы» или «ымай потхызы» – т.е. сметанную кашу богини Умай и пили ритуальное вино «иней арагазы» или «ымай арагазы» – т.е. араку богини Умай. По этикету, все должны были веселиться и сохранять радостное выражение лица.

Когда женщина страдала бесплодием и хотела иметь потомство, то над ней совершали обряд получения души ребенка «ымай тартханы» – букв. притягивание умай, который проводили великие шаманы – «пугду-ры». Служители Белой веры не обладали подобными способностями.

Камлание совершали в ночь белого полнолуния (ах толы), т.е. на четырнадцатый день новолуния. Для выполнения обряда «ымай тартханы» требовалось выкопать с корнем молодую березку (метра три высотой). Вносили ее не через дверь, а через дымовое отверстие юрты и помещали между средней (ортын параан) и главной (пас параан) мебельными секциями. К ветви березки привязывали специально сделанный по этому случаю фетиш «хуруг ымай» – букв. сухая умай. Он состоял из трех полуметровых шнуров: серебряной мишурной нити «ах алтын», синей (зеленой) шелковой «көк чібек» и красной шелковой «хызыл чібек». К свободным концам нитей привязываются: к серебряной – серебряная монета, служащая выкупом; к синей (зеленой) – бронзовая самодельная пуговица (хола марха), являющаяся сердцем; к красной – раковина каури (чылаңмас), где сосредоточивается душа. По представлению хонгорцев, фетиш «хуруг ымай» притягивает к себе внимание богини Умай, которая в образе белой птицы прилетает и садится на ветвь березки рядом с ним.

Под березку стелили белую кошму, где устанавливали маленький столик. На него ставили деревянную красную чашечку, куда вечером наливали специально приготовленное молоко, надоенное от белой коровы непорочной девушкой. Для стерильности молоко закрывали белой тряпичей.

В качестве жертвы закалывался белый ягненок способом «өзеп», т.е. разрезали диафрагму и рукой разрывали аорту. Правая сторона грудной клетки животного отваривалась в казане с водой, а легкие и сердце готовились на пару. Перед камланием куски горячего жертвенного мяса (пулаг) – два правых верхних ребра, голова, правая передняя нога, позвонки, легкие и сердце – в корытце ставились на столик под березкой. Пищей богине Умай служил горячий пар – «оор-пус», поднимавшийся от мяса.

Женщина, над которой совершался обряд, садилась на белую кошму, разостланную на почетном месте во главе очага (от лазы). Она повязывала белый платок, носимый ею в течение трех дней. Шаман во время камлания, получив благосклонность богини огня «От-Ине», отправлялся к храму богини Умай. В этом обряде участвовали девять невинных юношей и семь непорочных девушек, которые за шаманом повторяли его движения и песнопения. Ымай-идже, как считалось, любила смотреть на театральные представления. Достигнув горы «Ымай-тас», шаман кланялся богине Умай и просил встретиться с ней (в этот момент брызгали вином и поднимали под-

нос с жертвенным мясом). После долгих уговоров Ымай-идже, насытившаяся жертвенным паром, соизволяла провести шамана вовнутрь своих апартаментов. Согласно хакасским представлениям, на стенах многочисленных комнат храма Ымай-тас висели колыбели с душами детей: жизненная сила девочек в виде коралловых бусинок, а мальчиков – в виде стрел. Шаман, выбрав соответствующую душу и вколотив ее в бубен, быстро возвращался обратно в юргу. В это время красная чашечка с освященным молоком ставилась на голову бездетной женщины. Шаману подавали фетиш «хуруг ымай», которым он обводил голову подопечной. Одновременно, повернув бубен тыльной стороной над чашечкой с молоком, он три раза ударял по инструменту и погружал принесенную душу в сосуд. Завершающее действие называлось «ымайны уаррга» – т.е. вливать душу младенца. После этого кам, намотав на безымянный палец (хам салаа – букв. шаманский палец) концы шнуров, опускал в молоко привязанные к фетишу «хуруг ымай» раковину каури и бронзовую пуговицу со словами: «Ты имеешь душу в виде белой раковины каури, ты имеешь жизненную силу в виде бронзовой пуговицы». Опущенные предметы, якобы, притягивали и указывали дорогу богине Умай. Потом пациентка, взяв в рот раковину каури и бронзовую пуговицу фетиша «хуруг ымай», медленно выпивала молоко из чашечки. По понятиям хонгорцев, кровь и плоть ребенка переходят в молоко. Когда наступал ответственный момент, шаман сам держал чашечку с молоком. Необходимо было выпить все молоко на одном вдохе. Не позволялось некоторое время дышать наружу, тем более нельзя плевать. Считалось, что таким образом душа ребенка «пала ымайы» вместе с молоком попадала в чрево женщине и последняя становилась беременной. Затем фетиш «хуруг ымай» вешали обратно на березку.

После завершения обряда «ымай тартханы» в течение трех дней из юрты ничего не выносили. На третий день с ритуальной березки снимали фетиш «хуруг ымай» и до рождения ребенка хранили его завернутым в белую материю в шкатулке, находящейся в изголовье кровати. Обрядовую березку выносили через дымовое отверстие юрты, относили в лес и привязывали к дереву стоймя в укромном месте.

Когда женщина становилась беременной, то в качестве ее оберега шаманы, а впоследствии и служители Белой веры, устанавливали в юрте «иней-тёсь» или «ымай-тёсь», т.е. фетиш богини Умай. Изготавливали его из березовой ветви, лицом служила белая тряпица, пришитая к развилке. На один отросток развилки вешался лучок со стрелой. Находился «ымай-тёсь» на женской половине юрты под кроватью. Беременная женщина при плохом самочувствии молилась ему и кормила сметанной кашей «потхы», окуривала богородской травой «ирбен», окропляла молочной вод-

кой «аракой». Согласно верованиям хонгорцев, фетиш «ымай-тёсь» помогал при родах и был необходимым атрибутом при разрешении рожениц.

После рождения ребенка на дугу изголовья хакасской колыбели привязывали фетиш «хуруғ ымай» вместе со сделанным из березы лучком и стрелой. Фетиш «хуруғ ымай» висел на дуге колыбели до трех месяцев, а затем его, завернув в белую материю, прятали в шкатулку или сундук.

На третий месяц после появления малыша на свет в качестве его оберега бурханисты изготавливали фетиш «ах ымай», т.е. белая ымай, больше известная в народе как «азырачаң ымай» или «чеек ымай» – кормящаяся ымай или прожорливая ымай. Фетиш «ах ымай» представлял собой небольшую куклу (5-10 см.), вырезанную из березового дерева, с косами из белых конских волос (у сагайцев – из конопли), одетой в платье из синей ткани. Хранили его в специальной шкатулке («ах абдыра» – белая шкатулка или «ымай абдыразы» – шкатулка ымай), находящейся на алтаре. Вместе с «ах ымай» хранились: красная чашечка – «ымай чірчезі», т.е. чашечка богини Умай; белая деревянная ложечка «ымай сомнағы», т.е. ложка богини Умай и маленький лучок со стрелой «ымай ух-чаачағы» – т.е. оружие богини Умай. Лучок изготавливали из березы, тетиву – из шелковой нити, а трезубый наконечник стрелы – из жести.

Каждый месяц на седьмой день новолуния вплоть до трехлетнего возраста ребенка совершали обрядовое кормление богини Умай под названием «Ах ымай тойы» – Пиршество белой Умай. Хонгорцы связывали благополучие семьи с добрыми намерениями Великой Покровительницы. Они были уверены, что если фетиш «ах ымай» вовремя не накормить, то богиня Умай прогневается (Ымай чиктир – букв. Умай забракует) и перестанет охранять ребенка. Бурханистский фетиш «ах ымай» защищал младенца от всякой нечисти, в том числе и от попыток кровожадных шаманов украсть душу младенца. Шаману для камлания нужна темнота, а фетиш «ах ымай», как представляли хонгорцы, освещал ночью жилище и тем самым оберегал ребенка. Атрибуты богини Умай – фетиш «хуруғ ымай» и лучок со стрелой, а также ее изображение «ах ымай» необходимо было тщательно охранять, ибо люди из неблагополучных домов, где умирают дети в раннем возрасте, могли незаметно их украсть и забрать себе счастье этой семьи.

Для обрядового кормления «Ах ымай тойы» специально готовили сметанную кашу «потхы». Доставали из шкатулки фетиш «ах ымай», усаживали его у колыбели, прикрепляли к нему лучок со стрелой. Перед ним расстилали белую ткань, на которую ставили красную чашечку и белую ложечку. Затем в чашечку накладывали «потхы» и начинали кормление. Сначала три ложечки каши бросали в огонь богине «От-Ине», потом ма-

зали губы «ах ымай» и после этого три ложечки «потхы» давали ребенку. Обмазывали кашей также лучок со стрелой. В том случае, если ребенок себя плохо чувствовал, то во время ритуального кормления на фетиш «ах ымай» надевали платье того же цвета, что и у малыша. Брли лучок со стрелой и стреляли фетишу в грудь. Таким образом, якобы, убивали злых духов болезни, вселившихся в ребенка.

На обрядовое кормление «ах ымай» приглашались все соседские ребяташки. После того, как «поест» изображение богини Умай, всех детей кормили сметанной кашей.

Начиная с трех месяцев после рождения ребенка, для его защиты кормящая мать, вместе с повитухой, совершали обряд ритуального окуривания под хакасским названием «ызырых». Слово «ызырых» или «ысрык» широко известно среди многих тюркских языков и с древнетюркской эпохи применялось при лечении ребенка, чтобы уберечь его от порчи, болезни или сглаза³⁵.

На девятый день каждого новолуния в рамках обряда «ызырых» поклонялись богине огня «От Идже». Из шкатулки доставали фетиш «хуруф ымай» и, закрыв темя ребенка ладонью, три раза обносили его над головой со словами «хурай, хурай». Считалось, что фетиш «хуруф ымай» ограждает малыша от испуга. Затем кормили огонь, бросив в него три раза по три кусочка сала. На железном совочке возжигали богородскую траву «ирбен». Туда же клали девять зерен ячменя и семь щепоток соли. Мать ребенка обносила вокруг головки своего чада совочек с дымящимся снадобьем и читала заклинание:

«Ызырых, ызырых!
Ымай-Идже! Пай-Идже!
Тридцатизубая Мать огня От-Ине!
Сороказубая Дева мать Хыс-Ине!
Ты охраняешь ночью! Ты оберегаешь днем!
Не пыли пеплом! Не пугай детей!
Я прошу и молюсь тебе,
Если зайдет черт, огради!
Если зайдет злой дух, прогони!
Ызырых, ызырых!
Ымай-идже! Пай-идже!»

Обряд «ызырых» считался сильным средством также против нечистой силы.

Болезненное состояние ребенка связывали с потерей души – «пала ымайы». По представлениям хонгорцев, душа младенца обычно могла потеряться от сильного испуга или из-за того, что Умай его покинула

(ымай өөрлебискен – букв. Умай поднялась ввысь). В таком случае приглашали шамана, который совершал обряд «ымай чабырага» – букв. опустить вниз Умай. Он отправлялся на поиски потерявшейся души, прося богиню Умай ему помочь. В результате камлания обнаруженную душу шаман приносил больному. Он погружал ее из бубна в чашечку с молоком, которое давали выпить ребенку. Если ребенок был грудной, то его могла выпить кормящая мать, так как через материнское молоко душа доходила до ребенка.

Когда в семье часто умирали малолетние дети, то, значит, в жилище обосновался злой дух «хара ымай» – букв. черная умай (хара ымай түскен – букв. упала черная умай). В таком случае совершали обряд изгнания злого духа, который назывался «хара ымай көдиртерге» – букв. вынести черную умай. Он состоял из двух этапов.

Первое камлание совершали ночью при старом месяце. Специально делалось изображение злого духа «хара ымай» в виде куклы из глины, дерева или старых тряпок. В Кунсткамере им. Петра Великого хранится небольшая фертообразная фигурка «хара ымай», приобретенная Н.П. Дыренковой во время экспедиции 1926 г. в Хакасии. «Эта скульптура изображает обнаженную женщину с фертообразно согнутыми руками. На голове у нее шапка. Лицо вытянутое, с большим носом. Ноги укороченные»³⁶. Ее одевали в платьице, сшитое из одежды умершего ребенка. Во время камлания шаман в кромешной темноте и жуткой тишине искал по юрте спрятавшихся злых духов «хара ымай», оставшихся от умерших детей. В конце концов он ловил и вбивал их в свой бубен. Затем кам отправлялся в страну умерших душ, которая находилась по одним сведениям на дне Ледовитого океана, а по другим в горах Ыргах-Таргах Западного Саяна. Там он стряхивал «хара ымай» и надежно запирали на замки. Ночное камлание называлось «хара ымай сүрдүрерге» – букв. прогонять черную умай.

На следующий день изображение злого духа «хара ымай» одевали в войлочную шубку и, посадив на плотик, пускали по реке, произнося: «Спускайся до устья девяти морей!». При этом в воду реки бросали раковину каури, привязанную ранее к фетишу «хуруг ымай» умершего ребенка.

После обряда «хара ымай көдиртерге», через определенный интервал времени, следовал ритуал получения белой души ребенка «ах ымай тарханы», который был идентичен обряду при бесплодии. Главное отличие заключалось в том, что при бесплодии шаман отправлялся к храму богини Умай, а в данной ситуации он практиковал кражу душ у здоровых детей из Тувы, Алтая, Монголии или других аймаков Хонгорая. По-хакасски такой способ «добычи» души носил название «ымай талирга» –

букв. разбивать умай. Шаман подкрадывался к какому-нибудь многодетному семейству и у спящего ребенка выхватывал душу «пала ымайы». Считалось, что ребенок, у которого была «украдена» жизненная сила, обречен. Если рот и тело умершего от неизвестной причины малыша были посиневшими, то это считали явным признаком шаманских проделок.

Украденную душу «пала ымайы» шаман из бубна опускал в чашечку с молоком, которое выпивалось женщиной. Такой обряд совершался во время ее беременности.

Шаман определял внешние признаки будущего ребенка и предрекал его будущую судьбу. Если он «разбивал умай» у русских детей, то рождался ребенок, похожий на русского, если у тувинцев – то на тувинца. Шаман строго наказывал матери, чтобы ее будущий отпрыск никогда не появлялся в местах кражи его души – иначе человек погибнет.

Итак, по представлению хакасов богиня Умай – «Ымай-идже» – это духовная мать Хонгорая, хранительница детских душ тюрков Саяно-Алтая, покровительница беременных и младенцев всего мира. В связи с тем, что «храм» богини Умай находится в горе Ымай-тас, расположенной в Саянах, можно выдвинуть концепцию о Саяно-Алтайском происхождении этого древнетюркского культа. Шаманизм еще сохранял свой приоритет при «общении» с богиней Умай, однако бурханизм уже твердо устанавливал свой диктат и в этой области.

5.4. Жертвоприношение водной стихии

Последователи бурханизма ежегодно в начале лета на новолуние совершали моление воде (суҕ тайи) в истоках почитаемых ручьев или на берегах крупных рек – Абакана, Июсов, Чулыма и Енисея. В озерном краю северного Хонгорая водное жертвоприношение проводилось на берегах озер и поэтому называлось «көл тайи» – озерная жертва. Нами были отмечены моления на таких озерах, как «Хара көл» (по-русски Черное озеро), «Ос көл» – Осиновое (по-русски Ошколь), «Айран көл» – Айранное озеро (по-русски Рейнголь), «Тигір көл» – Небесное озеро (по-русски Божье), «Килін сыхпас Ызых көл» – священное озеро, на которое не поднимались невестки (по-русски Круглое), «Орах көл» – Оракское и др.³⁷ Женщинам запрещалось купаться в указанных реках, озерах, источниках.

Подготовка праздника водного жертвоприношения – «суҕ тайи» лежала на плечах главы бурханистской общины, называемого «төс пазы» или «тайыг ээзи» – хозяин жертвоприношения. В первую очередь он обязан был подготовить жертвенное животное – годовалых ягнят черной

масти, а через каждые три года – черного трехлетнего быка (хара хазыра) или черного вола (хара тазын). В некоторых случаях – серого или чернобурого бычка с мухортым ртом (халтар аастыг хара күрең хазыра).³⁸

Итак, в отличие от небесного повелителя водная стихия требовала в жертву крупный рогатый скот мужского пола черной масти.

Возглавлял водное моление служитель бурханизма алгысчыл, наряжавшийся в белый суконный костюм (ах кип) и надевавший на голову шапочку невесты «сахпа». В руки ему торжественно вручался жезл «сабыт», в обычные дни хранившийся у главы общины.

На ритуальной площадке – «тайычан чир» вкапывали трехлетнюю березку «пай хазын» (если рядом не было растущей) и устанавливали коновязь, куда привязывали коня – «ызыха» черно-гнедой или вороной масти. Если в качестве жертвы приносился черный бычок, то он привязывался к коновязи. На морду его предварительно надевали серебряную узду, украшенную ритуальными лентами «чалама». На этих животных восседал Сугдай-хан – глава речных духов.

На месте жертвоприношения – «суг тайи» собирались и мужчины, и женщины (кроме тех, у кого были регулы). Имущие привозили с собой ягнят черной масти. Каждый участник моления прикалывал к своему головному убору священные флажки «чалама» черного и белого цветов, а девушки вплетали их в косички – «сурмески». Придя на моление, они привязывали «чалама» на ветви березки «пай хазын».

Под священной березкой устанавливали жертвенник, называемый «амыр-чамыр алтын тахта» – т.е. золотой мост духа дождя, приготовленный из березовых ветвей. В некоторых местах, как, например, у Белояра, или по р. Тулгу-чул, находились каменные граненые жертвенники «хыр тас» (үлгү тас). Ныне, подмытые течением, они упали в русло реки и потеряли свое культовое значение.³⁹

Моление водной стихии – «суг тайи» начиналось троекратным обходом по солнцу бурханистов вокруг священной березки с живой жертвой. Впереди процессии двигался алгысчыл, а за ним помощники, ведущие жертвенное животное (черного барашка). Правая передняя нога у последнего подгибалась и поэтому барашек двигался прихрамывая. После них шел помощник «нааныгчы», который из туеска с айраном кропил на священную березу.

У хонгорцев наблюдалось особое отношение к правой передней ноге забиваемого животного. Например, во время сороковых поминок на кладбище относили голову барана с тремя конечностями, но правую переднюю ногу оставляли дома. И после забоя овцы, когда заносили кровь для изготовления колбасы, – обязательно рядом несли правую переднюю

ногу. Во время церемоний «свадьбы чести», когда засватывались малолетние дети, сватам привозили в качестве даров тушу быка, но оставляли дома его правую переднюю ногу. С правой передней ногой связано представление о счастье.

После троекратного обхода священной березы «пай хазын» с жертвой разводили два костра, где устанавливали бронзовые казаны. Затем кололи барашков черной масти древним способом «өзеп», т.е. вспарывали грудь и разрывали аорту у сердца. Жертвенное мясо варилось в котлах, а сердце и легкие – отдельно на пару. Горячие жертвенные части туши – правые первые два ребра (погана-кигене), первые позвонки, легкие и сердце складывали на жертвенник «алтын тахта». Шкуру черного барашка вместе с головой и конечностями (без нижней челюсти с горловиной), принесенную речному хозяину, вешали на специальную подставку рядом со священной березкой.

Собравшийся на моление народ омывался чистой водой из источников. При поклонении Сугдай-хану креститься запрещалось.

Во время второго ритуального шествия бурханисты обходили священную березку с горячим мясом. Впереди двигался алгысчыл, а за ним двое помощников (пус тутчан), державшие на подносе (типсі) жертвенное мясо с клубящимся паром. После них двигался третий помощник (ілігі), державший в руках берестяную посуду с бульоном. Под ритуальные возгласы алгысчыла его помощники кидали кусочки мяса и кропили берестяными ложечками (тос сомнах) в сторону березки и водного источника. После завершения троекратного обхода вокруг жертвенника, каждый участник подходил к алгысчылу, который из берестяной ложечки давал любому бурханисту по глотку бульона и кусочку мяса с возгласом «хурай-хурай», дабы все причастились к великому белому творцу – Ах-Худаю и удостоились милости духа-хозяина водных источников Сугдай-хана. Доля мяса и других продуктов, получаемых на жертвоприношениях молящимися, называлась «өлчей» – т.е. счастье.

На севере Хонгорая, среди кызыльцев, мясо варилось в девяти казанах и складывалось на девять подносов (типсі). До тех пор, пока жертвенное мясо на подносах не остыло, есть молящимся запрещалось.

На берегах крупных рек Хонгорая, после магического обхода священной березы с горячими кусками мяса жертвенного барашка, принимались за черного бычка. Его также обводили по солнцу вокруг «пай хазын», а затем подводили к реке, где находился приготовленный плот – «сал».

Жертвенному черному бычку связывали ноги и водружали на плот, связанный из девяти бревен. Под благословение алгысчыла плот оттапливали от берега и отправляли вниз по течению реки в руки Сугдай-хана.

Как правило, жертва, брыкаясь, скользила по бревнам, падала в воду и ее поглощала пучина водной стихии.

Иногда плот со смирно лежащим бычком уплывал по течению, а затем его где-нибудь прибывало к берегу реки. В таком случае счастливый хонгорец, обнаруживший бедное животное, мог взять его себе, но при одном условии – если приставшее на мель животное будет расположено головой к суше. В противном случае «салик» с бычком надо было оттолкнуть в воду.⁴⁰

Во время процесса отправления черного бычка на плоту в воду бросали шкуру и кости забитого черного барашка, а также его легкие и сердце. Легкие и сердце, вероятно, считались местом воплощения жертвенной души. Эти внутренние органы, брошенные в воду, возможно, принимались Сугдай ханом в виде выкупа за человеческие души. Не зря шаманам в качестве дара преподносили плату «холга» – дыхательное горло жертвы с сердцем и легкими. Если забивался только ягненок, то его кости и оставшееся мясо складывали на «салик» и отправляли по течению реки.

На севере Хонгорая при озерных жертвоприношениях черные бычки или черные волю забивались на берегу, а их шкуры водружались на плоты из березовых ветвей и отправлялись по водной глади озер.⁴¹

Точно такие жертвоприношения духу-хозяину воды совершали буддисты-калмыки. «Для увеличения лова рыбы при большом стечении членов рыболовецкой артели на специально сооруженном отогнанном в море плоту закалывался козленок...». Узбекские мусульмане Хорезма весной проводили подобное жертвоприношение воде Аму-Дарьи. Когда снимались земляные перемычки и вода поступала в канал, в нее бросали специально приведенного быка, которому предварительно подрезали шею.⁴²

В Хонгораяе после отправления по реке плота «сал» с трехлетним бычком Сугдай-хану участники водного моления приступали к трапезе. В качестве скатерти служили сплетенные березовые ветви, называемые «салаачы». Оставшиеся от пиршества кости и ребра вместе с жертвенником «алтын тахта» бросались в водную пучину.

Если моление водным источникам совершалось у начала родников, то шкуры жертвенных барашков вешались на ближайших деревьях, а остатки мяса и костей сжигались на костре.

В завершение водного праздника – «суғ тайи» выбирался на следующий срок глава общины – «тайығ эззі», если его трехгодичная служба закончилась. Руководитель моления алгысчыл вручал вновь избранному главе бурханистов жезл «сабыт», сделанный из березовой ветви с вновь повязанными лентами черного и белого цветов. За работу алгысчыл получал шкуры забитых барашков (кроме жертвенного) и мясо задней части (кочік) ягненка, принесенного на заклятие Сугдай-хану.

Главная цель жертвоприношения «суг тайии» заключалась в том, чтобы в Хонгорae не было несчастий от водной стихии. Сугдай-хан должен был создать хорошие броды для людей и скота, следить за весенними паводками, дабы не произошло наводнения.

Среди хонгорцев существует миф, как однажды по реке Таштыл у Кызылсука встал ледоход. Вода, не имея возможности двигаться, вышла из берегов и стала заливать прибрежные селения. Народ обратился к великому шаману. – Киндир-каму, который во время камлания обнаружил главу водной стихии Сугдай-хана играющим в карты с горным духом горы Куйик, стоящей на берегу Таштыла. Когда шаман обратился к нему, тот вспомнил, что спускаясь по реке, он воткнул в дно Таштыпа свой посох и этим приостановил ледоход. «Ладно ты иди, а я сейчас dokonчу игру», – сказал Сугдай-хан. Киндир-кам, видя что хозяин водной стихии не торопится, нашел на берегу реки муравейник и высыпал муравьев на рыбе тело Сугдай-хана. От укусов муравьев Сугдай-хан бросил игру в карты, нырнул в реку и вытащил свой посох. Ледоход тронулся и река вернулась в свое русло. С тех пор ежегодно в Хонгорae стали проводить жертвоприношения воде «суг тайии».⁴³

Духи-хозяева рек и озер должны были охранять детей и молодняк от несчастья. В свою очередь, хонгорцы обязаны были почитать водные источники, принося «белые» подарки (ахтап тайирга), т.е. окроплять их молочными продуктами и повязывать белые ленточки «чалама».

Хонгорцы, как и другие тюрки Саяно-Алтая, начало водных источников считали местом обитания духов-хозяев воды. Поэтому значительное количество молений проводили у истоков родников. Например, община аала Коковых совершала водное моление «суг тайии» в истоках ручья Таргы-чул, община аала Тастар (Аёшиных) – в истоках ручья Соох-суг, община аала Пыгыс (Арыштаевых) – в истоках родника Хайлах-харых и т.д.

До тех пор, пока главы общин не совершат моления «суг тайии», бурханистские законы запрещали переправлять скот через реки, а людям – купаться в воде.

Приношение в жертву Сугдай-хану быков (волово), вероятно, объясняется отождествлением быка с водной стихией. До сих пор древние оросительные каналы Хонгорая носят названия «пуга чолы» – дорога быка, а жертвоприношения водным каналам в Туве носят названия – «Буга дагыр», т.е. бычье моление. Интересно, что скотоводы Хонгорая никогда не просили у духов-хозяев рек и озер улова рыбы, что их отличает от людей таежной культуры.

5.5. Культ каменных изваяний

Каменные личины в долине Среднего Енисея принадлежат к различным историческим эпохам, начиная от Окуневской культуры (II тыс. до н.э.) и кончая Кыргызским государством (VI-XIII вв. н.э.). Современные хакасы их не сооружали и получили могильные стелы, которые называют «көзее» или «обаа», в наследие от своих предков. Согласно мифологии, памятники «көзее» представляют застывших в камне богатырей Хонгорая, души которых стали или звездами на небе, или горными духами на земле. Поэтому их именовали «алып көзее» – богатырские обелиски. Кроме того, стелы, изображающие фигуры людей, носили названия: «иней тас» – бабий камень, «апсах тас» – старик-камень, «хыс көзее» – девичий обелиск, «өрекен тас» – старуха-камень, «хуртуях тас» – старушечий камень, т.е. каменная баба и др. Среди хонгорцев почитанием пользовались только средневековые изваяния, с которыми они связывали свое прошлое. «Все названные куртуяки, – отмечал историк С.В. Бахрушин, были ... окружены религиозным почитанием окрестного кочевого населения; к ним «бывало от идолопоклонников богомолье и приношение жертв»⁴⁴. К сожалению, многие из них были разрушены ретивыми поборниками распространения христианства в XVIII-XIX вв., а некоторые, вывезенные из хакасских степей в города Сибири, затерялись.

По отношению к памятникам «көзее», согласно законам Белой веры, общинники должны проявлять особую дань почтения. Проезжая мимо них, хонгорцы должны были остановиться, окропить изваяние вином, намазать маслом или другой снедью его рот и глаза, а затем троекратно обойти по солнцу с поклонами. Миновать древние обелиски без подобного почтения считалось крайне предосудительным, ибо духи-хозяева истуканов рассердятся и отомстят. У тех, кто не соблюдал обычай, переворачивались телеги, распрягались кони, вслед им летели камни. Память предков надо было чтить, а потому, находясь рядом с каменными идолами, запрещалось громко разговаривать и смеяться, тем более нельзя было наносить им какой-либо вред и, боже упаси, выкапывать из земли. Нам рассказали случай, произошедший в аале Карагай. Однажды, когда его жители выкопали изваяние «чалгыс көзее», стоявшее рядом с поселением, среди них распространилась эпидемия оспы. Болезнь прекратилась только после того, как истукана водрузили обратно на место⁴⁵.

Благочестивым людям, следовавшим заветам предков, древние герои, застывшие в камне за свои подвиги, изредка представляли в живом облике и дарили счастье. Благодаря каменным изваяниям «ах көзее» – т.е. обелис-

кам Белой веры, процветало скотоводство бурханистских общин, ибо они, как считали хонгорцы, держали в руках души людей и скота Хонгорая.

Ах-Худай обращал в камень не только великих богатырей, но и великих грешников. Согласно хонгорским мифам, в древние времена одна девушка, внебрачно забеременев, со стыда бросилась в воды Абакана и утопилась. За то, что она погубила и себя, и невинное дитя, Ах-Худай в наказание превратил ее в белое изваяние «ах обаа», сидящее ныне на дне реки Абакан. Из ее груди сочится молоко, которое появляется по берегам рек в виде белого кварца, именуемого хонгорцами «имчек тас» – т.е. камень женской груди. По хакасским обычаям девочкам запрещается брать в руки кварцевые камушки. Необходимо было три раза плюнуть на «окаменевшее молоко» и пройти мимо. Если тронуть «имчек тас», то у матери заболят груди. Данный обычай служил предостережением девушек против совершения греховных поступков⁴⁶.

Изваяния «иней тас» или «хуртуях тас» – т.е. каменные бабы содержали, якобы, в себе жизненную силу людей (хут), являлись покровителями детей и семейного счастья. Поэтому женщины, желавшие родить ребенка, обращались к ним с соответствующими просьбами, а общинники ежегодно совершали жертвоприношения, дабы не прервался род человеческий. При молениях на голову «иней тас» подвязывали платок, на поясницу подпоясывали матерчатый кушак, а губы смазывали жирной и растительной пищей (сметаной, маслом, салом, ягодами, диким луком).

В долине Абакана, в местности Хамхазы, стояла почитаемая каменная особа – «Улуг хуртуях тас» – великая каменная старуха. В верхней части изваяния было высечено женское лицо, над которым возвышалась остроконечная шапка, напоминающая головной убор хакасской свахи – «тұлғу пөрік», а на груди красовался нагрудник «пого». Взор ее был обращен на восток. Около нее была сделана небольшая изгородь, внутри которой находились каменные валуны, имевшие грубую форму животных (мал сомнары). Они представляли скот старухи «хуртуях-тас». Если вокруг нее появлялось много валунов, то, значит, у хакасов будет много крупного рогатого скота. Кстати, в языке тюрков Саяно-Алтая каменные валуны называются «инек тас» или «инек даш» – т.е. коровий камень⁴⁷.

Согласно хонгорским мифам, «хуртуях тас» появилась вместе с детьми со стороны верховьев Енисея (по другой версии – с верховьев Абакана). Каменные гряды крепостных стен на г.Хызыл-хая, недалеко от ее местонахождения, получили названия «хуртуях чоль», т.е. дорога каменной старухи, по которой она пришла. В результате великой семейной ссоры ее муж «Хара тас» (в вариантах – Ызых тас, Сартахпай), ее дочь «хыс көзее» и она сама окаменели⁴⁸. «Отправляясь на звериный промысел или проезжая мимо, – писал в XIX веке Н.А. Костров, – (жители Хонгорая) подходят к

каменной старухе с поклонами, обливают ее молоком, аракою..., а выпуклое, грубо изваянное лицо истукана с отверстием ртом обмазывают сметаной и салом с таким усердием, что рот почернел от жирного слоя. Если охота была неудачной, то некоторые в негодовании от обманутых ожиданий наказывают истукана плетью или палками»⁴⁹. Изваянию «хуртуях тас» ежегодно совершали моления обитатели аскизских степей, ибо оно охраняло жизненную силу сагайского племени (кизи худы). «Приношению жертвы предшествовал обряд троекратного объезда верхом на лошади вокруг куртуяка» – отмечал историк С.В. Бахрушин⁵⁰.

В 1954 году археолог А.Н. Липский выкопал «хуртуях тас» и установил ее в стелларии Хакасского краеведческого музея. Однажды он застал перед изваянием молодую хакаску, державшую у рта «хуртуях таса» чашечку с аракой. Рот истукана был обильно вымазан сметаной. Женщина что-то шептала, постоянно кланяясь идолу. Сопровождавшая ее пожилая хакаска призналась, что у ее невестки нет детей и, прослышав о том, что «хуртуях тас» увезли в Абакан, они обе поспешили сюда просить хранительницу жизненной силы детей о помощи.

Другое известное изваяние «иней тас» стояло в долине реки Аскиз (левый приток Абакана) и ему испокон веков поклонялись хакасы из рода «том» (фамилия Мойнагашевых). В 1844 году Сагайская степная дума сообщала: «По левой стороне р. Аскиз против улуса Ондуровых в горах Иней находится камень, называемый бабою»⁵¹. Во второй половине XIX века ретивые миссионеры разбили каменного кумира, отколов у него голову, женские груди и ноги. Несмотря на вандализм, люди продолжали совершать летом ежегодные «золотые жертвоприношения» (алтын тайгы) перед горой «Иней-таг». На прежнем местонахождении идола находилась площадка, огороженная плитами, где стояли каменные фигурки животных – овец, коров, лошадей. Это был скот «иней тас». Точно такой же набор животных встречался и при других каменных бабах, что свидетельствовало о скотоводческом образе жизни коренных обитателей Хонгорая. Согласно правилам «Ах-Чаян» – Белой веры, запрещалось прикасаться к стоящим фигуркам животных. Если они упадут, то это предвещало падеж скота. Если гора «Иней-таг» хорошо виднелась издали, то хакасский скот будет хорошо расти. Хонгорцы специально отесывали валуны в виде животных и приносили их качестве жертвенных даров изваянию «иней тас»⁵².

У поборников христианства в борьбе против хакасского идолопоклонства нашлись последователи из числа советских атеистов. В 1955-1956 годах, при прокладке железной дороги Абакан-Новокузнецк, почитаемую скалу «Иней-таг» взорвали. Взорвали не по необходимости, а просто так, ради интереса, дабы доказать неразумным аборигенам беспочвенность их суеверий. С тех пор никто больше не совершал здесь жертвоприношений.

Ежегодное жертвоприношение каменному изваянию «иней тас» или «хыргыз иней» – т.е. кыргызской праматери совершали бурханисты из рода кыргыз (фамилия Котняковых), проживавшие по р.Ниня. Каменная фигура располагалась на специальном пьедестале в нише горы «Иней-таг». Ниша в виде круглой юрты была обращена на юг. Идол «иней тас» сидел, поджав ноги по-турецки, и держал в руках округлый сосуд. Лицо статуи, как утверждали хакасы, носило явно выраженные монголоидные черты. Однако в XIX веке «один священник отбил у старухи голову, и она пропала.»⁵³. «Хыргыз иней» являлась изображением праматери кыргызов, от которой зависела судьба потомков. При всеобщем благоденствии статуя пребывала в спокойном состоянии. Но если роду кыргыз грозило несчастье, то она поворачивалась в сторону ожидаемой опасности.

Согласно хонгорской мифологии, в древние времена среди горного массива «Сахсары» обитало кыргызское племя. Однажды нахлынуло монгольское войско, захватило в плен кыргызов и увело их за Алтай. После угона скотоводов Хонгорая в Монголию, в долине Абакана осталось семь дев кыргызского племени, которые укрылись в горах «Ўлгенниг сын», т.е. Кузнецком Алатау. Они прятались по р.Итчул в верховьях Белого Юуса. До сих пор гора, под которой семь дев спаслись, называется «Чити хыс» – Семь дев. В их честь на правом берегу р. Итчул под утесом были поставлены семь каменных столбиков. Ежегодно их чтили, повязывая на них ритуальные ленты «чалама». При молениях камни «чити хыс» наряжались в платки, словно девушки, и подвязывались поясками. Перед ними клали табак и пищу. В 1929 году русские рабочие приска «Коммунар» разбили их кувалдой.

Согласно мифам, семь богатырских дев разошлись по разным местам Хонгорая и превратились в каменные изваяния. Самая младшая из них вернулась в родные места, увидела родное пепелище и с горя стала каменной статуей «иней тас»⁵⁴.

Жертвоприношение кыргызской праматери – «иней тайыг» совершали на новолуние в июле. Ответственными за его проведение – «тайыг ээзи» назначались главы бурханистских общин, представляющих сеок «хыргыз». Выбранный глава «тѳс пазы» отвечал за «тайыг» в течение трех лет, а затем опять выбирался по очереди следующий. Накануне моления «иней тайи» – букв. жертвоприношение праматери, «тѳс пазы» и его заместитель готовили ритуальную араку и яства у себя в юртах.

Утром все представители рода «кыргыз», жившие по р.Ниня, отправлялись на моление. Истукану на закланье приносили девять белых барашков с черной головой. Животных забивали ритуальным способом «ѳзеп». Ответственные разжигали два костра и варили мясо – каждый в своем казане. Для участников моления готовая пища раскладывалась на

«зеленом столе» (салаачы), сплетенном из ветвей березы. На каменном столике перед кыргызской праmaterью – «хыргыс иней» раскладывали ритуальные приношения: семь бочонков непечатой араки, семь кусков жертвенного мяса, семь хакасских сыров и семь рыб – хариусов. Число семь возможно связано с памятью о семи кыргызских девах. Голову истукана повязывали красным платком, а губы смазывали жирной пищей.

Почтенный алгысчыл, руководивший молением, обряжался в белый костюм, надевал специальную девичью шапочку «сахпа» с прикрепленными на макушке зелеными лентами. Остальные мужчины головные уборы снимали. Женщины молились поодаль, накрыв плечи и голову платками. Незамужние девушки из рода кыргыз могли находиться рядом со своим родовым кумиром.

Жертвоприношение «иней тайи» состояло из двух этапов – молочного и мясного. Сначала алгысчыл и его три помощника, встав перед изваянием «иней тас», читали молитвы и кропили молоком, надоенным от белой коровы. По команде «сөөк!» все присутствующие повторяли клич и кланялись истукану – «иней тас». В течение молочного ритуала алгысчыл с помощниками троекратно поворачивались по солнцу на одном месте. После кропления молоком следовало угощение айраном и хакасским сыром – «пызлахом». Во время «молочного действия» всем женщинам необходимо усердно молиться, ибо «иней тас» в этот момент обращает на них свои взоры. Завершая первый этап, благовестник – алгысчыл угощал всех желающих из своей чашечки (ах чірче) ложечкой (ах сомпах) оставшимся молоком, айраном и пызлахом.

Затем начинался мясной ритуал. Забивались жертвенные барашки и варилось мясо. Обрядовые куски горячего мяса – правые два верхних ребра, сердце и легкие – складывали на поднос, сделанный из веток березы. Впереди всех вставал алгысчыл. За ним находились глава общины – «тайыг ээзи» и его заместитель, которые держали в руках подносы с клубящимся от мяса паром. Опять следовало троекратное кружение с возгласами «сөөк!». Общинники, стоя на ногах, кланялись кыргызской праmaterи. Алгысчыл после угощения «иней тас» жертвенным паром причащал сородичей бульоном из своей чашечки. Таким образом, все молящиеся ели одну пищу с «иней тас».

Молитвы кыргызской праmaterи начинались с просьбой о даровании счастья роду кыргыз и заканчивались настоятельными требованиями обеспечить приплод скота. Благодарили духов – хозяев почитаемой горы «Иней-таг». Каждый, кто приносил на закланье овец, получал от окаменевшей прародительницы искомое счастье и ему гарантировались приумножение богатства, семейное благополучие и рост поголовья скота.

Изваяние «Иней тас» давало исцеление. Поэтому, кто страдал хроническими болезнями, должен был приходиться на моления «иней тайни» в течение трех лет. Больные приносили в качестве жертвы белого ягненка.

Заканчивалось жертвоприношение пиром, после чего на ритуальном костре сжигались кости и шкуры заколотых животных. На застолье разрешалось пить и веселиться, но запрещалось ссориться и буяннить. Алгысчыл торжественно предлагал выпить чашу с аракой тому, кто намерен был принести жертву «иней тас» на следующий год. Желавшие поднимали чашу и громко, чтобы слышал кумир, обещали свое приношение. После возвращения в аал почетные родовичи собирались в юрте главы общины, где продолжалось угощение до вечера. Прежде, чем зайти в дом «тӧс пазы», приезжающие объезжали его усадьбу три раза по солнцу. Благодаря покровительству своего кумира род кыргызов жил богато и счастливо⁵⁵.

В 1900 году изваяние «иней тас» было увезено в Минусинский музей. Когда его стали выкапывать, то ни один русский рабочий не мог сдвинуть почитаемый камень с места. Тогда, как говорят, они вынуждены были обратиться к представителям сеока «кыргызы». За приличное вознаграждение последние согласились его передать. Совершили кропление молочными продуктами и забили в его честь жертву. Только после этого статую сумели поднять и увезти. За предательство по отношению к своему кумиру кыргызы потеряли его покровительство. Их стал преследовать рок невезения и в начале XX века представители сеока «кыргызы» обеднели. Для своей реабилитации они упрямо продолжали совершать моления перед пустой нишей вплоть до коллективизации 1929-1930 гг. С победой социализма жертвоприношения прекратились, видимо, из-за отсутствия белых барашков в личном хозяйстве. Неудивительно, что с приплодом скота дела обстояли неблагоприятно.

В долине р. Камышта по реке Тостыг-чул на небольшом холме покоилось каменное изображение богатырской головы под названием «моол тас» - монгольский камень. Ему делали жертвоприношение кыргызы из фамилии Чертыковых. Согласно мифам, изваяние «моол тас» представляло окаменевшую голову монгольского богатыря, срубленную кыргызским князем. Ежегодное моление проводилось в честь бывших боевых заслуг предков.

Личина «моол тас» была высечена из белого камня. Она имела, якобы, способность поворачиваться лицом в сторону грядущих бедствий, угрожавших благополучию кыргызов. Как мы можем предположить, каменные идолы заботились о жителях Хонгорая.

На горе Козеелиг-таг по р.Бай находилось изваяние «иней кӧзее», считавшееся изображением праматери сеока «ичеге» (фамилия Саражакон

вы). Во времена Всемирного потопа она спаслась на родовой горе Сах-чах, а в дальнейшем окаменела, спустившись в долину р. Бай. Ежегодно Саражаковы совершали ей жертвоприношения.

В долине реки База стояло средневековое изваяние, известное у хакасов под названием «хам атхан кӧзее» – истукан, шаманом застреленный. У фигуры была отбита голова, но на тыльной стороне виден толстый конец косы. В руках изваяния, согнутых в локте, – сосуд с отогнутым венчиком. Ниже локтей туловище сужается к талии, затем расширяется к бедрам, что производит впечатление сидящей фигуры. По хонгорским представлениям, изваяние «хам атхан кӧзее» изображало местную шаманку, застреленную тувинским камом. Проезжающие мимо путники кормили его снедью и окропляли вином. Надо отметить, что шаманы в своих целях использовали каменные стелы. Например, под горой Абатай стоит каменный столб «Атчан кӧзее» – стреляющий истукан, спрятавшись за который, шаманы, якобы, караулили и поражали своих соперников.

В июских степях Хонгорая великим почтением пользовалась средневековая статуя «хозан-хыс» – букв. заяц-девушка. Мифы рассказывали, что это окаменевшая принцесса, душа которой превратилась в зайца. В древние времена хонгорский бег Ир Тохчын привез из земли «Торбет» (Северо-Западная Монголия) дочь Бурут-хана, чтобы выдать ее замуж за своего сына. Когда они достигли Хонгорая, то во сне деву стали преследовать духи земли ее отца в образе зайца. Невеста заболела и попросила Ир Тохчына совершить обряд жертвоприношения, чтобы вернуть духов на родину. Рассерженный Ир Тохчын отказал, и тогда бурутская дева превратилась в каменное изваяние «хозан хыс», а ее душа – в зайца. Она сумела промолвить: «Мой образ оживет в последний день мира, когда черные концы ушей белого зайца станут белоснежными!». С тех пор потомки Ир Тохчына получили имя рода «пурут» и поклоняются этому изваянию⁵⁶.

Обелиск «хозан-хыс» стоял в местности «Кол ойым», недалеко от горы Хызыл-хая на правом берегу р. Черный Июс. Отбитая голова изваяния была приставлена к туловищу. Правая рука, согнутая в локте, держала сосуд, а ладонь левой руки находилась на рукоятке сабли. Сабля подвешена к поясу, на котором изображены квадратные бляшки⁵⁷.

Обелиску делали ежегодные жертвоприношения. Во время моления на голову «хозан-хыс» повязывали красный платок, а талию опоясывали красным шелковым кушаком. Все собравшиеся кланялись, а алгысчыл окроплял истукана молоком, айраном и аракой. Перед ней раскладывали продукты, хлеб. В XIX веке стали класть деньги. Руководитель бурханистского моления – алгысчыл просил покровительства у «хозан хыс»,

дабы дети хонгорского народа были здоровыми, а скот умножался. Она оберегала не только сеок «пурут», но и всех жителей долины Черного Июса⁵⁸.

К сожалению, судьба каменного изваяния «хозан-хыс» оказалась печальной. Однажды некий крещеный хакас по фамилии Итеменев (из селения Кожаков) решил надругаться над бурханистской святыней. Он отбил у истукана голову и привез ее к себе домой. Ночью он услышал в юрте плач женщины и, испугавшись, отвез голову «хозан-хыс» обратно. Долгое время статуя стояла без головы, а потому прежней силы у нее не стало. Окончательно она была разрушена шаманистами. Известный кызыльский шаман Аралай хам решил привезти к идолу «хозан-хыс» своего большого сына. Несмотря на моления и жертвы, сын умер. Тогда разгневанный Аралай хам окончательно разбил истукана⁵⁹.

Скульптурные изображения домашних животных занимали важное место среди ритуальных памятников Хонгорая. В различных местах хакасских степей были установлены: каменные бараны – «хуча тас», козлы – «хосхар тас», кони – «ат обаа», собаки – «адай обаа» и даже олени – «сынн кбзее». Они не представляли изображений тотемных животных, а являлись скульптурными покровителями счастья хонгорских скотоводов. Все они почитались кроплением табака, вина или сыра.

В долине Енисея под горой Куны находилось изваяние каменного быка под названием «ккк пуға» – сивый бык. Согласно мифам, в нем хранилась душа – жизненная сила скота (мал худы). От присутствия каменного быка «ккк пуға» и его мнимого рева все коровы хакасских степей становились стельными. Поэтому, якобы, в степной части Хонгорая, где находился «ккк пуға», было много скота, а в подтаежном краю, где стояло изваяние «хуртуях тас», рождалось много детей.

Через каждые три года представители сеока «пуға», тотемным животным которых являлся мифический сивый бык, совершали перед изваянием моление и приносили жертвы⁶⁰.

По реке Уйбат около аала Усть-Бирь на средневековом кургане находилось каменное изваяние рогатого барана «хуча тас» – букв. Бараний камень. Ему ежегодно совершали жертвоприношения родовичи сеока «уус сагай» из фамилии Астанаевых. Ответственные выбирались из данной фамилии, а участие могли принимать все жители долины Уйбат.

На месте жертвоприношения рядом с изваянием «хуча тас» устанавливали ритуальную березку «пай хазын», куда привязывали священные ленточки «чалама» белого и синего цветов. Под березкой ставили жертвенник «тасхах». Во время жертвоприношения забивали белого барашка, отваривали мясо в казане и горячие куски укладывали на жертвен-

ный столик «тасгах». Хонгорцы были уверены, что «хуча тас», получивший ритуальную пищу, будет покровительствовать им и способствовать увеличению поголовья овечьего стада⁶¹.

По Хонгораю насчитываются десятки средневековых кладбищ, называемых «хыргыс сөөктері» – букв. кыргызские могилы. Хонгорцы сохранили этническую память о своей принадлежности к кыргызским предкам. Поэтому, проходя мимо каменных могильников «хыргыс сөөктері», им кланяются, брызгают аракой, кропят табаком. Запрещалось ставить дома рядом со средневековыми кладбищами, иначе души умерших предков (хыргыс сунезі – букв. поминальная душа кыргызов) могут навредить. В целом можно отметить существовавший в прошлом культ кыргызских погребений.

В хакасском языке термин «көзее» встречается в следующих значениях: обелиск, памятник, стела, каменный столб, идол, болван, истукан, статуя. Он представляет отглагольное образование от «көзі» – застывать (о конечностях тела человека), коченеть (о покойнике), каменеть (о печени человека), онеметь, окостенеть, деревенеть⁶². Опираясь на исходное значение, можно выяснить, что слово «көзее» сначала носило понятие окоченевшего покойника, застывшего человека и, в общем, окаменевшую фигуру. Например, согласно мифам, изваяние «хара тас», стоявшее на берегу Енисея у Саяногорска, представляло собой богатыря, у которого окаменела печень от неистового смеха, когда тот глумился над погубленным войском.

Однозначные слова и понятия известны во всех языках тюрков Саяно-Алтая, а также в монгольском и бурятском языках⁶³. Среди тюрко-монгольских народов бытовало почитание «көзее» (көжээ, хошоо), однако не в таких масштабах, как в Хонгорае. Только в хакасских степях отмечается развитый культ изваяний «иней тас», посвященный женским предкам – хранительницам человеческих душ, совершенно неизвестный в других регионах Сибири.

Исходя из приведенного материала, давно назрела необходимость изменить взгляд на историческое прошлое хонгорцев, идущий от исследователей XIX-XX вв., которые, как например Д.Клеменц, неверно утверждали: «... но нет надобности обращаться к векам доисторическим для объяснения культа каменных баб у современных инородцев, тем более, что рассчитывать на пресмство здесь невозможно, так как большинство современных инородцев сами недавние колонисты этого края».⁶⁴

5.6. Почитание березы и фаллический культ

Самым почитаемым деревом Хонгорая являлась белая береза. Возле юрт бурханистов устанавливались две молодые трехлетние березки, воткнутые в землю. Одна из них украшалась белой, а другая красной лентами «чалама». Между вершинами этих двух берез протягивался волосяной шнур «чиле», на который подвешивались девять и семь зеленых ленточек «чалама». Домашние березки носили названия «сомнар» – букв. изображения, где воплощался дух покровителя скотоводства «ызыхана» (ызыхтың сомнары). Они выполняли роль посредника между верховным божеством и человеком и сохраняли благополучие семьи. Березки «сомнар» устанавливались весной, когда распускались деревья (обычно в мае). Старые срубались и сжигались в огне очага. Срубить березки «сомнар» имел право только мужчина – хозяин юрты.⁶⁵

Подобный обычай существовал у алтайцев и телеутов. Например, телеуты один раз в году весной устанавливали около дома в ряд пять или семь молоденьких березок, называемых «сомдор» – букв. изображения духов. Одна из березок была старшей и вкапывалась отдельно. На березки «сомдор» повязывались священные ленты «чалама» красного и зеленого цветов. Весной, после их установки, во время обряда сюда ставилась освящаемая лошадь рыжей масти, называемая «сом адазы паяна» – букв. дух-предок изображения. В течение года березки «сомдор» окроплялись молоком, дабы они охраняли людей от болезней.⁶⁶

С особым трепетом относились тюрки Саяно-Алтая к одиноко стоявшим деревьям или вихоревым (тирби), у которых сучья были переплетены. Подобные березы наделялись сверхестественными свойствами и им совершали ежегодные жертвоприношения в начале июня, когда деревья полностью распускаются. Подобные мероприятия не относились к числу массовых, и нами отмечено всего несколько десятков мест по Хакасии, где они совершались.

Моление белой березе – «хазың тайиң» проводил алгысчыл, в руках которого сверкал березовый жезл «ах сабыт». На ветви почитаемой березы прикреплялись священные флажки белого и синего цветов. Прошлогодние «чалама» не снимались. Во время ритуала кропления использовали молоко белой кобылицы с накрошенным хакасским сыром «пызлахом». К растущей березе привязывался конь – «ызых» рыжей масти. В качестве жертвы забивался белый валух. Сначала его обводили три раза вокруг березы, а после забоя жертвенным способом горячее отваренное мясо клали на носилки «салаачы» и с ними опять обходили священное дерево. В своих молитвах алгысчыл просил счастья для черноголово-

го народа Хонгорая.⁶⁷ Моление завершалось общей трапезой. Мясо забиваемых животных ели без соли. Бурханистский запрет на потребление соли, возможно, возник из-за того, что она используется на поминках, когда жгут мясную пищу умершему (ибо на том свете, якобы, соли нет).

Обряд почитания березы, который ежегодно проводился на Троицу у шорцев, красочно описан А. В. Анохиным. «В 8 часов утра толпа мужчин (женщины не участвуют) приходит на возвышенное место. Там, около березы священной (эту березу из года в год оберегают) ставят два туяса: один с абыртхы, а другой с аракы. Рядом с ними ставят и другие туяски, которые приносятся на этот же обряд присутствующими. Кроме туясов приносят разноцветные ленточки (чалама), шкуру белки... – все это привешивают к сучьям березы, предварительно сделавши три кивка головой. Выбранное лицо (по преимуществу старик) стоит против березы, перед туясками и березой лицом на восток, читает «алгыш», призывая духов гор и «Ак Улгения». При произношении имени того или другого духа читающий ложкой делает «шоок» (т.е. возлияние). Присутствующие кланяются. По окончании чтения чтец, макнув пальцы в «абыртхы», кропит кругом туяска. Потом пьют «абыртхы» чашкой, а за «абыртхы» аракы. После употребления напитка устраивается борьба, а после борьбы перед уходом бросают чашки вверх. Если чашка упадет вверх дном, наступающий год будет тяжелым, а если вниз дном – хорошим».⁶⁸

Целью жертвоприношения березе – «хазың тайи» являлась забота о благополучии потомства и здоровье детей, особенно в том случае, когда у них встречались припадочные болезни.⁶⁹ После «хазың тайи» служитель бурханизма в качестве платы получал шкуру белого валуха и мясо задней части. Кости и требуха сжигались на месте жертвоприношения.

Березу, выбранную для почитания (тайыг), первоначально мог увидеть во сне глава бурханистской общины – «тӱс пазы». Иногда, как это случилось в аале Усть-Таштып, могли почитать березу, которую вырастил «тӱс пазы» в своем огороде. За священной березой ухаживали. Запрещалось рубить ее ветви, а инородцам, т.е. русским, запрещалось даже притрагиваться. Не разрешалось есть ягоду, растущую рядом (например, крыжовник, смородину, землянику).⁷⁰

Один раз в три года хонгорцы собирались на празднество под названием «Хоча хан тайи» – жертвоприношение Ходжа-хану. В мифологии тюрков Саяно-Алтая «Ходжа-хан» был известен как эротическое божество, олицетворяющее символ плодородия, в котором находился дух мужской силы.⁷¹ Выбираемая для моления береза – «тирби хазын» имела изогнутый ствол и переплетенные ветви кроны. Вокруг нее незримо присутствует сам «Ходжа-хан». Точно такое же представление мы встречаем у кумандинов, которые в молитвах воспевают Ходжа-хана следующим образом:

«Карчы кайын кестербес кайыр Солто ханнын хочасыбын» – Я – фаллос Солто-хана, который никогда не срежет завитую (вихоревую) березу. Женщинам запрещалось участвовать на этом обряде. Жертвоприношение «Хоча хан тайи» проводилось с целью получения плодородия и было обращено к верховному творцу Ульгеню. «Народное почитание Ульгена, – писал И. Штыгашев, ... повторяется через каждые три года и исполняется со строгим исполнением всех обрядов. На это празднество собирается много народа со всех сторон. Жертва состоит из огромного количества браги (более 100 ведер) и лапши, и мяса. Для приношения этой жертвы не всякий кам [имеется в виду алгысчыл – В.Б.] годен: Ульгень чистейший дух, покровитель, следовательно и шаман [алгысчыл – В.Б.] должен быть хороших душевных качеств. Поэтому шаман [алгысчыл – В.Б.] при камлании пришивает к верхушке своей шапки кусок заячьей шкуры в знак чистоты»⁷². Руководитель моления облачался в одежды «Ходжа-хана» – божества, дающего мужскую силу. Он надевал белый халат из холста, на голову водружал коническую берестяную шапку (устух тос пöрик), лицо закрывалось берестяной маской (тос харах), представлявшей образ Ульгена. В руки он брал жезл «сабыт», а впереди за бедра привязывал деревянный фаллос, вырезанный из березового дерева и окрашенный охрой (чоза). Фаллос, в виде полового члена жеребца, носил хонгорское название «хоча»⁷³. По всей видимости, термин «хоча» в тюркских языках обозначал мужское начало. Например, в турецком языке слово «коджа» (коса) служит для обращения жены к мужу, который должен выполнять свои супружеские обязанности.⁷⁴ Интересно отметить, что во время празднества все участники назывались общим именем «хочалар» – букв. фаллосы. В отличие от них сам фаллос величался «пай хоча» – священный фаллос. В молитвах к нему обращались следующим образом: «Ах-Худай чайап пирген пай хоча» – Священный фаллос, сотворенный и данный нам Белым Богом. «Возможно, – считал С.В. Иванов, – что коча-кан получал жизненную силу небесного жеребца от Ульгена, доставлял ее на землю и через шамана передавал ее людям»⁷⁵. Фаллос и маска окрашивались охрой (чоза), передававшей цвет крови жертвенного животного, что подчеркивало их животворящую силу.

Сначала вокруг вихоревой березы – «тирби хазын» трижды обводили белого ягненка. Затем его забивали жертвенным способом, отваривали необходимые куски в казане и обходили почитаемое дерево с горячим мясным паром. Во время моления алгысчыл «восходит в великолепные дворцы Ульгена, с царской обстановкой, и предлагает ему жертву, произнося при этом самые лестные и задушевные слова».⁷⁶

Кульминацией праздника «Хоча хан тайи» являлось сонтие руководителя моления с березой. Алгысчыл обнимал дерево и совершал с ней совокупление при помощи фаллоса «хоча». В этот момент участники мо-

ления окропляли березу жертвенной брагой «хоча позазы» – т.е. брагой Ходжа-хана, приготовленной непорочной девой и никем не пробованной. Алгысчыл читал молитвы с просьбой умножения рода человеческого в Хонгорае и на Саяно-Алтае (см. молитву).

Жертвоприношение «Хоча хан тайи» завершалось игрой «хоча ойны». Атрибуты моления Ходжа-хана – берестяная шапка, маска и фаллос складывались на жертвенник «тасхах», находящийся у священной березы. Один из молодых надевал березовую маску (тос харах), окрашенную охрой и убранный разноцветными лентами, брал в руки фаллос и, изображая жеребца, ловил бегущую от него молодежь. Перед началом этого представления участники, встав в ряд, пели: «табыл-тубыл хамчылыг, ах тай – көк тай аралыг» – т.е. с бичом табыл-тубыл, между белым и сивым жеребцами. Во время игры «хоча ойны» пойманным парням и мальчикам фаллос просовывался между ног. При встрече со стариками или женщинами фаллос засовывали им подмышку. Женщины, в момент возвращения мужчин с праздника, с криками «хоча килир» – идет «ходжа», разбегались по юртам. Входить в помещение с фаллосом запрещалось. После завершения игры фаллос – «хоча», маска, коническая берестяная шапка передавались «тёс пазы» – хозяину будущего моления, который торжественно заносил их к себе домой и хранил до следующего события.⁷⁷

Фаллический культ «Ходжа-хан», кроме Хонгорая, был зафиксирован исследователями среди телеутов, шорцев и кумандинцев.⁷⁸ В настоящее время память о нем забыта. Однако до сих пор сохранились слова песни «табыл-тубыл хамчылыг», которая применялась при завершении праздника Ходжа-хану, во время игры «Хоча ойны».

В XIX в. почитание березы на Саяно-Алтае слилось с христианским праздником дня Святой Троицы (по-хакасски «Учүлүк» или «Гросин»). В это время скотоводы перекочевывали на летники. Срубались также молодые березки, которые стали устанавливаться с двух сторон дверей юрты. Они украшались венками из цветов «жарки» (по-хакасски «худай порчозы» – божьи цветы). На Троицу березки обязательно окроплялись аракой. Такой обряд приобрел название «гросин тайи» – жертвоприношение на Троицу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XIX–XX вв. в Хакасии и на Алтае общественная потребность в создании единой религии произошла под сильным влиянием возрождения национального самосознания и национально-освободительного движения тюрков Саяно-Алтая. Процесс выработки общенациональных ценностей охватил не одно столетие. В эпоху позднего средневековья под сильным влиянием монгольского ламаизма и на базе древних шаманских верований, но не без участия раннего зороастрийского учения Ирана, на территории Саяно-Алтая начала складываться религия хакасов и алтайцев под названием «Ах-Чаян» – Белая вера, известная в науке как бурханизм.

Основными ее постулатами стали: вера в единого бога – Ах-Худая (Ак-Бурхана), культ единого предка Боруса, ожидание прихода мессии Хоорай-хана (Ойрот-хана), культ Великого Неба, запрет на употребление спиртных и табачных изделий.

В результате насильственной христианизации произошла трансформация в сознании, связанном с древним пантеоном божеств, завершившаяся монотеистическим образом Великого Белого Творца – Ах-Худая и его антипода – Ирлик-хана. Непрестанная борьба Белого (Ах-Худая) и Черного (Ирлик-хана) демиургов составляет содержание мировой истории, которая завершится катастрофой в виде извержения огненной лавы – «отгыг халап». Благодаря ожидаемому мессии спасутся сыны Хонгорая, содействовавшие Великому Белому Творцу в борьбе против злых сил. В бурханизме прослеживается покровительство бога Ах-Худая тюркам Саяно-Алтая. Одна из главных идей Белой веры заключается в сохранении обычаев, начатых и завещанных предками грядущим поколениям, в которых утверждаются забота о сохранении нации, вечность бытия на этой земле, запрещенные браки за пределами этнического поля. Однако вмешательство сначала христианского православия, а затем советско-партийного режима нарушило размеренность развития духовной жизни хонгорцев. Произошел разрыв традиций. Вследствие этого начался процесс вырождения, потери духовности и своей этничности.

Христианизация тюрков Саяно-Алтая заставила их отказаться от некоторых шаманских обрядов и выработала у них отрицательное отношение к персоне шамана. Вместе с тем, халы – миряне Хонгорая, ответили негативной реакцией на деятельность православных священников. В результате бурханизм стал отвергать и христианских попов.

В нашем исследовании мы попытались раскрыть неизведанную до того религиозную систему Белой веры, ныне почти утраченную в Хонгорее. В

качестве иллюстративного материала представлены оригинальные молитвы, которые впервые вводятся в научный оборот. Согласно полученным данным, халы – миряне Хонгорая, несмотря на сохраняемые в быту шаманские обряды, составляли единое этноконфессиональное общество. За шаманизмом оставались важные обряды жизненного цикла, связанные с рождением детей и отправлением душ умерших в загробный мир. Бурханизм укрепил свои позиции на общественных молениях. И шаманисты, и бурханисты хоронили умерших на одном кладбище, где стали господствовать христианские каноны. Основы воззрений и культовая практика, уходящие корнями во времена Кыргызского государства, позволяют предположить, что тюрки Саяно-Алтая являются преемниками историко-культурного наследия енисейских кыргызов, духовная жизнь которых формировалась в древнетюркскую эпоху под влиянием Центрально-Азиатского очага цивилизации. Не обошла стороной кыргызов и восточно-азиатская культура Китая, и переднеазиатская культура Ирана.

Развитый культ родной земли – Золотого Хонгорая (Ал Хоорай) и Золотых гор Алтая, с их почитаемыми горами (Борус, Учсумер, Умай-Тас) и реками (Енисей, Абакан, Бия и Катунь) свидетельствует, что бурханизм неразрывно связан с историей своего народа и территорией его проживания. Вместе с тем, в отличие от древних тюрков, в Хонгорае культ Великого Неба не сливался с культом Земли.

Счастье тюрков Саяно-Алтая заключалось в их многочисленных стадах, успехах на охоте и наличии достойных человеческих сынов. Поэтому главные культы были подчинены процветанию скотоводческого образа жизни и увеличению потомства. Присутствие среди домашних фетишей покровителей охоты и стрелкового оружия напоминают нам былую военную славу номадов (тумен, туг, орда и т.д.).

Верховный Бог – Ах-Худай установил правопорядок и законы жизни (чарлых) общества, которые передавались в виде заветов через алгысчылов. В бурханизме особо соблюдался закон ритуальной чистоты. Большой частью он касался женщин. Бурханизм, зародившись в недрах феодального общества, ограничивал права женщины, которая, как созданная из ребра мужчины, должна ему повиноваться. Однако они получали большие привилегии во время обрядов, посвященных богине огня «От-Ине» и богине Умай. Эти образы небожителей имели большое значение среди тюрков Саяно-Алтая. Не зря, вероятно, алгысчылы, надев девичий головной убор, перевоплощались в богиню Умай для общения с Верховным Творцом.

В завершение хотелось бы выразить надежду на то, чтобы искры бурханистских традиций, тлеющие до сих пор среди тюрков Саяно-Алтая, не погасли и разгорелись ярким пламенем вместе с возрождением национального самосознания хонгорского и алтайского этносов.

I. ТЕКСТЫ МОЛИТВ

1. Урей

Урей! чалканду халаш перигер!
 Урей! чайбалбай турып пай полыгар!
 Урей! тепшимнинен ал чыгар
 Урей! терменбей турып пай полыгар!
 Урей! колколу ит перигер!
 Урей! колколу ит пербезер!
 Урей! паза хомыстыг парбагар!
 Урей! канду ит перигер!
 Урей! канду ит пербезер!
 Урей! паза хамдап чърбегер!
 Урей! айга тиккен уйнер
 Урей! алтынмынан хурчалзын!
 Урей! айыл ичине толдыра пала ползын!
 Урей! кунге тиккен уйнер
 Урей! кумушпинси хурчалзын!
 Урей! чулан ичине толдыра мал ползын !!

2. Тагларга-сугларга Іліг Ігенде
алгыстар

Улуг таглар улуспанар!
 Кічіг таглар кітеспенер!
 Алтын айахтарын чаза тудынынар!
 Минің тастаан аарлыг тамигым
 Алтын айахтарыңа ушдіре түзіп одырзын!
 Улуг суглар улуспанар!
 Кічіг суглар кітеспенер!
 Кумус айахтарын чаза тудынынар!
 Минің тастаан аарлыг азым
 Кумус айахтарыңа ушдіре түзіп одырзын!
 Аастыг-тістіг аннарыңны
 Хадарған малга сабылдырбас полынар!
 Аастыг-тістіг хустарыңны
 аал-кунге тапсап нимезін!
 Хара пастыг кізінін чуртын өтіре
 Чол салбас полынар!
 Хадарған малның хазаазын тобыра
 Чол салбас полынар!
 Мин сілерні алгыстап салдым!
 Сілер меге алгыс пирінер!¹

1. Колядование (у телеутов).

Урей! Дайте калач величиной с репу!
 Без колебаний, становитесь богатыми!
 С большим блюдом выходите!
 Не раскачиваясь, становитесь богатыми!
 Дайте подарочное мясо!
 Если Вы не дадите подарочного мяса,
 То больше не веселитесь, играя на хомысе!
 Дайте свежего мяса!
 Если Вы не дадите свежего мяса,
 То больше не обращайтесь за шаманом!
 Пусть Ваш дом, поставленный под Луной,
 Опошется золотом!
 Пусть дома будет полно детей!
 Пусть ваш дом, поставленный под Солнцем,
 Опошется серебром!
 Пусть на скотном дворе полно будет скота!

2. Молитва, при кроплении
горным и речным духам

Великие горы! Не ропщите.
 Малые горы! Не рыдайте.
 Золотые свои чаши расставьте!
 Преподнесенные мною изысканные яства
 Пусть наполняют Ваши золотые чаши!
 Великие реки! Не ропщите!
 Малые реки! Не рыдайте!
 Серебряные свои чаши расставьте!
 Преподнесенные мною отборные яства
 Пусть наполняют Ваши серебряные чаши!
 Пусть Ваши хищные звери не нападают
 на скот!
 Пусть Ваши хищные птицы
 не спускаются в селения!
 Пусть не прокладывают дороги
 через юрты черноголового народа,
 Пусть не прокладывают дороги
 через скотные дворы сельчан!
 Вознес молитву и возблагодарил я Вас!
 Дайте и Вы мне свое благословение!

3. Урунчах

Урунчах полып, урунма!
 Сабынчах полып, сабынма!
 Хайдан килгезиң, андарох пар!
 Азахтаң айланма!
 Идектен ибiрiлбе!
 Пасхан чирiң халын тайга, андарох пар!
 Час орайым чазытпа!
 Ил орайым илетпе!
 Искiт тайгана iлинiп одыр!
 Чик тiп чилбебинчeм,
 Айна тiп алгабинчам, алданчам.
 Асхан чирiң Асхыл тайга,
 Асхыл тайганы тартына пар!
 Сыххан чирiң Тун тайга,
 Тун тайганы тартына пар!
 Пызодан мухах поэмы хайдан пiлим,
 Хазырадан хал поэмы хайдан пiлим,
 Хал кiзинiн харагы чогыл!
 Хул кiзинiн хулагы чогыл!
 Харахтыглар! Ал поэыма айланманар!
 Атхан угынар суурынар,
 Тутхан холынар салынар!
 Час орайымны чапанма!
 Париған чирiңе парыбыс!
 Ил орайымны ибiрiлбе!
 Иниc тайгана тартына пар!
 Урунмасха урунма,
 Сабылбасха сабылба!
 Парған чолың пар ползын,
 Айланган чолың чох ползын!
 Сынымас чирге сынма!
 Сабылбас чирге сабылба!
 Кiрiмчiллер-кiбеспекчiлер
 Агаларым-уучаларым!
 Адирга адынар аарлыг
 Постирга поэынар погда!
 Ал поэыма айланманар!
 Париған чирiңе пар!
 Пага чiли палбыри хал,
 Чылан чiли чылбыри хал!
 Хайдан килгезиң, андарох пар!³

3. Молитва при лечении болезни
 «урунчах»

Не сталкивайся, будучи «урунчахом»!
 Не попадайся, будучи «сабынчахом»!
 Откуда пришел, туда же отправляйся!
 Под ногами не вертись, у подола не крутись!
 Твоя земля густая тайга.
 Туда и возвращайся!
 Малышей не тревожь!
 Людских отпрысков не мучай!
 Отправляйся в дремучую тайгу!
 Я не изгоняю, приняв за дьявола,
 Я не называю, приняв за черта,
 Но прошу и уговариваю вас -
 Вернитесь обратно в дикую тайгу!
 Ведь Ты перевалил дремучую тайгу,
 Ведь Ты вышел из темной тайги!
 Развернись обратно в сторону темной тайги.
 Я глуше теленка, где мне знать,
 Я проще телки, откуда мне знать,
 У мирянина нет глаз, у рыба нет ушей!
 Зрячие! Не оборачивайтесь ко мне,
 Выдерните выпущенную стрелу,
 Отпустите держащую руку!
 К малому дитя моему не привязывайтесь!
 Иди своей дорогой!
 Не кружи вокруг младенцев мололетних!
 Развернись к широкой тайге!
 Не встречайся там, где не надо!
 Не ударяйся там, где не надо!
 Да будет у тебя дорога, ведущая от нас!
 Пусть не будет у тебя возвращения!
 Не влезай туда, куда не надо!
 Не встречайся там, где не надо!
 Всевидящие! Мои предки!
 Называю Вас дорогим именем,
 Величаю Вас почтительно.
 Не приставайте ко мне,
 Идите своей дорогой!
 Отскочи, как лягушка,
 Ускользни, словно змея!
 Отправляйся туда, откуда пришел!

4. Үзүт урунза, хал кизиниң сөстери

Хал кизиниң хагбазы полчан
 Тик кизиниң тигірі полчан
 Хазырадан халбың, пызодан мухахпын,
 Пір дее ниме пілбинчем,
 пір дее ниме көрбинчем
 харагы чох хал матырбын,
 хулагы чох худ матырбын!
 хойным халбах, идеем илбек.
 палыхтаң килегейбин!
 нымырхадан туюхпын,
 хабыргадан халбын!
 харагы чох хаммын!
 хара чага хамчы полчан,
 харагы чох хамынар полчан!
 хал кизи сыгара саапча,
 халбин парып одыр,
 тик кизи сыгара саапча,
 тигбин парып одыр!
 хуюх-хайых нимістігзер,
 иріннериң кизергеннер,
 идектериң сирбейгеннер.
 час орайга чарбанманар!
 ил орайга илтелбенер!
 чагалыг кип чаргылыгзар!
 хара күрсн аттыгзар!
 хара пазын хабырбанар!
 халын идиң салдабанар.
 амыр-тызын салыныл одырынар!
 час паланы чазатпаңар!
 час орайга чапсынманар!
 хая полза пахпаңар,
 харчы полза көрбенер!
 хуюн полын хуйдурба,
 чил полып чилбебе!⁴

4. Заклинание, читаемое халом
 (мирянным), когда его поражит злой
 дух – үзүт.

У мирянина есть ангел-хранитель,
 У простого смертного есть покровитель,
 Я проще телки, я глупее теленка,
 Я ничего не знаю, я ничего не вижу.
 Я безглазый мирянин батыр,
 Я глухой раб – батыр!
 Моя пазуха широка, мой подол велик,
 Я нем, как рыба, я глухой, как яйцо!
 Я проще ребра, я безглазый шаман,
 Черная «чага» служит мне бичом,
 Безглазый хан является вашим
 правителем,
 Мирянин выгоняет не задерживаясь,
 уходи.
 Простой смертный вытряхивает –
 не прикасаясь, уходи!
 Вы, с горелой пищей, Вы, с опаленными
 губами,
 Вы, с вытянутым подолом,
 Не цепляйтесь к детям,
 Не пристраивайтесь к малышам!
 Вы, носящие поясную одежду,
 Вы, едzące на черно-бурых конях,
 Не кусайте черноголовых,
 Не грызите плоть и кровь.
 Успокойтесь, угомонитесь!
 Не приставайте к детям,
 Не оглядывайтесь назад,
 Не кружитесь в вихре, не вейте ветром!

5. Кипиен сапчан чозах

Айна чолын алты крести,
 Чик чолын читі крести,
 Хараскы иирде хыр сосхаа чүленменер,
 харых тартып чөрбенер!
 Тун хараазында час палаа чүленменер,
 пала полып ылгабанар.
 Ай хараазында ала сосхаа чүленменер,
 аал аралап чөрбенер,
 Хызыл иирде хызыл инекке чүленменер,
 Инек полып мууребенер!
 Узун хараада хара кізее чүленменер,
 кізі полып чөрбенер!
 Улуғ-кічигді хоргытпанар!
 Таң хараазында тағ абазына чүленменер,
 Тағ абазы полып, тасхархыларды
 хоргытпанар!
 Орты хараада пырчын пырыска
 чүленменер,
 Пырыс полып чөрбенер!
 Узун тулуңныг хара хаттын саргалган
 тістері,
 Тоғыс чирден тогры сабылар, үс чирден
 үзе сабылар.
 Хуюн чилі хуюнга хозыла халзын!
 Пораан чилі пораанга хозыла халзын!
 Азахнан айланьспазын ол чабал ниме,
 Идекниен ибірліспезін ол чабал ниме!
 Урунчах полып урунмазын,
 Сабылчях полып сабылбазын.
 Хызыл иирде чорыхтыг чон,
 Асхыр танах тапсаанда, тизібісчеткен
 чон.⁵

5. Молитва во время лечения от злых
 духов обмахиванием одеждой

Шестикратно искрестив дорогу чертей,
 Семикратно исходив дорогу бесов,
 Поздним вечером оборотятся в серых свиней,
 Хрюкая, не ходите!
 Поздней ночью оборотившись младенцами,
 Плачь, подобный детскому, не издавайте!
 Красным вечером обрядившись красной
 коровой,
 Подобно корове, не мычите!
 Длинной ночью, приняв обличье
 человеческое,
 Человекоподобными не ходите!
 Старых и младых не пугайте!
 На рассвете, в горного медведя оборотятся,
 Не пугайте прохожих на околице!
 В полночь не обряжайтесь в голубых кошек,
 Подобно кошке не мяукайте!
 Желтые зубы длиннодолосой черной
 ведьмы
 В девяти местах треснут, в трех местах
 обломятся.
 Ветер вихря пусть присоединится к вихрю,
 Ветер бурана пусть присоединится к буралу,
 Пусть не крутится под ногами нечисть!
 Пусть не кружится вокруг подола нечисть!
 Став «урунчахом», пусть не встречается,
 Став «сабылчяхом», пусть не попадается!
 Красным вечером устраивающая разгул,
 С нением петухов разбегающаяся
 нечисть!

6. Чымыр

Чымыр, чымыр!
 Ханду узут хара чек!
 Хуюн полып хуйдурчазын ба?
 Салгын полып сайбырылчазын ба?
 Ач пуурына чиилбе
 Тилигерине чече нар!
 Ажу келген тууна
 Кечиг келген сууна
 Хастырган полза тобрагына наныл хал!
 Хая полза, пагымба,
 Харчы полза, айланба!
 Пит тигенче пидди пер!
 Хол бойынча хогыс пер!
 Хызыл отха хыстайрым
 Чажыл отха чанзайрым,
 Ханду узут хара чек!
 Айна идип айгырарым,
 Чек идип чекирерим,
 Чымыр, чымыр!
 Чымырлап чыкпазан – сай азык
 Чымырлабазан май азык,
 Чымыр, чымыр!
 Ханду узут хара чек!
 Кескен полза агажына
 Кемдеген полза черине
 Айна идип айгырарым,
 Чек идип чегирерим,
 Чол бойын учурадын ба?
 Салкынбынан челбиредин бе?
 Хал – чурекке хабылба,
 Окпе – чурекке брүүлбе!
 Аштаганын мында полза,
 Айлыг черден азыдып ан,
 Ала-туда хаап чи!
 Сухсаганын мында полза,
 Кунниг черден кочилип аш!
 Куректин бажы кулду аш
 Куле-туда мыннан хап!
 Келген чолын янылба
 Кечкен суун эндебе!
 Хая полза, пахпай бар.
 Айлыг черге айланышпа!
 Кунниг черге кебелишпе!
 Айна полза, айгырча.
 Чек полза, чскирче.
 Ханду узут хара чек!
 Хая пахпа! Харчы корбе!
 Келген чолын янылба,
 Кечкен суун кемдебс,
 Ал тайга ашып келдин бе?

6. Телеутская молитва, при лечении
 болезни «чымыр».

Чымыр, чымыр!
 Кровавая душа умершего,
 черный дьявол!
 Став вихрем, кружишься ли ты?
 Став ветром, веешь ли ты?
 Не грызи селезенку,
 Развяжи свой язык.
 Через горные перевалы,
 Через речные броды,
 Через прокопанную землю
 Возвращайся!
 Не оглядывайся назад!
 Дай знак величиной как вша,
 Дай покой рукам.
 К красному огню придавлю,
 К зеленой траве прижму
 Кровавый дух умершего, черный дьявол!
 Равного черту, прогоняю,
 Уподобившегося бесу, выгоняю!
 Чымыр чымыр!
 Если во время обряда не выйдешь – грех.
 Если уйдешь – будет жирная пища!
 Чымыр чымыр!
 Кровавый дух умершего, черный дьявол!
 На срезанное для тебя дерево (т.е. гроб),
 На отмеренное для тебя место
 (т.е. могила),
 Принимая за черта, изгоняю,
 Принимая за беса, прогоняю.
 Встретился ли ты во время пути?
 Закружился ли ты с ветром?
 Не хватай простое сердце,
 не закручивайся в легкие!
 Если ты проголодался,
 То отпривляйся из подлунного мира!
 Если ты здесь страдаешь от жажды,
 То перекочуй из солнечного мира!
 Сожженную пищу на конце лопаты
 С радостью отсюда хватай!
 Не заблудись на своем пути,
 Не забудь пройденных бродов,
 Иди не оглядываясь,
 Иди не смотря назад!
 Не возвращайся в подлунный мир.
 Не приходи в Солнечный мир.
 Если ты черт, то лугаю,
 Если ты дьявол, то прогоняю.
 Кровавый дух умершего, черный дьявол!
 Не оглядывайся назад,
 Не смотри назад!

Агын суу кечтін бе?
Хая полза, корбе!
Харчы полза, пахпа!
Айна идіп айгырчадым,
Чех идіп чекірчадым,
Хара черін хазынган,
Хату агажын чамынган,
Хая көрбе, харчы пахпа!
Күректің бажы күлдү аш
Күле-тура мыннан хап!
Шау!»

7. Сарыг агырыг

Сыххан чирін Оленіг чазы,
Асхан чирін Сарыг тайга
Пағ полып палгалба,
Сырбаг полып сырбалба!
Ханның чүректі хайпатпа,
Сын сөбккө сырбалба,
Читі сарыг тас азыхтыгзын,
Тоғыс хара тас хочыр-хачыр
тайнаглыгзын.
Килген чирін Сарыг тайганы талас,
Сарыг чага сабыттыгзын,
Хара чага сүріглігін!
Сарыг пиинін сагырзына одырып,
Сарыг чохыр платтын пулиина сабылып,
Тыттыг сынны ас паризан, тылаана тыт
хазалзын!
Остың сынны ас паризан, озаана ос ха-
залзын!
Сыххан чирін Сарыг чазыны талас
Сарыг талайнан Оо талайга читчат!
Тоғыс талай пилтірінде,
Тоғыс агастан сал идіп, иичат!
Сарыг талайдан сыххазын
Сару полып чайылба,
Сарыг пиинін сагырзына одырып,
Сарыг чохыр пладына сабылып,
Сарыг талайны талас
Көк паларын көдіріп,
Көбрінмес чирін талас!
Сарыг тайганы чидіп,
Сарыг паларнаң сулгалчат!?

Не залпугай по обратной дороге,
Не изморяй пересеченные реки.
Пришел ли ты, перевалив Алтай?
Пересек ли ты стремительные реки?
Не оглядывайся! Не смотри назад!
Подобного чергу, прогоняю!
Подобного бесу, изгоняю!
Твоя черная земля выкопана (т.е. могила),
Твое твердое дерево выстрогано (т.е. гроб),
Не оглядывайся. Не смотри назад!
Сожженную пищу на конце совка,
Радуюсь, хватай!
Шау!

7. Заговор против желтухи

Место, откуда ты вышла – травянистая
степь,
Место, откуда ты явилась – желтая тайга,
Не привязывайся, как веревка,
Не прилипай, как липучка,
Не заставляй вскипать кровавое сердце,
Не приставай к чистому телу,
Твоя пища – семь желтых камней.
Твоя жвачка – девять черных камней.
Возвращаясь в свою Желтую тайгу.
Твое онахало из желтой «чага».
Твое помело из черной «чага».
Сев на круп желтой кобылицы,
Завернись в уголок желто-пестрого платка.
Когда ты будешь переходить
лиственничный перевал,
Пусть в твой зад воткнется
лиственничный кол.
Если ты будешь переваливать осиновый
перевал,
То пусть в твой перед воткнется
осиновый кол!
Отправляйся в свою Желтую степь,
Достигни Желтого и Ядовитого морей!
Сделай плот из девяти бревен,
Спускайся до устья девяти морей!
Ты вышел из Желтой тайги,
Став желчью, не разливайся,
Поднимая зеленые водоросли,
Отправляйся в невидимую землю.
Достигнув Желтой тайги,
Завернись в желтые водоросли!

8. Сарыг агырыг

Сарыг агырыг хайраханзың!
 Сарыг кип толыглыгың!
 Сарыг киндир хамчылыгың!
 Сарыг столга одыргазың.
 Холадан сарыг сырайлыгың,
 Ала сортаңга чүленгезиң,
 Хола хазанга хосталгазың,
 Тогыс тігенек тартып одыр,
 Читі сарыг тас пулағлыгың,
 Тогыс хара тас толығлыгың,
 Ізіг оорынны тартынып одыр.
 Тогыс агас көнек арағалыгың!
 Тогыс чағалыг кип толығлыгың!⁸

9. Гудян

Сарыг тудан кинтенгезиң!
 Сарыг аалчы чүленгезиң!
 Сарыг тудан хайраханзың!
 Сарыг чага кип толығлыгың!
 Тутхан холың поэдып одыр!
 Чағалыг кип чарғылыгың,
 Хара кип хамчылыгың,
 Атхан угын суурып одыр!
 Хатыг пасты хобыргазың,
 Ханныг көгіс хайнатказың,
 Ізіг аалчы хайраханзың!
 Ізіг оорын тартына хал!
 Сарыг тудан кинтелбе!
 Сарыг чахайах имчелгезиң,
 Тос кименен тосхайгазың,
 Чарды кименен чалбайгазың
 Агын сугнан сабыла хал!
 Алын чолың ачых халзың,
 Тутхан холың поэзыг кал!
 Парған чолың пар ползың,
 Айланған чолың чох ползың!⁹

8. Молитва во время лечения желтухи

Ты владыка, желтая болезнь,
 Твой выкуп желтая одежда,
 Твой бич - из желтой конопли,
 Ты села за желтый стол,
 Лицо твое желтее латуни,
 Ты обрядилась пестрой щукой,
 Ты соединилась с бронзовым казаном,
 Притягивай девять колючек,
 Семь желтых камней твоя жертва,
 Девять черных камней - твой выкуп,
 Притяни горячий пар,
 Ты имешь девять ведер араки,
 Ты имешь выкуп из девяти мужских
 одежд!

9. Заговор против малярии

Ты обрядилась желтой малярией,
 Ты нарядилась желтым гостем,
 Ты владыка, желтая малярия!
 Твой выкуп - желтая мужская одежда,
 Отпусти свои удерживающие руки,
 Твое опахало - из поясной одежды,
 Твой бич - из черной одежды,
 Верни свою выпущенную стрелу,
 Не грызи крепкую голову,
 Не заставляй вскипать кровавую грудь,
 Ты владыка, горячий гость,
 Притяни свой горячий пар,
 Не превращайся в желтую малярию.
 Ты стала желтым цветком,
 Ты плывала на берестяной лодке,
 Ты раскачивалась на дощатой лодке,
 Спускайся по течению реки!
 Да будет открытым путь перед тобой,
 Отпусти свои держащие руки,
 Да будет дорога, ведущая тебя от нас,
 Но не будет обратной!

10. Пур

Пур, пур, пур!
 Пурнын ээзи пурын тарт!
 Ах пур полза ах айасха сых!
 Ах маан ызыхтын сыртына түс!
 Ах тигирниң пулуды полып чайыл тур!
 Ах талайнын тубаны полып, көдіріліп тур!
 Ала харахха ах пур түспезин!
 Көк пур ползаң көк айасха сых!
 Көк пора ызыхтын сыртына түс!
 Көк тигирниң пулуды полып, тарап тур!
 Көк талайның тубаны полып, көдіріліп тур!
 Көрген харахха көк пур түспезин!
 Хызыл пур ползаң,
 Хызыл чалама тудына килд!м!
 Хан позырах ызыхтын сагырзына чапсына түс!
 Хара пур ползаң, хара чирге түс!
 Хара тума тудына килд!м,
 Хара чир ызыхтын аргазына чапсына түс!
 Хайа-хумны санибас,
 Томир настыг хара суға түс!''

11. Аярым

Аярым-аярым!
 Сарыг талайдан син сыххазың,
 Сарыг хан чирінде син чайалгазың,
 Тамах тбзін тахылатхазың,
 Холга тбзін хохлатхазың,
 Таң хараазы чорыхтыгың,
 Сарыг киндір сабыттыгың,
 Сарыг хурусха толыглыгың,
 Тоғмыс хазың чилбеглігің,
 Тон көбісті хыспақан,
 Тон чүректі толгабақан,
 Иир хараазы чорыхтыгың,
 Хуур киндір хобыттыгың,
 Алты хазың илчлігің,
 Ханның чүрегін толгаба,
 Ханның көксім хахсыратпа!

10. Молитва во время лечения глазных болезней.

Пур, пур, пур!
 Хозяин пура, притяни свой пур!
 Если ты – белый пур, то взойди на белос небо,
 Опустись на спину белого ызыха!
 Превратившись в облако белого неба, растворишься!
 Превратившись в туман белого моря, поднимись!
 Если ты – синий пур, то взойди на синее небо,
 Опустись на спину сивого небесного ызыха!
 Превратившись в облако синего цвета, растворишься!
 Превратившись в туман синего моря, поднимись!
 Если ты – красный пур, то, держа фетиш «хызыл чалама», свались на круп кроваво-рыжего ызыха!
 Если ты – черный пур, то спустись на черную землю.
 Держа фетиш «хара тума», свались на спину черного, земного ызыха!
 Камни и песок считая,
 Спустишь в родник, уходящий под землю!
 Пур, пур, пур!

11. Молитва духу бронхиальной астмы

Аярым-аярым!
 Ты вышел из Желтого моря,
 Ты зародился в стране Желтого хана,
 Ты заставляешь кашлять основание гортани,
 Ты заставляешь содрогаться основание аорты.
 Ты гуляешь предрассветной ночью,
 Твой жезл из желтой конопли,
 Твой выкуп из желтой мерлушки,
 Ты имеешь опахало из девяти берез,
 Не сжимай благородную грудь,
 Не выкручивай живое сердце,
 Ты гуляешь вечерней ночью,
 Ты имеешь опахало из сухой конопли,
 Твои посланники – шесть берез,

Ах көбіктен түкүртпө!
 Тан алнында тахылатпа,
 Хызыл ирде хыза паспа!
 Час орайны чазытпа,
 Ил орайны илетпө!
 Амыр-тызың пирип одыр!
 Иліг пулутха тартылып одыр!
 Алтон пулутха айланып одыр!
 Холга төзін ходырба!
 Тамах төзін тахылатпа!
 Ах көбігін амырадып одыр!
 Хараагызын халха полдах!
 Күнөргізің күжөтчү юшдах!
 Айна тибес алгабинчөм!
 Чик тибес чилбебинчөм!
 Пазырынчам – сузурунчөм!
 Ирингө имзетпесен, аастыгларга амзатпаан,
 Адай испес ачыг хара суғ нааныглыгызын,
 Хызыл өсті хыза тутхазын,
 Хыбын чили агырыгыны син чайхазын
 Хазырадан хал чоным,
 Нымырхадан туйух чоным,
 Хатыг синиң агыринна хара пасты
 сыстатхазын,
 Халын істі халтыратхазын,
 Ымыл-сымылыны тооза тартынып одыр,
 Сары полар агыринн сыгара тартынып
 одыр,
 Ойын салчаң сары көлдерине чидіп одыр,
 Кірген ізің чоң ползын!
 Сыххан ізің пар ползын
 Сарыг киндір сабыдын пирдім.
 Сарыг хурусха толины пирдім.
 Хара чагадан хамчылабыстым,
 Хатыг арага наанин пирдім
 Улуғ чолына чолланып одыр!
 Айлан, нандах Сарыг хан чиріне!!

Не суши мою кровавую грудь,
 Не крути мое кровавое сердце,
 Не заставляй плевать белой пеной,
 Не мучай кашлем накануне рассвета,
 Не сдавливай грудь красным вечером,
 Не подвергай страданиям детей!
 Успокойся! Умиротворишься!
 Притянешь к пятидесяти облакам,
 Повернешь к шестидесяти облакам,
 Не заставляй кашлем сотрясаться
 основание гортани,
 Не отрывай основание аорты,
 Успокой свою белую пену,
 Будь защитой ночью! Будь стражем днем!
 Я не называю тебя чертом, я не величаю
 тебя бесом!
 Я кланяюсь тебе и молюсь,
 Имеющих уста не дал накормить,
 Имеющих рот не дал напоить,
 Ты имешь кропление водой, которую не
 пьет собака,
 Красное нутро ты сдавил,
 Искрой разжег ты болезнь,
 Народ мой проще теленка,
 Народ мой глухой, как яйцо,
 Жестокая твоя болезнь заставляет ныть
 черную голову,
 Заставляет сотрясаться крепкое нутро,
 Притяни всю свою нечисть,
 Вытяни свою желтую болезнь,
 Достигни желтых озер – места твоих игрив,
 Пусть не будет твоего следа, к нам ведущего!
 Пусть будет от нас уходящий!
 Я преподнес желз из желтой конопли,
 Я дал выкуп из желтой мертлушки,
 Я ударил плетью в виде черной «чага»,
 Я напоил тебя крепким вином,
 Отправляйся в большой путь,
 Возвращайся в землю Желтого хана!

12. Аярым

Аярым-аярым!
 Сарыг чазыда турлаглыгзын,
 Сарыг киндір сабыттыгзын,
 Иир хараазы чорыхтыгзын,
 Ах көбіктен ойлатхазын,
 Хуу чазыда турлаглыгзын,
 Хуу киндір хобыттыгзын,
 Таг харазы чорыхтыгзын,
 Көк іріннен сөртліскезін,
 Таг харазы киптенгезін,
 Тамах төзін тахлатхазын,
 Өлгенер харазын киптенгезін,
 Холга төзін ходыргазын,
 Сарыг киндір сабыттыгзын,
 Сарыг чазына айланып хал!
 Ах көбігін тартына хал!
 Тагнын көлгін тартынып одыр!
 Хуу киндір хобыттыгзын,
 Хуу чазына айланып хал!
 Көк ірінні тартына хал!
 Таг харазы чиктіглерін тартынып одыр!
 Пір чилбезем, иркін алта!
 Ікінчизін чилбезем, хыран алта!
 Парган чирин пар ползын!
 Паза айланғанын чох ползын!¹²

12. Молитва при лечении бронхиальной астмы

Ты имешь стоянку в желтой степи,
 Ты имешь жезл из желтой конопли,
 Ты гуляешь вечерней ночью,
 Ты заставляешь гонять белую пену,
 Ты имешь стоянку в выгоревшей степи,
 Ты имешь опахало из сухой конопли,
 Ты путешествуешь с горной нечистью,
 Ты обмазался зелеными соплями,
 Ты превратился в горную нечисть,
 Ты заставляешь кашлять основание
 гортани,
 Ты превратился в нечисть умерших,
 Ты вырвасшь основание аорты,
 Ты имешь жезл из желтой конопли,
 Возвращайся в желтую степь,
 Притяни свою белую пену!
 Притяни свою горную тень!
 Ты имешь опахало из сухой конопли,
 Возвращайся в свою сухую степь!
 Притяни свои зеленые сопля,
 Притяни дьяволов горной нечисти,
 Если я один раз взмахну, перешагни порог!
 Если второй раз взмахну, перешагни холм!
 Пусть у тебя будет дорога, ведущая от нас,
 Пусть не будет твоего возвращения!

13. Аярым

Сарыг чазы чурттыгзын,
 Ах хазын пазы сабыттыгзын,
 Сарыг кичдир хамчылыгзын,
 Хобыр кичдир хобыттыгзын,
 Тамах төзін тахлатпачан,
 Холга төзін ходырбачан,
 Кізі ахсы таттыг полчан,
 Кізі иди кірліг полчан,
 Ах айазын арыг полчан,
 Ах хусхачах полып, ах айасха
 өөрленібіс!
 Ах көбігін тартынып одыр!
 Көк айазын арыг полчан,
 Көк хусхачах полып, көк айасха
 өөрленібіс!
 Көк көбігін тартынып одыр!
 Ах тигірің арыг полчан,
 Ах чібек полып, ах тигірзер
 тартынып одыр!
 Көк тигірің арыг полчан,
 Көк чібек полып, көк тигірзер тартынып
 одыр!
 Айна хоза адабинчам!
 Чикке хоза чилбебинчем!
 Тутхан хольңны нозыт!
 Тузаан кізеніңні систіп одыр!
 Аярым-аярым!¹³

13. Молитва при лечении бронхиальной астмы

Ты имешь жилище в желтой степи,
 Ты имешь жезл из вершины белой березы,
 Ты имеешь плеть из желтой конопли,
 Ты имешь опухало из высохшей конопли,
 Не заставляй кашлять основание гортани,
 Не отрывай стантовую жилу,
 Человеческий рот бывает с ржавчиной,
 Человеческое тело бывает грязным,
 Белое небо бывает чистым,
 Став белой птичкой, поднимись в белую
 ясность,
 Притяни белую пену,
 Синее небо бывает чистым,
 Став синей птичкой, поднимись в синюю
 ясность,
 Притяни синюю пену,
 Белое небо бывает чистым,
 Став белой нитью, притянись к белому
 небу,
 Синее небо бывает чистым,
 Став синей нитью, притянись к синему
 небу.
 К чертовскому отродью тебя не причисляю,
 К бесовской породе тебя не отношу.
 Разомкни зажатые руки,
 Развяжи завязанные пути!

14. Харан аялчы

Хара камчат пөріктігің!
 Хара сафьян өдіктігің!
 Хара торгы киптігің
 Тоғыс хара ат хостагылыгың
 Тоғыс ханаа толыгылыг чонзың
 Тоғыс хара бутыл толыгылыгың
 Хан-пиг кізі көдіріліп тур.
 Хара туманны тартына хал!
 Атар таң алнына
 Атхан уғын тартына хал!
 Арыг чиріне халын уйгун узуп хал
 Көк от пазын пүрте пас тур!
 Көгбен харды чайа пас тур!
 Күн сузынга тартыл хал!
 Айна-чиктің чызы арып халзың!
 Чабалларга пілдірбе
 Чаксыларга көрінме!
 Хасха тізің саргалғанча
 Айна-чикке пастырба
 Хара пазын хазарғанча,
 Чик чабалга таптырба!¹⁴

15. Хамчо

Хах-хах!
 Алтын отых сагылыгың!
 Алтын иркін азыгылыгың
 Көк чалама сабыттыгың
 Көк сағын полып, пытыраба
 Көк субүреен тартынып одыр!
 Күмүс отых сагылыгың
 Күмүс иркін азыгылыгың
 Хызыл чалама сабыттыгың
 Хызыл сағын полып, чайылба
 Хызыл субүреен тартынып одыр!
 Хырых хыбын чачыратпа!
 Хызыл чалыннан көдірбе!
 Отых хыбын чабырып одыр.
 Сарыг пии сагылыгың
 Хыс пала имчектігің

14. Молитва при лечении тифа

Ты имешь черно-бобровую шапку,
 Ты имешь черно-сафьяновые сапоги,
 Ты имешь одежду из черного шелка,
 Ты имешь упряжку из девяти вороных
 коней,
 Ты имешь выкуп из девяти телег,
 Ты имешь жертву из девяти бутылок
 вина,
 Царей и князей ты приближенный,
 поднимись!
 Притянув фетиш «хара тума»,
 Перед рассветом вытащи выпущенную
 свою стрелу,
 В чистом месте усни крепким сном,
 Шагай, верхушки зеленой травы
 придавливая,
 Рыхлый снег рассыная, —
 Притянись к солнышку лучу,
 Пусть свершится очищение
 от нечистого духа!
 Перед плохими не обнаруживайся,
 хорошим не показывайся!
 До тех пор, пока твои белые зубы
 не пожелтеют,
 Не позволяй злым силам довлеть
 над тобой!
 До тех пор, пока твоя черная голова
 не побелеет,
 Бессовскому наваждению не поддавайся!

15. Молитва при лечении «летучего
 огня»

Хах – хах!
 Золотым огнем ты искры высекаешь,
 Золотой порог ты переваливаешь,
 Ты имешь жел с синими лентами,
 Став синей искрой, не рассыпайся!
 Притяни свою синюю матерю,
 Серебряным огнем ты искры
 высекаешь,
 Серебряный порог ты переваливаешь,
 Ты имешь жел с красными лентами,
 Красной искрой не рассыпайся!
 Не разбрасывай сорок искр,
 Не поднимай красное пламя!
 Тридцать искр притуши,
 Ты имешь круп соловой кобылицы,

Торыг пии тобырчытыгзын
 Хызыр хат потыхтыгзың!
 Күн өрекен, күн өрекен!
 Күмүс иркін алтап одыр!
 Ай өрекен, Ай өрекен!
 Алтын иркін алтап одыр!
 Көк чалама сабыдын ал!
 Чайылган сөс тартынып одыр!
 Чаба-пүре хурудынар!
 Сарыг пии сағырзынаң
 Хыс пала имчегінен
 Торыг пии тобырчыгынаң
 Хызыр хат подинаң
 Хырых хыбын тобыра парзын
 Хырых палыг хуруп парзын! Хах-хах!¹⁵

16. Хамчо

Отыс пашту от эне
 ойган хамыш хулахту
 хырых пашту хыс энем
 хыйган хамыш хулахту
 хырдаң хырга тандырган
 кызыл торгы кийимду
 хыстан арыг чырайлу
 чардан чарга тандырган
 чажыл торгы кийимду
 чаштан арыг чырайлу
 таш очогың салынган,
 талган-күлін күбреткен,
 үч очогың салынган,
 үрүн талдын эзі
 отыс пашту от энем
 хырых пашту хыс энем
 чалымханнаң угыптур
 чалбырганнаң сезіптур
 эруу чырайнаң пахтур
 эм көзімнен көр тур
 оң көзімнен пахтур
 он алгышым нер тур.¹⁶

Ты имешь грудь молодой девицы,
 Ты имешь нагайку для гнедой
 кобылицы,
 Ты имешь влагалище нерожавшей бабы,
 Солнышко-старушка,
 Перешагни серебряный порог,
 Луна-старушка,
 Перешагни золотой порог,
 Возьми свой жезл с синими лентами,
 Собери свои рассыпанные слова,
 Закрывая-сворачивая, засуши!
 Вместе с крупом соловой кобылицы,
 Вместе с грудью девицы,
 Вместе с нагайкой для гнедой кобылицы,
 Вместе с влагалищем нерожавшей бабы.
 Сорок искр пусть навзвозь пройдут!
 Сорок болячек пусть засохнут!

16. Телеутская молитва при лечении «летучего огня»

Тридцатиглавая Огонь-Мать!
 Имеющая уши, как выдолбленный
 половник,
 Сорокоглавая Дева-Мать!
 Имеющая уши, как вырезанный половник,
 С холма на холм прыгающая,
 Имеющая одежду из красного шелка,
 Имеющая лицо краше, чем у девицы,
 С берега на берег прыгающая,
 Имеющая одежду из зеленого шелка,
 Имеющая лицо краше, чем у молодой,
 Поставившая чугунный треножник,
 Рассыпающая золу и пепел,
 Поставившая треногий таган,
 Хозяйка очага,
 Тридцатиглавая моя Огонь-мать,
 Сорокоглавая моя Дева-Мать!
 Слушает языками пламени,
 Понимает исходящим жаром.
 Глядит красивым лицом,
 Смотрит добрыми глазами,
 Наблюдает правым глазом.
 Дает мне лучшее благословение!

17. Сіс

Өспөс чирге бс партырзын!
Сыхлас чирге сых партырзын!
Мында чурт салынма!
Мында уя-сбп уяланма!
Салаа чох агасха салаа полып бзп өдир,
Пур чох агасха пур полып чачырап одыр.
Хая чох чиринде хая полып сыгың одыр!
Тыло чох чиринде тыло полып парыл одыр!
Угус чох чиринде угус полып түзп одыр!
Хум чох чирде хум полып чайа чадып одыр!¹⁷

18. Апыл

Апыл ханым! Хайраханым!
Чарымызы час тайгам
Чарымызы кбйген тайгам
Ах чыланмас аргалыгзын!
Кбк кибіс часхан чирлігзін!
Толай Хоорай істіндегі чон-чахсыны
Тооза имнеп одыр!
Синнең улуг хай чогул,
Синнең улуг пиг чогул,
Имнерің им ползын!
Томнарын том ползын!
Ах чыланмас имніг ханзын!
Кбк кибіс имніг ханзын!
Ах чаламаң чазылып одыр!
Кбк илемен изіліп одыр!
Ізіктен сых! Тунуктен учух!
Хурай, Хурай Апыл ханым!¹⁸

17. Заговор от нарыва

В неподобающем месте ты вырос,
В ненужном месте ты вышел,
Не располагай здесь свое жилище,
Не строй свое гнездо!
Суком вырасти на дереве без сучьев,
Листом выскочи на дереве без листьев,
Скалою выйди на земле, где нет скал,
Кочкой пояись на месте, где нет кочек,
Мусором спустись на место, где нет мусора,
Песком рассыпись на месте, где нет песка!

18. Молитва при лечении молочницы

Владыка мой – Апыл-хан!
Половина моей горелой тайги,
Половина моей сырой тайги!
Ты имеешь спинной хребет из раковин каури,
Твоя земля устлана синими коврами!
Владыка мой – Апыл-хан!
Ты лечишь весь благородный народ,
Живущий в пределах Толы Хоорая!
Выше тебя нет хана,
Выше тебя нет бега!
Пусть твое лекарство будет целебным!
Пусть твое снадобье будет полезным!
Ты имеешь лекарство из раковины каури,
Ты имеешь лекарство из синего ковра,
Пусть твои белые священные ленты
растслаются!
Пусть усмирится твоя гордыня!
Выйди из дверей! Вылети через дымовое
отверстие!
Хурай, хурай, хурай!

19. Түгенчи чыл

Хара хузурухтын учында хара түк тоозылза,
 Халганчы чылы полар!
 Хозан хулагының учында хара түк түссе,
 Түгенчи чылы полар!
 Кир суны ир төрир,
 Ах хозанча ат торир.
 Тулун чох хат полар,
 Хузуругы чох ат полар.
 Сагыртыча сагыстыг кизи полар,
 Тиске читтес кип полар,
 Ахсына читтес ас полар,
 Хырых кизи пир айахнын азыранар.
 Хырых кизи пир чоорганнан чабынар,
 Чир үстүнде ірімчек хылы тартылар,
 Хамых чон эмектен тіл алызар,
 Чинт улус Ирлік
 ханның сууна хычылтанар,
 Хамых чоннын чөрімі
 Ирлік ханнын ханаазында полар,
 Хоорай чирде тыны чох хара адай
 чүгүрер.
 Пябазы палазын таныбас,
 палазы набазын таныбас,
 Хан ханга халчыгар, чон чонга
 хара сагынар,
 Удур-гөдір ит-хан чизер.
 Хатыг тас оодыл парар,
 хатыг агас хахсал парар,
 Хара чирнен хан тигір иірігіп, оттыг
 чухнан көйи парар!
 Хан сында чатхан Хоорай
 ханы турыбызар,
 Хамых Хоорай чонга полызар!"

19. Предсказание о грядущей катастрофе

Когда на кончике хвоста горноста
 выпадут последние черные ворсинки,
 Наступит Последний день мира!
 Когда на концах ушей зайца
 выпадут последние черные ворсинки,
 Будет Последний год мира!
 Мужчины будут рождаться величиной с
 локоть,
 Кони будут рождаться величиной с зайца,
 Женщины будут ходить без кос,
 Лошади будут рождаться без хвоста,
 Люди будут рождаться с умом, равным
 уму кузнечика,
 Одежда не будет достигать колен,
 Не будет достатка в пище,
 Сорок человек будут есть из одной чашки,
 Сорок человек будут укрываться одним
 одеялом,
 Земля обтянется железной наутинной,
 Все люди будут общаться по проводам,
 Молодежь будет опьянена водой Ирлик-
 хана,
 Люди будут ездить в телегах Ирлик-хана,
 По Хоораяу будет бегать бездушная
 черная собака,
 Отец не будет узнавать сына,
 сын не будет узнавать отца,
 Хан пойдет на хана,
 народ пойдет на народ,
 Будут грызть плоть и кровь друг друга,
 Твердый камень разобьется,
 твердое дерево рассохнется,
 Земля и небо сойдутся
 и загорятся огненной смолой!
 Тогда встанет Хоорай-хан, лежащий на
 хребте Хан-сын,
 И поможет хоорайскому народу!

20. Аба төс

Яма-яма!
 Хара чирден када пүткөзін,
 Хан тигірнең тиң чайалгазын,
 Халын тайгадан сых килгезін,
 Асхыл тайгадан ас килгезін,
 Хара абаа чүлөнгөзін,
 Ханалыг ибге кире килгезін,
 Улаға төзінде чадынгазын,
 Хадарган малнын халхазы полгазын,
 Халын чуртха өлчөй киргезін,
 Хара пастыг чонына хайрал киргезін,
 Асхыл тайгадан ас килгезін,
 Үс частыг чаргын абаа чүлөскөзін
 Ах өргөс ибге түзе килгезін
 Алтынзарых улаға төзінде чадынып
 алгазың
 Ханалыг ибниң хадарчызы полгазын,
 Тирмеліг ибниң күзөтчөзі полгазын,
 Хара пастыг чоным хадарып одыр,
 Хараа-күнөрте узубас поларзын,
 Үттіг көлөчке өтире көргөзін,
 Хоорлах пазын хачыр-мачыр тайнаазын,
 Арба-чарба хуохтыгызын,
 Ала сортан азыхтыгызың
 Ас пилинэ чапсынмичан
 Хызыл хоохты хыспацан
 Ікі нанымна ілінмечен
 Халын тайгаа талазып одыр
 Абыл сынға сизіліп парган
 Ах Парчыл тобыр килген
 Алтынзарых чадынныгызын
 Хара хырна сабыттыгызын
 Улаға төзінде чадынныгызын,
 Арба-чарба хуохтыгызын,
 Алтын көлөчке сугынгазын,
 Хуу хоорлахты син салдаазын,
 Ноған сикпен хуяхтыгызың
 Хара тораат мүнділігін
 Хызыл хоохты син хыспин одыр
 Ахсыл тайгазар нандыра ас!²⁰

20. Молитва фетишу «аба-төс»

Яма, яма, яма!
 Ты создан вместе с черной землей,
 яма-яма!
 Ты родился ровень с царским небом,
 Ты вышел из густой тайги,
 Ты перевалил непроходимую тайгу,
 Ты обрядился черным медведем,
 Ты внедрил в деревянную юрту,
 Ты лег под основание жилища,
 Ты был защитой пасущегося скота,
 Ты дал счастье большой усадьбе,
 Ты заботишься о черноголовом народе,
 Ты перевалил дремучую тайгу,
 Ты превратился в трехлетнего медведя,
 Ты спустился в белый дворец,
 Ты лег с северной стороны основания
 юрты,
 Ты был стражем деревянной юрты,
 Ты был часовым войлочной юрты,
 Охраняй мой черноголовый народ,
 Ты не будешь спать ни ночью, ни днем,
 Ты смотришь через отверстие кольца,
 Ты вдыхаешь жертвенную гарь ячменя и
 крупы,
 Ты жуешь сухую дудку борщевика,
 Ты имешь пищу из пестрой шуки,
 Не надо цепляться к пояснице,
 Не надо вспаться на два бедра,
 Не надо сдавливать мочеполовые органы,
 Перевали назад в непроходимую тайгу,
 Ты просочился через хребет Абыл
 (верхове р. Абакана)
 Ты прошел через гору Ах парчыл
 (верхове р. Абакана),
 Ты обитаешь на северной стороне юрты,
 Ты имешь опухало из черной сыромяти,
 Ты лежишь под основанием юрты,
 Ты питаешься жертвенной гарью ячменя
 и крупы,
 Ты надел золотое кольцо,
 Ты грызешь сухую голову дудки борщевика,
 Ты имешь оберег из зеленого сукна,
 Ты едишь на черно-гнедом коне,
 Ты не дави мочеполовые органы,
 Возвращайся в глухую тайгу,
 Яма, яма, яма!

21. Аба төс

Ус частыг чаргын аба!
 Час тайга турлагыгзын
 Турум хая төзі чадынныгзын
 Хара тораат мундүлгизин!
 Тилекейни ибیره көргезин
 Тиле Хоорайны тикси көргезин!
 Асхыл тайгадаң ас килгез!
 Агын сугны кичип килгезин
 Түн хараада азып килгезин
 Улага төзінде чадынып алгазын
 Халхалыг ибге кире килгезин
 Иркин алтынзаринда чадынып алгазын.
 Палтырган пазын тайнангазын
 Арба-чарба азыхгыгзын
 Ногаң сикпен хуйахтыгзын
 Соох тимір синин мойнында!
 Хуу хоорнах азыхтыгзын
 Арба-чарба хуйуғын салынгазын
 Алтын пурба кичтениезин!
 Хызыл хоохты син хыспин одыр
 Ікі паныңны син иптелбедек!
 Халын тайгаа талазып одыр!
 Алтынзарых чадынныгзын
 Арба-чарба хуйухтыгзын
 Хара хырна чабынгазын
 Хара сикпен сабыттыгзын
 Ханалыг ибниң зөзі полгазын,
 Хара пастыг чоңини халхазы полгазын!
 Халхалыг ибни хараа хадарып одыр
 Иркиниң ибни күндөрге күзедип чат!
 Ас пиліне урунмачан
 Хызыл хоохты хыспачан
 Амыр-тызын салынып одыр
 Ахсы-тілін тартынып одыр!
 Хара пастыг чоңны хадарып одыр
 Хамых чоңны күзедип одыр
 Хызыл хоохты хыспас полдах
 Хызыл чүрекке салбачан
 Хыйрах тілін хызырып одыр.
 Хара чаганан сабынып одыр
 Хара тайгана айланып одыр
 Асхыл тайгана пура тарт!
 Тыттыг пилни ас паризан
 Тылгаана тыт хазалзын
 Остыг пилни ас паризан
 Озаана ос хазалзын!
 Хара пазың чара сабын!
 Хара кбдиң тіле сабын!
 Ал-сооң көрбе! Чабал чирине нар!
 Айлыг чирге айланма!
 Күнниң чирге пагырма!¹⁾

21. Молитва фетишу «аба-төс»

Трехгодовалый медведь!
 Ты имеешь стоянку в молодой тайге,
 Ты имеешь лежанку под крутой скалой,
 Ты едешь на черно-гнедом коне,
 Ты обошел весь мир,
 Ты видел весь Хоорай,
 Ты перевалил глухую тайгу,
 Ты переправился через бурный поток,
 Ты пришел темной ночью,
 Ты улелся под основание жилища,
 Ты вошел в юрту с воротами,
 Ты лег с северной стороны порога,
 Ты жевал верхушки борщевника.
 Ты имеешь пищу из жареной крупы,
 Ты имеешь защиту из зеленого сукна,
 Холодное железо у тебя на шею,
 Ты имеешь пищу из сухого борщевника.
 Ты приобрел форму золотого колечка,
 Не сжимай мочевого пузыря,
 Не цепляйся к двум бокам,
 Отправляйся в глухую тайгу,
 Ты имеешь лежанку с северной стороны юрты,
 Ты имеешь гарь из ячменной крупы,
 Ты закрылся черным кожаном,
 Ты имеешь жезл с лентами из черного сукна,
 Ты был хозяином деревянной юрты,
 Ты был защитой черноголовому народу,
 Охраняй ночью деревянную юрту,
 Сторожи дном юрту с порогом,
 Не привязывайся к поясице,
 Не сжимай мочевого пузыря,
 Успокойся! Притяни свой язык!
 Охраняй черноголовый народ,
 Сторожи весь народ,
 Пожалуйста, не сжимай мочевого пузыря,
 не пьюшайся на мое сердце,
 Укороти свой кинжалоподобный язык,
 Обмахивайся черным «чаган»,
 Возвращайся в черную тайгу,
 Развернись в дремучую тайгу.
 Если будешь переваливать лиственничный подъем,
 То пусть тебе в зад воткнется лиственнич-
 ный кол!
 Если ты будешь переваливать осиновый подъем,
 То пусть тебе в перед воткнется осиновый
 кол!
 Разбей свою черную голову!
 Разрежь свой черный зад!
 Не оглаживайся назад!
 Отправляйся в обиталище нечистых!
 В мир подлунный не возвращайся!
 За солнечный мир не цепляйся!

22. Тилег төс

Эбекей, эбекей!
 Аттыг тилег хайрахан!
 Аттыг Моолдан син тискезин,
 Алтай сыннан ас килгезин
 Ал Хоорайга чиде түскезин!
 Тилег төс пол паргазын!
 Көк пораат мүнделігизин
 Күмүс татор сабыттыгзын
 Көк сикпен чалаглыгзын
 Хола марха чүректігизин
 Айранныг сабан хадарчызын
 Хадарган малын тээзизин
 Тын хахначынан тамкы тартказын
 Поча потхы чоочалангазын
 Инек малга урунма!
 Инек имчегин агыртма!
 Тирме төзін хадаргазын
 Тиксі Хоорай таралгазын!
 Аттыг тилег хайрахан!²²

23. Чабызях төс

Сыххан чирин сын Хыдат!
 Асхан чирин Аттыг Хыдат
 Аттыг Ызыр аназын
 Чирлиг Ызыр чигенезизин
 Чохыр сүрмес үрингезин
 Сарыг түлгү толыглыгзын
 Хоора палых азыхтыгзын,
 Сарыг чага чалаглыгзын,
 Сарыг торгы пүргелігизин
 Хызыл істін толгаба!
 Чолдан чогар чохтаба!
 Хызыл сараат мүнделігизин
 Хызыл түлгес хубасказын!
 Хырдан хырга син чортказын
 Ой түлгес хубасказын
 Ой пазынан син чортказын.
 Алты агастан сал идип,
 Агын суға саларбын,
 Айлыг чирге айланма!
 Күнниг чирге айланма!
 Ханныг көксим хайнатпа
 Холга чүреем ходырба, позыдып одыр!
 Позытпазан алты чирде азырарбын,
 Читі чирден кизербин!²³

22. Молитва фетишу «тилег-тёсь»

Эбекей – Эбекей!
 Владыка, именитый Тилег!
 Ты убежал от Великого Монгола,
 Ты перевалил Алтайский хребет,
 Ты прибыл в Золотой Хоорай!
 Ты превратился в фетиш «Тилег»!
 Ты едешь верхом на сивом коне,
 Ты имеешь жезл из серебряного татаура,
 Ты изгоняешься синим сукном!
 Ты имеешь сердце из бронзовой пуговицы,
 Ты – хранитель айрана,
 Ты – хозяин пасущегося скота,
 Ты куришь табак из листовничной коры,
 Ты питаешься кашей «поча потхы»,
 Не встречайся коровам!
 Не заставляй болеть коровье вымя!
 Ты охраняешь основание юрты,
 Ты распространился по всему Хоораю!
 Владыка, именитый Тилег!

23. Молитва фетишу «чабызях төсь»

Ты вышел из настоящего Китая!
 Ты появился из именитого Китая!
 Ты – праmaterь именитого рода «ызыр»!
 Ты – предок древнего рода «ызыр»!
 Ты заплетаешь пестрые косички,
 Ты имеешь жертвой рыжую лисицу,
 Ты имеешь пищу из хариуса,
 Ты изгоняешься желтой «чага»,
 Ты одет в желтый шелк,
 Не истязай человеческие внутренности,
 Не поднимайся вверх по дороге,
 Ты разъезжаешь на красно-соловом коне,
 Ты превратился в рыжую лисицу,
 Ты бегаешь по холмам,
 Ты превратился в желтую лисицу,
 Ты бегаешь по вершинам логов,
 Из шести бревен сделаю плот
 И отпущу в речную стремнину,
 Не возвращайся в подлунный мир,
 Не возвращайся в солнечный мир,
 Не кипятки мою кровавую грудь.
 Не разрывай мое сердце!
 Отпусти! Успокойся!
 Если не отпустишь,
 то в шести местах я тебя перегрызу,
 В семи местах я тебя перережу!

24. Хызыл чалама төс

Сали-сали !
 Аттыг хасха аназызын!
 Чирлиг хасха чилегезінін!
 Хытат чирінен син ас килгезін!
 Хызыл плат палғангазын!
 Хызат чирде хыстағлыгызын!
 Азых чирде чайлағлыгызын!
 Хызыл сабыт чилбенгезің!
 Хызыл хурны хурчангазын!
 Хара пастыг чонга хозылгазын!
 Оорын-пузын тартып одыр!
 Ахсы-тіліні алғап пирим!
 Арға чонга хызыл істін толгаба!
 Хоорай чонга хызыл чүрегін хыспа!
 Хызым чолларны талазып
 Хытат чиріне нандыра айлап!
 Алтын пастыг сыр чыланға хубулгазын!
 Хытат чирінен ас килгезің
 Хызат чирде хыставазын
 Чазы чирде чайлаазын
 Хызыл хурны хурчангазын
 Хызыл платтан сабыт иткезің
 Хызыл сабыдын сабынып ал!
 Хызыл істін толгаба!
 Хызыл чүрегін талаба!
 Хытат чиріне айланып одыр!
 Алтын пастыг сыр чыланға чүлескезің –
 Хатыг көксіне урунмачан
 Хызыл істіне сарылбачан (толгабачан) –
 Хызыл чүрегіне хысначан
 Хызыл чагадаң хыза сабам!
 Хытат чиріне айланып одыр!
 Хара пастыг хамых чоннын
 Ханалыг ибін кузеткезің
 Асан чирін аттыг Хытатха азып одыр!
 Ал соона көрбин одыр!
 Хылыты полған жүгін тартып одыр!
 Хыйрах полған тілін тартып одыр!²⁴

24. Молитва фетишу «хызыл-чалама»

Шали – Шали!
 Ты – праматерь именитых Хасха!
 Ты – корень имеющих землю Хасха!
 Ты пришел из Китая,
 Ты подвязался красным платком,
 Ты имешь зимник в ущелье,
 Ты обмахиваешься красным опахалом,
 Ты опоясан красным кушаком,
 Ты присоединился к черноголовому народу,
 Притяни свой жертвенный пар,
 Я благословляю твои уста,
 Не крути нутро людское!
 Не сжимай сердце хоорайского народа!
 По узким своим тропам
 Отправляйся назад в Китай!
 Ты превратился в златоглавого дракона!
 Ты появился из Китая,
 Ты зимовал в ущелье,
 Ты лето проводил в степи,
 Ты подпоясался красным кушаком,
 Ты из красного платка сделал опахало,
 Обмахивайся красным опахалом,
 Не крути нутро человека,
 Не разрушай красное сердце,
 Возвращайся в Китай,
 Ты принял образ златоглавого дракона,
 Не натывайся на человеческую грудь,
 Не закрывай нутро, не дави красное сердце,
 Я придавлю тебя красным «чага»,
 Отправляйся обратно в Китай!
 Ты сторожил юрты черноголовых людей,
 Переваливай обратно в Китай,
 Не оглядывайся назад,
 Закрой свою челюсть,
 острую, как ножицы,
 Успокой свой язык, острый, как кинжал!

25. Ах төс

Аттыг Төрбеттен сыххазын
 Аттыг Пүрүтке килгезин
 Ах Майтыхтан асхазын
 Агбан пазына сомгазын
 Азыр хазына тайанып,
 Агбан төбін ингезин
 Иніп түскен чирин
 Ис харчызы түстеглігизин
 Аттыг Пүрүт аназыңың!
 Хорбаларны хоргытпас пол!
 Иркелерні чочытпас пол!²⁵

26. Хозан төс

Чалахай аған!
 Тынның хара суг наанин ал хал!
 Ай хараазын амырың пир хал!
 Тун хараазын түнең пир хал!
 Палтыр чоғар пагынмачан
 Чода чоғар чолланмачан!
 Сісернін чуртаан чирінен
 Чалахай аған
 Сыххан одын онмас чир
 Аххан суун тонмас чир
 Чирин-суунарга нанынар!²⁶

27. Чалбах төс

Сама-Сама!
 Аттыг Хыс төс хайрахан!
 Аттыг Качадан асхазын!
 Ус частыг ах хамахтыг поэрах хызы-
 рахты мүннп,
 Ус частыг тай хазыңны тискер тайанып,
 Агбан хазына читкезін
 От инезі пол паргазын!
 Тай хазын сбірлігизин
 Тоғыс сіс тайыглыгзын
 Хызыл чоза підерлігизин
 Хара парча хаачылыгзын
 Хара харсах хумалыгзын
 Хара кемчет пөріктігизин
 Отыс тістіг От инем!
 Хырых тістіг Хыс инем!
 Хызыл чаламанан пір тіллігизин!
 Улгербінен улүстүгизин,
 Чааспынаң чаргылыгзың!
 Сама-Сама!²⁷

25. Молитва фетишу «ах төсь»

Ты вышел из именитой страны Торбет,
 Ты пришел к именитым Бурутам,
 Ты прошел перевал «Ах Майтых»,
 Ты нырнул в верховья Абакана.
 Ты опираясь на раздвоенную березу,
 Ты спустился вниз по Абакану,
 По дороге ты отдыхал в месте «Ис харчызь»,
 Ты – прама-терь именитых Бурутов,
 Не пугай молодую поросль,
 Не страшай малых!

26. Молитва фетишу «хозан-төсь»

Добродушный Прародитель!
 Прими кропление живой водой,
 Дай нам спокойствие лунной ночью,
 Дай нам ночлег темной ночью,
 Не надо взбираться по икрам,
 Нельзя прокладывать дорогу вверх
 по голени.
 В местах вашего обитания,
 Милостивый прародитель,
 Земля с неувядающей растительностью,
 Незамерзающими реками,
 Возвращайтесь на свою родину!

27. Молитва фетишу «чалбах-төсь»

Сама – Сама!
 Владыка, именитая Дева – Төсь!
 Ты появилась из именитой Качи,
 Оседлав трехлетнюю рыжую кобылицу,
 Опираясь на крону трехлетней березы,
 Ты достигла Абакана,
 Ты стала матерью огня,
 Ты имеешь отдых под трехлетней березой,
 Ты имеешь в качестве жертвы девять
 шашлыков,
 Ты изображена красной охрой,
 Ты имеешь шубу, окаймленную черной
 парчой,
 Ты имеешь шубу, окантованную
 лапками черного соболя,
 Ты имеешь шапку из черного бобра,
 Тридцатизубая моя Мать – Огонь,
 Сороказубая моя Дева – Мать,
 Ты имеешь единый язык с фетишем
 «хызыл чалама»,
 Ты имеешь единую долю с Небом,
 Ты имеешь общую судьбу с Землей!
 Сама Сама!

28. Илгеркі Ах Төс

Өбри-өбри!
 Аттыг Пырааттаң ас килгезиң!
 Аттыг Хызылда түскезиң!
 Хум Тигейде полган түскен чириң
 Аттыг хызылдан кбдіріліп
 Агбан пилтірінде түскезиң!
 Ах Тигей полган түскен чирің
 Аттыг Пүрүтке кире килгезиң
 Ах сараатха мунгезиң
 Агбан кистін ыргатхазың
 Көк ой атха мунгезиң
 Кимнің кистің чайхатхазың
 Ах Тигейден сыгабас,
 Ал Хоорай ибіре тараазың!
 Аттыг Пүрүтке аналыг полгазың
 Иннің Пүрүтке инеліг полгазың!
 Азыр хазыңа тайангазың
 Асхыр хозанға чүлескезиң
 Игір агаска тайангазың
 Ине хозан киптенгезиң
 Ах инскітін ах сүдінен амзаглызың
 Хара наахтыг ах сілске азыхтыгзың!
 Он чола тайахтыгзың
 Он хузурухтан сыйбаглыгзың
 Он субеден чоочалыгзың
 Он пүуректен азыхтыгзың
 Хадарған малнын халказы полгазың
 Хара пастыг чоңга улчей пиргезиң
 Амыр-тызын амырап одырзың
 Аттыг Пыраатха айланып ас!
 Аттыг Пүрүт аназызың
 Чирліг Пүрүт чигенезиң!
 Хара чирден хада пүткезиң!
 Хан тигірден хоза төреезиң!
 Ах сараат мундүттігзиң
 Ах хураған тайыглыгзың
 Ах хозанға чүлескезиң
 Азыр тайахха интелгезиң
 Чохыр тулун үрингезиң
 Хазың тозы пбріктігзиң!
 Ағын суғлар сизіл парган
 Ах тасхыллар ах чоорган ачып салган
 Ах чазыда ах порчо чарылып бскен
 Аарлыг адын адап пирдім
 Азых-хуйуғын сал пирдім
 Ахсы-пурнын чаглап одырзың!
 Уучам-өрекен ұлчей пирген
 Чачам-өрекен чалахай пирген!
 Атхан уғын чирге түспес

28. Молитва фетишу «илгерки-ах төс»

Өбр-өбр!
 Ты пришел от именитых Бурят,
 Ты захал в именитый Хызыл (Красноярск),
 Место, где изначально ты приземлился,
 был Хум Тигей.
 Поднявшись от именитого Хызыла,
 Ты приземлился в устье Абакана,
 Ты пришел к именитым Бурутам,
 Ты оседлал бело-солового коня,
 Ты объехал долину Абакана,
 Ты оседлал сиво-буланого коня,
 Ты объехал долину Енисея,
 Выйдя из Ах Тигея,
 ты обошел всю страну Хоорай,
 Ты был праматерью именитых Бурутов,
 Ты был матерью отмеченных Бурутов,
 Ты опирался на раздвоенную березу,
 Ты превратился в самца зайца,
 Ты опирался на кривую березу,
 Ты обрел образ зайчихи,
 Тебя окропляют белым молоком белой
 коровы,
 Ты имеешь пишу из белого валуха с
 черными шеками,
 Ты опираешься на правую голень,
 Тебя глядят правой стороной курдюка,
 Ты имеешь пишу из правой почки,
 Ты был защитой пасушегося скота,
 Ты дал счастье черноголовому народу,
 Успокойся,
 Возвращайся в именитую Бурятию!
 Ты - праматерь именитых Бурутов,
 Ты мать Бурутов, имеющих землю,
 Ты созданя вместе с землей,
 Ты родился вместе с небом,
 Ты сздишь на бело-соловом коне,
 Ты имеешь жертву из белого ягненка,
 Ты превратился в белого зайца,
 Ты примостился к раздвоенному посоху,
 Ты заплел пестрые косы,
 Ты имеешь шанку из бересты,
 Текущие реки вскрылись ото льда,
 Белые тасхылы сбросили свои белые
 одеяла,
 В белой степи расцвели белые цветы,
 Я назвал твою дорогое имя,
 Я положил тебе горящую пишу,
 Моя праматерь дала счастье,
 Моя тетя дала благость,
 Меткий стрелок Хан Солагай,

Атып часпас Хан Солагай!
 Атхан угын суурып одыр
 Тал чаачах саадагына сал!
 Табылгы ух хуурлиина сух!
 Хара пастыг чонга блчей пир!
 Хадарган малга кизини пир!
 Атып часпас Хан Солагай!
 Ухчааны чабырып одыр!
 Оорын-пузын тартып одыр!
 Аттыг Пыраатха айланып одыр!
 Паза чылга читире!
 Асхан чирин Аттыг Пыраат!
 Тускен чирин Аттыг Пурут
 Хум тигейде орыхтыгызын!
 Хум тигейден кддирлип,
 Чир-пирин таразын!
 Хуба сараат мунгезин,
 Хоор хамнос тдзегезин!
 Ат хазаазы кистинде
 Азыр бргенде хыстаглыгзын.
 Хадарган малга ээи пол!
 Хамых чонына халха пол!
 Амыр-тызын амырап одыр!
 Аттыг Пыраатха айланып одыр!
 Ай-соон кдрбес поларзын!
 Обрли-Обрли.²⁸

29. Тума тбс

Сыххан чирин Аттыг Моол!
 Тускен чирин Тубен Хоорай!
 Чирден хара сырайлыг
 Хара Тума хайрахан!
 Хусхун хара ат мундттгизин
 Хара курку тайыглыгзын,
 Кумус чуген сабыттыгзын!
 Тогыс куйе толыглыгзын
 Тогыс кббр тыныстыгзын .
 Чити чуг чилбеглигизин
 Чити кббр тыныстыгзын!
 Хол кддирзем, нааним читсн,
 Холтых ассам, илим читсн
 Аттыг Моолга айланып одыр!
 Чир киндиги чити хырыг,
 Чис обаага палгалып, нанып одыр!²⁹

Выпущенные стрелы которого
 не падают на землю,
 Вытащи свою выпущенную стрелу,
 Тальниковый лук положи в налучник -
 саадак,
 Таволожную стрелу убери в колчан.
 Дай счастье черноголовому народу,
 Дай счастье пасущемуся скоту,
 Меткий стрелок Хан Солагай,
 Убери свое оружие,
 Притяни священный пар,
 Возвращайся в именитую Бурятию
 до следующего года,
 Прародина твоя - именитая Бурятия,
 Место твоего обитания - именитые Буруты,
 Ты имел место обитания Хум Тигей,
 От Хум Тигея ты поднялся
 и по всему миру распространился,
 Ты оседлал светло-солового коня,
 У тебя постель из серой выдры,
 Ты имешь зимник за скотным двором
 на раздвоенном коле,
 Будь хозяином пасущегося скота,
 Будь защитой всему народу,
 Успокойся,
 Возвращайся в именитую Бурятию!
 Обр - Обр!

29. Моление феткшу «тума»

Твоя прародина - именитая Монголия
 Твое нынешнее место обитания Тумен
 Хоорай!
 Владыка Хара Тума!
 Твое лицо чернее земли,
 Ты едешь на вороном коне,
 Ты имешь жертвоприношение
 из черного тетерева,
 Твой жезл из серебряной уздечки,
 Ты имешь выкуп из десяти угольков,
 Ты имешь дыхание из девяти горнов,
 Ты имешь опухало из семи перьев,
 Ты имешь дыхание из семи горнов,
 Если я подниму руку, обряд совершая,
 то пусть достигнет цели мое возлияние,
 Если я открою подмышку, обряд совершая,
 то пусть достигнет цели мое кропление,
 Возвращайся в именитую Монголию!
 Привяжись к семигранному медному столбу,
 Являющемуся центром земли!

30. Тигір тайини

Теер!
 Үзілбес тамыр учун, үребес чурт учун!
 Улуғлар настаан кибирибинен,
 пір пазыбыспынан ікі иңибиіспінен
 пазырынып, сүзүрүніп турбыс!
 Улуғ худаайға – ах чайанға тооза читсін!
 Апсахтар настаан кибирибинен!
 Күмүс тостығ, алтын пүрліг,
 тоғыс азыр нарбах пастығ пай хазын!
 Пір тамыр чилегезін хыйа киспин,
 Хара чирден суурып алып,
 чир пәзигі ах тасхылдын
 Үстүне агылып, хондырып алып,
 Пір паспынан, ікі иңибиінен
 пазырынып, сүзүрүніп турбыс!
 Айас тигірдің озаринда азыра истіп турзын!
 Ах Худайларға – чайаннарға
 тооза истілізін!
 Хара наахтығ ах хураған
 он азағын пуге тудып,
 Үс хати ибір киіп,
 алтын пүрліг пай хазынны,
 Өзеп өдіріп, оор тутчадырбыс!
 Оорыбыс читсін улуғ худайларға!
 Хамых чонға чуртирға чурт учун!
 Хадарған малға оттирға от учун!
 Хара чирге сыгарға от сығар учун!
 Хазах тараан чирге ас сығар учун!
 Чил киспес чир учун!
 Чибет киспес пос учун!
 Хара чирге от сығар учун!
 Хан тигірден хара нанмыр тілеп турбыс!
 Тоғыс тигірде оорыбыс тооза тобыр истілізін!
 Тоғыс тигірдің үстүндегі!
 тоғыс чайанға тооза истілізін!
 Өлбес мөгі полар учун!
 Төгілбес толы полар учун
 Улуғлар настаан кибирибинен!
 Улуғ Худайларға тооза истілізін!
 Ах пастығ поларға, асхыр тистіг поларға!
 Апсахтар настаан кибирибинен!
 Алтын пүрліг пай хазыннын төзінде
 Ах хураған өзеп өдіріп,
 оор туттыбыс Ах Худайларға!
 Көгөр турған көк тигірдің алтында,
 Көлбейчеткен хара чирдің үстүнде,
 Хара чирдің чагазынан пеер!
 Хан тигірдің төзінең пеер!
 Хан Худай салған хара пастығ
 Хызыл хурттың узулбин хонар хоных учун!
 Улуғ худайларға оор туттырбыс.
 Оорыбыс читсін!
 Теер-Теер!¹⁰

30. Молитва Ах-Худаю во время
 Небесного жертвоприношения

Ради того, чтобы не прервались корни!
 Ради того, чтобы не прекратилась жизнь,
 Согласно обычаю предков,
 Одной головой и двумя плечами кланяемся.
 Смирненно просим и молимся,
 Великого Бога - Ах-Чаяна молитва пусть
 достигнет!
 Согласно обычаю, начатому стариками,
 Выкопав из черной земли,
 Не повредив ни одного корешка,
 Священную березу с девятью
 раздельными кронами,
 С серебряной берестой и золотыми листьями
 Мы установили на вершине белого тасхыла.
 Одной головой и двумя плечами мы молимся.
 Пусть за пределами ясного неба станет
 слышно!
 Ах-Худаю пусть все будет слышно!
 Подогнув правую переднюю ногу
 Белого ягненка с черными щеками,
 Три раза обойдя с ним вокруг священной
 березы,
 Мы, забив его жертвенным способом,
 Поднимаем священный пар!
 Пусть наш пар достигнет Великого Бога!
 Ради того, чтобы жить всему народу,
 Ради того, чтобы пасся скот на пастбище,
 Чтобы выросла трава на черной земле,
 Чтобы уродился хлеб, посеянный русскими,
 Чтобы ветер не бушевал,
 Чтобы болезни не смирествовали,
 Чтобы выросла трава на земле,
 Мы просим у Великого Неба дождя,
 Пусть на девятом небе
 Всем девяти творцам будет слышно,
 Ради того, чтобы народ был вечным,
 Ради того, чтобы племя было нерушимым,
 Согласно обычаю, начатому предками,
 Пусть нас услышит Великий Бог!
 Чтобы стать мудрыми, чтобы стать сильными,
 Мы преподносим пар жертвенного
 белого ягненка!
 У подножия священной березы.
 Под Великим Синим Небом,
 На расстидающейся Черной Земле,
 Мы подняли священный пар!
 Ради того, чтобы созданные Хан-Худаем
 Черноголовые красные черви жили
 вечно на земле.
 Мы принесли жертву Великому Богу!
 Теер! Теер!

31. Ах Худай тайни

Төөр! Төөр!
 Ах Худайны сагына, пөзик тагнын үстүне
 Сыгып килдибіс! Төөр!
 Хан-Пургустаң сыгара пасталған
 кибірбінен
 Ах Худайға оор-пус туда килдибіс! Төөр!
 Олған-узаабысты изерте килдибіс!
 Алтын пүрліг күмүс тостыг пай хазынны
 Тургуза килдибіс! Төөр!
 Төрт азахтыг алтын сіресені саап килдибіс!
 Хара наахтыг ах хураганны артына
 килдибіс!
 Ах чаламаны алтын пүрліг пай
 Хазына палги килдибіс!
 Пала парха азиннын учун нанмыр сурун
 килдибіс!
 Ах Худайдан азын тілеп килдибіс!
 Ах инектин ах судін Ах Айасха наанып
 килдибіс! – Төөр!
 Ах пора пиинің ах судін Ах Тигірге
 наанып килдибіс!
 Көк инектин көк судін Көк Айасха наанып
 килдибіс!
 Көк пора пиинің көк судін Көк Тигірге
 наанып килдибіс!
 Айга-күнге пазырынып килдибіс
 Хара пазымнан ікі инінімнен пазырынып
 килдибіс!
 Ах-көк чаламалыг сабыдын
 Он иннінен сабынып килдибіс!
 Ах-көк чалама төс салаазына палған
 килдибіс!
 Ах Худайдан ах нанмырны кілеп
 килдибіс!
 Хара пастыг чоннын үлүзі учун
 Хадарган малнын оды учун
 Ах чазыларга ах порчо найхалып өссін!
 хара пастыг чоным өрчліг чуртазын!
 Хан тигірге хара пулут сығып,
 Хазыр нанмырли хара чир үстүне чаап
 турзын!
 Хатыг күгүрт хан тигірге тапсап турзын!
 Ах тигірниң ах нулуды сығып,
 Ах нанмырли чаап турзын!
 Ах чазынын көк оды көгеріп өссін!

31. Молитва Ах-Худая на Небесном
 жертвоприношении

Төөр – Төөр!
 Мы взошли на высокую гору с думами
 об Ах-Худая,
 Согласно обычаю, начатому
 Хан Пургусом,
 Мы пришли, поднимая Ах-Худая
 священный пар,
 Мы пришли, приведа с собой наших детей.
 Мы поставили священную березу,
 имеющую золотую листву и
 серебряную бересту.
 Мы установили золотой жертвенник
 о четырех ногах,
 Мы пришли, принеся белого ягненка с
 черными шеками,
 Мы пришли, привязав на священную
 березу белые флажки «чалама»,
 Мы пришли просить дождя ради
 пропитания наших детей,
 Мы пришли просить пищу от Ах-Худая,
 Мы пришли, совершив возлияния Белой
 Ясности белым молоком от белой коровы,
 Мы пришли, совершив кропление
 Белому Небу белым молоком от белой
 кобылицы
 Мы пришли, совершив возлияния
 Голубой Ясности голубым молоком
 от голубой коровы,
 Мы пришли, совершив кропление
 Голубому Небу голубым молоком
 от голубой кобылицы,
 Мы молимся Луне и Солнцу!
 Мы молимся нашей черной головой и
 двумя плечами,
 Мы пришли, положив на правое плечо
 жезл, украшенный белыми и синими
 флажками «чалама»,
 Мы пришли, привязав к основанию
 ветвей священной березы белые и синие
 ленты,
 Мы пришли просить чистый дождь от
 Ах-Худая
 Ради счастья черноголового народа,
 Ради травы пасущегося скота,
 Пусть в белых степях вырастут,
 раскачиваясь, белые цветы,
 Пусть заживет счастливо
 мой черноголовый народ,

Көк тигіріңиң наңмыры көк чазаа чайыл
турзын!
Хадарған мал сими́р турзын!
Хамых чон хазых турзын!

II

Мара пастыг ах сілеке – төөр!
Он азағын похсып килдібіс!
Алтын нүрліг, күмүс тостыг
Пай хазын кун чолынча ибiре килдібіс.
Ах инектиң ах тамырын
Ах тигiрге наанып килдібіс
Хадарған малныи одыныи учун
Хара пастыг чонныи улүзи учун
Хан Тигiрде хара пулут хархайып турзын!
Хазыр наймыр чаап турзын!
Хуурған тағларга көк от сыгып бiнен
турзын!
Хара чирниң устунде ах порчо чарылып
бiзип турзын!
Хатыг агасха парча бiнен чистек бiзип
турзын!
Мара пастыг ах сілекені бiзел согарбыс!
Ус азахтыг тас очыхты ыргап-чайхал
тигербіс!
Төрт хулахтыг кулер хазанга уле-тала
хайнадарбыс!
Ах айасха оор көдiрiл турзын!
Ах тигiрге пус тудыл турзын!
Ах чайан хара наахтыг ах сілеке ндiнiн
оорын тартсын!

Пусть на Великом Небе появится
черная туча,
Пусть польется благодатный ливень на
черную землю,
Пусть на Белом Небе появится
белое облако,
Пусть польется чистый дождь,
Пусть зазеленеют зеленые травы
в белой степи,
Пусть разольется дождь Синего Неба над
зеленой степью,
Пусть тучнеет пасущийся скот,
Пусть здоровеет весь народ!

II

Төөр – Төөр!
Мы пришли, подогнув правую переднюю
ногу белому валуху с черной головой,
Мы обошли по ходу солнца священную
березу с золотыми листьями
и серебряной берестой,
Мы пришли, совершив возлияния Белому
Небу белым молоком от белой коровы,
Ради пастбищ для скота, ради счастья для
народа,
Пусть соберутся черные тучи на Вели-
ком Небе,
Пусть грянет гром и пойдет грозный дождь,
Пусть зазеленеет трава на выгоревших горах,
Пусть зацветут белые цветы на черной земле!
Пусть вырастут различные плоды на
твердых деревьях,
Мы принесем в жертву белого валуха с
черной головой,
Мы крепко установим трехногий
чугунный таган,
Мы сварим мясо в бронзовом котле
с четырьмя ушами,
Пусть поднимется священный пар
в Белую Ясность,
Пусть отправится священный пар
Белому Небу,
Пусть Белого Творца достигнет горячий
пар мяса белого валуха!

III

Мара пастыг ах сілеке өзеп сохтыбыс!
 Алтын пүрліг, күмүс тостыг пай хазын
 төзінде
 Күнге айландыра өзеп сохтыбыс!
 Ус азахтыг тас очыхты ыргап-чайхап
 тиктибіс
 Төрт азахтыг алтын сірее тургустыбыс
 Төрт хулахтыг күлер хазанга үле-тала
 хайнат килдибіс
 Чогар турган Ах тигірге оор-пус алылзын!
 Мара пастыг ах сілеке он саринн пызырып
 Ах тигірге оор-пузын тудына килдибіс!
 Окпе-чүрегінен он саринн типсее салып
 килдибіс!
 Ах айасха дөр көдирдибіс!
 Чогар турган Ах-Чайан оорын тартып
 турзын!
 Ах тигірге пус тудып килдибіс
 Обр турган Ах-Худай пузын тартып турзын!
 Хара пастыг чоңның үлүзі учун
 Пөзік таңның үстүнс сыхтыбыс!
 Ах Худайдан сыгын кілеп килдибіс!
 Ах Чайаннан нанмыр кілеп килдибіс!
 Чогар турган Ах Худай өлчей-кизигін
 сурын килдибіс!
 Ах Тигір минің холымнан оорымны алзын!
 Айга-күнге ікі иннінен пазырынчабыс!
 Ах тигірден хара пулут сыгып
 Хатыг нанмыр чаап турзын!
 Чалбайып өскен ах порчо найхал турзын!
 Көлбейип өскен көк оды өннен турзын!
 Оор-пузынан тайнибыс читсін!
 Ах Худайга оорын тудып килдибіс
 Ах Тигірге пузын тудып килдибіс
 Чогархы турган Ах-Чайан – Төбөр!
 Хойнин-танын тартып турзын!
 Алтын пүрліг, күмүс тостыг пай хазынны
 Күн чолынча ибیره килдибіс!
 Ах Худайдаң сых тілеп килдибіс!
 Хара пастыг кизиниң хонгы учун
 Хадарган малның одынын учун!
 Агар турган Ах тигірге хара
 пулут тартылзын!
 Хатыг күгүрт тапсап турзын!
 хара нанмыр чаап турзын!
 Көлбей турган хара чирге Ах Худай
 салган көк от сыхсын!
 Хадарган малга азык ползын!
 Хамых чоңга өлчей-хазы ползын!"

III

Мы принесли в жертву белого валуха с
 черной головой,
 Мы забили его под священной березой
 с золотом листвою и серебряной берестой,
 развернув голову жертвы в сторону солнца!
 Мы установили чугунный таган о трех
 ножках,
 Мы поставили золотой жертвенник на
 четырех ножках,
 Мы сварили мясо в бронзовом котле
 о четырех ушках,
 Всевышнему Белому Небу священный
 пар преподносим,
 Великому Белому Небу мы подняли
 священный пар от мяса правой стороны
 жертвенного валуха,
 Белой Ясности мы подняли поднос
 с клубящимися легкими и сердцем
 от правой стороны жертвы,
 Пусть Всевышний Белый Творец притя-
 нет пар!
 Мы пришли, поднимая священный пар
 Белому Небу,
 Пусть Всевышний Ах-Худай примет
 священный пар!
 Мы поднялись на высокую вершину ради
 счастья черноголового народа!
 Мы пришли просить животворящую
 влагу у Ах-Худая,
 Мы пришли просить дождя у Белого Творца,
 Мы пришли просить счастья у Всевышнего,
 Пусть Белое Небо примет пар из моих рук,
 Мы молимся двумя плечами Луне и Солнцу,
 Пусть на Белом Небе появится черная гуча,
 Пусть пойдет проливной дождь,
 Пусть закачаются распутившиеся
 белые цветы,
 Пусть зазеленеет буйная трава,
 Пусть достигнет цели наше жертвопри-
 ношение в виде священного пара,
 Мы преподнесли священный пар
 Ах-Худая,
 Мы преподнесли священный пар Белому Небу,
 Всевышний Белый Творец пусть
 вдыхает душистый аромат,
 Мы по солнцу обошли священную березу,
 Ради жизни черноголового народа
 мы просили влаги у Ах-Худая,
 Пусть светлое Белое Небо затянёт
 черной тучей,
 Пусть грянет сильный гром, пусть пойдет
 проливной дождь,
 Пусть на раскинувшихся земных просторах
 взойдет трава, созданная Ах-Худасем,
 Пусть будет корм для пасущегося скота!
 Пусть будет счастье для всего народа!

32. От инезине алгыс

Хыбын-хыбын!
 Отыс тистіг От инем!
 Хырых тистіг Хыс инем!
 Хара чирден хада пүткөзін
 Хан тигірден тиңе төрөсезін!
 Хызыл чалын чабынгазын
 Хызыл көсти тбзенгезін!
 Алтон азыр сүрбечін
 Ах чалыннан оралған
 Читон азыр сүрбечін
 Көк чалыннан чалбыраан!
 Хыбын-хыбын!
 Отыс тистіг От инем!
 Оол палача ойналгазын
 Хырых тистіг Хыс инем
 Хыс палача хыналгазын
 Хызыл ирде хыс полып хубулгазын!
 Орты хараада ортымах частыг илчез
 Чүдөскөзін!
 Айнын полза иргізінде
 Аар частыг иней полчаңзын!
 Айның полза наазында
 Абахай чахсы хыс полчаңзын!
 Хыбын-хыбын!
 Отыс тистіг От инем
 Алын идеен Агбан кискен
 Агбан хайраханнан пір чоллыгзар
 Чоғархы турған худайнан пір сөстігзар!
 Хырых тистіг Хыс инем!
 Кизін идеен Ким кискен,
 Ким хайраханнан пір чоллыгзар
 Чоғархы турған чаяннан пір тіллігзар!
 Отыс тистіг От инем!
 Хырых тистіг Хыс инем!
 Көлбейгеннің устүнде
 Көгергеннің алтында
 Синнен улуг ниме чоғыл!
 Синнен улуг хан чоғыл!
 Синнен улуг пиг чоғыл!
 Тооза нимені син көредірің!
 Прай нимені син піледірің!
 Сынчыхсын! Сын көріп одыр!
 Отатан, отатан От инем хайрахан!
 Отыс тистіг От инем!
 Хырых тистіг Хыс инем!
 Улуг чуртын улутпин одыр!
 Кічиг чуртын кистетпин одыр!
 Чалынның одын чабырын одыр!
 Хорбаларны хорытпа!

32. Молитва богине огня «От-Ине»

Хыбын-хыбын!
 Тридцатизубая моя огонь-мать!
 Сороказубая моя дева-мать!
 Ты создавалась вместе с великим небом!
 Ты укрылась красным пламенем,
 Ты подстелила красные угли!
 Шестьдесят твоих раздвоенных косичек
 Обернуты белым пламенем!
 Семьдесят твоих раздвоенных косичек
 Блестят синим пламенем!
 Хыбын-хыбын!
 Тридцатизубая моя огонь-мать!
 Ты игрива словно юноша.
 Сороказубая моя дева-мать!
 Ты важничаетшь словно девица.
 На красный вечер ты становишься
 красной девой!
 В полночь ты превращаешься в женщину
 средних лет!
 При убывающей луне пребываешь
 глубокой старухой!
 На новолуние ты предстаешь девицей -
 красной!
 Хыбын-хыбын!
 Тридцатизубая моя огонь-мать!
 Твой передний подол пересек Абакан.
 С господином Абаканом вы имеете одну
 дорогу,
 С верховным богом вы имеете одну речь!
 Сороказубая моя дева-мать!
 Твой задний подол пересек Енисей.
 С великим Енисеем вы имеете один путь,
 С верховным творцом вы имеете единый язык!
 Тридцатизубая моя огонь-мать!
 Сороказубая моя дева-мать!
 На раскинувшейся (земле),
 Под синнеющим (небом)
 Нет ничего величественнее тебя!
 Нет хана выше тебя!
 Нет бега главнее тебя!
 Ты все видишь. Ты все знаешь!
 Ты истина! Ты видишь правду!
 Отатан, отатан, моя госпожа огонь-мать!
 Тридцатизубая моя огонь-мать!
 Сороказубая моя дева-мать!
 Не заставляй стонать великое
 твое жилище!
 Не заставляй страдать малое
 твое жилище!
 Уйми свой пламенный огонь.
 Не пугай молодых побеги (т.е. детей).
 Усмири свои красные искры,

Хызыл хыбынын чабырып одыр
 Чарбаларны чарчытырба
 Халарганнын сүдін халарып одыр!
 Хара пастыгны сибіріп одыр!
 Хурай-хурай!
 Отыс тістіг От инем!
 Хырых тістіг Хыс инем!
 Алнын алтабаспын!
 Ай соон кислеспін!
 Хайнаан сугны чачыратпадым
 Хызыл көзіңні хыймыратпадым
 Ах ойбанны пурлатпадым
 Көк чалынны чабырбадым
 Айна тіп адабинчам
 Чик тіп алгабинчам
 Алданчам, лазырынчам
 Чалбах тілін чаза салдым
 Субур тілін сүрте салдым,
 Арыг тайини читірчем! Хыбын-хыбын!
 Отыс тістіг От инем
 Хырых тістіг Хыс инем
 Ханалыг ибнің ээзізін
 Хара пастыг чонын тутчанзын
 Хараагызын халарып одыр!
 Күнөрткөзін күзедіп одыр!
 Чабалны чаалап одыр
 Чахсынын чалахайын салып одыр!
 Хара пастыг чонны өлчейлесізін
 Ах ибине айна-чикті позытпаазын,
 айна килзе апсырып одыр!
 Чик килзе чилбеніп одыр!
 Отыс тістіг От инем
 Хырых тістіг хыс инем
 Үс азахтыг тас очини
 Ыргал – чайхал тігін одыр!
 Төрт хулахтыг күлер хазанны
 Үле-тала хайнадып одыр!
 Хамых чонны азыразын
 Арганнарны симіргезің!
 Астааннарны тосхыргазын!
 Тоңаннарны ирткөзін
 Хара пастын чулазызын
 Халарганнын халказызын
 Отатан, отатан От инем хайрахан!
 Отыс тістіг От инем!
 Хырых тістіг Хыс инем!
 Хызырах позырах мұндуттігін
 Төр пазында түнеткен
 Үс частыг алтын пүрліг пай
 хазын сөдерлігін

Не заставляй вздрагивать молодую поросль!
 Охраняй молоко пасущегося (скота),
 Окружай заботой черноголовый (народ)!
 Хурай-хурай!
 Тридцатизубая моя огонь-мать!
 Сороказубая моя дева-мать!
 Я не перешагну тебя спереди,
 Я не пересеку тебя сзади!
 Я не плескал в огонь кипящую воду!
 Я не потревожил твоих красных углей!
 Я не развеял твой белый пепел!
 Я не тушил твою синюю пламя!
 Я не нарекал тебя чертом!
 Я не называл тебя бесом!
 Я кланяюсь и молюсь тебе!
 Я расстелил твой широкий язык!
 Я смазал твой величественный язык!
 Я приношу тебе чистую жертву!
 Хыбын-хыбын!
 Тридцатизубая моя огонь-мать!
 Сороказубая моя дева-мать!
 Ты хозяйка каркасной юрты,
 Ты управляешь жолтищем черноголовых людей!
 Ты ночью охраняешь,
 Ты днем сторожишь,
 Ты уничтожаешь плохое,
 Ты приветствуешь хорошее!
 Ты даешь счастье черноголовому народу!
 Ты не пускаешь злые силы в белую юрту!
 Если придет черт, ты чихаешь,
 Если придет бес, ты отмахиваешься,
 Тридцатизубая моя огонь-мать!
 Сороказубая моя дева-мать!
 Трехногий чугунный свой треножник
 Ты, раскачав, ставишь!
 Четырехушковый свой казан
 Ты, булькая, кипятишь!
 Ты кормишь весь народ!
 Ты исхудавших поправляла!
 Ты голодавших насытила!
 Ты замерзших согрела!
 Ты душа черноголового (народа)!
 Ты щит пасущегося (скота)!
 Отатан, отатан, моя госпожа огонь-мать!
 Тридцатизубая моя огонь-мать!
 Сороказубая моя дева-мать!
 Ты едшия верхом на трехлестней рыжей
 кобылице,
 Ты имеешь сень под трехлестней
 священной березой!
 С золотою листвою!
 Ты приколола себе белые и красные
 ленты «чалама»!

Ах-хызыл чалама хазангазын
 Хызыл чалама палгангазын
 Хызыл плат сабыттыгызын
 Хызыл чалын чабынчахтыгызын!
 Хызыл көс төзектигізін
 Он чоданы тайангазын
 Он хузурын сыйбангазын
 Он сүбе чоочалыгызын,
 Тоғыс сіс толыглыгызын!
 Тоғыс кизек чаг азыхтыгызын
 Ахсын-пурнын чаглап одыр!
 Астаан харынны азырап одыр!
 Сухсаан көксін чібідіп одыр!
 Арыг тайнын алын тур!
 Отатан, отатан От инем хайрахан!
 Отыг тістіг От инем!
 Хырых тістіг Хыс инем!
 Хызыл тістіг хыс инем хайраханым!
 Ымай ічем хайраханнан пір тілліңер!
 Арыг худым!
 Ах тахпайга салабас, ікі полган пиче
 Арыг кінім хыйгазар!
 Хызыл чохыр аттыг Хызыл Чылтыс хызын
 Оттыг чалын чайылып,
 Оттыг талайны кискен!
 Хызыл хыбынын тооладып,
 Чирні-сугны ибiрген!
 Хайраханым! Отха кыйбес Хыс ине!
 Читон азыр чилеген
 Чир үстүнде чайылган
 Алтон азыр чилеген
 Тоғыс ах талайны кискен
 Хырых сагын полыл хырых
 чулатха тараазын!
 Хырых чулат пазынан хырых тунүкке
 түскезін
 Хызыл чалын полып,
 Көк өлең оттан сулган чадыбысхазын
 Көк Ымайзын
 Отыс сагын полыл, отыс чулатха
 тараазын!
 Отыс чулат пазынан отыс тунүкке
 түскезін
 Ах чалын полып, ах өлең оттан сулган
 Чадыбысхазын Ах Ымайзын
 Отыс тістіг От инем!
 Хырых тістіг Хыс инем!
 Хадарган малнын ээзі полын одыр
 Халын чурттын халхазы полын одыр!
 Хыбын-хыбын-хыбын!¹²

Ты имешь опалахо из красного платка!
 Ты имешь покрывало из красного пламени!
 Ты имешь постель из красных углей!
 Ты опираешься на правую голень!
 Ты наслаждаешься правой (частью)
 курдюка!
 Ты угощаешься правым нижним ребром!
 Ты имешь выкуп из девяти вертелов!
 Ты имешь пишей девять кусочков сала!
 Ты смазываешь салом свои рот и губы!
 Наполни свой голодный желудок!
 Размочи свою иссушенную грудь!
 Прими свою святую жертву!
 Отатан, отатан, моя госпожа дева-мать!
 Сороказубая моя дева-мать!
 Ты госпожа с красными зубами дева-мать!
 Ты имешь один язык с госпожой
 матерью-Умай!
 Моя чистая душа!
 Положив на белую березовую веточку,
 вы, две сестры, перерезали мою пуловину!
 Имеющая красно-пестрого коня
 твоя дочь Хызыл чылтыс,
 Распространив огненное пламя,
 пересекла огненное море.
 Рассыпая красные искры,
 она обошла вокруг земли и воды!
 О, госпожа моя! Не горящая в огне
 дева-мать!
 Семьдесят твоих раздвоенных корней
 разошлись по всей земле!
 Шестьдесят твоих корней
 Пересекли девять священных морей!
 Превратившись в сорок искр, ты
 распространилась по сорока ручьям!
 От истоков сорока ручьев, ты упала в
 сорок юрт,
 Став красным пламенем!
 Укутавшаяся в белую траву ты,
 Белая Умай!
 Превратившись в тридцать искр, ты
 распространилась по тридцати ручьям!
 От истоков тридцати ручьев ты приземлилась
 В тридцать юрт, став белым пламенем!
 Завернувшаяся в зеленую траву ты,
 Голубая Умай!
 Тридцатизубая моя дева-мать!
 Сороказубая моя дева-мать!
 Стань хозяином пасущегого скота!
 Стань ханом черноголового народа!
 Стань защитой крепкого жилища!
 Не пропускай нечисть в чистую юрту!
 Хыбын-хыбын-хыбын!

33. Алас

Алас, алас!
 Тарак пашту Ымай Энем
 Алтын пашту Пай Куткен
 Талашханга салбагар,
 Тартышханга пербегер
 Ах Улгеннен түжерде
 Ай чолынан айлан түш!
 Ах чуударга чулгалып түш
 Ах палатха оролып түш
 Ах уруске чайыл түш.
 Көк Улгеннен түжерде
 Кун чолынан айлан түш
 Көк чуударга чулгалып түш
 Көк уруске чайыл түш
 Көк палатха орал түш.
 Арчынмынаң аластайым
 Ах сүтпінен чуунайым
 Талашханга салбай тур
 Тартышханга пирбей тур,
 Пик тегенде пешигим
 Пиг тегенде Ымай энем.
 Сол холтыхха хыстан тур,
 Сол имчегін тапшаптур.
 Ямгырдан дьарыптур
 Мүндүрден пблil тур
 Койон чуун чуулаптур
 Кол дьастыгын йаптаптур
 Тар хойнына сугынап тур
 Тапчы идегін чуунын тур
 Он эмчегін тапшап тур
 Он холтыхха хыстантур
 Алтын пашту Ымай Энем,
 Алтын пашту Пай Куткен.
 Талашханга пирбейи
 Тартышханга салбайым
 Көзі йаманга күбргисне
 Кбни йаманга тындатпа
 Алас, алас!
 Суури тууда йеметту
 Сүттү колде сугатту
 Тарак пашту Ымай энем
 Арчынмынан аластайым
 Ах сүтпінен чуунайым.
 Ханаттуды учухтырбагар
 Хамчылуды пастырбагар
 Пешик луун никтеп тур,
 Харлых луун хахтап тур,
 Чек яманга пастырба,
 Чел яманга хахтырба,
 Тар хойнына сугын тур
 Тапчы идегін чуунын тур!³³

33. Телеутская молитва богине Умай

Алас – Алас!
 Имеющая кудрявую голову моя Мать Умай!
 Золотоглавое Святное Создание!
 Не поддавайся спорящим,
 Не отдавай тяжущимся,
 От Белого Улгена по лунной дороге опустишь,
 В белые пленки завернувшись,
 В белый платок укутавшись,
 Распространись в белых одеяниях
 младенца!
 От Голубого Улгена по солнечной
 дороге спустишь,
 В голубые пленки запеленавшись,
 Голубым платком обвинишь,
 Винтайся в голубые одеяния грудного дитя!
 Я окуриваю тебя можжевельником.
 Я омываю тебя белым молоком,
 Не поддавайся спорящим,
 Не отдавай (ребенка) отбирающим,
 Моя колыбель крепкая,
 Моя Мать Умай – госпожа!
 К левой подмышке пристраивайся,
 Из левой груди чмокивающие звуки издает,
 Дождем омывает,
 Градом разделяет,
 В заячьи пленки заворачивает,
 Ручную подушку стелет,
 В узкую пазуху прячет,
 Узким подолом заворачивает,
 К правой подмышке пристраивает,
 Из правой груди чмокивающие звуки издает.
 Золотоглавая моя мать Умай!
 Золотоглавое Святное Создание!
 Не поддавайся спорящим,
 Не отдавай отбирающим,
 Не показывай дурному глазу,
 Не допуская, чтобы слушали злонравные.
 Ты имеешь пастбище на горе Сумеру,
 Ты имеешь водопой в Молочном озере.
 Кудрявая моя Мать Умай!
 Я очищаю горящим можжевельником,
 Я умываю белым молоком,
 Не позволяй летать имеющим крылья,
 Не пугайся имеющих плети,
 Крепко держи колыбельную привязь,
 Охраняй колыбельное покрывало,
 Не поддавайся бессам,
 Не давай разгуляться злобным,
 Запрячь в свою тесную пазуху,
 Заверни в свой узкий подол!
 Алас Алас!

34. Алас

Отус пашту От эне!
 Хырых пашту Хыс эне
 Чек-йаманга пастырба
 Чел - йаманга хахтырба
 Туни - хызын салып тур
 Түшеен - энчун перип тур
 Отус пашту от эне
 Хыйган хамыш хулахту
 Чек яманга пастырба
 Айна-чекке пош пербе
 Айнады полза айгыр тур
 Чекті полза чекір тур
 Сабылдыкка салбай тур,
 Чайбылдыкка пирбей тур
 Йай бойын йайлап тур
 Хуу бойын хуунап тур
 Хызыл торгы кийимду
 Хыстан арыг чырайлу
 Он козим мынан көрпү тур.⁴

35. Ах Эне

Кижиге ачынчак, маарсах - Ах Эне!
 Мен сага чалгынп, пажырчам,
 Пар тыным была, пар чүрегім биле
 айланчам,
 Мага пала пер!
 Полган на кижипалалыг полча,
 Полган на аң палалыг полча,
 Полган на куш палалыг полча,
 Полган на мал палалыг полча,
 Анын Учүн мен даа палалыг
 Поларга сагынчам.
 Мен иштим ажылзын
 Мен эр дее пала, кыс таа пала
 Пол парзын,
 Мен тблим үзүлбезин
 Мен адым читпезин
 Мен кижинин чабызы эбессим
 Мен кижиниң комайы эбессим.
 Абазы оолларына кайды маарсах полча,
 Сен эпчи кижилерге эдок маарсах полчазын,
 Ичези палаларына кайды ачынча,
 Сен эпчи кижилерге эдок ачынчарзын.
 Анын Учүн мен сага тын кертгинчем.
 Сага тын иженчем.
 Мен иженченим, мен кертгинченим тек
 полбас,
 Мен палалыг поларым,

34. Телеутская молитва богине Огни

Тридцатиглавая Огонь Мать!
 Сорокаглавая Дева мать!
 Не поддавайся злым бесам,
 Пусть тебя не бьют злые ветры,
 Ночами прислушайся,
 Дай нам свою опеку,
 Тридцатиглавая Огонь Мать!
 Не поддавайся злым бесам,
 имеющим уши в виде вырезанного ковша,
 Не давай свободы злой силе,
 Если появится нечисть, то окрикойвай,
 Если появится бес, то призывай!
 Не поддавайся пришлым духам,
 Не давай себя в обиду.
 В течение лета будь в летнике,
 В течение зимы будь в зимнике,
 Ты имешь одежду из красного шелка,
 Ты имешь лицо краше, чем у девушки,
 Приглядывай за порядком правым глазом!

35. Молитва прародительнице

«Ах Эне»

К человеку жалостливая, ласковая Ах Эне!
 Я тебе, ласковая мать, молюсь,
 Дай мне ребенка,
 Каждый человек имеет ребенка,
 Каждый зверь имеет ребенка,
 Каждая птица имеет ребенка,
 Каждый скот имеет ребенка,
 Поэтому и я желаю иметь ребенка.
 Пусть откроется мое нутро,
 Пусть будет у меня или мальчик, или девочка,
 Пусть не прервется мой род,
 Пусть не потеряется мое имя,
 Я не низший из людей, я не худший из людей!
 Как отец ласков к своим сыновьям,
 Так же ты ласкова к женщинам,
 Как мать своих детей жалеет,
 Так же и ты жалостлива к женщинам,
 Поэтому я тебе очень верю,
 На тебя очень надеюсь,
 Моя надежда, моя вера неспроста.
 Я должна иметь ребенка!
 Твою помощь я никогда не забуду.
 Поэтому ты сделаешь меня
 Имеющим ребенка,

Сен польшканыны качан даа ундутпаосым.
Аннаары сен мени палалыг эт саларзын
Пала чох артыспасын
Пистиц улуг Ах Энебиске
Улуг алкыш четсин!
Кижилер аны чаштаң чашка
ундупазыннар.³⁵

36. Ымай тартханы

Хурай, Хурай!
Ымай ічем Пай хадын!
Хурай, Хурай!
Ах тамырдаң чайалгазың!
Хурай, Хурай!
Сүттіг көлден хыйбалгазың!
Хурай, Хурай!
Ах манитке чайалгазың
Хурай, Хурай!
Ах чылаңмасха кибелгезиң!
Хурай, Хурай!
Ай наазында чарбыхтырбас
Хурай, Хурай!
Пик хуйагың тартынып одыр!
Хурай, Хурай!
Ай иргізі көзіктірбес
Хурай, Хурай!
Хатың хуйагың тартынып одыр!
Хурай, Хурай!
Ымай ічем – Пай хатым!
Ах хуррр!³⁶

37. Умай чирі

Хурай, Хурай!
Умай ічем – Пай ічем!
Чочыбастан чочыбачан!
Чик чабалдаң чиксібечен!
Хурай, Хурай! он Хурайым!
Он имчекке, он холтыхха
Чайалып пүткен синің чирің!
Хурай, Хурай!
Умай іче – Пай ічем!
Өскен-төрсен синің чирің
Өскен оттар онмас чирің,
Өскен ағастар хуурбас чирің,
Аххан суглар тоимас чирің
Ат пазынча алтын кекүхтер
Алтын пүрліг пай хазында

Без ребенка не оставишь.
Нашей великой «Ах Эне»
Большая молитва пусть достигнет!
Пусть люди от поколения к поколению
ее не забудут!

36. Молитва богине Умай во время обряда «притягивания души» ребенка

Хурай Хурай!
Моя мать Умай – Священная госпожа!
Ты сотворена из белой молочной артерии,
Ты появилась из Молочного озера!
Ты присутствуешь в белой монете
(фетиша «хуруг ымай»),
Ты притянулась к белой раковине каури.
На новолуние не ошибайся,
Своей крепкий щит
На старую луну не заставляй мерещиться.
Притяни свою твердую «броню»!
Моя мать Умай – Священная госпожа!
Хурай-Хурай!

37. Молитва богине Умай.

Хурай – Хурай!
Моя мать Умай – священная моя мать!
Не надо пугаться того, чего не следует
пугаться,
Не поддавайся нечисти,
Правая грудь женщины, правая
подмышка женщины –
место твоего нахождения,
Родина твоя находится в теплых краях,
Где растущие травы не вянут,
Где растущие деревья не желтеют,
Где текущие реки не замерзают,
Где на верхушке священной березы
с золотой листвою
сидит золотая кукушка, величиной

Найхалып тапсаан синин чирин
 Хурай, Хурай!
 Умай іче – Пай іче.
 Төріп ле бээр пала
 Чалгыс Худайдаң часкалыг ползын!
 Обркі Худайдаң үлүстіг ползын!
 Хурай, Хурай, оп Хурайым!
 Умай ічем, Пайлар ічем.
 Хорыхпастан хорыхпачан
 Айна чабалга алдырбачан!
 Хурай, Хурай!¹⁷

38. Ах Ымай тартханы

Ах айастан сыгара тартылып,
 Ах алтыннан аралап,
 Ах чібектең поосталып,
 Ах хусхачах киттеліп,
 Ах Ымай полып, тартылгазың!
 Алтын пүрліг пай хазың салаазында
 Ах хусхачах полып,
 Пічір-Пачын тапсап, хона түскезің.
 Ах Ымай полып, чайалгазың.
 Хола марха хуттыгызың,
 Ах чылаңмас чудалыгызың!
 Көк айастан сыгара тартылып,
 Көк чібектең поосталып,
 Хола марха холгалыг,
 Көк хусхачах киттеліп,
 Көк Ымай полып, тартылгазың.
 Кумүс тостыг пай хазыңнын пазына
 Көк хусхачах полып
 Пічін-Пачын тапсап, хона түскезің
 Көк Ымайга полып, чайалгазың.
 Хола марха холгалыгызың,
 Ах чылаңмас азыхтыгызың.
 Ымай ічем хайрахан!
 Хызыханда сурунып килдім,
 Тарыхханда тартынып килдім!
 Ах инектің ах сүдінен
 Ах Ымай тартынып одыр!
 Көк инектің көк сүдінен
 Көк Ымай тартынып одыр.
 Отыс тістіг От инем!
 Ымай ічем хайрахан!
 Сірер ікі пиче полгазар!
 Хырых тістіг Хыс Инем!
 Ымай ічем хайраханнаң
 Пір тіллігэр!

с голову коня.
 Богиня Умай – Святая мать!
 Родившийся ребенок пусть обладает
 счастьем,
 Полученным от Единого Бога!
 Пусть будет с долей, полученной
 от Верховного Бога!
 Богиня Умай – Моя святая мать!
 Не надо бояться того, чего не следует
 бояться.
 Не надо поддаваться злым силам!

38. Молитва богине Умай во время «притягивания белой души» ребенка

Притянувшись из Белой Ясности,
 Белым золотом сияя,
 Подвязавшись белой шелковинкой,
 Приняв образ белой птички,
 Ты притянулась, став Белой Умай!
 На ветвь священной березы с золотой
 листвой
 Ты присела в виде белой птички,
 которая щебечет «пиджир-паджыр».
 Ты создана быть Белой Умай,
 Ты имешь жизненную силу,
 заключенную в бронзовой пуговице,
 Ты имешь душу, заключенную
 в раковину каури,
 Ты притянулась из Голубой Ясности,
 Подвязавшись синей шелковинкой.
 Ты имешь аорту из бронзовой пуговицы,
 Приняв образ синей птички.
 Ты притянулась, став Голубой Умай,
 На вершину священной березы
 с серебряной берестой
 Ты села в виде синей птички,
 которая щебечет «пиджин – паджын»
 Ты сотворена Голубой Умай!
 Ты имешь становую жилу из бронзовой
 пуговицы,
 Ты питаешься раковиной каури.
 Владыка, моя мать Умай!
 Когда стало тяжело, то я пришел к тебе с
 просьбой,
 Когда появилась нужда, то я к тебе обратился,
 К белому молоку белой коровы
 Пусть притянется Белая Умай!
 К голубому молоку Голубой коровы
 Пусть притянется Голубая Умай!
 Тридцатизубая моя Мать Огонь!
 Владыка моя Мать Умай!

Ах тахпайга салабас
 Арыг кинін хыйгазар!
 Хурай, Хурай!
 Хубулбастаг Чурт ползын!
 Хурайларым хут ползын!³⁸

39. Ах Ымай тартханы

Парах пастыг Пай ісем!
 Ах Ылгеннен чайалгазын!
 Ах Ылгеннен ах пулут арали
 Ах чібекке сүүліп түс!
 Көк Ылгеннен көк пулут көлендіре
 Көк чібекке кирилп түс!
 Пизік паа пиктел турзын!
 Пиче-тулма уйалал турзын!
 Харлых паа хатан турзын!
 Харындас-тулма чилелел турзын!
 Хызыл чібек тинігізін
 Ах чыланмас аргалыгзын
 Ахсын-тілін лик тут хал!
 Чарым хараа чадыг ползын!
 Орты хараа уйгу ползын!
 Он имчектен соргыс хал!
 Сол устухха одыртып хал!
 Охчаа-соган пик тударзын
 Килгеннерге хол пирбессің!
 Соох азах пастырба
 Соох хол сундурба!
 Хараазын хадарчылыг пол!
 Күнөрткізін көрігчліг пол!
 Көгбен харды чайа пас тур
 Чабал нимес көрінмес пол!
 Он инніне тайана түс!
 Он имчегіне сора түс!
 Алтын сабага тудына түс!
 Он устугына одыра түс!
 Ымай іче – Пай іче!
 Чалбах ханадын чазына түс
 Ікі пастыг охчаачагын тартына түс!
 Хурай – Хурай!³⁹

Вы были две сестры,
 Сороказубая моя Дева Мать!
 С владыкой моей матерью Умай
 Вы имете один язык,
 Положив на белую шепку,
 Вы обрезали мою святыю пуповину,
 Пусть будет вечная жизнь!
 Пусть мои заклинания «хурай»
 Станут жизненной силой, оберегающей
 счастье «хут»!

39. Молитва богине Умай во время
 обряда «притягивания белой души»
 ребенка

Имеющая кудрявую голову Святая моя мать!
 Ты сотворена от Белого Ульгена,
 От Белого Ульгена между белых облаков
 спустишь,
 вытянувшись белой шелковиной.
 От Голубого Ульгена спустишь,
 Голубыми облаками прикрываясь,
 Вытянувшись голубой шелковиной.
 Пусть завязки колыбели крепко
 завязываются,
 Пусть сестрички в ней обосновываются.
 Пусть ремни колыбели надежно
 завязываются.
 Пусть братишки в колыбели увеличиваются!
 Ты имеешь поводья из красной шелковицы,
 Ты имеешь хребет из раковины каури,
 Твердо держи свой язык и рот,
 Пусть спокойной будет ночь,
 Пусть в полночь крепким будет сон.
 Корми ребенка правой грудью,
 Посади его на правое колено,
 Крепко держи лук со стрелой.
 Не давай руки пришедшим.
 Не давай проходить (в дом) холодным ногам,
 Не позволяй протягивать (к детям)
 холодные руки,
 Ночью охраняй, днем надзирай,
 По пышному снегу твердо ступай,
 Будь невидима для злых сил,
 Опирайся на правое плечо,
 Корми правой грудью,
 Возьми золотую ветвь,
 Сядь на правое колено,
 Богиня Умай Святая Мать!
 Расправь свои широкие крылья,
 Натяни свой двуглавый лук!

40. Омай тас

Ырҕах-Тарҕах тістіг Омай тас!
 Ырах-Тарҕах тізін чабыр пирдек!
 Час пурханнын үчүн
 Алданарга-чалханарга килдім!
 Час орайны чазытпин сали пирдек!
 Ил орайны илеттин сали пирдек!
 Он холынан «сеек» итчем
 Сол холынан «оор» итчем
 Адирҕа адыңар аарлыг,
 Постирҕа поэнар погда!
 Чалбах тілің чаза салчам
 Чалбах чарным ээп-пүгүп пазырыпчам!
 Улуг чурт улубазын!
 Аарлыг чурт анзыбазын!
 Улуг торсинны артына килдім, Омай тас!
 Он саринма артына килдім, Омай тас!
 Алтын ізинни ачып пирдек!
 Ах сілекенің он сарини оор-пусха
 артына килдім,
 Сол саринма артына килдім,
 Алтын халханны ачып пирдек!
 Читі сарыг хысты чидектене килдім!
 Омай тас!
 Тоҕыс хара оолны хоҕдыра килдім,
 Омай тас.
 Күмүс ізин ачып пирдек!
 Читі сарыг пасчызы Чилбен Сарыг,
 Алныма-кистіме ойналып одыр!
 Тоҕыс хара оолнын пасчызы Толбан хара
 Он саринда оралып одыр! Омай тас!
 Күмүс халханны пиктебин ачып пирдек!
 Читон аймах көҕлерден айыт салаңар!
 Арга чоңым!
 Тоҕызон пасха ырдан толҕалып одыр!
 Аарлап алданчам сузурунчем!
 Айлың-күннiҕлерім алныма-кистіме
 сарылып одырыңар!
 Арга чоңым ибіре хрима хылчаңпап
 одырыңар!
 Хара пастыг ах хураған пулаңнар полчан
 Амзабаан азын нааныҕа алып одыр
 Имзсбеен иредін іліге алып одыр!
 Алтын худын ал холыма пиріп одыр!
 Күмүс худын күп холыма пиріп одыр!
 Омай тас! Хурай-Хурай!⁴⁰

40. Молитва, обращенная к храму
 богини Умай

Гора Омай-тас,
 имеющая зубья в виде гребня и крючья!
 Успокой свои гребни и крючья,
 Ради невинных младенцев пришел я молить,
 Не подвергая мучениям, отдай малых,
 Не подвергая страданиям, отдай безгрешных,
 Правой рукой совершаю кропление «сеек»,
 левой рукой поднимаю священный пар.
 Я называю Вас дорогим именем,
 Я величаю Вас святым именем «погда»,
 Я прилагаю все свое красноречие,
 Я молюсь, сгибая свои широкие плечи.
 Пусть не завоет большое жилище,
 Пусть не завизжит дорогое жилище,
 Я пришел, взвалив большой торсук с вином
 на правое плечо,
 Открой свои золотые двери, Омай-тас!
 Я пришел, взвалив жертвенного барана
 на левое плечо,
 Открой свои золотые ворота, Омай-тас!
 Я пришел, приведя семь желтых дев,
 Я пришел, приведя девять черных
 парней,
 Открой свои серебряные двери, Омай-тас!
 Чилбен-Сарыг, глава семи дев,
 играет перед тобой!
 Толбан Хара, глава девяти черных парней,
 кружит перед тобой!
 Открой свои серебряные ворота, Омай-тас!
 Семьдесят различных песен спосм,
 девяносто различных мотивов наиграем,
 с почтением просим и умоляем,
 оглянитесь на простой народ!
 Жертвоприношением тебе служит белый
 ягненок с черной головой,
 для возлияния прими непочатую араку,
 для кропления возьми никем
 не пробованный бокал,
 Омай-тас!
 Дай в наши алые руки золотую душу «хут»,
 дай в наши мягкие руки серебряную душу
 «хут»!
 Хурай Хурай!

41. Омай ураы

Хурай, Хурай!
 Омай ічен – Пай ічен!
 Алтын аралы Ах Чібеккең
 Күмүс аралы Көк Чібекке тартылып
 Арын худы айланзын!
 Хурай, Хурай!
 Хола марха хоғынчылыгызын
 Ах чыланмас чүлүгүлүгүзүн
 Күмүс ахча күннүгүзүн
 Көк тигірің үлүзі
 Көп чылтыс таланы
 Хурай, Хурай!
 Олған-узах чочытпін Омай-ічен
 Пала-парха хорыхтырбин,
 Хараагызын хадарчы
 Күнөрткізін күзетчи
 Хурай, Хурай!
 Омай іче – Пай іче.
 Отыс тістіг От ічем!
 Хырых тістіг Хыс инем!
 Хыйа паспін көрпү одыр!
 Ибіре хрин хылчаннап одыр!
 Чабалны чаалап одыр!
 Чахсаа чалахай салып одыр!
 Ай сузы алтын чібек,
 Ай чили чарып одыр!
 Күн сузы күмүс чібек
 Күн чили сусталып одыр!
 Арыг чулаң айланып одырзын!
 Арыг чуртын пиктеліп одырзын!
 Алын идеяң Албан киспін одыр
 Кизін идеяң Ким киспін одыр.
 Хурай, Хурай! Омай ічен!
 Чилге парбас орыгың ползын
 Танга парбас чолын ползын!
 Узада частыг, узада хоныхтыг ир бссін!
 Хурай, Хурай!"

41. Молитва богине Умай во время
 «вливания души» ребенку

Хурай – Хурай!
 Богиня Умай – Святая мать!
 Притянувшись к белой шелковой нити,
 перевитой золотом,
 Притянувшись к синей шелковой нити,
 перевитой серебром,
 Пусть вернется чистая душа!
 Ты имеешь душу «хогыныч» из
 бронзовой пуговницы,
 Ты имеешь плиту «чулук» из раковины каури,
 Ты жива, благодаря притяжению серебра,
 Доля синего неба, счастье множества звезд.
 Богиня Умай!
 Не заставляй вздрагивать малышей,
 Не пугай деток малых!
 Ночью ты сторож, днем ты охранник,
 Хурай Хурай!
 Богиня Умай – Святая Мать!
 Тридцатизубая Мать Огонь!
 Сороказубая Дева Мать!
 Присматривай, не отходя,
 Зорко оглядывай все вокруг,
 Со злыми силами воюй, светлые
 приветствуй,
 Подобная лунному сиянию золотая
 шелковая нить,
 Сияй как Луна!
 Подобная солнечному лучу серебряная
 шелковая нить,
 Свети как Солнце!
 Чистая душа «чула» пусть возвращается!
 Чистое жилище пусть станет неуязвимым!
 Твой передний подол пусть
 не пересекает Абакана,
 Твой задний подол пусть не пересекает
 Енисей,
 Пусть твоя дорога не уносится ветром!
 Пусть твой путь не преграждают вихри!
 Пусть вырастет мужчина с долгой и
 счастливой жизнью!
 Хурай – Хурай!

42. Суг тайин

Суг ээзи Сугдай хан хайраханыбыс!
Пустыг сугбынан чаллыг от!
Хара чирбинен хада лүткен
Хан тигирбинен хада төрөөн
Хол көдирзем-нааним читсін
Холтых ассам илиим читсін!
Суг ээзи Сугдай хан хайраханыбыс!
Хара пастыг кизи чуртаан чирде
Пустыг суға нурлухтырбас ползын
Чаллыг отха көйдирбес ползын!
Тигирбинен пир тилигзин
Тинистпинең пир түптигзин!
Тиле Хоорай чуртыбысха өлчей пир!
Кисчен чирлерде алтын тагган пир.
Чаргызы чох чон полбазын
Чахааны чох ил полбазын!
Суг ээзи Сугдай хан хайраханыбыс
Хызыл чалынны син учургазын
Көйген оты син амыратказын
Тасхын суға чаллыг от чабыр полбаан
Сугдан улуг ниме чогул!⁴²

43. Көл тайин

Тоғыс ізіктіг Хара көл хайрахан!
Читі түндүктіг Хара көл хайрахан!
Ах малын судінен чачыг пирербіс,
Ах малы согып, тайыг идербіс
Чарых алтында хыйал итпесбіс,
Чогархыларға обал итпесбіс.
Хара көл хайрахан!
Тоғыс ізігін ача тартыңар!
Читі түндүгін ачың ползын!
Хадарган малга хайыг салыңар
Халых албаты чоңга үлчей пиріңер!
Хомай сағыстыгларны сүріңер
Олган-узахты арачылап халыңар!
Хулун-чабага чакхсы өскіріңер.⁴³

42. Молитва Сугдай-хану

Владыка наш хозяин вод Сугдай-хан!
Ледяная вода вместе с пламенным огнем
Созданы вместе с черной землей,
Рождены вместе с великим небом.
Если подниму руку – пусть достигнет мое
кропление,
Если открою подмышку
Пусть достигнет мое возлияние,
Владыка наш, хозяин рек, Сугдай-хан!
В местах проживания черноголовых людей,
Пусть никто не захлебнется в ледяной воде,
Пусть никто не сгорит в пламенном огне.
Ты имеешь один язык с небом!
Ты имеешь одно дно с океаном!
Дай счастья нашей стране Тиле Хоорай!
Дай золотой мост в местах переправы!
Пусть не будет народа без закона!
Пусть не будет племени без главы!
Наш владыка, хозяин вод Сугдай-хан!
Ты погасил красное пламя,
Ты успокоил горящий огонь,
Пламенный огонь не смог усмирить
водную стихию,
Величественнее воды нег ничего в мире!

43. Молитва во время

жертвоприношения озеру «Хара көл»
Владыка озеро «Хара көл», имеющий
девять дверей!
Владыка озеро «Хара көл», имеющий
семь дымовых отверстий!
Мы дадим тебе кропление молоком
белого скота,
Мы дадим тебе жертву, забив белый скот,
В этом мире грехов мы не совершали,
Перед верховными творцами мы чисты,
Владыка озеро «Хара көл»!
Открой свои девять дверей!
Пусть будут открытыми твои семь
дымовых отверстий!
Обрати внимание на наш пасущийся скот,
Дай счастье всему подданному народу!
Прогоняй со злым умыслом пришедшего,
Детей наших защити,
Охраняй наших жеребят!

44. Иней тас

Сөөк! Сөөк!
 Иней тас хайрахан!
 Аттыг хыргыс аназызын!
 Сииң алпыңа тура килдiбiс,
 Сииң аарлап аалап килдiбiс
 Пазырынчабыс, алданчабыс,
 Хыргыс чоңыбысха чабалланма!
 Ирткен парганга тарырма!
 Үлүс пир тур! Талан пир тур!
 Чахсы амыр хоньх пир тур!
 Иней тас хайрахан!
 Хыргыстарның улиибыс!
 Хадарганның халхазызың,
 Хамых чоңнын илчiзiтiң!
 Ах инектiң ах судиен наанин пир турбыс,
 Көк инектiң көк судиен иилин пир турбыс,
 Мара пастыг ах хураган холда тудына
 килдiбiс,
 Агын сугның читi ах саргазын сииң
 алпына сая турбыс,
 Ах инектiң читi пызылагын сииң алпына
 сая турбыс,
 Хара пазыбысты сыстатпий чөр,
 Халын сөдгiбiстi сындырбин чөр!
 Хара настарыбыс хазарганча хазых
 чөрзiң,
 Хасха тiсгерiбiс сарганча хазых чөрзiң!
 Сөөк-сөөк!
 Иней тас хайрахан!
 Хыргыстарның улиибыс!
 Амзабаан астан наанин пир турбыс!
 Ах хураганнаң тайин пир турбыс!
 Хол көдiрзeм иилим читсiң!
 Холтых ассам чачим читсiң!
 Чалахайын салып одыр!
 Чахсы хылиин тудып одыр!
 Сөөк сөөк!
 Иней тас хайрахан!
 Аттыг Хыргыс аназызын!
 Адирга адыңар аарлыг!
 Постирга поэңар поғда!
 Хара пастыг ах хураганнаң тайин
 читiрдiбiс!
 Амзабаан астын наанин читiрдiбiс!
 Алданчабыс – пазырынчабыс!
 Хара пасха үлчей-кизик пириер!
 Хадарганга халха пириер!
 Сөөк сөөк!

44. Молитва каменному изваянию
 «Иней-тас»

Сёёк Сёёк!
 Владыка Иней-тас!
 Ты праматерь именитых кыргызов!
 Мы предстали перед тобою,
 Мы пришли в гости, почитая тебя!
 Мы молимся и кланяемся,
 Не сердчай на наш кыргызский народ!
 Не обижайся на проходящих.
 Дай нам богатства, дай нам счастья!
 Дай нам мирной жизни,
 Владыка Иней-тас!
 Старшая над кыргызами,
 Ты защита пасушегося скота,
 Ты представитель всего народа,
 Мы приносим тебе возлияние
 белым молоком белой коровы,
 Мы совершаем тебе кропление
 голубым молоком голубой коровы,
 Мы пришли, взяв в руки
 жертвенного ягненка,
 Мы положили перед тобой
 семь хариусов,
 Мы положили перед тобой семь сыров –
 пызлахов,
 Не заставляй страдать нашу черную
 голову,
 Не ломай наши широкие кости,
 Пусть мы будем здравствовать,
 пока наши черные головы не посседеюг,
 Пусть мы будем здравствовать,
 пока наши белые зубы не пожелтеют!
 Сёёк – сёёк!
 Владыка Иней-тас!
 Старшая над кыргызами,
 Мы тебе даем кропление чистой пищей,
 Мы тебе даем жертву белым ягненком,
 Если я подниму руку, совершая обряд,
 Пусть достигнет тебя мое кропление,
 Если я подниму подмышку, совершая ритуал,
 То пусть дойдет до тебя мое возлияние,
 Будь милостива! Будь благосклонна!
 Сёёк – сёёк!
 Владыка Иней-тас!
 Праматерь именитых кыргызов!
 Называть твоё имя дорого!
 Именовать твоё величество – свято!
 Мы принесли жертву белым ягненком с
 черной головой,

Иней тас хайрахан!
Ах инектін ах тамырынан наанин алыңар!
Ах хураганнын изіг оорлыг пулаан алыңар!
Алданчабыс – пазырынчабыс!
Хара пастыг чон палатыг ползын!
Хадарган мал сүгтіг ползын!
Пала-парха хазых турзын!
Ах мал симір турзын!⁴⁴

45. Сомдор

Устундеги Улгеним, алнымдагы уузым
Чаяганда чаячым, ясаганда тенгирим!
Чыгар айнын йаркыны,
Чарчыш куним чыкканда,
Ах палыхтан келегеймин,
Чымырхадан туйухпын,
Ады чолыгарды адап пилбейим,
Ойды сынды адап пилбейим,
Айтар перер ханым чох,
Сыйлап перер пегим чох,
Көрип турыгар, чалбыр ханымны угып
турыгар,
Тишим ползо хололу,
тилим ползо сөблү,
Узун сомнын ээлери,
Пай чаалга турлагар,
Адаганым тындагар,
Алкаганым чоптогор,
Араа киригер, арга турыгар,
Йай бойынча йайлаптур,
Хуу бойынча хуунаптур,
Пажым уурбазын, аргам сыстабазын!⁴⁵

Мы совершили крошение чистым напитком!
Мы молимся и просим
Дайте счастье черноголовым,
Дайте защиту пасущемуся скоту,
Сёёк – сёёк!
Владыка Иней-тас!
Прими кропление белым молоком
от белой коровы,
Прими жертвенный пар мяса
белого ягненка,
Пусть будет потомство у черноголового
народа!
Пусть будет молоко у пасущегося скота!
Пусть будут здравствовать наши дети!
Пусть будет тучным наш скот!
Сёёк - сёёк!

45. Молитва священным березкам «сомдор»

Мой верховный Улень!
Внизу находящиеся мои уста,
Мой Творец, Мое сотворенное Небо!
Свет взошедшей Луны,
Луч взошедшего Солнца,
Я нем, как рыба, я глух, как яйцо,
Я не знаю ваших регалий,
Я не знаю правды,
Нет хана, который бы мне сказал,
Нет бега, который бы мне передал.
Вы все видите, вы все слышите,
Если мои зубы, то из бронзы,
Если мой язык, то окровавленный,
Хозяева длинных березок «сомдор»,
Встаньте в священный ряд,
Слушайте мои слова,
прислушайтесь к моему благословию,
Войдите вовнутрь, встаньте вокруг,
Летом кочуйте на летник,
зимой - на зимник,
Пусть не болит моя голова, пусть не ноет
моя спина!

46. Сомдор

Устундегі улгерім
Алтындағы уузым
Чөбк — хайрахан — чөбк!
Аштан хуруг халбагар,
Аянтан кинек турбагар
Он көзімнен көр тур,
Эрүү чырайнан пах тур
Ады-чолыгар пілбегем
Алкыштарын таппалым
Палыхтан килегейбін,
Чымырхадан туюхпын.

47. Хоча сарыны

Ел терен, кош терен
Елбер-салбар Пай Хоча!
Хоча, хоча, килер тiiп,
Хорыхпаалар хочалар!
Харчы кайын кестирбес
Кайыр Солто ханнын хочазыбын тiiп.
Көк пулуттан түжерде
Көк чибек полып шойилдим!
Пай кайын пажындан
Мандап түшкен Пай Хочабын!
Нанмыракты Чажы хан!
Елбер-салбар Пай хоча!
Ах айастан түжерде
Ах чибек полып шойилдим
Ала шанмыр тайахтыгбын
Кулач сыны хутахтыгбын.
Төген тізе — тiзін көрлер,
Пашка тізе — пажыны көрлер.
Кем бажына кече хондым
Кереш хыстарын чача хондым.
Абаан бажына кире келдим
Аба хыстарын чача келдим.
Шабырлыг черге киргенде
Шалтыратхан Хочабын!
Хобырахтыг черге киргенде
Холтыратхан Хочабын!
Кулач сыны тайахтыгбын
Хол сыны хутахтыгбын
Перген, перген хаттар
Пежикпиле ойназыннар
Пербеен, пербеен хаттарнын

46. Молитва священным березам

«сомдор»

Верховный мой Улгер!
Нижние мои уста,
Владыка, чёёк!
Не оставайтесь голодными,
Не стойте в стороне от чашек,
Смотрите хозяйскими (букв.правым) глазами,
Смотрите красивым лицом,
Я не знал ваших регалий,
Я не нашел для Вас молений,
Я нем, как рыба,
Я глух, как яйцо.

47. Молитва Ходжа-хану

Народ обширный, кочевье великое!
Взлохмаченный священный Ходжа!
Прихода Ходжа-хана
Не бойтесь собратья ходжалары!

Не позволяющий срезать вихоревую березу
Грозный Солто-хан! Я его личный «ходжа»!
Спускаюсь с голубого облака,
Я вытянулся, став синей шелковой нитью.
С вершины Священной березы
Я осторожно спустившийся Священный
Ходжа-хан!

Разливающий дождь Чажы-хан!
Взлохмаченный Священный Ходжа!
Спускаюсь с белой ясности,
Я вытянулся, став белой шелковой нитью.
Я с пестрым посохом,
Я с длинным фаллосом в сажень.

Если у вас сомнение, то смотрите
В корень (фаллоса).
Если что-то другое, то посмотрите
на головку (фаллоса),
Я переплавился через верховья Енисея,
Я оплодотворил керентских девушек,
Я побывал в верховьях Абакана,
Я совокнулся с абаларскими девушками.

Когда я заходил в кустарники, то
Я потрясал (своим фаллосом)!

Ишти-пугрыны хуура тартсын!
 Уч хулахтыг күлер хазаным
 Ула таштап хайназын!
 Чииттерниң пологы
 Ирдеммиле хайназын!
 Хорба кайын тѳзицен
 Кокшо еткен сидигим.
 Черде чатхан чистект!
 Алып чѳзем тадылыг.
 Чииттерниң хара подыгын
 Сиккен сайын – гадылыг.
 Отыс оолны ойналып
 Ойыны халбаан Хочабын
 Хырых хысха хыстатхан
 Хычам халбаан Хочабын.
 Аспак агаштан алыгыр
 Алыштырган Хочабын
 Чакпынаштан сарыгыр
 Салыштырган Хочабын.
 Күзеннерге шыга келдим
 Күзен хыстарын чача келдим!
 Шалгынныга шыга келдим
 Шалгынныг хыстарын чача келдим!
 Хоча, хоча келди тѳп,
 Хорыхнаалар, хочалар.
 Адым-Шабым ухханзар!
 Пай Хочабын!⁴⁷

Когда я заходил в место, поросшее
 Боршевиком,
 То я ощущал удовольствие.
 Мой посох длиной в сажень,
 Мой фаллос длиной в руку.
 Женщины, соединяющиеся со мной,
 Пусть потом забавляются с люльками!
 А те, которые не хотят совокупиться,
 Пусть их утробы и печень засохнут!

Мой бронзовый котел с тремя ушками
 Пусть бурно кипит!
 У молодых (девиц) влагалище
 Пусть закипит спермой!

Моя мужская сила (взята)
 Из основания березовой поросли.
 Если я сорву и съем растущую
 На земле ягоду, она сладкая.
 У молодых девиц влагалище
 Каждое совокупление
 вызывает сладострастие.

Трицать парней я заставил играть.
 Игру не оставил – я ходжа.
 Сорок девиц меня стискивали,
 Но страсть моя не улеглась я ходжа.

У осины алые грани,
 Я Ходжа-хан, соединяющий людей.
 У акации желтые грани,
 Я Ходжа-хан, совокупающий людей!

У кузенов я побывал,
 С кузенскими девицами совокупился.
 К челканцам я заходил,
 С челканскими девицами я совокупился.
 Прихода Ходжа-хана
 Не бойтесь же участники праздника –
 ходжалары!

II. Примечания

Введение

1. Адрианов А.В. Об орнаменте у сибирских инородцев. //Труды Всероссийского съезда в Петрограде, декабрь 1911 - январь 1912. Т.1. - Пг., 1912. - С. 103.
2. Лаппо Д.Е. Троеверы. Из жизни минусинских инородцев.// На сибирские темы. М., 1905. - С.10
3. Лаппо Д.Е. Указ соч. - С. 38-39.
4. Костров Н. Качинские татары. - Казань, 1852. - С. 56.
5. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов.// Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. - СПб., 1907.
6. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. Архив МАЭ им. Петра Великого. - К - V. Оп. 1. № 526. Л. 21.
7. Катанов Н.Ф. Ук. соч. л. 45 об.
8. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-12 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. //Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. - СПб., 1924.Т. 4: Анохин А.В. Бурханизм в западном Алтае. // Сибирские огни. - Новосибирск, 1927. № 5. - С. 162-167.
9. Данилин А.Г. Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горно-Алтае). - Горно-Алтайск, 1993.
10. Бурханизм. Документы и материалы. Ч. 1-2. - Горно-Алтайск, 1994.
11. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. - Л., 1991. - С. 263.
12. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-Азиатские влияния. - Новосибирск, 1984; Он же. Алтай в зеркале мифа. - Новосибирск, 1992; Он же (вместе с соавторами). Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. - Новосибирск, 1988; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. - Новосибирск, 1989; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
13. Бутанаев В.Я. История возникновения и формирования бурханизма у хакасов. //Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т.2. Новосибирск, 1998. С. 101-105.; Бутанаев В.Я. Почитание тессей у хакасов.// Традиционная культура народов Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск, 1986. С. 89-112.
14. Филатов С., Юззел Л. Хакасия. Сгусток религиозных проблем Сибири. //Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М.-СПб., 2002. - С. 206-207; История религий в России. М., 2002. - С. 63.

Глава I

1. Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. - Готтинген, 1751. С. 347 (на нем. языке).
2. Там же. С. 347.
3. ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 280. Л. 25.
4. Лаппо Д.Е. Троеверы. Из жизни минусинских инородцев. //На сибирские темы. М., 1905. - С. 38.
5. Там же. С. 51.
6. Бурханизм. Документы и материалы. Горно-Алтайск, 1994. Ч. 2. - С. 250
7. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа. - СПб., 2002.
8. Соколов С.Н. Зороастризм. //Авеста в русских переводах (1861-1996). СПб., 1998. - С. 7-20.
9. Киселев С.В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951. - С. 76.

10. Леонтьев Н.В. О буддийских мотивах в средневековой торевтике Хакасии (по материалам коллекции Минусинского краеведческого музея). //Историко-культурные связи народов Южной Сибири. - Абакан, 1988. - С. 189.
11. Там же. С. 188.
12. ЦГАРХ. Р - 675. Оп. 1. Д. 9. Л. 27; Д. 18. С. 247
13. ЦГАРХ. Р - 675. Оп. 1. Д. 14. Л. 5, 11; Д. 35. С. 4.
14. Сунчугашев Я.И. Загадочные статуэтки Будды. //Живая старина. Абакан, 1996. - С. 47.
15. Выражаю благодарность за представленные сведения археологу Минусинского музея Н.В. Леонтьеву.
16. Лаппо Д.Е. Ук. соч. С. 41.
17. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского вала (конец XIX - начало XX вв.). - Абакан, 1987. - С. 98-99.
18. Сагаласв А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. - С. 155.
19. Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. //Проблемы востоковедения. 1959. № 5. - С. 167.
20. Кляшторный С.Г. Суджинская надпись - уникальный памятник эпохи «Кыргызского великодержавия». //Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. - Бишкек, 1991. - С. 58-59.
21. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М.-Л., 1959. - С. 85.
22. Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. //Открытие государственной религии древних хакасов. - М.-Абакан, 1999. - С. 33.
23. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. - М.-Л., 1952. - С. 68.
24. Будагов Л.З. Сравнительный словарь гурецко-татарских наречий: - СПб., 1869. Т. 1. - С. 350; Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 708; Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. - Абакан, 1999. - С. 137, 141.
25. Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. - С. 168.
26. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. - Абакан, 1995. С. 124.
27. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. - С. 52; Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. - Абакан, 1999.
28. Катанов Н.Ф. Избранные научные труды. Анкара, 2000. С. 437.
29. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. - С. 153; Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. - Горно-Алтайск, 1992. - С. 33.
30. Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. //Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 3. Хакасы. М., 1990. С. 128-129.
31. ТФ ГАТО. ф. 156. 1768 г. Д. 73. Л.2.
32. Там же. 1771 г. Д. 172. Л. 42.
33. Там же. 1776 г. Д. 80. Л.1.
34. ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 280. Л. 25.
35. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 713.
36. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. - С. 99-100.
37. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 206. Л. 28.

38. Лисовский Н. Сибирский художник Д.И. Каратанов. – Красноярск, 1974. – С. 98; ЦГАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1230. Л. 4-6.
39. Цитирую по : Гладышевский А.Н. Крещение в Аскизе. // Республика. 28 декабря, 1944.
40. Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию. – М., 1934. – С. 68.
41. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. 2. – СПб., 1881. – С. 681.
42. Бутанаев В.Я., Верник А.А., Ултургашев А.А. Народные праздники Хакасии. – Абакан. 1999. – С. 50-51.
43. Лаппо Д.Е. Тросверы. С. 42.
44. Бурханизм. Документы и материалы. С. 281, 259.
45. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайского края. Л. 22, 25.
46. Теплоухов С. Полевые тетради 1920 г. //Рук. фонд Лаборатории этнографии НИЧ ХГУ.
47. Данилин А.Г. Ук. соч. С. 168.
48. Яковлев Е.К. Ук. соч. С. 102.
49. Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. – М.-Л., 1960. – С. 190.
50. Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию. С. 48; Костров Н. Качинские татары. – Казань, 1952.
51. Шерстова Л.И. Бурханизм в Горном Алтае. Истоки национальной идеологии и тенденции ее развития. //Народы Сибири. Кн. 3. – М., 1997. – С. 201.

Глава 2

1. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 275-276.
2. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор. – Абакан, 2001. – С. 37.
3. Крашова М.Е. История культуры Китая. – СПб., 1999. – С. 118.
4. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992. – С. 57.
5. Буриаков Тойбан, 1890 г. рождения, сагаец, аал Киндырла.
6. Тюмерсков Пектис, 1913 г. рождения, сагаец, аал Бор.
7. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. – С. 132.
8. Аскирова Майра, 1888 г. рождения, качинка, аал Куну алты.
9. Кулагашева Обдо, 1895 г. рождения, качинка, аал Окунев.
10. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 692.
11. Чебодаев Пиленг, 1895 г. рождения, бельтир, аал Кунре.
12. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 149. – С. 25.
13. Мифология манси. Т. 2. – Новосибирск, 2001. – С. 88.
14. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск, 1980. – С. 239.
15. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Ук. соч. С. 86; Карпини Д.П. История монгалов. – М., 1957. – С. 48.
16. Кулагашева Обдо.
17. Кинзенова Хаврон, 1897 г. рождения, сагайка, аал Сагай.
18. Кызласова Абдакин, 1901 г. рождения, сагайка, аал Кызлас.
19. Султреков Макай, 1893 г. рождения, бельтир, аал Чиланы.
20. Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. – Абакан, 1998.
21. Кинзенова Хаврон.
22. Тюмерсков Пектис.
23. Казачинова Када, 1901 г. рождения, сагайка, аал Аев.
24. Кызласова Абдакин.

25. Арчимасев Егор, 1893 г. рождения, сагаец, аал Киндырла.
26. Мифология манси. Т. 2. – С. 88.
27. Тугужекова Майра, 1901 г. рождения, качинка, аал Сапогов.
28. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Ук. соч. – С. 38.
29. Архив Кунсткамеры им. Петра Великого. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. – С. 1441.
30. Заратустра. – М., 2002. – С. 23.
31. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 149. Л. 9.
32. Толмашова Манит, 1905 г. рождения, сагайка, аал Калпаков.
33. Тугужекова Майра.
34. Курбижескова А.В., 1915 г. рождения, кызылка, аал Ошколь.
35. Хакас чоннын кил-чоохтары, ныхахтары. – Абакан, 1960. – С. 88.
36. Янгулов Меснек, 1895 г. рождения, кызылец, аал Хара кол.
37. Янгулов Уста-Прок, 1890 г. рождения, кызылец, аал Сарала.
38. Толмашова Манит.
39. Бутанаев В.Я. Хакаско-русский историко-этнографический словарь. – С. 142.
40. Читим тамырлары. – Абакан, 1982. – С.8-11.
41. Бутанаев В.Я. Хакаско-русский историко-этнографический словарь. – С.142.
42. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990. – С. 315.
43. Покояков Григорий, 1905 г. рождения, качинец, аал Чарков.
44. Бурнаков Филипп, 1929 г. рождения, сагаец, аал Оты.
45. Толмашова Манит.
46. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1968. Т. 4. – С. 75.
47. Хакас чирі. 18 апреля 2002.
48. Жумабаев Бектемир, 1960 г. рождения, племя найман Омской области.
49. Тугужекова Майра.
50. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997. – С. 32.
51. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. – М., 2002. – С. 185.
52. Кулагашева Обдо.
53. Котожеков Петрука, 1895 г. рождения, качинец, аал Хызыл Салда.
54. Хангалов Н.М. Собрание сочинений. Т. 3. – Улан-Удэ, 1960. – С. 64-65.
55. Качилоров Нука, 1888 г. рождения, койбал, аал Койбалы.
56. Тугужскова Майра.
57. Поталин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. 2. – СПб., 1881. – С. 94.
58. Чаптыков Абдок, 1890 г. рождения, качинец, аал Усть-Камышта.
59. Кинзенова Хаврон.
60. Казахские народные сказки. – Алма-Ата, 1983. – С. 124-125.
61. Бутанаев В.Я. Национальные блюда хакасов. Абакан, 1994. – С. 27-28.
62. Фиельструп Ф.А. Ук. соч. – С. 244.
63. Ахметова Ш.К. Пища казахов Западной Сибири: Традиции и новации. //Материальная культура народов России. – Новосибирск, 1995. – С. 207.
64. Чустеев Н.Е., 1905 г. рождения, качинец, аал Чустеев.
65. Бартольд В.В. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1973. С. 46.
66. Мэнэс Г. О соотношении одного погребального обряда хунну и дунху в свете археологических и этнографических данных. //Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С. 38.
67. Мэнэс Г. Ук. соч. – С. 42.
68. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакаской народности. Абакан, 1957. – С. 22.
69. Орфеев Н. Суеверия и предрассудки инородцев Минусинского округа. //Енисейские епархиальные ведомости. 1886. № 1. С. 43.

70. Мэнэс Г. Ук. соч. – С. 36.
71. Алексеев Н.А. Ук. соч. – С. 51.
72. Бадмаев А.А. Реликты культа медведя в культуре бурят. //Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск, 2000. – С. 70.
73. Курбижекова А.В.
74. Башкирские предания и легенды. Уфа, 1985. С. 48; Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. Культ медведя в верованиях крестьян Сибири в прошлом и настоящем. //Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск, 2000. С. 84-85.
75. Сазанакова Кочита, 1911 г. рождения, бельтырка, аал Б. Арбаты.
76. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995. – С. 172.
77. Ленин чолы. 16 сентября 1989.
78. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск, 1992.
79. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хоорай чоннын төреллери. Абакан, 1996. – С. 46.
80. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 50. С. 354.
81. Ачитаев Хара Кучен, 1895 г. рождения, сагасц, аал Усть-Сос.
82. Ахмэтьянов Р.Г. Ук. соч. С. 43.
83. Потапов Л.П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения убитого лебедя у хакасов). //Сов. этнография, 1969. №2. С. 18-20.
84. Алексеев Н.А. Ук. соч. С. 52-53.
85. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978. – С. 89.
86. Боргоякова А., 1918 г. рождения, сагайка, аал Политов.
87. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайского края. 85; Бедюров Б. Алтайдын алкыштары. Горно-Алтайск, 1985. – С. 71.
88. Тугужекова Майра.
89. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 2. – Улан-Удэ, 1960. – С. 57.
90. Шерстова Л.И. Тайна долины Теренг. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 10-11.
91. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 523. Л. 98-99.
92. Эрэнжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. – Элиста, 1991. С. 140.
93. Интышева А., 1915 г. рождения, сагайка, аал Онхаков.
94. Хакас чирі. 5 апреля 2002.
95. Тувинско-русский словарь. М., 1968. – С. 490.
96. Там же. С.491.
97. Соболев А.Н. Мифология славян. – СПб., 2000. – С. 67.
98. Атыгчы оол. Абакан, 1969. – С. 37-38.
99. Султреков Макай.
100. Тувинско-русский словарь. М., 1968. С. 384.
101. Дикомбаев Табылды, 1902 г. рождения, племя бугу айыл Джети-Огуз Иссык-кульской области.
102. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь.
103. Орфеев Н. Ук. соч. С. 42.
104. Чаптыкова Парас, 1901 г. рождения, качинка, аал Шалгинов.
105. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л., 1991. – С. 41.
106. Майнагашев С.Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края. Живая старина. С. 285.
107. Функ Д.А. «Чымыр» телеутский обряд изгнания злого духа. //Этнографическое обозрение. № 4, 1995. – С. 107-114.

108. Народная медицина Хакаско-Минусинского края. – Абакан, 1995:
109. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 158; Д. 363. С. 7.

Глава 3

1. Архив Кунсткамеры им. Петра Великого. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41
2. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 38. Л. 31.
3. Архив Кунсткамеры. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л.37
4. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 149. Л. 9.
5. Архив Кунсткамеры. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49.
6. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 149. Л. 13.
7. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайского края. Л. 45.
8. Катанов Н.Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Даунгарской степи. Ч. 9. – СПб., 1907. С. 564.
9. Казахско-русский словарь. – Алматы, 2001. – С. 911.
10. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 104. С. 6; Д. 66. Л. 42; Д. 522.. Л. 314.
11. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 98. С. 182; Д. 79. С. 154.
12. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 58. Л. 122.
13. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 146. Л. 79.
14. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 91. С. 75.
15. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 97. Л. 83; Д. 628. Л. 30.
16. Тугужскова Майра, 1901 г. рождения, качинка, аал Сапогов.
17. Великий Гэсэр. Бурятское сказание. М., 1999.
18. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 146. С. 142.
19. Ачитасев Хара Кучен, 1892 г. рождения, бельтыр, аал Усть-Сос.
20. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Даунгарской степи. СПб., 1871. Т. 2. С. 394.
21. Тугужскова Майра.
22. Бутанаев В.Я. Хакаско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999.
23. Алыптыг нимахтар. Абакан, 1957. – С. 116; Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 32. Л. 26.
24. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. – С. 86; Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. М., 2002. – С. 24-26.
25. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992. С. 39.
26. Кызласова Абдакин, 1901 г. рождения, сагайка, аал Кызлас; Сазанаква Кочита, 1912 г. рождения. бельтырка, аал В. Арбаты.
27. Спирин Пабуш. 1900 г. рождения, качинец, аал М. Спирин.
28. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. IV. Материалы этнографические. СПб., 1880. – С. 218-227; Штыгашев И. Предание инородцев Кузнецкого округа о сотворении Мира и первого человека. //Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. XVII. Вып. 1. Омск, 1894. – С. 1-12; Швцова М. Алтайские калмыки. //Записки ЗСО ИРГО, Кн. XXIII. – Омск, 1898. – С. 8-11
29. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2000. – С. 79-82, 95-104, 138-139; Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 3. Улан-Удэ, 1960. – С. 7-10, 28; Потанин Г.Н. Ук. соч. С. 352.
30. Мифологический словарь. – М., 1990. – С. 477.
31. Шерстова Л. Тайна долины Теренг. Горно-Алтайск, 1997. – С. 133.
32. Орфеев Н. Суверия и предрассудки инородцев Минусинского округа. – С. 41.
33. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакаский исторический фольклор. Абакан, 2001. – С. 58-59.
34. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайского края. Архив Кунсткамеры. К-V. Оп. 1, № 526; Л. 104.

35. Чирим тамырлары. – Абакан, 1982. – С. 8.
36. Орфсев Н. Ук. соч. С. 41.
37. Лаппо Д.Е. Троеверы. – С. 14.
38. Хапгалов М.Н. Собрание сочинений. Т. III. – Улан-Удэ, 1960.
39. Толмашов Терке, 1898 г. рождения, сагаец, аал В. Аскиз.
40. Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайского края. – С. 143.
41. Епишкин Оолах; Толмашова Манит.
42. Повелители Вселенной. – СПб., 1995. – С. 14; Мифы и легенды народов мира. Т. 3. – М., 2000. – С. 423.
43. Архив Кунсткамеры. Ф. 3. Оп. 1. Д. 123. Л. 28.
44. Чирим тамырлары. – Абакан, 1986. – С. 82-83.
45. Катанов Н.Ф. Ук. соч. Л. 8 об.
46. Катанов Н.Ф. Ук. соч. Л. 180.
47. Данилин А.Г. Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). – Горно-Алтайск, 1993. – С. 72.
48. Бурханизм. Документы и материалы. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 284.
49. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
50. Бутанасев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – С. 154-155.
51. Бутанасев В.Я. «Служебные» духи – теси хакасских шаманов. //История, филология и философия. – Новосибирск, 1992. – С. 55-57.
52. Клеменц Л.Н. Заметка о тюсях. //Известия ВСОРГО. – Иркутск, 1892. Т. 23. № 5-6. – С. 23-25; Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. – Минусинск, 1900. – С. 50-65. Усманова М.С. Культ тесей у кызылцев. //Из истории Сибири. – Томск, 1975. Вып. 16. – С. 206-214.
53. Бутанасев В.Я. Почитание тесей у хакасов. //Традиционная культура народов Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск, 1986. С. 89-112.
54. Яковлев Е.К. Ук. соч. 107.
55. Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца. //Записи ИРГО по отд. этнографии. – СПб., 1909. Т. 34. С. 489.
56. Тыва хамаарнын алгыштары. – Кызыл, 1992. – С. 117.
57. Дьяконова В.П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая. //Этнокультурные контакты народов Сибири. – Л., 1984. – С. 46.
58. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. – Л., 1979.
59. Кызласова Абдакин, 1905 г. рождения, сагайка, аал Кызлас. -
60. Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. //Сборник МАЭ, 1955. Т. 16. – С. 165-264.
61. Катанов Н.Ф. Шаманские песнопения сибирских тюрков. Записи 1878-1892 годов. – М., 1996. – С. 176.
62. Кызласов И.А. Рунические письменности Евразийских степей. М., 1994. – С. 189.
63. Древнетюркский словарь. С. 151.
64. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. – М.-Л., 1950. – С. 356.
65. Архив ГМЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 24-25.
66. Яковлев Е.К. Ук. соч. С. 50.
67. Иванов С.В. К вопросу... С. 171.
68. Саможехов С.Е., 1900 г. рождения, кызылец, аал Устинкин.
69. Клеменц Л.Н. Ук. соч. С. 29.
70. Иванов С.В. Скульптура... С. 126-127.

71. Бутанаев В.Я., Бутанаев И.И. Хакасский исторический фольклор. – Абакан, 2001. – С. 55-56.
72. Чирим тамырлары. – Абакан, 1982. – С. 90.
73. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995. – С. 212.
74. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. – Минусинск, 1900. – С. 103.
75. Катанов Н.Ф. Ук. соч. С. 596.
76. Архив Кунсткамеры. Ф. 5. Оп. 2. Д. 140. С. 60.
77. Сарлин Бико, 1905 г. рождения, качинец, аал Аршанов.
78. Архив Кунсткамеры. Ф. 5. оп. 4. Д. 72. Л. 6.
79. Суховской В. О шаманстве в Минусинском крае. //Известия ОАИЭ. – Казань, 1901. XVII. вып.2-3. – С.154.
80. Катанов Н.Ф. Ук. соч. С. 568.
81. Суховской В. Ук. соч. С. 154.
82. ЦГАТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 31. Л. 61.
83. Кызласова Абдакин.
84. Угдыжков Егор, 1895 г. рождения, сагаец, аал В. Аскиз; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990. С. 322.
85. Архив Кунсткамеры. Ф. 5. Оп. 4. Д. 72. Л. 30.
86. Толстухин Харатай. 1895 г. рождения, качинец, аал Кандалов.

Глава 4

1. Лаппо Д.Е. Троеверы. Из жизни минусинских инородцев. //На сибирские темы. – М., 1905. С. 45-46.
2. Лаппо Д.Е. Ук. соч. С. 40.
3. Данилин А.Г. Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). – Горно-Алтайск, 1993. – С. 156.
4. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992. – С. 158.
5. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л., 1991. С. 230-231.
6. Тугужекова Майра, 1901 г. рождения, качинка, аал Сапогов.
7. Чебодаева Чепчук, 1905 г. рождения, сагайка, аал Усть-Киндырла.
8. Котожеков Петрука, 1905 г. рождения, качинец, аал Хызыл Салда.
9. Аешина Т.И., 1913 г. рождения, качинка, аал Аешин.
10. Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (отчет о поездке 1894 г.). //Живая Старина. Вып. 3-4. – СПб., 1895. – С. 345.
11. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 108.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. – М., 1999. – С. 381; Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 3. – М., 2001. – С. 122.
13. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хоорай чоннын тореллери. – Абакан, 1996. – С. 106.
14. Сагалаев А.М. Ук. соч. С. 162; Данилин А.Г. Ук. соч. С. 167.
15. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-Азиатские влияния. – Новосибирск, 1984. – С. 94.
16. Миллер Г.Ф. Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в феврале 1735 года. //Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 150.
17. ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 280. Л. 84.
18. Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар. //Вестник ИРГО. 1855. Часть 15. – СПб., 1855. – С. 116.

19. Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения гражданской войны на Горном Алтае. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 11.; Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2000. – С. 144.
20. Шалгинова П.П., 1901 г. рождения, качинка, аал Шалгинов.
21. Какова Хучарай, 1920 г. рождения, сагайка, аал Базинская Бейка.
22. Михайлов В.А. Религиозная мифология. – Улан-Удэ, 1996. – С. 83.
23. Казактын халык творчествозы. – Алматы, 1989. – С. 331.
24. Кандракова Е.П. Обычаи и традиции челканцев. Горно-Алтайск, 1999. – С. 131.

Глава 5

1. Толстухин Харатай, 1895 г. рождения, качинец, аал Кандалов.
2. Патачаков Сомай, 1880 г. рождения, бельтыр, аал Политов.
3. Ислам. Краткий справочник. М., 1986. С. 56.
4. Бутанаев В.Я. Хакаско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – С. 133.
5. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной 15 мая 1896 по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. //УЗКУ. – Казань, 1897. Кн. 3. – С. 31.
6. Топоев Пайса, 1896 г. рождения, сагаец, аал Хобыйлар.
7. Ултургашев Никадим, 1934 г. рождения, бельтыр, аал Политов.
8. Яковлев Е.К. Ук. соч. С. 106.
9. Нербышев Тикпер, 1905 г. рождения, бельтыр, аал М. Монок.
10. Патачаков Сомай.
11. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987. – С. 280.
12. История Якутской АССР. Т. 1. – М.-Л., 1955. С. 254.
13. Кравцова М.Е. История культуры Китая. – СПб., 1999. – С. 168.
14. Толстухин Харатай.
15. Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. – Бишкек, 1995. С. 130.
16. Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. – М.-Л., 1940. – С. 311.
17. Бутанаев В.Я. Почитание тессей у хакасов. //Традиционная культура народов Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 98.
18. Толстухин Харатай, 1895 г. рождения, качинец, аал Кандалов; Ербягина Дарья, 1888 г. рождения, качинка, аал Хозаннар.
19. Архив Кунсткамеры им. Петра Великого. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 28.
20. Там же Ф. 5. оп. 6. Д. 20. Л. 28.
21. Балганова Параско, 1913 г. рождения, качинка, аал Балганов.
22. Галданова Г.Р. Доламаистические верования бурят. – Новосибирск, 1987. – С. 25; Максимов С.В. Крестная сила. – Кемерово, 1991. – С. 300.
23. Чирим тамырлары. – Абакан, 1082. – С. 61.
24. Кулагашева Обдо, 1895 г. рождения, качинка, аал Окунев.
25. Тулажекова Майра, 1901 г. рождения, качинка, аал Сапогов.
26. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан, 1996. С. 61.
27. Дыренкова Н. Умай в культе турецких племен. //Культура и письменность Востока. – Баку, 1928. Кн. 3. С. 134-139; Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных. //Тюркологический сборник. 1972. – М., 1973. С. 265-286; Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX-начале XX вв. – Казань, 1980. – С. 198-199.
28. От имени горы «Ымай-тас» или «Ымай-ине» происходит название поселка Майна, расположенного по Енисею напротив «храма» богини Умай.
29. Архив МАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 1 об.

30. Монгольско-русский словарь. – М., 1957. – С. 454; Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 611.
31. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999.
32. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л., 1991. – С. 287.
33. Тугужекова Майра.
34. Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов. //Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л., 1988. – С. 211-212.
35. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 220.
36. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII – первая четверть XX вв. – Л., 1979. – С. 127.
37. Курбижекова А.В., 1915 г. рождения, кызылка, аал Ошколь.
38. Щетинин И.И., 1910 г. рождения, качинец, аал Усть-Тунгужуль.
39. Сарлин Бико, 1905 г. рождения, качинец, аал Аршанов.
40. Кокова Парас, 1894 г. рождения, качинка, аал М. Спирил.
41. Гашкова Ману, 1894 г. рождения, кызылка, аал Секта.
42. Настольная книга атенста. – М., 1987. – С. 267.; Снесарев Г.П. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия.// Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. МХЭ. Вып. 4. М., 1960. – С. 198-199.
43. Рук. фонд ХакНИИЯЛИ. Д, 363. Л. 62-63.
44. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Научные труды. – М., 1959. Т. 6. – С. 37.
45. Мамышев И., 1905 г. рождения, сагаец, аал Карагай.
46. Тутатчикова Танча, 1894 г. рождения, качинка, аал Шалгинов.
47. Тувинско-русский словарь. – М., 1968. – С. 208; Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995. – С. 57.
48. Яковлев Е.К. Ук. соч. С. 112.
49. Костров Н.А. Описание каменных изваяний, находящихся в Минусинском округе Енисейской губернии. /Записки СОИРГО. Кн. VII. – Иркутск, 1861. – С. 77.
50. Бахрушин С.В. Ук. соч. С. 38.
51. ЦГАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 350. Л. 40.
52. Клеменц Д. Минусинская Швейцария и боги пустыни. С. 52.
53. Попов Н. О каменных бабах Минусинского округа. / Известия СОИРГО. Т. 2. № 2. 1871. – Иркутск, 1872. – С. 57.
54. Котнякова М., 1895 г. рождения, аал Оок ахсы.
55. Казачинова Када, 1901 г. рождения, аал Аев; Котняков Кола 1890 г. рождения, сагаец, аал Хыргыстар.
56. Щетинина Мамыра, 1893 г. рождения, аал Тулгу чул.
57. Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. //Советская Археология. 1950. Вып. 12. – С. 149.
58. Янгулов Меснек, 1895 г. рождения, кызылец, аал Хара кол.
59. Курбижекова А.В., 1915 г. рождения, кызылка, аал Ош кол.
60. Кадышев С.П., 1895 г. рождения, кызылец, аал Тарча.
61. Чурдинов С., 1882 г. рождения, сагаец, аал Усть-Бирь.
62. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – С. 49.
63. Самдан З.Б. Культ кежээ в системе религиозно-мифических воззрений тувинцев. //Лики тувинской словесности. Кызыл, 2001. – С. 75.

64. Клеменц Д.А. Вводная статья к описанию «Древностей Минусинского музея». – Томск, 1886. – С. 32-45.
65. Патачаков Сомай, 1880 г. рождения, бельтыр, аал Политов.
66. Шадеева (по мужу Хлюпонина) Варвара Степановна, 1900 г. рождения, телеутка, сеок тумат, д. Челухоево (Ар Паят) Беловского района Кемеровской области.
67. ЦГАРХ. Ф. 588. Д. 115. Л. 25.
68. Архив Кунсткамеры им. Петра Великого. Ф. 11, Оп. 1. Д. 87. С. 73.
69. Абдина Тайра, 1901 г. рождения, качинка, аал М. Спириц.
70. Торбостаева Хыстара, 1900 г. рождения, сагайка, аал Перевоз.
71. Сатлаев Ф.А. Ук. соч. С. 131.
72. Цитирую по изданию: Самохвалов М.М. Кузнецкий Алатау. Инородцы западного склона и южной части хребта. Историко-этнографический очерк. // Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 9. С. 33-43.
73. Бурнаков Опан, 1895 г. рождения, сагаец, аал Оты.
74. Большой турецко-русский словарь. – М., 1998. – С. 554.
75. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII- первая четверть XX в. – Л., 1979. – С. 31-32.
76. Самохвалов М.М. Ук. соч. С. 40.
77. Бурнаков Опан, 1895 г. рождения, сагаец, аал Оты.
78. Сатлаев Ф.А. «Коча кан» – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев. //Сборник МАЭ. Т. 27. – Л., 1971. С. 130-141.

Тексты молитв

1. Записано нами в 1986 году от Пелагеи Павловны Тодышевой, 1902 г. рождения, жительницы д. Телеуты, д. Чолухоево (Ар Паят) Беловского района Кемеровской области.
2. Записано нами в 1982 году от Абдакин Кызласовой, 1901 г. рождения, сагайки, аал Хойза.
3. Записано нами в 1982 г. от Казачиновой Када, 1901 г. рождения, сагайки, аал Аев.
4. Записано нами в 1978 г. от Тугужекковой Майры, 1901 г. рождения, качинки, аал Сапогов.
5. Записано Н. Тенешевым в 1953 г. от Прасковьи Торбостаевой в д. Сиртак.
6. Записано нами в 1986 г. от П.П. Тодышевой, 1902 г. рождения.
7. Записано нами в 1972 г. от Кулагашевой Обдо, 1895 г. рождения, качинки, аал Окунев.
8. Записано нами в 1974 г. от Карамашевой Саринча 1897 г. рождения, сагайки, аал Карагай.
9. Записано нами в 1974 г. от Карамашевой Саринча.
10. Записано нами в 1975 г. от Кокова Ф.И. 1897 г. рождения, качинца, аал Хара Пулун.
11. Записано нами в 1983 г. от Казачиновой Када.
12. Записано нами в 1980 г. от Кызласовой Абдакин.
13. Записано нами в 1979 г. от Толмашовой Анны Дмитриевны 1897 г. рождения, сагайки, аал В. Аскиз.
14. Записано нами в 1974 г. от Карамашевой Саринча.
15. Записано нами в 1987 г. от Казачиновой Када.
16. Записано нами в 1986 г. от Пелагеи Павловны (Пайгоновны) Тодышевой, 1902 г. рождения, аал Ар Паят.

17. Записано Н. Тенешевым в 1953 г. от Прасковьи Торбостаевой в д. Сартак.
18. Записано нами в 1982 г. от Кызласовой Абдакин.
19. Записано нами в 1977 г. от Епишкина Оолаха, 1915 г. рождения, кызылца, аал Карасук.
20. Записано нами в 1976 г. от Толстухина Харатая, 1895 г. рождения, качинца, аал Кандалов.
21. Записано нами в 1975 г. от Арыштаевой Коче, 1879 г. рождения, качинки, аал М.Спирин.
22. Записано нами в 1975 г. от Арыштаевой Коче.
23. Записано нами в 1975 г. от Арыштаевой Коче.
24. Записано нами в 1975 г. от Арыштаевой Коче, 1879 г. рождения, качинки, аал М. Спирин.
25. Записано нами в 1976 г. от Толстухина Харатая.
26. Записано нами в 1977 г. от Шурышевой Тулгу, 1888 г. рождения, качинки, аал Шурышев.
27. Записано нами в 1978 г. от Шадрин Сидора Варламовича, 1910 г. рождения, качинца, аал Сойгачы.
28. Записано нами в 1977 г. от Толстухина Харатая.
29. Записано нами в 1974 г. от Чебодаева Казеннай, в 1895 г. рождения.
30. Записано Н.Ф. Катановым в 1890 г. от Пыйоса Петпелеева, сагайца. (с. 402-403).
31. Записано нами в 1977 г. от Толстухина Харатая.
32. Записано нами в 1972 г. от Кулагашевой Обдо.
33. Записано нами в 1986 г. от Пелаген Павловны Тодышевой, 1902 г. рождения.
34. Записано нами в 1986 г. от Позыкаевой Александры Парафоновны, 1910 г. рождения, телеутки, д. Шанды Беловского района Кемеровской области.
35. Записано А.Т. Казанакоевым в 1948 г. на р. Матур.
36. Записано нами в 1988 г. от Сарго Майнагашевой.
37. Записано нами в 1978 г. от Кызласовой Абдакин.
38. Записано нами в 1970 г. от Обдо Кулагашевой.
39. Записано нами в 1974 г. от Карамашевой Саринча.
40. Записано нами в 1980 г. от Казачиновой Када.
41. Записано нами в 1980 г. от Казачиновой Када.
42. Записано нами в 1970 г. от Обдо Кулагашевой.
43. Записано нами в 1970 г. от Меспек Янгүлова.
44. Записано нами в 1980 г. от Казачиновой Када.
45. Записано нами в 1986 г. от Позыкаевой Александры Парафоновны, 1910 г. рождения, телеутки, д. Шанды Беловского района Кемеровской области.
46. Записано нами в 1986 г. от Пелаген Павловны Тодышевой, 1902 г. рождения, телеутки, д. Телеуты Кемеровской области.
47. Записано Каралькиным П. в 1949 г. от Очубая Корачиновича Алексеева, 1883 г. рождения, кумандница, уроженца аила Карлык Старо-Бардинского района Алтайского края.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Бутанаев
Виктор Яковлевич**

Автор

БУРХАНИЗМ ТЮРКОВ СЯНО-АЛТАЯ

Ответственный редактор И. Н. Гемеев

Редактор Л. Н. Макарова
Компьютерное обеспечение Ю. С. Танбасовой
Дизайн обложки Д. А. Васильева

Подписано в печать 02.04.2003. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Физ. печ. л. 16,75. Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 15,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 89.
Лицензия ИД № 03204 от 10 ноября 2000 г.

Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
Отпечатано в типографии Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 94

*Бронзовая статуэтка "Будда Шакьямуни", найденная
в местности "Суурган" по р.Кыскачи в 1985 г.*

Окуневская личина

Каменный фаллос "ходжа" в виде головы медведя.

Каменные фаллосы

*Ритуальный
бронзовый котел
"кулер хазан"*

*Бронзовые котлы скифского времени, употреблявшиеся
на Небесном жертвоприношении.*

Бурханистский
жезл "сабыт"

Навершие
бурханистского
жезла "сабыт"

Каменный светильник "сырах"

Буддийская статуэтка "Тара"

